

Министерство образования и науки Республики Казахстан
Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева
НИИ археологии им. К.А. Акишева

К.А. Акишев

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ

Выпуск I

Нур-Султан, 2019

1924 – 2003 гг.

УДК 902/904
ББК 63.4
А 39

Главный редактор: *д.и.н., академик Е.Б. Сыдыков*

Редакционная коллегия: *Т.С. Садыков, У.У. Умиткалиев, М.К. Хабдулина, Т.В. Кошман, С.А. Ярыгин*

Составители: *М.К. Хабдулина, Т.В. Кошман*

Акишев К.А. Научное наследие. Выпуск I. – Нур-Султан: ЕНУ
А 39 им. Л.Н. Гумилева, 2019. – 311 с.

Научное наследие К.А. Акишев (1924 – 2003 гг.) содержит более 200 наименований, в число которых входят монографии, теоретические главы в фундаментальных научных трудах АН Казахской ССР, статьи в академических сборниках, рецензии, редактирование.

Основным научным направлением ученого было исследование сакской археологической культуры. В данный сборник вошли теоретические статьи, посвященные проблемам хронологии, социальной истории, искусства древних саков Жетысу. Значительный вклад был внесен К.А. Акишевым в исследование средневековой городской культуры. В этом сборнике представлен ряд статей, посвященных раскопкам Отрара и городов Отрарского оазиса. Научный интерес представляют работы ученого по разработке концепции степной цивилизации.

ISBN

«ЗОЛОТОЙ ВОИН» АРХЕОЛОГИИ

23 мая 2019 года знаменитому казахстанскому археологу Кималю Акишевичу Акишеву исполняется 95 лет. Он ушел от нас в 2003 г. К.А. Акишев относится к когорте ученых, беззаветно служивших выбранной профессии. Его с чистым сердцем можно назвать человеком эпохи. Эпохи сложной, трудной вобравшей в себя годы отчаяния, годы Великой Отечественной войны, годы свершений и побед, годы резких политических перемен. События бурного столетия закаляли людей, сформировали облик гражданина, мыслителя, облик ученого готового к неустанным свершениям во имя будущего.

В очередной юбилей К.А. Акишева мы представляем первый выпуск научного наследия ученого, в который вошли избранные статьи. Многие из них сегодня являются библиографической редкостью и раритетом, т.к. издавались небольшими тиражами. Сборник содержит часть работ из рукописного научного архива. Научное наследие Кималья Акишевича является фундаментом, необходимым для постижения истории Великой степи, понимания самих себя, наших общих истоков, того культурного и исторического опыта, который оставили нам древние предки.

К.А. Акишев родился 23 мая 1924 года в Баянаульском районе Павлодарской области Республики Казахстан. Детство маленького Кималья было омрачено потерей родителей, сестер и братьев в годы голода. Счастливый случай и волевое решение его дяди К.И. Сатпаева помогли ему обрести новую семью, в которой он и вырос. Благодаря Канышу Имантаевичу Кималь познакомился с экспедиционной жизнью, с ранних лет проникнувшись бытом полевых исканий и открытий.

В 1941 году К.И. Сатпаев получает новое назначение, и семья переезжает из Карсакпая в Алма-Ату. Здесь в 1942 году Кималь заканчивает среднюю школу №25. Это было время, когда пожар Великой Отечественной войны уже опалил просторы Советского Союза. Многие выпускники сразу направлялись на обучение в военные училища. Молодой Кималь попал в Воронежское училище связи, дислоцированное в г. Самарканде. Перед получением аттестата зрелости и, будучи призванным в армию, он попросил разрешения у Каныша Имантаевича Сатпаева взять фамилию отца и стал Акишевым.

После девяти месяцев обучения в военном училище в марте 1943 года он в составе 230 Сталинской стрелковой дивизии был отправлен на фронт под Воронеж. Кималь Акишев принял участие в освобождении Воронежа, Сталино, Донбасса, Одессы, Тирасполя. В июле 1944 в боях

под Бендерами в Молдавии он получил сильное ранение. Месяц молодой солдат пролежал в Одесском госпитале, два месяца в Днепропетровске и после этого был демобилизован. Осенью 1944 года он вернулся в Алма-Ату.

Кималю Акишеву из-за ранения правой руки пришлось расстаться с мечтой о геологии. В 1945 г. по совету дяди он поступил на исторический факультет Казахского Государственного университета им. С.М. Кирова. Уже в 1947 году студент Акишев в составе Центрально-Казахстанской археологической экспедиции под руководством А.Х. Маргулана едет в Бетпак-далу. Он принимает участие в раскопках, теперь уже всемирно известных памятников эпохи бронзы – Бегазы, Аксу-Аюлы, Атасу. Становится начальником раскопа, руководит отрядом. Студенческие годы Акишева проходят в Сарыарке и Южном Казахстане, где он каждое лето набирается опыта перед самостоятельными уникальными и удивительными открытиями.

В 1949 году Кималь Акишев попадает в экспедицию известного археолога А.Н. Бернштама. Научный путь молодого ученого обогащается знакомством с Отраром, мавзолеем Ходжа Ахмета Яссави, Борижарским могильником. Произошло знакомство с такими учеными, как Е.И. Агеева, Г.Е. Пацевич, А.Г. Максимова. На долгие годы была завязана дружба с Н.П. Подушкиным.

В 1950 году после окончания университета К.А. Акишев был направлен в аспирантуру Ленинградского отделения Института археологии АН СССР. Его научным руководителем стал выдающийся археолог Михаил Петрович Грязнов. 4 декабря 1953 года в Диссертационном совете ГосЭрмитажа Кималь Акишевич успешно защищает кандидатскую диссертацию «Эпоха бронзы Центрального Казахстана». Диссертационный совет по археологии возглавлял М.И. Артамонов, оппонентами были легендарные исследователи А.П. Окладников и С.С. Черников.

Осенью 1953 года К.А. Акишев был зачислен в штат отдела археологии Института истории, археологии, этнографии АН КазССР, где его коллегами становятся А.Х. Маргулан, А.Г. Максимова, Е.И. Агеева. В 1955 году Кималь Акишевич становится заведующим отделом археологии и занимает эту должность до 1989 года.

С 1954 г. он руководил Семиреченской, Северо-Казахстанской, Южно-Казахстанской археологическими экспедициями. Важным и не утерявшим значения до настоящего дня стало археологическое обследование территории Казахстана и издание реестра археологических памятников. Это был первый опыт формирования

подробной археологической карты в масштабе всей республики. Издание археологической карты Казахстана продемонстрировало высокий уровень развития отечественной археологии.

Середина, начало второй половины XX века, в археологии Казахстана и Евразии ознаменованы открытиями сакской культуры Семиречья. В 1957-1961 гг. были проведены раскопки крупных царских курганов некрополя Бесшатыр.

В 1963 году выходит первая монография по раннему железному веку Казахстана «Древняя культура саков и усуней долины реки Или» под авторством К.А. Акишева и Г.А. Кушаева. Данный труд написан на основании материалов, собранных Илийской археологической экспедицией Института истории, археологии и этнографии имени Ч.Ч. Валиханова Академии наук Казахской ССР за шесть лет (1954, 1957-1961 гг.). В книге дается характеристика царских гробниц могильника Бесшатыр, как погребальных памятников элиты сакских племен Семиречья, описываются топография, типы сооружений и обряд погребения саков и усуней долины реки Или. По археологическим источникам рассматриваются вопросы развития хозяйства, имущественного неравенства, социальной дифференциации.

В 1967 году Кималь Акишевич, как один из авторов фундаментального коллективного труда «Древняя культура Центрального Казахстана», удостоен звания Лауреата премии им. Ч.Ч. Валиханова АН Казахской ССР. В 1982 года К.А. Акишев становится Лауреатом Государственной премии Казахской ССР.

В 1969-1970 гг. были проведены раскопки на могильнике Иссык. Знаменитый ныне курган Иссык дал первое в Центральной Азии неграбленное погребение раннего железного века, получившее название погребение «Золотого человека». Парадный костюм «золотого человека» плакирован четырьмя тысячами золотых пластин, выполненных в зверином стиле. Композиционно и семантически сложный головной убор, как и весь костюм золотого воина, и сопровождающие его предметы вооружения и предметы быта уникальны по своим информативным возможностям. Они позволили К.А. Акишеву не только восстановить погребальный обряд знатного сака и все атрибуты парадного ритуального костюма, но и поставить новые вопросы относительно уровня развития социально-экономических отношений, культуры и искусства, этнокультурных связей саков Казахстана. находка полностью изменила представление о вкладе казахстанских скотоводческих племен в мировую цивилизацию. Важный вклад в эпиграфику Центральной Азии внесен, так

называемым, иссыкским письмом. Сегодня можно утверждать, что не только средневековые кочевники, но и номады раннего железного века обладали письменностью. Иссыкская находка по праву имеет мировое значение для всемирной истории.

В 1972 году первые итоги пяти лет археологических исследований на известном средневековом памятнике – городище Отрар, были подведены в книге «Древний Отрар». Материал получен в результате работ Семиреченской и Отрарской экспедиций 1966-1967 и 1969-1970 гг.

В 1987 году К.А. Акишев в Институте археологии АН СССР защитил докторскую диссертацию «Экономика и общественный строй Южного Казахстана и Северной Киргизии в эпоху саков и усуней (V в. до н.э. – V в. н.э.)». В 1989 году заслуги ученого перед отечественной наукой отмечены званием Заслуженный деятель науки КазССР. В том же году вклад К.А. Акишева в мировую науку был по достоинству оценен европейским научным сообществом, он избирается членом-корреспондентом Германского археологического института.

С 1989 по 2000 гг. он главный научный сотрудник Института археологии им. А.Х. Маргулана. С октября 2000 года по 2003 г. работает в Евразийском национальном университете им. Л.Н. Гумилева. Возглавляет кафедру всемирной истории, археологии и этнологии, и открывает лабораторию археологических реконструкций, которая в 2005 г. решением Ученого Совета ЕНУ им. Л.Н. Гумилева реорганизована в научно-исследовательский институт археологии им. К.А. Акишева.

С 1997 года К.А. Акишев возглавлял Ишимскую комплексную стационарную археологическую экспедицию, в задачи которой входили археологические, палеоэтнографические исследования на территории Центрального Казахстана и столичного региона. Основным объектом экспедиции стали раскопки средневекового городища Бозок. Проблемы со здоровьем не останавливали археолога, будучи больным он продолжал выезжать в экспедицию, делится опытом, строить научные планы. До самого конца он оставался настоящим полевиком, раз и навсегда полюбив в детстве степь, он ушел от нас именно там.

В данной книге мы представляем вниманию читателей основные научные разработки Кималия Акишевича Акишева, то над чем он работал многие годы, часть его главного наследия.

Важными являются работы, в которых поднимаются проблемы истории изучения, историографии и состояния археологической науки Казахстан. Данное направление, являющееся основой развития любой

науки, отражено в нескольких ключевых статьях. В 1967 в главном периодическом журнале Советского Союза, в «Советской археологии» выходит работа «Археология в Казахстане за советский период», в которой показано развитие археологической науки к 1967 году. В 1974 году ученый подводит основные итоги исследования археологических памятников на территории республики в статье «Успехи археологии Казахстана».

Несмотря на широту научных знаний от эпохи бронзы до археологии позднего средневековья, главным научным направлением К.А. Акишева была история и культура ранних кочевников. Ученый одним из первых поставил вопросы социологии обществ ранних кочевников, политогенеза, истории ювелирного искусства, религии и, в целом, роли сакских племен в истории степной Евразии и за ее пределами.

Ключевыми работами в данном направлении можно считать – «Саки азиатские и скифы европейские» (1973), «Проблема хронологии раннего этапа сакской культуры» (1978), «Древние кочевники и мировая цивилизация: генезис, проблемы, перспектива» (1991), «Феномен элитарных курганов Северного Тянь-Шаня» (1994), «Саки Жетысу: социум и культура» (1997), «Золотое искусство» (1998), «Курган Иссык: ритуал, искусство и социум» (2001). На основе археологических данных исследователь рассматривает ряд проблем. В перечень можно включить становление сакской культуры, в котором, по его мнению, большую роль играл миграционный фактор, формирование раннего государства, о котором свидетельствует резко выраженная градация параметров насыпи бесшатырских курганов, монументальность и сложность деревянных усыпальниц. Как выяснил ученый, на строительство самого большого царского кургана было затрачено более чем в десять тысяч раз больше человекоднев, чем на возведение самого большого рядового кургана.

В 1973 году ученый выпустил программную статью, которая лежит в основе целого направления в казахстанской науке – «К проблеме происхождения номадизма в аридной зоне древнего Казахстана».

Значительная часть научной биографии Кималья Акишевича связана со средневековой археологией. Еще в далеком 1949 году, в экспедиции А.Н. Бернштама он получил от него тему возможных научных исследований связанных с городской культурой и в процессе своей жизни К.А. Акишев неоднократно возвращался к ней.

Можно отметить такие работы, как «Новое в средневековой археологии Южного Казахстана» (1969), «Перспективы изучения

позднесредневековых городов Казахстана» (1983), «Средневековые каменные крепости Казахстана» (1987), «К проблеме средневековой городской культуры Сары-Арки» (2003). Эти работы являются крупным вкладом в отечественную археологию и медиэвистику. Исследование традиционных центров городской культуры в Южном Казахстане и Средней Азии, расположенных на маршрутах Великого Шелкового пути, заложило основы казахстанской школы археологии средневековой городской культуры.

В свои последние годы Кималь Акишевич занимался исследованиями нового направления в отечественной истории и археологии и по праву считается первым ученым, сформулировавшим основные признаки степной цивилизации. При этом сам К.А. Акишев вложил немало сил в открытие и изучение ее ключевых памятников на территории Казахстана.

Кималь Акишевич автор более 200 научных трудов и 15 монографий, изданных в Алма-Ате, Москве, Пекине, Будапеште. Его научные статьи переведены на английский, французский, немецкий, арабский, китайский языки.

Возвращаясь к научному наследию ученого, мы задаем вопрос – что мы видим? Живую мысль интеллектуала, первооткрывателя, археолога, видим безупречное владение методологией, огромный багаж знаний, видим решительного и смелого человека, видим, как сквозь пыль экспедиционных дорог несутся по степи кочевые племена, видим Золотого человека, видим Кималья Акишевича Акишева.

**Е.Б. Сыдыков,
Ректор ЕНУ им. Л.Н. Гумилева,
академик НАН РК**

Абыз аға!

(Қазақтың біртуар азаматы, ел тарихын әлемге танытқан атақты археолог К.Ақышевтың 95 жылдық тойына орай ой-толғам)

Кешегі кеңестік әкімшілік-тоталитарлық саясатының қылышынан қан тамып, ұлтжандылықты, ғылымның озық ойын айтуға шек қойып, қатаң бақылауға ұшыраған ғылымдардың қатарына ең алдымен тарих ғылымы, осы ғылымның басы-қасында жүрген тарихшы ғалымдар жатты. Соған қарамастан тарих ғылымының туын қисайтпай, бүгінгі ұрпақтың бақытына қарай халқымыздың көне тарихын тарқататын жәдігерлерді анықтап, бай ғылыми мұра қалдырған ғалымдардың алдыңғы легінде болған Кемал аға Ақышевты айтуға болады.

К.Ақышевтың өткен өмір жолы бүгінгі жастарға үлгі. Қазақ халқының басына зобалаң туып, жаппай ұжымдастыру саясатының, соның салдарынан туындаған ашаршылықтың құрбаны болғандардың ішінде Кемал ағаның ата-анасы болды. Жетімдіктің тауқыметін жастайынан көріп өскен Кемал аға тағдыр қиыншылығына шыдап, шыңдалып өсті. Осынау абыз ағаның тірі қалып, үлкен азамат болып өскені қазақтың асыл перзенті Қаныш Сәтпаевтың көмегінің арқасында болды. Кемал аға сияқты жетім қалған балаларды Қарсақпай өндіріс орнына алып келген Қаныш Сәтпаев оларға өмір, білім жолын ашты.

Отан соғысының қанды қырғынынан аман қайтқан Кемал аға С.М.Киров атындағы қазақ мемлекеттік университетін тәмамдап, ғылымға терең ден қойды, өзінің саналы ғұмырының 56 жылын археологияға арнады. «Жақсының аты өлмейді, ғалымның хаты өлмейді» дейді дана халқымыз. Артынан осындай өшпес із, асыл мұра қалдырғаны тұлғалардың бірі, әрі бірегейі Кемал аға Ақышев дер едім. Басқасын былай қазақты әлемге танытқан Кемал аға ашқан «Алтын адам» неге тұрады! Бұл жәдігер бүгінде тәуелсіздіктің символына айналды.

Кемал Ақышев елдің ордасы Астанаға ауысқан уақытта Арқа жеріне алғашқы қоныс аударған ғалымдардың бірі болды. Жай ғана қоныс аударып қойған жоқ – өзінің тағы бір көлемді ғылыми жаңалығын, ортағасырлық Бозоқ қалашығын тауып, зерттеуді бастады. Осы ғылыми жаңалығы арқылы атақты ғалым бүгінгі Елордамыздың қазақтың ортағасырлық тарихи кезеңінде маңызды

рөл атқарған Бозоқ сияқты өркениет орнында қоныс тепкенін айқындап берді. Бүгінде осынау археологиялық жәдігерді одан әрі зерттеуді жалғастыру мәртебесі К.Ақышев атындағы асыл ағаның ізбасары, жұбайы Марал Ғалымжанқызы Хабдуллина басқарып отырған ғылыми зерттеу институтының үлесіне тиіп отыр.

Өз басым үшін сыртынан мақтан тұтып, көруге асығып жүрген үлкен ғалым, абыз ағамен танысу, етене жақын болып, ұлы тұлғаның ақыл-парасатын, астамшылығы жоқ қарапайым адами кейпін жан-жақты тану мүмкіндігі мен Еуразия ұлттық университетінде гуманитарлық институттың директоры болып жүрген кезде болды. «Ұлық болсаң, кішік бол» дейді қазақ. Кемал ағаның үлкен беделіне, атақ-даңқына қарамай кішіпейіл жан екенін көзім көрді. Үлкенге де, кішіге де «сіз» деп сөйлейтін. Міне, бүгінгі жастарға үлгі, өнеге осы.

К.Ақышев ғалым-археолог ретінде Л.Н.Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінде алғашқы болып археология ғылымының негізін қалады. Ол кісінің салып кеткен мектебі бүгін өсіп, қанат жайды. Артында өшпес із қалдырды деген осы. Ұрпақ үшін, ғылым үшін, жалпы қазақ үшін атыңыз мәңгілік болсын, абыз аға!

**Т. Садықов,
Л.Н.Гумилев атындағы Еуразия
ұлттық университеті Тарих
факультетінің деканы, тарих
ғылымдарының докторы, профессор**

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ 1956 ГОДА

(в соавт. Е.И. Агеева. *Известия АН КазССР. Сер.ист.арх. и этногр.*
– 1958. – Вып.1(6). – С. 83–94.)

В 1956 г. Институт истории, археологии и этнографии АН КазССР продолжал начатые в 1954 – 1955 гг.¹ работы по изучению памятников древности в районах освоения целинных земель. Археологической разведкой была охвачена территория Алма-атинской и Талды-Курганской, Северо-Казахстанской и Кокчетавской областей. Разведка носила характер первичной регистрации памятников с проведением датировочных раскопок.

В Карагандинской области в 1956 г. продолжались работы по исследованию памятников эпохи бронзы и курганов периода ранних кочевников, которые с 1946 г. ведет Центрально-Казахстанская экспедиция. Некоторые данные о работах экспедиции за прошлые годы были сообщены в статьях и отчетах руководителя экспедиции А.Х. Маргулана². На материалах этой же экспедиции, собранных за два года (1951 – 1952), в 1953 г. написана диссертация, в которой впервые разработана для территории Центрального Казахстана хронологическая классификация памятников эпохи бронзы этого района Казахстана³. За десять лет работы Центрально-Казахстанской экспедиции накоплен большой материал, представляющий научный интерес, но, к сожалению, почти не опубликованный и потому неизвестный ни специалистам археологам, ни широкой научной общественности.

Необходимо отметить, что после окончания полевых работ 1956 г. трех основных экспедиций Института коллектив отдела археологии провел дополнительные археологические работы в окрестностях г. Алма-Аты.

Самостоятельный отряд, возглавляемый А.Г. Максимовой, раскопал 57 курганов, сакского (VII – VI вв. до н.э.) и усуньского времени (III в. до н.э. – III в. н.э.) около с.Чилик и в районе Талгарского городища. Археологи Г.А. Кушаев и А. Оразбаев раскопали один из разрушенных курганов позднего сакского времени на территории г. Алма-Аты.

В результате археологических работ, проведенных в 1956 г., были зафиксированы многочисленные могильники, насчитывающие десятки и сотни курганов с земляной и каменной насыпью кочевнического времени; десятки могильников эпохи бронзы, состоящих из оград, имеющих форму кругов, квадрата, прямоугольника; около 20 поселений этого же периода.

Экспедициями 1956 г. раскопано около 250 курганов, в которых найдены изделия из железа, бронзы, серебра и золота – кинжалы, ножи, зеркала, удила, наконечники стрел, серьги, кольца, пряжки, подвески и т.п.; из кости – топорик-тесло, гребни, головные булавки, наконечники стрел; из камня – терки, мусаты; большое количество глиняных сосудов и других вещей. Исследованные курганы относятся к эпохе бронзы (III тыс до н.э.) и к периоду ранних и поздних кочевников (I тыс. до н.э. – I тыс. н.э.)

Крупным открытием 1956 г. являются орудия палеолита, найденные геологом Г.А. Ярмаком на такырах правобережья р. Коктал, севернее ст. Чулак-тау Джамбулской области. Здесь было найдено около двух десятков палеолитических орудий, которые по датировке А.П. Окладникова относятся к мустьерскому времени, а отдельные орудия-даже к более раннему периоду. Эти находки включают Юг Казахстана в общий комплекс памятников палеолита сибирского типа.

Как и в прошлые годы, большую работу по археологическому изучению Казахстана проделал Институт истории материальной культуры АН СССР и его Ленинградское отделение. Археологи АН СССР работали в Восточно-Казахстанской и Актыобинской областях.

Восточно-Казахстанская экспедиция (руководитель С.С. Черников) завершила доисследование зоны затопления Бухтарминской ГЭС и провела частичное обследование зоны затопления Шульбинской ГЭС. Экспедиция пополнила свои прежние находки кремневых орудий палеолитического времени новыми сборами, раскапывала неолитическую стоянку у с. Усть-Нарым, поселение эпохи бронзы у с. Трушниково и исследовала курганы могильников Буконь и Кула-Журга и ряд погребений кимакского времени.

Экспедиция, работавшая в Актыобинской области (руководитель В.С. Сорокин), продолжала начатые в 1955 г. работы по изучению погребений эпохи бронзы, раскопано свыше 20 каменных оград в могильнике Тасты-бутак I.

Приведем краткие итоги работы экспедиций Института истории.

Северо-Казахстанская экспедиция⁴ начала работы вместе с Центрально-Казахстанской экспедицией раскопками большого кургана с «усами» в местности ТологайШетского района Карагандинской области. Памятник был исследован полностью: раскопан большой курган с каменной насыпью, расчищены оба «уса» по всей длине, раскопаны малые курганы на концах «усов» и две квадратные оградки,

составленные из врытых на ребро гранитных плит. Оградки находились около кургана с северо-западной стороны его и, как выяснилось после раскопок, являлись ритуальными сооружениями, имеющими прямое отношение к основному кургану и одного с ним времени. Бронзовые удила, найденные в одной из оградок, хорошо датируют курган с усами VI – V вв. до н.э.

За два месяца работы протяженность маршрута экспедиции составила свыше 10 тыс. км. Во время разведки было зафиксировано 150 курганных могильников, четыре могильника и три поселения эпохи бронзы, обследован неолитическая стоянка.

Описание исследованных памятников делаем с учетом хронологической последовательности.

Стоянка эпохи неолита была открыта сотрудником Северо-Казахстанской экспедиции Х. Алпысбаевым в 1954 г. Она находится на левом берегу пересыхающей речки Арбаши-булак, в 5 км на восток от центральной усадьбы колхоза «Маданият» (Энбекшильдерский район Кокчетавской области).

Экспедицией был собран подъемный материал и через всю территорию стоянки проложена траншея (10 квадратов, размерами 2х2 м). Многочисленные каменные орудия, найденные на стоянке (крупные скребла, шлифованный топорик, крупные листовидной формы наконечники стрел, скребки, ножевидные пластики), датируют стоянку IV тыс. до н.э. Материалы стоянки имеют близкие аналогии с материалами стоянок серовского этапа неолита Забайкалья⁵.

Погребения эпохи бронзы исследовались в 1956 г. в двух пунктах Кокчетавской области (у оз. Айдабуль и на р. Чаглинка).

Могильник Айдабуль I расположен на юго-восточном берегу оз. Айдабуль (Зерендинский район) и состоит из 16 земляных курганов, обрамленных по насыпи, отступя от основания насыпи к вершине на 0,51 м, кольцевыми оградками из врытых на ребро каменных плит. Такие памятники нами названы курган-оградами.

В могильников наряду с мелкими курган-оградами (диаметром 8–12 м, высотой 0,5–0,7 м) имеются крупные (диаметром 35–40 м высотой от 1 до 2,5 м).

За полевой сезон 1956 г. экспедицией были раскопаны курган-ограда № 1 и кольцевая ограда № 16. В последней при раскопке, кроме мелких древесных угольков, ничего не было обнаружено. Более интересной оказалась курган-ограда № 1. Диаметр ее по линии ЗВ - 22, СЮ-28 и (к северной стороне примыкает пристройка), а высота насыпи - 61 см.

Погребения полностью разрушены в результате ограбления, поэтому не удалось четко выявить даже могильные ямы. В погребениях были обнаружены фрагменты в общей сложности от 16 орнаментированных сосудов, биконические бронзовые бусы, мелкие раковины, бронзовое височное кольцо, обтянутое листовым золотом, клыки животных (собака, лисица?) с отверстием, поделка из бивня мамонта. Форма и орнамент сосудов свидетельствуют о принадлежности их к алакульскому этапу андроновской культуры. Не противоречит такой датировке могильника и обряд погребения: скорченное труположение и остальной инвентарь. Поделки из бивня мамонта аналогична по форме найденной К. В. Сальниковым в могильника Алакуль⁶.

Большие курган-ограды айдабульского типа надо считать погребениями родовых вождей; за это говорит сам тип памятника и ее размеры, большое количество бытовой посуды (16 сосудов) и многочисленные кости домашних животных-лошади, овцы и коровы (череп, кости конечностей, ребра, позвонки). Несомненно, что часть посуды и костей является остатками тризны, которая совершалась членами рода на могиле своего вождя.

Второй могильник эпохи бронзы, исследованный в 1956 г., находится на берегу р. Чаглинки, около с. Молотовка (Красноармейский район). В этом могильнике были раскопаны три кургана (№№ 2, 13, 28) и один (№ 35), в 1954 г.

Весь могильник насчитывает 47 в основном мелких курганов с земляной насыпью, среди которых встречаются несколько крупных. Во всех раскопанных курганах под насыпью находилась ограда, составленная из мелких каменных плит в виде круга, иногда четырехугольника; покойник погребался в грунтовой яме, ориентированной длинной осью с запада на восток. Положение костяка установить не удалось ввиду основательного разграбления курганов. Инвентарь беден: черепки орнаментированных сосудов, несколько бронзовых обойм, биконические бусы.

В 400 м на юго-восток от могильника, на правом берегу р. Чаглинки, расположены остатки большого поселения (Чаглинка 1), состоящего из 10-12 землянок, от которых сейчас сохранились неглубокие впадины, вытянутые с запада на восток. Каждая впадина делится хорошо заметной перемычкой на две половинки, отсюда можно полагать, что жилище делилось на две части, в одной из которых жили люди, а во второй содержался скот. Таким образом, наши данные

подтверждают вывод, сделанный М.П. Грязновым на основании материалов с поселения Ляпичев хутор на Дону⁷.

Размеры впадин варьируют в пределах от 75 (15x5 м) до 800 кв. м (30x10 м).

Часть территории поселения размывается водами р. Чаглинки, и в обрыве берега отчетливо виден мощный культурный слой, насыщенный, обломками керамики типично андроновского времени, костями домашних животных, древесным углем и т.д. Поселения датируются алакульским этапом андроновской культуры (XIII – X вв. до н.э.).

Поселение Чаглинка 11 находится на расстоянии 100 км от первого поселения вверх по течению р. Чаглинки, на том же правом берегу, в 1 км на север от с. Кеноткель (Зерендинский район). Оно расположено в 100 м от берегового обрыва и состоит из семи впадин-остатков от полуземлянок, Каждая впадина занимает площадь от 40 до 160 кв. м. Среди остатков землянок расположены четыре прямоугольных ограды, составленные изврытых на ребро каменных плит. Несомненно, что ограды - более позднего времени; они сооружены после того, как поселение было уже заброшено.

Поселение, судя по собранным мелким фрагментам керамики, принадлежит алакульскому этапу андроновской культуры, а ограды к поздней бронзе.

Поселение Обалы обнаружено в 1954 г, на левом берегу пересыхающей речки Арбаши-булак, в 3 км на северо-запад от оз. Тасшалкар (Энбекшильдерский район). Оно состоит из 24 неглубоких впадин-остатков жилищ, которые сосредоточены на площади в 250x170 м. Площадь, занимаемая остатками жилищ, колеблется в пределах от 50 до 160 кв. м. Более мелкие впадины, по-видимому, являются остатками каких-то хозяйственно-бытовых сооружений.

Зольник, находящийся в восточной части поселения, представляет собой бугор (высотой 0,5-0,7 м), вытянутый с востока на запад, размером 40x20 м. В 1954 г. на зольнике были поставлены разведочные, шурфы, которые дали мелкобитые черепки андроновской керамики, расколотые кости животных мелкий древесный уголь.

В южной стороне поселения примыкают описанная выше неолитическая стоянка, к северо-восточной могильник Обалы, а 2 км на юго-восток находится второй могильник, названный Биырек-Коль.

В 1954 г. в могильниках было раскопано в общей сложности шесть оград, которые дали материал, датирующий оба могильника федоровским этапом андроновской культуры⁸, поэтому имеем все

основания датировать этим периодом и поселение, находящееся около них, тем более, что собранные на территории поселения черепки сосудов подтверждают эту датировку.

К следующему за эпохой бронзы времени относятся могильник Соколовка I, расположенный на южном побережье оз. Лебяжье. Он состоит из шести курганов с земляной насыпью, расположенных двумя отдельными группами по три кургана, вытянутых по направлению СЮ и СЗ-ЮВ. Нами были раскопаны три кургана (№№ 1–3). В кургане № 1 (диаметр - 13,5 м, высота - 27,5 см) покойник был погребен в грунтовой яме, ориентированной длинной осью с З на В. Костяк лежал на спине, в вытянутом положении, головой на запад, Около костяка обнаружен роговой молот-тесло и небольшой предмет, сделанный из дерева. Длина молота - 14 см, средняя ширина - 4,5 м, толщина - 3 см. Молот-тесло имеет прямоугольное сквозное отверстие (3x1,3 см) для рукоятки. На одном конце имеется паз (глубиной 4,5 см), в который вставлялось каменное или металлическое лезвие.

Курган № 2 (диаметр - 16 м, высота - 53 см), кроме нескольких разрозненных костей, никаких вещей не дал.

В кургане № 3 (диаметр 14,5 м и высота - 43 см) прямоугольной формы с закругленными углами, могильная яма (2,2x1,2 м) была ориентирована длинной осью с севера на юг. В могиле, в ее северной части, находились разрозненные кости человека и среди них крупные фрагменты двух сосудов. Оба сосуда выпуклодонные; один из них с высоким прямым венчиком и шаровидным туловом; по плечу сосуда идет орнамент в виде елочки, нанесенной гладким штампом. Второй сосуд сужающейся горловиной, отогнутым наружу венчиком, по плечу орнамент в виде прочерченной линии, ниже которой идет елочка из оттиска короткого гладкого штампа. Датировка исследованных курганов не представляет особой трудности.

Так, например, аналогичные нашему роговые и костяные молоты-тесла обнаружены в Луговском могильнике погребения 37 (Прикамье)⁹, относящемся к Ананьинской эпохе (VIII – III вв. до н.э.). Такие же молоты найдены М.П. Грязновым в могильниках Ближние Елбаны VII (могила 5) и XIV (могила 21)¹⁰, принадлежащих большереченскому этапу (VII–VI вв. до н.э.) культуры того же названия. Что касается глиняных сосудов, то форма их и, может быть, даже орнамент датируют наши погребения VII – V вв. до н.э.

Первый сосуд с прямым венчиком и шаровидным туловом близко напоминает дандыбай-бегазинскую посуду Центрального Казахстана или карасукскую-Верхней Оби и Минусинской котловины

По времени эти памятники относятся к X – VIII вв. до н.э. Второй сосуд также с шаровидным туловом, но отогнутым наружу венчиком напоминает скифо-сарматскую посуду и может быть датирован VII – V вв. до н.э. На основании этих данных весь могильник Соколовка I датируется нами VII – V вв. до н.э.

В районе оз. Айдабуль была исследована группа из трех курганов с каменной насыпью (могильник Айдабуль II), вытянутых цепочкой с севера на юг.

Курган № 1 является самым северным и находится во главе всей цепочки. По размерам также превосходит все остальные. Диаметр его с севера на юг - 10 м, а с запада на восток - 18 м, высота средняя - 102 см. Каменная насыпь кургана обнесена врытыми в землю каменными плитами.

Грунтовая могильная яма была ориентирована длинной осью с востока на запад, размер ее - 2,6x1,1 м. Погребенный лежал в подбое, углубленном в северную стенку ямы на 70-80 см. Открытая южная сторона подбоя была заставлена вплотную прижатыми друг - к другу плоскими каменными плитами, плиты поставлены наклонно, причем верхние края их прислонены к северной стенке ямы, а нижние - упираются в дно могилы. В подбое лежал костяк взрослого мужчины, в вытянутом положении, на спине, головой на восток. С правой тазобедренной кости, между кистью руки и тазовой костью, находился железный сарматский акинак, у кисти этой же руки поделка из трубчатой кости (длина 4 см). С левой стороны между кистью руки и тазом лежал мусат (15x4,5x1 см) с отверстием (сверление одностороннее), рядом с ним на тазовой кости обнаружен амулет из медвежьего клыка, так же с отверстием. У северной стенки подбоя напротив тазовых костей были обнаружены пять бронзовых наконечников стрел, из них четыре втульчатых, а пятый черенковый. Три втульчатых наконечника трехлопастной формы два остальных трехгранные. На втульчатых наконечниках сохранились остатки сухожильных (?) волокон, которыми было обмотано место соединения втулки с древком.

Погребенный лежал на глубине 2,6 м от вершины насыпи. В 1,5 м к юго-западу от основного погребения на глубине 1.2 м от вершины насыпи было обнаружено второе захоронение, лежавшее головой на северо-запад. Впускное погребение принадлежит юноше 17 – 18 лет.

На найденном железном акинаке хорошо прослеживается техника изготовления такого оружия методом горячейковки.

Курган № 2 находится в 10 м на юг от первого. Диаметр его - 12 м, высота - 80 см. Структура насыпи, устройство могилы и обряд

погребения аналогичны кургану № 1, поэтому останавливаться на них не будем.

Костяк женщины 50 – 60 лет лежал в вытянутом положении, на спине, головой на запад. По бокам черепа находились два золотых височных кольца, свернутые из плоских (толщина 1 мм) пластин (ширина 5 мм). Кольца имеют узкие отверстия, для пришивания их к головному убору или для прикрепления к волосам. Слева под черепом обнаружена костная шпилька круглой в сечении формы, верхний конец орнаментирован насечками, а нижний заострен. В области груди найден золотой медальон, у левого предплечья каменная краскотерка, а с правой стороны костяка, у тазовой кости, обнаружено круглое бронзовое зеркало с петелькой. На зеркале сохранились куски кожи-остатки сумочки, в котором его носили, а в петельке-вдернутый в нее кусок сыромятногоремешка.

В кургане № 3 погребенный лежал в простой грунтовой яме. По костям, сохранившим после ограбления анатомический порядок, можно судить, что покойник был погребен в вытянутом положении, на спине, головой на северо-запад. Вещей не обнаружено.

Датировка описанных курганов больших затруднений не вызывает: инвентарь и обряд погребения имеет широкие аналогии, особенно в районах распространения скифо-сарматских (савроматских) памятников Нижнего Поволжья (погребения могильника «Три брата», Бичкин-Бурук)¹¹, и они находят параллели даже в сакских древностях Тянь-Шаня и Памиро-Алая (курган 10, могильник Памирская 1)¹². Весьма близки курганы могильника Айдабуль II погребениям могильника Жол-Кудук (Павлодарская область), исследованным в 1955 г. Е.И. Агеевой¹³. В Айдабуле II так же как и в Жол-Кудуке, имеются погребения в подбое, аналогичен и инвентарь-круглые бронзовые зеркала с петелькой, каменные краскотерки.

Все указанные памятники, хотя и принадлежат разным этническим группам, но датируются исследователями одним и тем же временем – V – IV вв. до н.э. К этому же времени относятся и погребения могильника Айдабуль II.

Несколько сложнее вопрос о культурной принадлежности исследованных нами памятников Айдабуля. Есть основания отнести их не только к савроматскому времени, но и считать памятниками савроматов, центральным районом обитания которых были степные просторы Поволжья, где и встречается основная масса их памятников. Какая-то группа савроматов проникала с территории Нижнего Поволжья и Западные Казахстана на юго-восток, в районы Северного и

Центрального Казахстана; об этом говорят встречающиеся здесь небольшие группы курганов, оставленные ими¹⁴.

Вполне понятно и близкое сходство материальной культуры и антропологического типа савроматов, сарматов, саков и т.д., ибо надо помнить, что они произошли от одного предка (если можно так назвать племена андроновской культуры), о чем с достаточной ясностью свидетельствуют последние исследования советских антропологов.

К более позднему времени относятся погребения двух могильников (Соколовка I и II) расположенных около с. Соколовка (Северо-Казахстанская область), на берегу оз. Лебяжье.

Могильник Соколовка II находится на восточном берегу озера и состоит из трех больших курганов с земляной насыпью; из них нами были раскопаны два кургана: № 2 и № 3.

Курган № 2 находится на юго-восток от первого и на северо-восток от второго кургана. Диаметр его - 26 м и высота - 1,44 м. Погребение оказалось разграбленным. В насыпи кургана обнаружены три черепа лошадей и фрагменты сосуда с орнаментацией. В грунтовой могильной яме (2,8x1,5 м), ориентированной длинной осью по направлению СВ - ЮЗ, были найдены разрозненные кости человеческого скелета, по которым установить положение и ориентировку погребения не представилось возможным.

Курган № 3 диаметром 26 м и высотой 1,2 м. В его насыпи встретились кости овцы, черепки двух орнаментированных сосудов, кости рыбы и большое количество древесного тлена. В могильной яме (1,8x1,2) орнаментированной длинной осью по направлению с севера на юг, обнаружены разрозненные кости скелета и среди них литое серебряное височное кольцо в полтора завитка.

Могильник Соколовка II принадлежит к комплексу памятников верхнеобской культуры (II – VIII вв. н.э.) по классификации М.П. Грязнова¹⁵.

Более точную датировку курганов в пределах верхнеобской культуры определяют глиняные сосуды. Они как по форме (прямой венчик, шаровидные тулово, выпуклое дно), так и по орнаменту (комбинация нескольких рядов оттисков разных штампов, ряд глубоких и круглых ямок, оттиски на внутренней и внешней закраине венчика) очень близки к посуде из с. Фоминского, которые М.П. Грязнов относит к фоминскому этапу (VII – VIII вв. н.э.)¹⁶ верхнеобской культуры. Так же, как и в фоминских курганах, в курганах могильника Соколовка обнаружены черепа лошадей, кости рыбы - остатки поминальных тризн.

Основной задачей Семиреченской археологической экспедиции 1956 г. было составление археологической карты двух областей Семиречья - Алма-Атинской и Талды-Курганской¹⁷.

Маршруты разведки, составившие в общей сложности более сорока дней, прошли по следующим направлениям: от Алма-Аты на запад до Курдайского перевала, с заездами на юг до поселка Красногорка и Горноникольское, Кара-Кастек, а на север – до урочищ Кендык-кара и Кокпакты и вдоль р.Куртинки (до поселка Акши), по среднему течению речек Аксенгир и Жиренайгыр. На восток – от Алма-Аты до Чилика, оттуда на Жаланащ, затем Нарынколь и Чунджу. От Чунджу двумя направлениями: на Большое Ачинохо и через Кзыл-Арасан до поселка Дубун. В Талды-Курганской области разведкой охвачен Панфиловский район (от Коктала до урочище Койтас), а также северные и южные склоны Алтын-Эмельского хребта с выездом в долину Каратала в районе сахарного завода. Этот маршрут около сахарного завода сомкнулся с маршрутом, прошедшим через перевал Алтын-Эмель в сторону Сары-Озека, а затем Айна-Булака и Мукры. Кроме того, проведена разведка среднего течения р. Каратал (от Талды-Кургана до Уш-Тобе), а также северных склонов Конур-тау и Кайрак-куль до поселка Сарканд, с заездами в район сел Антоновка, Бакалы, Аксу. Последний маршрут охватил участок от пос. Баканас¹⁸.

Во время разведки удалось выявить 597 новых археологических памятников. Одновременно экспедиция провела раскопки на 18 курганных могильника: правый берег р. Куртинки, возле фермы колхоза «Ак-терек», Талгарском могильнике, возле фермы им. Молотова, около пос. Дехкан, могильнике, расположенных западнее Чиликского винсовхоза, около Чиликского табаксовхоза, на могильнике Жуван-тепе (правый берег р. Чилика), на трех могильниках на правом берегу р. Чарына Алма-Атинской области; в Талды-Курганской области - на трех могильниках в урочище Шормак (возле пос. Конурулен), трех могильниках около ст. Айна-Булак (урочище Кадырбай), в урочище Бигаш. Одновременно поставлены были стратиграфические раскопки на городище Чилик и на укрепленном поселении Керимбай-тепе на территории колхоза «Ак-терек». В ходе раскопок собрана большая коллекция предметов быта населения Семиречья, начиная с эпохи бронзы и до X – XII вв. н. э.

В итоге работ выяснилось, что могильники не являются принадлежностью какой-либо определенной эпохи. Они растут в течение нескольких сот лет, начиная с сакского времени.

Экспедиции пока удалось обнаружить только один могильник, относящийся к эпохе бронзы; он расположен, на высоте 2700 и над уровнем моря в урочище Бигаш, состоит из 32 прямоугольных и округлых оградок из камня с каменными ящиками, ряд которых в настоящее время очень четко выступает на поверхности. Среди них имеются и круглые смешные выкладки из камней, относимые специалистами этого периода к жертвенным местам. В могильнике наряду с большими имеются и малые оградки. Всего экспедицией раскопано 11 оградок, в том числе одна большая прямоугольная размером 144 кв. м. Все они оказались ограбленными еще в древности, только в двух из них сохранились обломки сосудов. Тем не менее, характер конструкции могильника, фактура теста глиняных сосудов дают возможность отнести их к эпохе бронзы.

Материал ранних кочевников (саков) VII – VI вв. до н.э. получен в нескольких курганах Жувантепинского могильника (группа 1). Сам могильник имеет протяженность около 12 км и растянут вдоль правого берега р. Чилика вплоть до Сюгатинской долины. Могильник распадается на несколько компактных групп, отстоящих друг от друга на расстоянии от 300-800 м. Большинство раскопанных курганов этого же могильника относится к последующему периоду – усуньскому. Все могильные ямы имеют деревянное перекрытие. Наибольший интерес представляют материалы из кургана № 12, где под одной насыпью было встречено две могильные ямы; в одной – захоронение человека, в другой – останки взнузданного коня. Хотя могилы были ограблены, экспедиции удалось в них обнаружить останки сбруи (удила, накладки на ремни), сделанной из бронзы, а также бронзовый нож и костяной гребень. В другом кургане (№ 48) был обнаружен деревянный гребень и бронзовый нож. Следующие курганы этого времени дали только образцы глиняной посуды.

Самый большой вещественный материал собран экспедицией по периоду усуней. Он довольно разнообразен и поддается хронологическому расчленению на ряд групп. Характерной особенностью могильников этого периода является расположение курганов внутри них в более, или менее четкую цепочку. Насыпи курганов состоят из каменного круга, описывающего его подножье, и группы камней в центре насыпи кургана. Могильные ямы значительно глубже и либо перекрыты сверху деревом, либо имеют подбой, перекрытый деревом или плотно пригнанными каменными плитами. Внутри могильные ямы заполнялись крупными камнями. Глубина ям – от 1,5 до 2,3 м. и глубина полусферического подбоя – 0,3-0,75 м. Следует

отметить, что на территории Талды-Курганской области встречаются под насыпью кургана внутри могильной ямы каменные ящики. В курганах усуньского времени очень однообразный набор погребальной инвентаря, состоящий из глиняных сосудов (от 2 до 5 штук), остатков погребальной пищи в виде костей барана (чаще курдючной части), железного нож, украшений (пастовые, каменные, стеклянные бусы, серьги, железные или бронзовые шпильки, бронзовые шилья отвертки, зеркала).

Основываясь на анализе керамики, весь материал усуньского времени делится на следующие хронологические группы:

1. III – I вв. до н.э. Представлен сосудами ручной лепки в виде открытых чаш и кувшинов с округлым дном. Некоторые из них снабжены петлеобразной ручкой, посаженной низко на тулове. Большинство сосудов изготовлено из матерчатом шаблоне.

2. I в. до н.э. – I в. н.э. Сосуды этого времени характеризуются начавшейся уплощенностью дна, появлением особо оформленной закраины венчиков чашеобразных сосудов (она либо прямая, либо слегка скошенная во внутрь). Почти все сосуды кувшинообразной формы имеют низко посаженную ручку. Появляются небольшие кружечки-кубки каунчинского типа.

3. I – III вв. н.э. Посуда вся плоскодонная, встречается с красным лощением кушанского типа и изготовленная на ручном гончарном круге.

Из интересных находок усуньского времени следует отметить железную булаву в форме многогранной усеченной пирамиды, железный меч, костяной тонко обработанный наконечник стрелы (курган № 56, могильник на среднем течении р. Куртинки), бронзовое зеркало с длинной ручкой и набор украшений для кос (курган № 21, могильник Кадырбай III), две половинки бронзовой пряжки на пояс: изображением борьбы зверей (хищника, напавшего на оленя) из кургана № 16, могильника Кадырбай III, две половинки массивной железной пряжки от широкого пояса (курган № 9 28, могильник Шормак I), деревянную чашу (курган № 32, могильник Шормак I), золотые спиралевидные серьги и перстень (курган № 26, могильник Шормак I).

Материал раннетюркского времени встречен только в двух курганах могильника Шормак III и представлен чашевидными округлыми сосудами, с ручками в виде выступа и налипными жгутиками-валиками по тулову сосуда.

Материалы IX – X вв. встречены в одном могильнике (КадырбайI), где вскрыто разграбленное захоронение человека с конем. Из инвентаря

сохранился набор железных черешковых наконечников стрел и от на длинная прямоугольная накладка на пояс: изображенной на ней фигурой подкрадывающегося к добыче льва, и две маленьких накладки с изображениями львиной головы. Интересно отметить, что в этом могильнике, состоящем всею из пяти курганов, в двух оказались мусульманского типа захоронения в могилах с подбоем, причем один из них был перекрыт сырцовым кирпичем.

Стратиграфические шурфы на городище Чилик и поселении Керимбай-тепе в основном дали материал IX – XII вв. н.э., представленный обломками глиняных сосудов.

Из материалов разведки стало очевидным, что преобладающим видом археологических памятников на территории этих областей являются курганные могильники. Ими заняты почти все более или менее пригодные для ведения кочевого скотоводческого хозяйства районы, в первую очередь поймы рек с богатым травостоем. Могильники довольно равномерно распределены по предгорьям Заилийского и Джунгарского Ала-Тау. Они располагаются либо около горных ущельев, в местах выхода небольших горных рек, либо вдоль верхнего течения довольно крупных горных рек, таких, как Чемолган, Каскелен, Алма-Атинка. Талгар, Чилик и др., не отрываясь вместе с тем от горных пастбищ и как бы замыкая выходы на джайляу, далее на север, а также вдоль левого, берега Или и на нижних течениях Лепсы, Каратала, Ак-су могильников нет. Здесь начинаются солончаки, обильные соленые болта и озера, поросшие камышом. т. е места мало пригодные для ведения как скотоводческого, так и земледельческого хозяйства.

Отмечается и еще одна закономерность в размещении курганных могильников. Районы, густо заполненные могильниками, чередуются со свободными от них пространствами. Массивы могильников огромны. Некоторые из них имеют протяженность пять-восемь и более километров, насчитывая в своем составе от 500 и более насыпей (например, Талгарский могильник, могильник Жуван-тепе и др.). Центральную часть его составляет группа больших курганов, диаметром от 40 до 200 м. Далее от нее в обе стороны располагаются небольшие курганы и отдельные курганные группы. Большинство этих могильников, если судить по материалам раскопок, возникло в период ранних кочевников и продолжало существовать в течение очень длительного времени. Очевидно, что такое распределение могильников было связано с родоплеменным делением древнего населения Семиречья,

Основываясь на материалах разведки, можно предварительно наметить такую карту расселения основных родоплеменных групп: Алма-Атинская область (с запада на восток) - район колхоза «Ак-терек»; Самсы-Чемолган, долина Чолака, среднее течение р. Аксенгир; район Чиена Кара-Кастека; Каскелен; Алма-Ата; Талгар (с Ново-Алексеевкой и Исыком); Тургень; Чилик; правый берег р. Чарына; ДаулатыАват. М. Ачинохо. Для Талды-Курганской области; район Панфилова. Конурулен, Басчи. Луговое-Голубиновка, среднее течение Каратала; район Кзыл-Агача, Капала, правый берег р. Или. Судя по размещению археологических памятников и учитывая естественно географические условия местности, следует считать, что кочевки здесь не были длительны, протяженность их вряд ли превышала сто километров. Основным видом скота, судя по погребальной пище, был мелкий рогатый скот.

Распространение оседлости и переход части кочевников к оседанию произошли здесь позднее, и связаны были с дальнейшим развитием производительных сил (разделение труда) и сложением классовых (феодалных) отношений. Остатки поселения на территории колхоза «Горный гигант» относятся к рубежу нашей эры данные разведки дают материал о завершении этого процесса, Обобщая материал разведки, сведения письменных источников -и литературные данные, следует сказать о довольно значительном количестве оседлых поселений, расположенных на территории этой части Семиречья. Такие поселения есть около поселков Ак-терек, Чемолган, Каскелен, Аксенгир, в районе г. Алма-Аты, около Талгара, Тургеня, Чилика, Подгорного, возле пос. Чингильды, в долине Каратала, возле поселка Антоновка, Бакалы и колхоза им. Буденного. Это прямоугольные или квадратные в плане укрепленные поселения с оборонительными башнями по углам и в центре стен. Большинство из них небольших размеров, исключение составляют только городища около Каскелена (3-я ферма колхоза им. Хрущева), Талгара; Чилика, в районе Антоновки. Алгабаса и колхоза им. Буденного, а также на территории сахарного завода (долина Каратала). Первые меньше по размеру, очевидно, были караван-сараями на торговом пути, связывающем Семиречье со Средней Азией, с одной стороны, и Китаем – с другой; вторые, большие по размеру, являлись укрепленными городами, но возникшими на иной, чем в долинах Таласа, Сыр-Дарьи, основе. Время их возникновения установить пока трудно.

Однако, материалы из раскопок на городище Талгар проведенных И.И. Копыловым, устанавливают дату VI – VII вв. н.э. Следует также

отметить, что в районе среднего течения Каратала и на р. Лепсы (р-н Антоновки) одновременно существовало не одно, а несколько укрепленных поселений городского типа. Очевидно, по мере развития производительных сил, с развитием разделения труда происходил медленный процесс образования оседло-земледельческих и торгово-ремесленных поселений. Процесс этот нельзя рассматривать только в пределах исследуемого нами района: он происходил одновременно на всей обширной территории Казахстана. В тех южных районах, где основу хозяйства составляло оседлое земледелие, он проходил быстрее, и к VII – IX вв. мы видим там уже большое количество оседлых земледельческих поселений и торгово-ремесленных центров-городов. Семиреченской и Южно-Казахстанской археологическими экспедициями Института истории АН КазССР их зафиксировано более двух сот.

В Семиречье этот процесс шел медленнее, чем в южных районах Казахстана. Вместе с тем кочевники Семиречья были тесно связаны экономически и политически с более развитыми в это время южными районами Казахстана и Северной Киргизии (Чуйская долина), поэтому западная часть Алма-Атинской области не имеет сколько-нибудь крупных поселений; здесь размеры укрепленных поселений не превышают 75 м. Очевидно, экономические потребности населения в продуктах ремесла и земледелия удовлетворялись за счет оседлых оазисов Чуйской долины. Для того чтобы приобрести продукты ремесла и земледелия, продать продукты скотоводческого хозяйства, достаточно было перевалить Курдайский перевал, чтобы попасть в цветущий земледельческий оазис среднего течения Чу с такими городами, как Сарыг, Якалык, Баласагун и другие. Для населения, живущего дальше на восток, попасть на Чу было более затруднительно и здесь мы наблюдаем (начиная с Каскелена) свои оседло-земледельческие и торгово-ремесленные поселения более крупного размера, с длиной стен от 200 до 400 м. Еще далее на восток есть уже целые оседлые оазисы как, например, в районе среднего течения Каратала и около пос. Антоновка. Тесную внутреннюю, органическую связь населения этих поселений с кочевниками скотоводами окружающих степей подчеркивает размещение этих поселений. Они, как правило, все расположены в местах наиболее густого распространения курганных могильников кочевников. Очевидно, в составе населения этих городов не малый процент составляли ремесленники и земледельцы, вышедшие из среды кочевников, обедневшие скотоводы, переходившие к оседлости. Окончательное решение этого вопроса возможно будет

только при постановке больших стационарных раскопок на нескольких из этих объектов.

1. Е.И. Агеева, К.А. Акишев Археологические исследования Института истории в 1954 г. Вестник АН КазССР, 1954, № 11, стр.70. К.А. Акишев и др. Основные итоги археологических работ на территории Казахстана в 1955 году. Известия АН КазССР, серия истории, экономики, философии, права, вып. 3. 1956.

2. А.Х. Маргулан Оседлые поселения VIII-XIII вв. на северных склонах Каратау. Известия АН КазССР, серия арх., вып. 1, 1948, стр. 109–115; его же. К изучению памятников района Сарысу и Улытау. Вестник АН КазССР, 1949, №2; его же. Отчет о работах Центрально-Казахстанской археологической экспедиции 1947 г. Известия АН КазССР, серия арх., вып. 2, 1950, стр. 3–36; его же. Главнейшие памятники эпохи бронзы Центрального Казахстана. Вестник АН КазССР, 1956, №3, стр. 18–31; Л.Р. Кызласов, А.Х. Маргулан. Плиточные ограды могильника Бегазы. КСИИМК, вып. XXXII, 1950.

3. К.А. Акишев Эпоха бронзы Центрального Казахстана. Автореферат, Л., 1953.

4. К.А. Акишев – начальник экспедиции, Г.А. Кушаев – начальник отряда.

5. А.П. Окладников Неолит и бронзовый век Прибайкалья, МИА, № 18, 1950.

6. К.В. Сальников Курганы на озере Алакуль, МИА, № 24, 1952.

7. М.П. Грязнов Землянки бронзового века близ хут. Ляпичева на Дону, КСИИМК, вып. 50, 1953.

8. А.М. Оразбаев Северный Казахстан в эпоху бронзы. Труды Института истории, археологии, этнографии АН КазССР, т.5 Археология. (В печати)

9. А.В. Збруева История поселения Прикамье в Ананьинскую эпоху, МИА 30, 1952, табл. II, рис.7.

10. М.П. Грязнов История древних племен, табл. XVIII, рис 10, табл. XXI, рис. 22.

11. И.В. Сеницын Памятники Нижнего Поволжья скифо-сарматского времени Тр. Саратов. обл. музея краеведения, Саратов, 1956, стр. 22–27, 31 и след.

12. А.Н. Бернштам Историко–археологический очерк Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алтая, МИА, 26, 1952, стр. 329.

13. К.А. Акишев, Е.И. Агеева и др. Основные итоги археологических работ на территории Казахстана в 1955 г. Известия АН Каз ССР, серия истории, экономики, философии, права, вып. 3, 1956, стр. 98–99.

14. Вопрос о происхождении этих племен сложный и не решен. Однако можно утверждать, что в формировании их культуры и физического типа значительную роль сыграли андроновцы.

15. М.П. Грязнов. История древних племен Верхней Оби, МИА, 48, 1956, стр. 126–144.

16. Там же, стр. 126, рис. 19.

17. В экспедиции принимали участие Е.И. Агеева (начальник экспедиции), мл. научные сотрудники Г.И. Пацевич (начальник отряда), А.Г. Максимова, лаборант А.А. Чариков, художник З.С. Назыров.

18. Маршрут разведки на восток от Алма-Аты и вдоль южных склонов Алтын-эмельского хребта проведен А.Г. Максимовой, от поселка Или до пос. Баканас – Г.И. Пацевичем, остальные – Е.И. Агеевой.

АРХЕОЛОГИЯ В КАЗАХСТАНЕ ЗА СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

(СА. – 1967. – №4. – С. 62–78.)

История становления археологии Казахстана как науки связана с именами крупных русских востоковедов – В.В. Радлова, П.С. Савельева, В. Розена, В.В. Бартольда, Н.В. Веселовского, А.А. Спицына и В.А. Городцова.

Не умаляя значимости большого вклада, который внесли дореволюционные предшественники в изучение древностей, часть работ которых не утратила своего значения и поныне, необходимо констатировать, что археология Казахстана стала самостоятельной отраслью исторической науки лишь после Великой Октябрьской социалистической революции.

В первые же годы существования Советской власти охрана и изучение памятников истории, искусства и архитектуры становится делом государственной важности. В 1918 г. Совет Народных Комиссаров за подписью В.И. Ленина издает декрет о регистрации всех монументальных и вещественных памятников старины. В 1919 г. учреждается Государственная академия истории материальной культуры (ГАИМК).

Учреждения подобного профиля возникают на окраинах Советской России. В 1920 г. возник Туркестанский (позднее переименован в Среднеазиатский) комитет по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы (Туркомстарис – Средазкомстарис). Ближайшие задачи Комитета определил В.В. Бартольд, обратив особое внимание на составление археологической карты.

Однако в связи с трудностями восстановительного периода крупные археологические работы начались позднее, хотя изучение разрушающихся памятников и поездки археологов на отдельные объекты начались еще в 20-е годы.

Среди работ первых лет в Казахстане нужно отметить поездки на развалины городища Сайрам П.П. Иванова (1923 г.) и М.Е. Массона (1925 г.). Оба ученых в статьях, посвященных результатам обследования, дали детальное описание памятника и исчерпывающую сводку исторических сведений о нем¹.

Новое в археологическую науку Казахстана внесли раскопки в 1926 г. в Западном Казахстане М.П. Грязнова. Открытие и раскопки ряда могильников эпохи бронзы Киргильда I, II, Урал-Сай и

Кунакбай-Сай дали яркий вещевой материал и изменили утвердившееся мнение о том, что андроновская культура характерна лишь для Западной Сибири и Минусинской котловины.

М.П. Грязнов дал обоснованную систематизацию изученных памятников и высказал мысль, что дальнейшее исследование погребений и стоянок эпохи бронзы в Казахстане, возможно, заставит по-иному смотреть на синхронные культуры других территорий². Ныне мы убеждаемся в правильности прогноза, сделанного сорок лет назад М.П. Грязновым. Мощный очаг высокоразвитой культуры бронзового века, широко распространенный по всей степной части Казахстана дает основание исследователям памятников соседних областей ставить вопрос о казахстанском происхождении андроновской культуры³.

Примечательно, что крупный знаток памятников эпохи бронзы евразийских степей С.В. Киселев, отмечая изменения облика культуры эпохи Шан (XVI–XI вв.) и основываясь на появлении не присущих бронзе Китая новых форм орудий труда и оружия, считал возможным говорить о влиянии на шанскую бронзу андроновской культуры Казахстана и Южной Сибири⁴.

Исследования О.А. Кривцовой-Граковой, проведенные в 1930–1939 гг. около Кустаная и в 1948 г. у с. Садчиково, явились следующим шагом в изучении андроновской культуры. Раскопкам подвергся комплекс памятников одной культуры; в Алексеевке были исследованы поселение с остатками жилищ, жертвенник и могильник, оставленный, может быть, жителями этого же поселения⁵. Итоги раскопок имели большое значение для более полного изучения бытового уклада и религиозных представлений степных племен эпохи бронзы. В будущих работах на поселениях необходимо обратить внимание на весьма интересную мысль О.А. Кривцовой-Граковой об установлении количества обособленных хозяйств внутри большесемейной общины по числу остатков кухонных очагов.

Особое значение материалы Алексеевского и Садчиковского поселений имели для установления относительной хронологии памятников эпохи бронзы в Казахстане. На основании изучения керамики О.А. Кривцова-Гракова выделила два этапа андроновской культуры – ранний и поздний.

Принимая в основном классификацию периодизацию керамики, предложенную О.А. Кривцовой-Граковой, нельзя не отметить, что горшки с налепным валиком появляются на позднем этапе

андроновской культуры, а не на раннем федоровском, на что уже обращал внимание В.С. Сорокин⁶.

Хотя со времени опубликования результатов раскопок алексеевского археологического комплекса прошло много времени и накоплен огромный новый материал, обоснование датировки алексеевских памятников X – XIII вв. и отнесение их к финальному этапу андроновской культуры не могут быть опровергнуты. Было бы справедливо этот этап, вместо неудачного названия замараевского или ивановского-замараевского⁷, назвать алексеевским.

Важное значение для изучения культуры эпохи бронзы в Казахстане имели работы Нуриной экспедиции ГАИМК (Рыков, 1933 г.). Участники этой экспедиции М.П. Грязнов, М.И. Артамонов, И.В. Сеницын, М.Н. Комарова, Н.К. Арзютов, А.Н. Рогачев провели большие разведочные маршруты и раскопки в долинах рек Нура и Шерубай-Нура: были обнаружены и обследованы стоянки энеолитического времени, могильники бронзового века, курганы эпохи раннего железа, надмогильные сооружения казахов⁸.

Подлинным открытием этой экспедиции явились раскопки кургана 11 около аула Дандыбай. Здесь в большой четырехугольной камере, стены которой были сложены из плитнякового камня, находились остатки разграбленного захоронения. В камере вместе с останками погребенного были обнаружены обломки бронзовых наконечников стрел, роговая ворворка, фрагменты 12 глиняных сосудов. Великолепно орнаментированные горшки с шаровидным туловом и прямым венчиком живо напомнили посуду караусукской культуры. В степях Центрального Казахстана был открыт в то время единственный, но очень яркий памятник поздней бронзы.

Карасукообразный облик культуры Дандыбая II серьезно поколебал распространенное мнение о том, что только на востоке карасукская культура сменила андроновскую, а на западе андроновская культура непосредственно предшествовала культуре эпохи раннего железа⁹. Вместе с тем близкие параллели Карасука и Дандыбая привели к появлению новых гипотез о западных границах караусукской культуры, о происхождении дандыбаевских находок в результате проникновения карасукских форм далеко на запад.

Полную публикацию и анализ дандыбаевского материала сделал М.П. Грязнов. Привлекая находки из могильника Бегазы, он считает культуру Дандыбая локальным вариантом карасукской, но возникшей не в результате распространения из Минусинской котловины, а на

основе развития местной андроновской культуры при тесном культурном взаимодействии с соседними племенами¹⁰. Высокий уровень производства бронзовых изделий и керамики, найденных в Дандыбае и Бегазах, послужили М.П. Грязнову поводом для пересмотра его же вывода о сравнительной бедности казахстано-алтайской культуры и богатстве минусинской, который он сделал в 1930 г.¹¹.

В 1933 г. археологическими работами были охвачены районы более западные, чем долина Нуры и даже Притоболье. ГАИМК организует Южноуральскую экспедицию (А.И. Тереножкин, П.А. Дмитриев и Б.Н. Граков) с целью учета и картографирования древностей. В результате было учтено и обследовано 168 могильников, насчитывающих 838 погребальных сооружений, пять стоянок и две пещеры, в том числе к эпохе бронзы относились 14 могильников. В раскопанных курганах наиболее интересные археологические материалы найдены в двух кольцевых оградах (Тулайкин аул).

Эти находки в совокупности с итогами разведок навели Б.Н. Гракова на мысль о распространении единой андроновской культуры на огромной территории от Минусинска до Орска¹².

В 1932-1933 гг. было положено начало изучению древних горных выработок на медь, олово и золото. Работа была проведена комиссией металлов, состоящей при Комитете по работам на новостройках ГАИМК. Комиссия провела обследование преимущественно в восточных районах Казахстана¹³.

В 1935-1937 гг. С.С. Черников продолжил работы в этом направлении. За два сезона в Калбинском и Нарымском хребтах он обследовал 16 древних выработок, из них 11 на олово, два на медь и одну на золото. Работа С.С. Черникова до сих пор является одним из первых в СССР трудов, специально посвященных развитию металлургии и горного дела в древности¹⁴. В изучении древней металлургии включились и геологи, чьи специальные познания оказывают ценную помощь археологам в выяснении многих вопросов истории металлургического производства в бронзовом веке¹⁵.

Таким образом, к концу 30-х годов памятники эпохи бронзы были открыты во всей степной части Казахстана от Иртыша до Урала, изучены и выборочно раскопаны могильники, поселения и горные выработки, разработана предварительная хронология культуры, намечены общие контуры истории племен в эпоху бронзы.

Работы М.П. Грязнова, О.А. Кривцовой-Граковой и С.С. Черникова определили дальнейшее направление в изучении андроновской культуры.

В 1928-1929 гг. М.В. Воеводский и М.П. Грязнов раскопали курганы у башни Бурана, поселков Чильпек и Каракол в Северной Киргизии. Бесспорной заслугой М.В. Воеводского и М.П. Грязнова является анализ материала, датировка изученных памятников и определение их этнокультурной принадлежности, т.е. выделение культуры древних усуней. Археологический комплекс был сопоставлен с конкретным этносом, с усуньскими племенами – древними обитателями Семиречья, имя которых сотни лет не сходило со страниц китайских хроник.

Работы последующих лет полностью подтвердили выводы М.В. Воеводского и М.П. Грязнова, более того, они долго служили своеобразным эталоном датировки и определения древнеусуньской культуры Семиречья, Ферганы и Южного Казахстана.

Среди работ этих лет несомненно ведущее место занимают экспедиционные исследования в Семиречье и Южном Казахстане, организованные ИИМК АН СССР совместно с Казахским филиалом Академии наук под руководством А.Н. Бернштама. Работам А.Н. Бернштама были присущи большие масштабы как по охвату больших территорий (Киргизия, юг Казахстана, Таджикистан, частично Узбекистан), так и по хронологическим рамкам изучаемых памятников. Изучению древностей Казахстана и Средней Азии А.Н. Бернштам посвятил свыше 20 лет. В течение этого времени почти все археологические изыскания на юге Казахстана и в других среднеазиатских республиках связаны с его именем. А.Н. Бернштам был организатором и руководителем крупных экспедиций, которые, выполняя археологические разведки и раскопки, в то же время являлись школой для подготовки археологических кадров.

Первой такой экспедицией была Семиреченская, организованная ИИМК АН СССР вместе с Казахским филиалом Академии наук и Комитетом наук при Совнарком Киргизской ССР. Полевые работы Семиреченской экспедиции проводились в несколько этапов: в 1936-1938 гг. в Таласской долине (Казахстан и Киргизия), в 1938-1940 гг. в Чуйской и Илийской долинах, в 1947-1952 гг. – в Южно-Казахстанской и, наконец, в 1950-1952 гг. – в Памиро-Ферганской экспедициях, организованных ИИМК АН СССР совместно с

академией наук Казахской ССР, Киргизским и Таджикским филиалами АН СССР.

На городищах Таласской долины были произведены разведывательные раскопки с целью выяснения их стратиграфии, а также раскопано несколько курганных погребений, обследованы памятники Акыртас и место случайной находки деревянной палочки с руническими письменами в ущелье Нельда. Так, подверглось раскопкам интересное по своей топографии городище Кош-Тепе (Костобе) (правый берег нижнего течения р. Талас). Материалы раскопок свидетельствуют о двух периодах в жизни города, датируемых VI-VIII и IX-X вв. На городище Чуль-Тепе (Чольтобе) были выявлены остатки жилых строений из сырцового кирпича на каменном фундаменте и другие. Раскопки охватили лишь верхний строительный горизонт XI-XII вв. Датировка городища Кош-Тепе и Чоль-Тепе, предложенная А.Н. Бернштамом, поставлена под сомнение Е.И. Агеевой и Г.И. Пацевичем, считающими ее удревненной¹⁶.

В междуречье Талас-Чу экспедиция А.Н. Бернштама обследовала и частично раскапывала Акыртас (XII-XIV вв.). По мнению А.Н. Бернштама Акыртас был сооружением не среднеазиатского мастера, а мастеров сирийско-византийского происхождения. Вопрос о происхождении и времени сооружения Акыртаса остается спорным. Г.И. Пацевич, обследовавший памятник в 1940 г., датирует его VIII-IX вв.¹⁷, а архитектор Т.К. Басенов склонен относить его к VII-VIII вв.¹⁸.

Наиболее интересные материалы были получены при частичных раскопках поселения Луговое-холм – остатки сельского поселения с саманными жилищами полуоседлого типа. Наряду с развитым скотоводством в хозяйстве жителей поселения значительную роль играло земледелие. Эти наблюдения явились исходными для вывода о развитии оседлости и земледелия в Таласской долине среди племен кангуй еще в первых веках нашей эры, который сделал А.Н. Бернштам.

Однако, как свидетельствуют наши материалы, полученные при раскопке поселения-зимовки Акташ, синхронного памятнику Луговое-холм, переход к оседлости и развитие земледелия происходили и в восточном Семиречье у усуней¹⁹.

Таким образом, развитие оседлости и земледелия на территории Семиречья во II-V вв., по-видимому, было связано с общими

закономерностями социально-экономического прогресса скотоводческих обществ. Его ускоряло воздействие высокоразвитых древнеземледельческих центров Средней Азии и Восточного Туркестана, с которыми общались скотоводы Семиречья.

Стратиграфический раскоп, заложенный близ цитадели Луговое-городище, установил время жизни города, начиная с VII в. до XII в. Работы, проведенные на городище в 1963 г., дали дополнительные данные и подтвердили датировку А.Н. Бернштама²⁰.

Работы Семиреченской экспедиции были продолжены в 1938 г. в более широких масштабах, чем в 1936 г. Были начаты раскопки городища Тараза, продолжено обследование западной части Таласской долины, в частности мавзолеев Айша-биби и Бабаджатун, архитектурных памятников X-XII вв. Результаты раскопок Тараза показали, как отмечает А.Н. Бернштам, «столичный» характер культуры и архитектуры бывшего города, центра Таласской долины. Стратиграфический раскоп, заложенный в северо-восточном углу шахристана Тараза, дал материал, датирующий время жизни города с V по XV в. Особый интерес имеет надпись на сосуде, найденная в Таразе. Она была написана сирийским письмом, вероятно в VII в., представителем среднеазиатского сирийско-тюркского христианского населения²¹.

В дальнейшем раскопки Тараза проводились в 1958, 1961 гг. (Т.Н. Сенигова), в 1962 г. (Т.Н. Сенигова, Е.И. Агеева, М.С. Мерщиев) и в 1963 г. (Т.Н. Сенигова). Раскопки обогатили коллекцию из Тараза новыми многочисленными находками, дополняющими наше представление о культуре средневекового города и в основном подтвердили хронологические границы жизни Тараза. Добытые материалы дают основание предположить, что Тараз возник на месте поселения античного времени. Поэтому, возможно, что история Таласа – Тараза – Аулие-Ата – Джамбула гораздо древнее, чем нам представляется в настоящее время.

В 1938 г. были начаты раскопки на грандиозном могильнике, состоящем из нескольких сот курганов, известном под названием «Берккаринский»²². Берккаринский могильник примечателен разнообразием типов сооружений и контрастным различием размеров курганов и их конструкций (насыпные курганы, плоские кольцевые оградки, четырехугольные выкладки, образующие сложные в плане фигуры). Эти конструктивные особенности берккаринских курганов

А.Н. Бернштам объясняет космогоническими, астральными представлениями кочевников, соорудивших эти памятники²³.

Датировка и этническая принадлежность населения, оставившего могильник Берккары, предложенная А.Н. Бернштамом и поддержанная Г.Г. Бабанской, на наш взгляд представляются убедительным. А.Г. Максимова, исследовавшая могильник в 1957 г., датирует его по аналогии с усуньскими погребениями Семиречья I–II вв. и предполагает, что он оставлен древними усунями²⁴.

Семиреченская экспедиция в 1939 г. обследовала Алма-Атинскую область. Итогами ее работ является составление археологической карты района разведок, описание и топографическая съемка плана памятников²⁵. Кроме того, были заложены стратиграфические шурфы на Талгарском городище в Джуантобинском могильнике, расположенном на р. Или. Датировка IV–IX вв., предложенная А.Н. Бернштамом, этого грандиозного могильника, насчитывающего около тысячи курганов, была уточнена А.Г. Максимовой в 1956 г.

На Джуантобинском могильнике она раскопала 29 курганов, давших большой материал, относящийся к двум хронологическим периодам: раннесакскому и усуньскому²⁶. Предложенная А.Г. Максимовой датировка довольно убедительна²⁷.

Таким образом Джуантобинский могильник – один из самых крупных в Восточном Семиречье – содержит захоронения трех племенных объединений: саков, усуней и тюрков, время обитания которых охватывает огромный хронологический период с VII в. до н.э. по VII–VIII вв. н.э.

Несмотря на разведочный характер работ Семиреченской экспедиции, итоги обследования дали материалы, выясняющие особенности земледельческой культуры Семиречья и торговые пути в Восточный Туркестан, а также уточняющие маршруты В. Рубрука во время путешествия в ставку монгольского хана (Мэнгу) в 1253 г.²⁸.

Однако в общем-то небольшая маршрутная поездка А.Н. Бернштама создала у него поверхностное впечатление о историко-культурном прошлом Семиречья. Он согласился с мнением В.В. Бартольда об отсутствии здесь «сколько-нибудь замечательных памятников древности», и распространил это мнение на все восточное Семиречье²⁹. Многолетние работы, проведенные в Семиречье в 1954–1966 г., доказали ошибочность мнение В.В. Бартольда и А.Н. Бернштама.

В Восточном Семиречье ныне нет белых пятен, не охваченных археологическим обследованием, нет таких районов, где бы не были обнаружены следы деятельности человека в разные эпохи, будь то высокогорные плато Тянь-Шаня или безводные пустыни Прибалхашья. Открытые памятники относятся к разным хронологическим периодам, начиная с неолита и эпохи бронзы до XIX в., что свидетельствуют о непрерывности развития общества и его культуры.

Топографические особенности памятников (размещение поселений – зимовок и могильников, планировка городов) наглядно отражает специфику экономического развития, обусловленную географической средой Семиречья. В древнем и средневековом Семиречье эта специфика развития выразилась в единстве скотоводческого и земледельческого хозяйства, полукошачевого и полуоседлого быта и, наконец, в единстве кочевнической и земледельческой культуры.

Необходимо подчеркнуть, что подобный синкретизм не был явлением искусственно насажденным в результате военных действий или колонизаторской деятельности, а был единственно возможным, естественным направлением экономического и культурного развития общества, выработавшимся в специфических природных условиях.

Среди многих новых памятников Семиречья особо должны быть отмечены такие редкостные, как петроглифы Тамгалы-Тас в Чу-Илийских горах, представляющие хранилище сотен наскальных рисунков бытовых сцен и ритуальных танцев, животных и сцен охоты³⁰.

В долине р. Или, где раньше не предполагали большого количества памятников, теперь найдены и раскопаны грандиозные курганы Бесшатыра с уникальными деревянными конструкциями – усыпальницами сакских вождей. Найдены тысячи курганных могильников – родоплеменных кладбищ древних усуней³¹. В долинах рек Лепсы и Каратал были открыты и обследованы 20 неизвестных до этого средневековых городищ.

Большие земледельческие оазисы с развалинами городов и остатками мощных ирригационных сооружений были обследованы в пустынях Прибалхашья. Очаги городской культуры найдены и в предгорьях Кетмень-Тау, и в горных котловинах Заилийского и Кунгей Алатау³². Результаты обследования этих памятников свидетельствуют о более широких масштабах развития земледелия и

городской цивилизации в Семиречье в X–XII вв., чем это представлялось раньше.

В 1940 г. А.Н. Бернштам обследовал развалины у современных поселков Мерке и Чалдавар и отождествил их со средневековыми городами Мерке и Аспара. На среднем Таласе обследованию подвергались городища Майтобе и Джувантобе, расположенные к югу от Тараза. А.Н. Бернштам, основываясь на противоречивых сведениях арабо-язычных письменных источников о местонахождении средневековых населенных пунктов, пришел к гипотетическому заключению о тождестве городища Майтобе с древним городом Хамукет, а Джувантобе – с Атлахом. Уместно отметить, что В.В. Бартольд на основании этих же источников помещал упомянутые города на противоположной стороне, т.е. к северу от Тараза, на равнине.

На городище Аспары в 1965 г. были предприняты раскопки. Результаты раскопок внесли уточнения в некоторые вопросы истории Аспары монголо-тимуридского периода. В частности, время жизни города было определено вплоть до XVI в., тогда как раньше предполагалось, что уже в 30-х годах XV в. Аспара лежала в развалинах. В письменных источниках, кроме того, сообщалось, что уже в начале XV в. город существовал лишь как крепость, где содержался военный гарнизон войск Тимура, однако раскопки установили, что вне цитадели находились жилища гражданского населения, занимавшегося земледелием, скотоводством и различными ремеслами³³.

Кроме упомянутых работ больших экспедиций или целенаправленных исследований по отдельным проблемам, в 20–30-е годы осуществлялись поездки и раскопки отдельных ученых, краеведов, работников музеев, любителей археологии. Так, в 1929 г. А.И. Тереножкин совершал археологическую разведку по р. Чу, в результате которой была составлена археологическая карта и дано описание и датировка обнаруженных памятников³⁴.

В 1930 г. разведку и небольшие раскопки в Западном Казахстане произвел Б.Н. Граков. Он выявил и обследовал более 500 памятников, относящихся преимущественно к эпохе бронзы и раннего железа, и раскопал несколько курганов V – IV вв. до н.э. А.Г. Максимова исследовала часть этого материала³⁵. Большую собирательскую работу провел старейший краевед республики Л.Ф. Семенов в Акмолинской и Карагандинской областях³⁶.

В 1936 г. обследованием памятников древностей в Джезказгане занимался академик К.И. Сатпаев. Ему принадлежит первенство обнаружения и описания интереснейших наскальных изображений на правом берегу р. Буланты, каменных баб в окрестностях гор Едиге, наскальных писаниц, казахских родовых тамг в низовьях р. Сарысу и сборы каменных орудий горного дела и других древностей, особенно обследование и описание мест древних рудных разработок³⁷.

К.И. Сатпаеву принадлежит честь находки в горах Улутау плиты с надписью, сделанной в 1391 г. по приказу Тимура во время его похода в Дешт-и-Кипчак. Ее прочитал Н.Н. Поппе³⁸.

Н.В. Валукинский более детально изучал древние рудные разработки в Джезказгане в начале 40-х годов. В тяжелые военные годы он проделал огромную работу по изучению окрестностей Джезказгана. Благодаря его работам археологическая наука ныне располагает детальными сведениями о местах древней добычи, разработки и плавки медной руды в Джезказганском рудном районе. Он же предварительно датировал эти памятники, относя их к двум периодам: древнему (бронзовый век) и к средневековью³⁹.

Заслугой Н.В. Валукинского является создание по инициативе К.И. Сатпаева музея в г. Джезказгане.

Значительные работы были произведены в 1938 и 1940 гг. в Северном и Центральном Казахстане. В районе г. Степняк (Кокчетавская обл.) С.С. Черников изучил древние горные выработки на золото, открыл и обследовал 11 поселений эпохи бронзы⁴⁰. В 1940 г. С.В. Киселев и Л.Ф. Семенов обследовали памятники в урочищах Бесоба и Жанааул (Карагандинская обл.)⁴¹.

Таковы научные итоги археологического изучения территории Казахстана в 1920-1940 гг. Довоенный период заложил основу периодизации казахстанских древностей, что имело огромное значение для дальнейшего развития древней истории и археологии Казахстана.

М.П. Грязнов уже в 1930 г. хронологию казахстанской культуры бронзового века разработал более конкретно. Основой датировки послужило выделение своеобразных, отличных от минусинских, типов бронзовых орудий и предметов быта, характерных для территории Казахстана. Таким образом, в культуре эпохи бронзы Казахстана были установлены три этапа развития: ранняя, средняя и поздняя⁴².

Результаты работы А.Н. Бернштама в довоенный период наметили основные контуры развития древней и средневековой истории и этапы развития культуры Семиречья и Тянь-Шаня⁴³. Заслугой А.Н. Бернштама является разработка историко-археологической периодизации памятников этих территорий⁴⁴. Эта хронология не потеряла значения до сегодняшнего дня и служит основой для периодизации древней и средневековой истории Семиречья, Тянь-Шаня и Памиро-Алая. Систематические и широкопоставленные раскопки памятников разных эпох внесут (частично уже внесли) коррективы в исторические выводы и хронологию А.Н. Бернштама, ибо в его работах, как он сам отмечал, «разведка преобладала над раскопками», а раскопки имели всегда относительно узкую задачу – датировку памятников.

Великая Отечественная война временно приостановила археологические работы, но после окончания войны, уже в 1946 г., они были возобновлены в Южном, Восточном и Западном Казахстане и положено начало систематическому изучению Центрального Казахстана. Одним из решающих факторов расширения масштаба работ явилась организация в республике Академии наук и отдела археологии при Институте истории, археологии и этнографии. С этого времени археологические исследования носят плановый и систематический характер, работы охватывают все районы Казахстана, изучаются и фиксируются памятники всех эпох.

По-прежнему большую помощь в изучении древностей Казахстана оказывают экспедиции Института археологии (А.Н. Бернштам, С.С. Черников, В.С. Сорокин) и института этнографии АН СССР (С.П. Толстов), Государственного Эрмитажа (С.С. Сорокин), Государственного исторического музея (О.А. Кривцова-Гракова) и Саратовского государственного университета (И.В. Сеницын). Следует отметить заслуги крупных советских ученых в подготовке национальных кадров археологов: А.Н. Бернштама, М.П. Грязнова, С.П. Толстова, С.С. Черникова, П.И. Борисковского, В.М. Массона, А.М. Беленицкого.

Важной задачей развития археологии в Казахстане в послевоенные годы было составление археологической карты. Вместе с тем производились раскопки памятников, велось дальнейшее накопление материала.

Период с 1946 г. по 1956 г. составил особый этап развития казахстанской археологии. Он был периодом широких

археологических поездок с целью регистрации и учета памятников, периодом археологической разведки всей огромной территории Казахстана. Многолетние работы были завершены в 1960 г. опубликованием фундаментального труда «Археологическая карта Казахстана», Составление и издание археологической карты целой страны (Казахстана) является первым случаем в советской археологии (имеются карты только отдельных районов) и пока не имеет прецедента.

Издание «Карты» сделало возможным научно обоснованное перспективное планирование археологических работ, выбор районов наибольшего сосредоточения памятников, где могут наиболее эффективно решены проблемы древней истории Казахстана, стал возможным выбор основных объектов для стационарных раскопок.

Первой археологической экспедицией, организованной Институтом истории, археологии и этнографии им. Ч. Валиханова Академии наук Казахской ССР, является Центрально-Казахстанская (ЦКАЭ, руководитель А.Х. Маргулан). Эта экспедиция в течение 20 лет ведет систематические поиски и изучения древностей Сары-Арки. Для выяснения вопросов взаимовлияния и расселения племен, а также для установления границ распространения отдельных типов памятников обследованию подвергались территории, лежащие на периферии Центрального Казахстана: на западе – бассейн рек Эмбы и Сагыза, на востоке – предгорья хребта Чингиз, на севере – низовья р. Нуры и побережья оз. Кургальджин и, наконец, на юге – низовья рек Сарысу и Чу и северные предгорья Каратау.

Работам А.Х. Маргулана были свойственны не только большие территориальные масштабы, но и широкий хронологический диапазон исследуемых памятников. Экспедиция обнаружила, обследовала и раскопала стоянки эпохи неолита, поселения и могильники андроновской и бегазы-дандыбаевской культуры; погребальные сооружения VII–I вв. до н.э. и курганы V–VIII вв.; наскальные изображения и каменные изваяния; древние ирригационные сооружения и средневековые караванные пути; монументальные памятники каменной архитектуры VIII–X вв. и руины средневековых городов; шатровые мавзолеи XIII – XIV вв. и казахские кумбезы XVI–XIX вв.

Работам А.Х. Маргулана присуще сочетание данных письменных и литературных источников с местными преданиями, раскопки и систематические разведки.

Центрально-Казахстанская экспедиция в 1946 г. провела широкую археологическую разведку, охватив огромную территорию от северных склонов Каратау на юге до низовья р. Нуры на севере⁴⁵.

Среди обнаруженных курганов привлекают внимание так называемые курганы с «усами». По мнению А.Х. Маргулана, они по своему расположению напоминают планировку кочевого аула, а своеобразная конструкция курганов с «усами» связана с культом солнца⁴⁶. Таким образом, А.Х. Маргулан поддержал мнение о ритуальном характере курганов этого типа и связь их с солнечным божеством, впервые выдвинутое С.В. Киселевым. Позднее к этому мнению присоединился М.К. Кадырбаев⁴⁷.

Значительными оказались результаты поисков и изучения следов оседлой культуры в стране кочевников Дешт-и-Кипчаке. Остатки развитой городской культуры были обнаружены и обследованы на северных склонах Каратау (городище Тарастобе, Баба-Ата, Кумкент, Чулак - Курган, Саудакент, Аксумбе)⁴⁸. Из этих городищ лишь Кумкент и Саудакент упоминаются на страницах письменных и литературных источников. Следы городской культуры в виде остатков поселений, караван-сараев, городов, ирригационных сооружений прослеживаются гораздо севернее Каратау, в степных оазисах в бассейне рек Сарысы, Кенгир, в горных долинах Улутау и в низовьях р. Нуры⁴⁹.

Таким образом, уже в первый год работы Центрально-Казахстанской экспедиции внесли поправки в существующую концепцию, согласно которой считалось, что оседлая земледельческая культура на территории Казахстана распространена лишь в бассейнах рек Сыр-Дарья, Талас, в верховьях Чу, а крайним северным пунктом для Таласской долины было определено городище Оххум⁵⁰. Они же свидетельствуют о более тесной взаимосвязи кочевого и оседлого населения, кочевнической и земледельческой культур, чем это предполагалось ранее. Представилось возможным также внести некоторые уточнения в маршрут Рубрука. А.М. Маргулан убедительно отождествил открытое им городище Кумкент с городом Кинчат (Кинкат), упоминаемым Рубруком. Г.И. Пацевич считает, что на месте городища Кумкент может быть локализован город Койканд⁵¹, названный в отчете посольства царя Малой Армении Гайтона.

В 1947 г. ЦКАЭ исследуются древние караванные пути и частично раскапывается ряд новых поселения и городищ: Тасты

(низовья р. Чу), Карабидаик и Ольке (р. Коктас в северной Бетпакдале), Кызылкент, Талдыкент и Карабулак (северо-западная Бетпакдала), относящихся к XI–XV вв. Некоторые из этих памятников возникли на месте поселений первых веков нашей эры. В районе расположения поселений и городов обнаружены остатки ирригационных сооружений – плотин, каналов и арыков, свидетельствующих об орошаемом земледелии сравнительно небольших масштабов. Экспедиция установила направление нескольких магистральных кочевых и караванных дорог, связывающих города Сыр-Дарьи и Таласа с оазисами Улутау, с низовьями рек Иртыша и Нуры⁵².

В 1948 – 1949 гг. экспедиция продолжала выявлять следы оседлой и полuosедлой земледельческой культуры в низовьях р. Чу (городища Торткуль, Улькен-Актобе, Орта-Актобе, Аяк-Актобе и Бала-Актобе), р. Кенгир (Болган-Ана), р. Джезды (Аяк-Камыр, Баскамыр). Датируются эти памятники XI–XV вв.

Значительное внимание уделялось раскопкам и регистрации надмогильных сооружений: курганов, оград, архитектурных памятников – дынов (каменные пирамидальные сооружения), мазаров и мавзолеев, а также стоянкам с микролитическим инвентарем и наскальным изображениям в пустыне Бетпакдала⁵³.

Большой интерес представляют результаты раскопок плиточных оград в известном могильнике Бегазы. Необходимо отметить, что датировка плиточных погребений Бегазы VII–V вв. до н.э., предложенная авторами раскопок⁵⁴, не нашла сторонников и была обоснованно отвергнута. Датировка плиточных оград Бегазы позднекарасукским временем, т.е. IX–VIII вв. до н.э., представляется убедительной, вместе с тем нельзя не согласиться с мнением А.Х. Маргулана, что бегазинский комплекс отражает типичные черты кочевого быта⁵⁵.

В эти же годы в Центральном Казахстане были раскопаны курганы, ритуальные ограды и обследована группа каменных изваяний. Л.Р. Кызласов курганы и изваяния, находящиеся в горах Бегазы и Кызыл-Арай, Жаксы Арганаты и Едиге, датировал соответственно VI–VIII и IX–XI вв. и предположительно определил бегазы-кзыларайские – карлукскими, а едиге-арганатинские – кипчакскими⁵⁶. О каменных изваяниях Казахстана ныне накоплен большой материал, но он плохо изучен, систематизация и хронология

его – дело будущего, поэтому первые предварительные выводы представляют интерес, хотя и не могут считаться убедительными.

Следует отметить, что памятники кочевников позднесредневекового времени изучены чрезвычайно плохо. Между тем значение их велико для понимания историко-культурной обстановки кануна сложения казахского народа⁵⁷.

В работах А.Х. Маргулана 1946–1950 гг. основное внимание обращалось на изучение двух проблем: историю возникновения и развития оседлых поселений и городов и историю архитектуры культовых сооружений.

При разработке первой проблемы особое внимание обращалось на такие вопросы, как взаимодействие кочевников и земледельцев и роль кочевников в формировании средневекового города и его населения. А.Х. Маргулан собрал большой и ценный материал. Ныне этот материал обобщен в специальной монографии, посвященной развитию городской цивилизации и строительной техники на территории Казахстана. В ней делается попытка рассмотреть эту проблему, начиная с сакского времени до современных казахов, устанавливаются при этом генетические связи и преемственность культур разных хронологических периодов. Для территории Казахстана во все времена было характерно чередование кочевничества у одной части населения и оседлости у другой, синтез кочевнической и земледельческой культур⁵⁸. Представляется, что эта мысль автора соответствует исторической действительности. Уместно отметить, что С.П. Толстов на материалах Приаралья также утверждает сочетание кочевого и оседло-земледельческого хозяйства в дотюркский и тюркский периоды.

А.Х. Маргулан собрал обширный и ценнейший материал по истории архитектуры культовых сооружений, значительная часть которого издана в книге, посвященной истории развития архитектуры и архитектурного декора в Казахстане с древнейшего периода до современности⁵⁹.

С 1951 г. по настоящее время ЦКАЭ ведет изучение памятников преимущественно двух эпох: эпохи бронзы и раннего железа.

Особую важность для археологии Казахстана, Средней Азии, Приуралья и Южной Сибири, представляют монументальные каменные сооружения в могильниках поздней бронзы Сангру, Ельшибек, Бельясар⁶⁰ и Бугулы. В Атасуском поселении открыты необычные конструкции жилых помещений: стены жилищ были

облицованы крупными гранитными плитами, обработанными и пригнанными одна к другой⁶¹. Е.Е. Кузьмина установила, что подобная конструкция жилищ была известна и обитателям древнего Оренбуржья, что свидетельствует о применении камня в жилищном строительстве андроновскими племенами.

Центральный Казахстан является основным районом распространения курганов с «усами». Представляется, что конструкция этих курганов, скорее всего, связана с бытовым укладом кочевников и имитирует кочевую повозку, которая являлась средством передвижения, и постоянным жилищем кочевых племен.

В конструктивных деталях кургана с «усами» есть все части повозки: основная насыпь (кибитка), пара каменных выкладок (оглобли) и запряженный конь, остатки которого лежат под насыпью малого кургана между «усами». По-видимому, идея, которая была вложена при первоначальном появлении курганов с «усами» заключалась не в изображении солярного знака, а в воспроизведении из камня дома-повозки, с которым была связана вся жизнь кочевника и его семьи. Редкие случаи частичного изменения общераспространенной конфигурации их не отрицают основную идею, а свидетельствует о постоянном ее выражении и о переходе к архитектурному конструктивизму.

Впервые основные разновидности курганов с «усами» и хронологические пределы их существования определил М.П. Грязнов⁶². Систематическое изучение этих памятников и курганов сакского времени начато с 1955 г. Результаты исследований вписали новую страницу в историю евразийских кочевников и умножили коллекцию вооружения, конского снаряжения и прикладного искусства раннего железа⁶³.

Одним из итогов изучения древностей Центрального Казахстана является разработка хронологии памятников эпохи бронзы и определение общих контуров социально-экономической истории общества этого периода⁶⁴. Следует отметить, что предложенная хронология носит предварительный характер. Новые археологические источники и более углубленное изучение казахстанской бронзы внесут коррективы. Последнее коснется особенно уточнения относительной и абсолютной хронологии памятников и выделения новых этапов развития культуры бронзового века.

Хронологическая классификация разработана также А.М. Оразбаевым для эпохи бронзы Северного Казахстана⁶⁵, а А.Г. Максимовой и С.С. Черниковым – для Восточного⁶⁶. М.К. Кадырбаев предложил хронологию памятников кочевых племен Центрального Казахстана эпохи раннего железа, в том числе и курганов с «усами»⁶⁷. Одним из существенных моментов проделанной им работы является установление факта существования курганов с «усами» в пределах целого тысячелетия (VI в. до н.э.–V в. н.э.), что, по-видимому, свидетельствует об этнокультурной преемственности какой-то части племен Центрального Казахстана в этот отрезок времени. Вместе с тем археологические материалы дают очевидные основания, устанавливающие пришлые компоненты в этносе и культуре.

В настоящее время большая часть материалов из раскопок в Центральном Казахстане в 1950–1965 гг. обобщена в книге, посвященной эпохе бронзы и раннего железа⁶⁸. Монография, по сравнению с указанными выше трудами о памятниках этой же территории, является следующим шагом в изучении центрально-казахстанских древностей.

Центральный Казахстан был одним из основных районов становления и развития андроновских племен. Скопление большого количества различных памятников этого времени (поселения, могильники, рудные разработки, жертвенные сооружения) на сравнительно ограниченной территории, их внешний вид, техника сооружения уровень производства говорят о высокоразвитой культуре, которую можно назвать классической андроновской. Племена Центрального Казахстана с их высокоразвитой культурой оказывали влияние на развитие культуры близлежащих районов. Наиболее близкие аналогии центрально-казахстанской культуре наблюдаются в памятниках эпохи бронзы Северного, Западного и Восточного Казахстана.

В Центральном Казахстане для раннего железного века выделена сакская культура, которая названа тасмолинской. Выделение культуры основывается и на особой внешней конструкции курганов с «усами», распространенных преимущественно в Центральном Казахстане. Установлены два этапа ее развития: ранний (VII–VI вв.) и поздний (V–III вв.) и определено место тасмолинской культуры среди других культур скифо-сакского времени евразийских степей.

Большое значение для археологического изучения Южного Казахстана имеют многолетние работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР (С.П. Толстов). Здесь археологические исследования начались в северных Кызыл-Кумах и низовьях Сыр-Дарьи в 1946⁶⁹. С этого времени проблема взаимоотношения древнего Хорезма с кочевой периферией надолго увлекла исследователя и его коллектив.

В 1948 – 1951 гг. и в последующие годы была исследована группа городищ Джеты-Асар, датируемых от середины I тысячелетия до н.э. до VI–VII в. н.э.⁷⁰. Найдено и обследовано более двух десятков городищ, руины погребальных сооружений мавзолейного типа и курганные могильники. С.П. Толстов эту группу памятников отнес к эфталито-хионитским племенам, т.е. тохарам Помпея Трога, отметив большую устойчивость культуры на протяжении тысячелетней истории этих племен.

Т.Н. Сенигова предложила первый опыт хронологии керамики джетыасарской культуры. Она разделила керамику на три хронологические группы: I–IV вв. (верхний горизонт), III–I вв. до н.э. (средний) и середина I тысячелетия до н.э. (нижний)⁷¹. Л.М. Левина пересмотрела часть выводов Т.Н. Сениговой⁷².

Результаты многолетних работ Хорезмской экспедиции позволили выделить культуру четырех племен среднеазиатских саков: апасиаков (массагетов болот и островов, по Стабону), сакараваков, аугасиев и тохаров. Культура этих племен представлена такими хорошо известными памятниками, как городища Чирик-Рабат, Бабиш-Мула, Джеты-Асарский комплекс, Баланды и Барактам, одноименными погребальными зданиями, расположенными около городищ, и курганными могильниками Тагискен и Уйгарак.

Материалы, накопленные в итоге раскопок этих памятников, дали возможность по-новому поставить вопрос об уровне развития социальных отношений в сакском обществе Южного Приаралья. Высокий уровень материальной культуры, монументальные оборонительные и погребальные сооружения, как отмечает С.П. Толстов, несовместимы с примитивностью первобытнообщинного строя, они могли быть созданы силами только классового общества, принудительным трудом эксплуатируемого населения⁷³. На развитие культуры древних племен оказывали сильное влияние Хорезм, но влияние было взаимное. Особенно

большую роль степные племена сыграли в происхождении афригидской культуры Хорезма.

По нашему мнению, следует считать ошибочным распространение этнонима «скиф» вместо «сак» на территории Средней Азии и Казахстана. Археологические антропологические материалы свидетельствуют об отличии скифов и их культуры от саков и сакской культуры. На это указывают краниологические наблюдения, а также существенные различия в материальной культуре этих племен.

Существенный вклад в развитие археологии Казахстана внесли работы Южно-Казахстанской экспедиции (1947–1956 гг., руководитель А.Н. Бернштам) и Восточно-Казахстанской (с 1947 по настоящее время, руководитель С.С. Черников).

Среди научных итогов работ этих экспедиций необходимо выделить постановку проблемы этногенеза народов Южного Казахстана и древнего Отрара⁷⁴, разработку хронологии средневековой керамики Казахстана и изучение исторической топографии поселений и городов бассейнов рек Сыр-Дарьи (среднее течение), Арыси и Таласа⁷⁵; в Восточном Казахстане – открытие и изучение палеолитического местонахождения, периодизацию памятников и обобщение материалов эпохи бронзы⁷⁶.

Особо следует отметить раскопки царского кургана в Чиликтинском могильнике (С.С. Черников), давшее большое количество предметов из листового золота, выполненных в зверином стиле. Чиликтинское золото послужило причиной возрождения, но уже в новом варианте, старой геродотовской версии о приходе скифов с востока⁷⁷.

Достижения советской археологии в Казахстане огромны. Установлена непрерывность развития человеческого общества здесь с эпохи палеолита. До недавних пор в Казахстане не были известны следы обитания человека в эпоху палеолита. Открытие стоянок первобытных людей, находки каменных орудий – первых орудий, сознательно изготовленных человеком, имеют большое научное значение. Значение их состоит не только в том, что эти находки расширили границы истории древнего Казахстана на несколько сот тысяч лет, но и в том, что открыт новый ареал расселения первых людей, возможно, новый очаг становления человека на пути к homo

sapiens⁷⁸. Неолит Казахстана представлен памятниками кельтеминарской культуры, но они изучены весьма слабо, хотя известны во многих районах⁷⁹.

Изучение культур эпохи бронзы и раннего железа наметило определенную генетическую преемственность, вплоть до начальной истории собственно казахского народа, что является объективным фактом, свидетельствующим об его автохтонности. Изучая орнаментику на андроновских сосудах, мы безошибочно найдем рисунок, знакомый по прикладному искусству казахов, мотивы так называемого рогового орнамента. Если андроновские племена украшали этим рисунком изделия из глины, то у казахов он явился основой орнаментики и широко употребляется для украшения изделий из самого различного материала. Сочетаниями мотива украшались войлочные ковры, чехлы для сундуков, спинки деревянных кроватей и т.д.

Таким образом, казалось бы, такая незначительная деталь прикладного искусства, как мотивы орнамента, приобретает важное значение и связывает между собой культуру тысячелетиями отдаленных народов. Антропологические данные свидетельствуют, что расовый тип современных казахов сложился на андроновской основе. Потомками племен бронзовой эпохи Казахстана были древние саки, усунь, кангюй, исторические имена которых известны из письменных сочинений древних авторов.

Памятники Казахстана сакского периода получили широкую известность. Любой исследователь древности вправе восхищаться величественными культовыми сооружениями сакских царей в Чиликтинской долине (Восточный Казахстан), в Бешатырском и Берккаринском могильниках, в Тасмолинских каменных курганах в Центральном Казахстане, в Семиречье⁸⁰, в могильниках Тагискен и Уйгарак в низовьях Сыр-Дарьи⁸¹. Раскопки этих памятников обогатили сокровищницу древней культуры прекрасными коллекциями предметов быта, вооружения, конской сбруи и украшений, мастерски изготовленных из бронзы, железа и золота.

Древние усунь были прямыми продолжателями культурных традиций сакских племен. Усуньская культура не только сохранила лучшие традиции реалистического искусства саков, но и породила свои новые самобытные мотивы. В это время пышно расцветает искусство обработки золота (зернь, инкрустация цветными камнями). Прекрасными образцами древнеусуньского изобразительного и

ювелирного искусства являются широко известная золотая каргалинская диадема⁸² и массивные золотые серьги, обнаруженные в 1962 г. при раскопке погребения в долине р. Кегень.

Археологические исследования сделали возможным по-новому рассматривать форму хозяйства и быт этих племен, сыгравших значительную роль в сложении казахского народа⁸³. В этом смысле принципиальное значение имело изучение древнеусуньских зимовок-поселений в ущелье Заилийского Алатау.

В хозяйстве обитателей населения преобладало скотоводство, но занимались они и земледелием (находки обломка серпа, каменных мотыг и зернотерок). По-видимому, древние усунь не были чистыми номадами, а являлись полукочевниками, хозяйство которых основывалось на яйлажном скотоводстве и на богарном и поливном земледелии.

В V–VII вв. на месте таких зимовок-поселений иногда появляются оседлые поселения и города, наибольшее развитие и расцвет которых относится к периоду Западно-Тюркского каганата и Караханидского государства.

Районом наиболее древней оседлости и земледелия являлись Отрарский оазис, примыкающий к нему район Келесской степи и левобережья р. Сыр-Дарья. Несколько позднее переход к оседлости и земледелию происходит в Таласской и Чуйской долинах. Здесь земледелие сочеталось с интенсивным скотоводством. Оседлость и земледелие возникали и развивались в Илийской долине, но здесь еще больший удельный вес принадлежал скотоводству.

В настоящее время мы уже можем представить внешний вид, планировку городов на разных этапах развития. Для рубежа нашей эры характерны небольшие поселения сельского типа. Для середины I тысячелетия типичным являются укрепленные усадьбы, приспособленные к военным целям. В дальнейшем на месте таких поселений развивались феодальные города, где наблюдается уже более сложная планировка и архитектурное оформление.

Археология Казахстана накопила материал о ремеслах средневекового периода: кузнечном, ювелирном, гончарном, косторезном, стеклодувном и т.п. Изучение этих материалов позволило установить уровень развития ремесленного производства, основные технические приемы, некоторые вопросы организации производства⁸⁴⁻⁸⁵.

Археологические и палеоантропологические исследования, проводимые в Казахстане, доказывают, что здесь с глубокой древности обитали аборигенные племена с самобытной материальной культурой. Перспективы развития казахстанской археологии определены. В силу сложившейся специфики развития двух форм хозяйства на территории Казахстана в древности у этнически родственных племен сложились две формы материальной культуры: кочевническая и земледельческая. Исследования этих двух культур было в прошлом, есть ныне и будет в грядущем основным направлением развития археологической науки Казахстана.

В заключении необходимо подчеркнуть, что развитие археологии в Казахстане непосредственно связана с развитием производительных сил страны, подъемом ее культуры и образования. Достаточно сказать, что в послевоенные годы в Казахстане работало много экспедиций на новостройках и на целинных землях, а это были наиболее крупные экспедиции, которые в буквальном смысле поднимали археологическую целину (в зонах строительства Бухтарминской, Южно-Уральской, Капчагайской, Шульбинской ГЭС, канал Иртыша – Караганда, Чардаринское водохранилище, десять экспедиций на целинные земли и др.).

¹П.П. Иванов Сайрам. Историко-археологический очерк. В кн.: Сборник Туркестанского восточного института в честь проф. Шмидта А.Э. Ташкент, 1923; его же. К вопросу об исторической топографии старого Сайрама. Сборник В.В. Бартольд – Туркестанские друзья, ученики и почитатели. Ташкент, 1927; М.Е. Массон. Старый Сайрам. Известия Средазкомстариса, 3, 1928.

²М.П. Грязнов Погребения бронзовой эпохи в Западном Казахстане. Сб. «Казаки». Л., 1927, 2.

³Г.Ф. Дебец Палеоантропология СССР. М. – Л., 1948; Г.А. Максименков. Окуневская культура. Материалы по древней истории Сибири. Улан-Удэ, 1964; С.С. Черников. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. МИА, 88, 1961.

⁴С.В. Киселев Неолит и бронзовый век Китая. СА, 1960, 4.

⁵О.А. Кривцова-Гракова Алексеевское поселение и могильник. Тр. ГИМ, М., 1948, XVII; ее же. Садчиковское поселение. МИА, 21, 1951.

⁶В.С. Сорокин Могильник бронзовой эпохи Тасты-Бутак I в Западном Казахстане. МИА, 120, 1962, стр. 86.

⁷К.В. Сальников К вопросу о стадиях в памятниках андроновской культуры Зауралья. Пермь, 1948; М.П. Грязнов. Восточное Приаралье. В кн.: Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М. – Л., 1966.

⁸П.С. Рыков Работы в совхозе «Гигант» (Караганда). ИГАИМК, 110. Археологические работы Академии наук на новостройках, II, М. – Л., 1935.

⁹О.А. Кривцова-Гракова Алексеевское поселение..., стр. 153; С.С. Черников Древняя металлургия и горное дело Западного Алтая. Алма-Ата, 1949, стр. 69; Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М., 1948, стр. 96.

¹⁰М.П. Грязнов Памятники карасукского этапа в Центральном Казахстане. СА, XVI, 1952, стр. 159.

¹¹М.П. Грязнов Казахстанский очаг бронзовой культуры. Сб. «Казачи», III, Л., 1930.

¹²Б.Н. Граков Работы в районе проектируемых южно-уральских гидроэлектростанций. ИГАИМК, 110.

¹³Работы комиссии металлов. (Главзолото и Союзредметразведка). ИГАИМК, 110.

¹⁴С.С. Черников Древняя металлургия и горное дело Западного Алтая. Алма-Ата, 1949.

¹⁵Г.Н. Щерба Археологические находки на Южном Алтае в 1949 г. ИАИ КазССР, серия археол., 3, 1951.

¹⁶Археологическая карта Казахстана. Алма-Ата, 1960, реестр № 3780, 3816.

¹⁷Археологическая карта..., № 3819.

¹⁸Т.К. Басенов Орнамент Казахстана в архитектуре. Алма-Ата, 1957; А.Х. Маргулан, Т.К. Басенов, М. Мендикулов Архитектура Казахстана. Алма-Ата, 1959.

¹⁹К.А. Акишев Основные научные итоги археологических исследований в Казахстане. ВАН КазССР, 4, 1963; его же. Ценнейшие археологические памятники (на каз. яз.). В кн.: Свидетели древней культуры. Алма-Ата, 1966, стр.62–64.

²⁰К.М. Байпаков Средневековые города и поселения Семиречья (VII – XII вв.). Автореф. канд. дис., Алма-Ата, 1966, с. 5, 6.

²¹А.Я. Борисов Сирийская надпись на сосуде из Тараза. ИАН КазССР, сер. археол., I, 1948, стр.108.

²²Г.Г. Бабанская Берккаринский могильник. Тр. ИИАЭ АН КазССР, I, Алма-Ата, 1956; А.Г. Максимова. Погребальные сооружения скотоводческих племен. Сб. «Археологические исследования на северных склонах Каратау». Алма-Ата, 1962.

²³А.Н. Бернштам Чуйская долина. МИА, 14, 1950.

²⁴А.Г. Максимова Указ. соч., 100, 111.

²⁵А.Н. Бернштам Памятники старины Алма-Атинской области (по материалам экспедиции 1939 г.). ИАН КазССР, сер. археол., I.

²⁶А.Г. Максимова Курганы сакского времени могильника Джувантобе. КСИИМК, 80, 1960; ее же. Усуньские курганы левобережья реки Или. ИАН КазССР, I (9). Алма-Ата, 1959.

27. К.А. Акишев Культура саков (VII –IV вв. до н.э.). В кн.: К.А. Акишев, Г.А. Кушаев. Древняя культура саков и усуней долины р. Или. Алма-Ата, 1963.
28. А.Н. Бернштам Памятники старины Алма-Атинской обл., стр. 87, 88.
29. А.Н. Бернштам Ук. соч., стр. 90.
30. Максимова А.Г. Наскальные изображения в ущелье Тамгалы. ВАН КазССР, 9, 1958.
31. К.А. Акишев, Г.А. Кушаев Древняя культура саков и усуней...
32. К.М. Байпаков Города и поселения Семиречья. ИАН КазССР, 2, 1966.
33. Л.Б. Ерзакович Городище Аспара в послемонгольское время. ИАН КазССР, 3, 1965; его же. Оседлая культура Южного Казахстана XIII – XVIII вв. Автореф. канд. дис., Л., 1966.
34. Тереножкин А.И. Археологическая разведка по р. Чу в 1929 г. ПИДО, 1935, 5-6.
35. Максимова А.Г. Предметы эпохи ранних кочевников в Центральном музее Казахстана (г. Алма-Ата). Тр. ИИАЭ АН КазССР, I, 1956.
36. Л.Ф. Семенов Материалы к характеристике памятников материальной культуры Акмолинского округа. Вестник Центрального музея Казахстана, I, 1930.
37. К.И. Сатпаев Доисторические памятники в Джезказганском районе. Народное хозяйство Казахстана, I, 1941.
38. Н.Н. Поппе Карсакпайская надпись Тимура. Тр. ОВЭ, 2, Л., 1940.
39. Н.В. Валукинский Древнее производство меди в районе Джезказгана. ИАН КазССР, сер. археол., I, 1948.
40. С.С. Черников Древнее горное дело в районе г. Степняк. ИАН КазССР, сер. археол., I, 1948; его же. Поселения эпохи бронзы в Северном Казахстане. КСИИМК, 53, 1954.
41. С.В. Киселев Древняя история Южной Сибири. М., 1951, стр. 92, 93, 102. А.Х. Маргулан, Е.И. Агеева Археологические работы и находки на территории Казахской ССР (с 1926 по 1946 гг.). ИАН КазССР, сер. археол., I, 1948.
42. М.П. Грязнов Казахстанский очаг бронзовой культуры, стр. 149-162.
43. А.Н. Бернштам Основные этапы истории культуры Семиречья и Тянь-Шаня. СА, XI, 1949.
44. А.Н. Бернштам Чуйская долина..., табл. ХСV.
45. Маргулан А.Х. Археологические разведки в Центральном Казахстане (1946 г.). ИАН КазССР, сер. истор., I, 1948.
46. А.Х. Маргулан Ук. соч., стр. 122.
47. М.К. Кадырбаев Памятники тасмолинской культуры. В кн.: А.Х. Маргулан, К.А. Акишев, М.К. Кадырбаев, А.М. Оразбаев Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966.
48. А.Х. Маргулан Оседлые поселения XII – XIII вв. на северных склонах Каратау. ИАН КазССР, сер. археол., I, 1948.
49. А.Х. Маргулан Археологические разведки в бассейне р. Сарысу. ВАН КазССР, 7 (28), 1947.
50. А.Н. Бернштам Памятники старины Таласской долины. Алма-Ата, 1941.

51. Е.И. Агеева, Г.И. Пацевич Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана. Тр. ИИАЭ АН КазССР, 5, 1958; История монголов по армянским источникам. СПб., 1874, 2, стр. 8.
52. А.Х. Маргулан Отчет о работах Центрально-Казахстанской археологической экспедиции 1947 г. ИАН КазССР, сер. археол., 2, 1949.
53. А.Х. Маргулан Третий сезон археологической работы в Центральном Казахстане. ИАН КазССР, сер. археол., 3.
54. Л.Р. Кызласов, А.Х. Маргулан Плиточные ограды могильника Бегазы. КСИИМК, XXXII, 1950, стр. 126–136.
55. А.Х. Маргулан Отчет о работах..., стр. 17.
56. Л.Р. Кызласов Памятники поздних кочевников Центрального Казахстана. ИАН КазССР, сер. археол., 3, 1951.
57. А.Х. Маргулан Раскопки погребения воина XIV в. в долине р. Нуры. Тр. ИИАЭ АН КазССР, 7, 1959.
58. А.Х. Маргулан Из истории городов и строительного искусства древнего Казахстана. Алма-Ата, 1950.
59. А.Х. Маргулан, Т. Басенов, М. Мендикулов Архитектура Казахстана. Алма-Ата, 1959.
60. А.М. Оразбаев Памятники эпохи бронзы Центрального Казахстана. Тр. ИИАЭ АН КазССР, 7, стр. 59-74.
61. Маргулан А.Х. Главнейшие памятники эпохи бронзы Центрального Казахстана. ВАН КазССР, 3, 1956; его же. Открытие новых памятников эпохи бронзы Центрального Казахстана. Доклад на XXV Международном конгрессе востоковедов. М., 1960.
62. М.П. Грязнов Северный Казахстан в эпоху ранних кочевников. КСИИМК, 61, 1956.
63. Кадырбаев М.К. О некоторых памятниках ранних кочевников Центрального Казахстана. ИАН КазССР, сер. истор., археол. и этногр., I (6), 1958, стр. 95-104; его же: Памятники ранних кочевников Центрального Казахстана. Тр. ИИАЭ АН КазССР, 7, стр. 162-203.
64. К.А. Акишев Эпоха бронзы Центрального Казахстана. Автореф. канд. дис., Л., 1953.
65. А.М. Оразбаев Северный Казахстан в эпоху бронзы. Тр. ИИАЭ АН КазССР, 5, 1958.
66. А.Г. Максимова Эпоха бронзы Восточного Казахстана. Тр. ИИАЭ АН КазССР, 7; С.С. Черников. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. МИА, 88, 1960.
67. М.К. Кадырбаев Памятники кочевых племен Центрального Казахстана (VII в. до н.э.). Автореф. канд. дис., Алма-Ата, 1959.
68. А.Х. Маргулан, А.А. Акишев, М.К. Кадырбаев, А.М. Оразбаев Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966.
69. С.П. Толстов Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР (1945-1948 гг.). Тр. ХЭ, I, 1952.

- ⁷⁰. С.П. Толстов Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949-1953 гг. Тр. ХЭ, II, М., 1958; его же. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962.
- ⁷¹. Т.Н. Сенигова Керамика городища Алтын-Асар. Автореф. канд. дис., М., 1954.
- ⁷². Л.М. Левина Керамика и вопросы хронологии памятников джеты-асарской культуры. Сб. «Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана». М., 1966.
- ⁷³. С.П. Толстов По древним дельтам Окса и Яксарта, стр. 200.
- ⁷⁴. А.Н. Бернштам Проблемы древней истории и этногенеза Южного Казахстана. ИАН КазССР, сер. археол., 2, 1950; его же. Древний Отрар. Там же, 3, 1951.
- ⁷⁵. Е.И. Агеева, Г.И. Пацевич Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана. Тр. ИИАЭ АН КазССР, 5, 1958.
- ⁷⁶. С.С. Черников Находки палеолитических стоянок в Восточном Казахстане. ВАН КазССР, 12, 1951; его же. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. МИА, 88, 1960.
- ⁷⁷. С.С. Черников Загадка «золотого» кургана. М., 1965.
- ⁷⁸. Х Алпысбаев. Находки каменного века в хребте Каратау. Тр. ИИАЭ АН КазССР, 14, 1962; С.С. Черников. Находки палеолитических стоянок...
- ⁷⁹. Формозов А.А. Об открытии кельтеминарской культуры в Казахстане. ВАН КазССР, 2, 1945; его же. Новые точки кельтеминарской культуры в Казахстане. Там же, 5, 1946; А.В. Виноградов. Археологическая разведка в районе Аральска – Саксаульской. Тр. ИИАЭ АН КазССР, 7.
- ⁸⁰. К.А. Акишев Культура саков долины реки Или (VII – IV вв. до н.э.). В кн.: К.А. Акишев, Г.А. Кушаев. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата, 1963.
- ⁸¹. С.П. Толстов По древним дельтам Окса и Яксарта.
- ⁸². А.Н. Бернштам Золотая диадема из шаманского погребения на р. Каргалинке. КСИИМК, 5, 1940.
- ⁸³. Г.А. Кушаев Культура усуней правобережья р. Или. В кн.: К.А. Акишев, Г.А. Кушаев. Древняя культура саков и усуней...
- ⁸⁴. Т.Н. Сенигова Поселение Ак-Тобе. Тр. ИИАЭ, 14, Алма-Ата, 1962.
- Е.И. Агеева. Раскопки на городище Баба-Ата. Тр. ИИАЭ, 14.
- ⁸⁵. Е.И. Агеева Раскопки на городище Баба-ата. Тр. ИИАЭ, 14.

НОВОЕ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ АРХЕОЛОГИИ ЮЖНОГО КАЗАХСТАНА

(в соавт. К.М. Байпаков, Л.Б. Ерзакович)

(Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1969. – С. 5–42.)

В археологическом отношении Южный Казахстан в настоящее время исследован значительно полнее, чем другие районы республики. Этому в немалой степени способствовали работы Южно-Казахстанской археологической экспедиции под руководством А.Н. Бернштама (1947 – 1956 гг.), а также Центрально-Казахстанской археологической экспедиции под руководством А.Х. Маргулана. Среди научных итогов работ экспедиций необходимо выделить постановку проблемы этногенеза народов Южного Казахстана, разработку хронологии керамики, изучение исторической топографии и городов бассейнов рек Сыр-Дарьи (среднее течение), Арыси и Таласа, южных и северных склонов Каратау¹.

В 1966 – 1967 гг. отряд Семиреченской археологической экспедиции провел рекогносцировку среднего течения Арыси, южных и северных предгорьев Каратау, среднего течения Сыр-Дарьи, низовьев рек Сары-Су и Таласа, а также микроразведку Отрарского оазиса². Основной целью его работ являлась подготовка к предстоящим раскопкам памятников Отрарского оазиса и смежных с ним районов:

фиксация новых памятников оседлой культуры, составление карты Отрарского оазиса, уточнение некоторых неясных вопросов, связанных с местонахождением городищ, их датировкой и отождествлениями.

В результате разведки в среднем течении р. Арыси и в долинах ее притоков Боролдая и Бадама, кроме уже известных Джуван-тобе и Караспан-тобе³, зафиксированы остатки еще трех средневековых

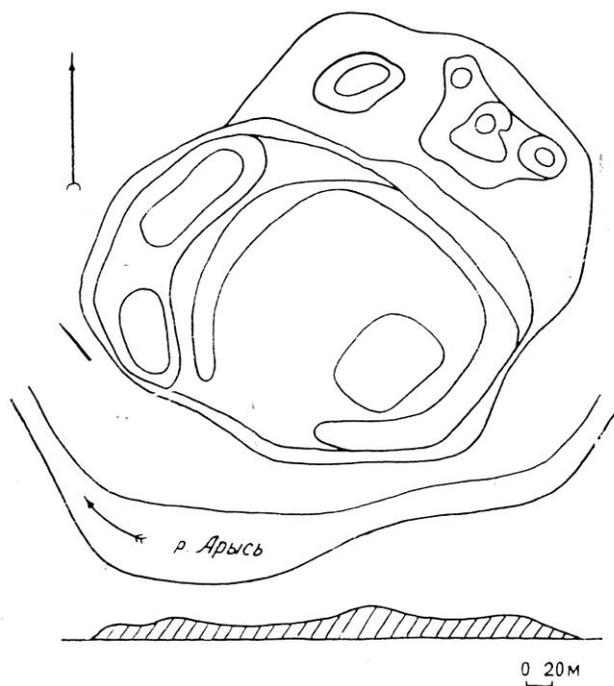

Рис.1. План городища Шор-тобе.

городищ: Шор-тобе и Узун-тобе по р. Арыси и Ак-тобе по р. Боролдай, 14 тобе⁴ и 5 сторожевых курганов по левому берегу р. Арысь. Из них особый интерес представляют городища Шор-тобе и Узун-тобе, выделяющиеся своими значительными размерами.

Городище Шор-тобе находится на правом берегу р. Арысь, на юго-западной окраине с. Тамерлановка. Это овальный в плане бугор высотой 5-10 м. Наибольшая его протяженность 320 м с запада на восток и 260 м с юга на север.

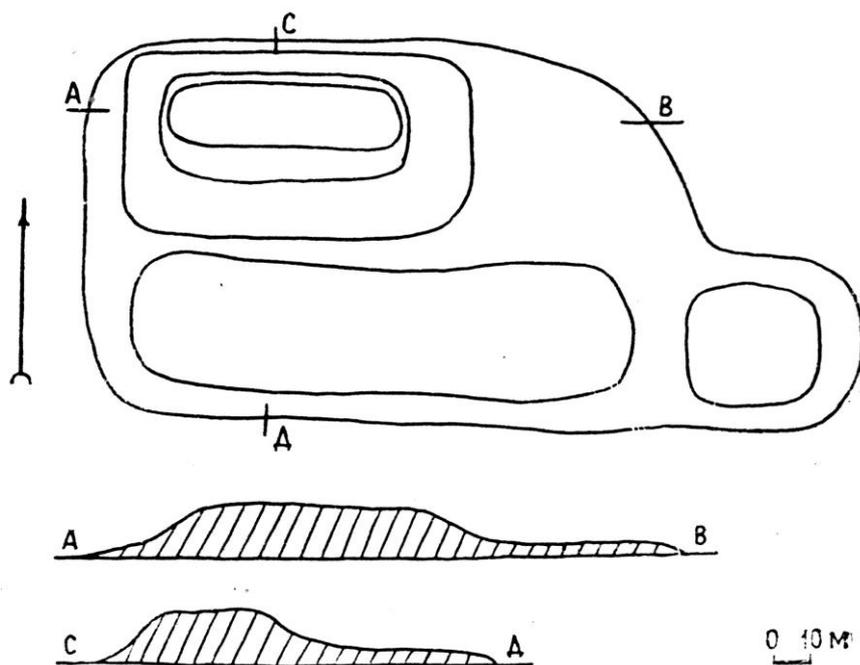

Рис.2. План городища Узун-тобе.

Цитадель находится на западной части городища. Это подковообразное возвышение, уплощенное сверху, высота которого 20 м. В южной части городища возвышается куполообразный холм высотой 12 м и диаметром 50 м. С северной стороны к городищу примыкает укрепленный рабад – возвышенная 2-2,5 м площадка, размер которой 100 x 350 м. На ней прослеживаются многочисленные бугры – остатки сооружений. С северо-западной стороны городище окружено рвом, когда-то заполнявшимся водой из р. Арысь, с которой он был соединен канавами. Ныне ширина рва 10-15 м, глубина 2-4 м. Сейчас территория городища занята мусульманским кладбищем. При рытье могил наружу выбрасывается множество черепков посуды. Большинство их датируется VII – XII вв. Встречаются фрагменты керамики также XIII – XIV вв.

Городище Узун-тобе находится на левом берегу р. Арысь, на территории с. Чубаровка. Это высокий, подчетыреугольный в плане бугор, вытянутый с запада на восток на 200 м, а с севера на юг – на 100 м. Цитадель городища, расположенная в северо-западном углу, представляет собой пирамидальный холм с крутыми отвесами. Высота холма 15 м, вершина плоская, размер площадки на ней 90 х 50 м. Со всех сторон городище окружено рвом шириной 10-15 м и глубиной 3-5 м. Восточная часть городища ныне прорезана дорогой. Керамика, собранная здесь, позволяет датировать жизнь городища VII – XVI вв.

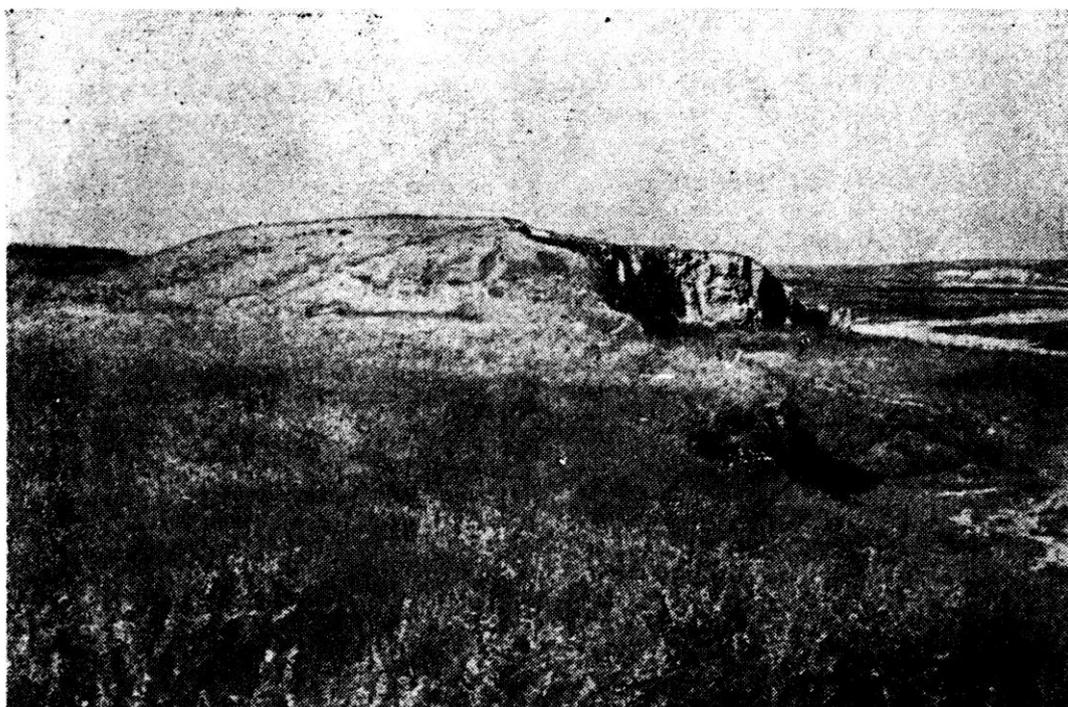

Рис.3. Городище Боролдай I.

Городище Ак-тобе находится на левом берегу р. Боролдай в 0,5 км западнее с. Заречное. Оно представляет собой подквадратный в плане бугор, ориентированный углами по странам света. Северо-западная часть Ак-тобе смыта р. Боролдай. Эта сторона городища равна 110 м, сохранившаяся часть северо-восточной стены достигает 150 м. В Центре возвышается на 10 м пирамидальный бугор – остатки цитадели. Площадка на его вершине равна 25 х 25 м. Высота бугра шахристана 2-3 м. К шахристану с восточной и северной сторон примыкает неукрепленный рабат, часть которого распахан. Рабат отделен от шахристана рвом, соединенным с р. Боролдай. Ширина

рва 15-20 м, глубина 2-2,5 м. Городище датируется подъемным материалом VII – XII вв.

Городище Бадам-тобе находится на левом берегу р. Бадам, на северо-восточной окраине с. Обручевка, в виде двух бугров высотой 5-6 м. Южный бугор имеет подчетырехугольную в плане форму с сильно закругленными углами; площадь его в основании 100 х 50 м, сверху он плоский. Северный холм овальной в плане формы имеет длину 30 м и ширину 15 м. Подъемный материал датирует памятник VII – X вв.

Рис. 4. Городище Яны-Курган I.

Кок-Арык-тобе находится на левом берегу р. Арысь, возле пионерского лагеря «Чимкентстрой». Это двухъярусный холм квадратной в плане формы. Наиболее высокая часть холма находится в восточной стороне яруса (2,5 м, площадка наверху 8 х 10 м). Более низкая часть яруса имеет высоту 1 м и размер в основании 20 х 25 м.

На основании подъемного материала можно датировать Кок-Арык-тобе VII – XIII вв.

Арыс-тобе I расположен на правом берегу р. Арысь, в 1 км к западу от перекрестка дорог Чимкент - Тамерлановка и Тамерлановка - Арысь. Это подчетырехугольный в плане бугор, ориентированный углами по странам света. Размер бугра в основании

50 x 45 м, высота в северной части около 10 м, вершина плоская, двухъярусная площадка. Северная, высокая, площадка имеет размер 20 x 10 м, южная, низкая, - 20 x 8 м. В южной части от основного бугра тянется пологий шлейф длиной 60 м и шириной 20 м.

Подъемный материал, собранный на поверхности городища, позволил датировать его VII – X вв.

Арыс-тобе II находится на правом берегу р. Арысь. Это три расположенных рядом бугра. Два из них подчетырёхугольной в плане формы. Южный имеет в основании длину 60 м по линии СЮ и 45 м по линии ЗВ. Высота бугра 5 м. На его вершине, в южной части, расположена площадка размером 10 x 7 м.

Северный бугор также подчетырёхугольной в плане, плоский сверху; имеет длину 55 м по линии СЮ и 25 м по линии ЗВ. Высота его 2,5 м.

Западный бугор, овальный в плане, вытянут по линии СЮ. Длина его 50 м, ширина 20 м, наибольшая высота 7 м.

Датируется подъемным материалом VII – X вв.

Шубар-тобе I находится на левом берегу р. Арысь, в пойме, на восточной окраине с. Чубаровка. Представляет собой квадратный в плане бугор, ориентированный углами по странам света. Размер его 150 x 150 м, высота 4,5 м. Наиболее возвышенная часть бугра – западная, к востоку он понижается. Со всех сторон, кроме южной, которая примыкает к р. Арысь, городище окружено рвом шириной 5-7 м и глубиной до 2 м.

Подъемный материал датирует памятник VII – X вв.

Шубар-тобе II находится на правом берегу р. Арысь, почти напротив городища Шубар-тобе I. Это плоский прямоугольный бугор высотой 6-7 м. В центре его наблюдается пологая впадина. Длина бугра 70 м по линии ЗВ и 50 м по линии СЮ.

Подъемный материал датирует памятник VII – X вв.

Кзыл-тобе находится на левом берегу р. Арысь, на территории бригады колхоза «Джусантай», в 5 км восточнее с. Чубаровка, и представляет собой высокий овальный в плане бугор, вытянутый по линии СЮ. Длина его 100 м, ширина 50 м. Наиболее возвышенная часть – северная, высота которой над окружающей поверхностью 18 м. К югу холм покатый. В северной части на вершине расположена квадратная площадка (20 x 20 м).

Со всех сторон городище окружено рвом шириной 6-8 м и глубиной 0,5-1 м.

Подъемный материал датирует городище VII – X вв.

Джусантай-тобе расположен на левом берегу р. Арысь, в 4 км от Кзыл-тобе, вверх по течению реки. Это подчетырехугольный в плане бугор с закругленными углами. В основании он равен 100 м по линии СЮ и 80 м по линии ВЗ. В северной части тобе находится возвышенный участок в виде пирамидального холма высотой 1,5 м над окружающей поверхностью. Наверху его прямоугольная площадка размером 30 x 35 м. Нижний ярус тобе имеет высоту 4-7 м. Датируется тобе на основании собранной на его поверхности керамики VII – X вв.

Боролдай-тобе I находится на правом берегу р. Боролдай, в 3 км западнее с. Кок-тюбе. В плане представляет четырехугольный бугор, ориентированный углами по странам света. Длина его в основании 65 м по линии СЗ-ЮВ и 40 м по линии ЮЗ-СВ. Наиболее возвышенная часть в виде плоского пирамидального бугра расположена в северо-западном углу, высота ее над уровнем местности 10 м. Размер площадки на его вершине 20 x 10 м. Высота нижнего яруса бугра 4-5 м. С юго-восточной стороны тобе частично подмыто р. Боролдай.

В обнажении отчетливо прослеживается стратиграфия памятника. Поселение было построена на мощной пахсовой платформе толщиной около 5 м, которая была необходима для защиты строений от паводков. В стратиграфии городища прослеживаются два слоя, разделенные прослойкой лессовой глины и гальки. Толщина прослойки 20-30 см. Нижний слой состоит из рыхлой земли серого цвета, насыщенной углями и золой. В слое наблюдаются остатки строительных конструкций из сырцового кирпича размером 50 x 25 x 7 см. Толщина слоя 80-150 см. Верхний слой также серого цвета, насыщен золотисто-угольными прослойками. Здесь удастся проследить некоторую архитектурно-строительную планировку – несколько полуразрушенных стенок из длинномерного сырцового кирпича, пространство между которыми заполнено серой землей. Толщина верхнего слоя 2-2,5 м.

На основании подъемной керамики Боролдай-тобе I можно отнести к VII – X вв.

Боролдай-тобе II находится в 2 км южнее с. Кок-тюбе. Это два расположенных рядом бугра высотой по 3 м. Первый имеет подпрямоугольные очертания, размер его в основании 18 x 40 м.

Наверху площадка размером 8 x 10 м. Второй бугор овальной в плане, вытянут по линии СЮ. Длина его 40 м.

Подъемный материал датирует памятник VII – VIII вв.

Кок-тобе находится на правом берегу р. Боролдай, на восточной окраине одноименного села, и представляет собой плоский подчетырехугольный в плане бугор, ориентированный длинной стороной по линии СЗ-ЮВ. Длина его сторон: СВ - 50 м, СЗ – 30 м, ЮЗ – 75 м. Наиболее возвышенная северо-восточная часть бугра имеет высоту 10 м. Городище с юго-западной стороны подмыто р. Боролдай.

Датируется Кок-тобе подъемным материалом VII – X вв.

Жар-тобе находится на левом берегу р. Боролдай, в пойме, в 2 км восточнее усадьбы совхоза им. XXII партсъезда. Западная половина смыта р. Боролдай. Судя по оставшейся части, памятник представлял собой подчетырехугольный в плане бугор (85 x 85 м). В центре находится плоский бугор с площадкой наверху. Высота бугра 7,5 м, размер площадки 25 x 25 м. Со всех сторон, кроме приречной, тобе окружено рвом. Ныне его ширина 3-5 м, глубина 1,5-2 м.

Датируется тобе подъемным материалом VII – X вв.

Ак-тобе I находится на левом берегу р. Боролдай, на восточной окраине с. Заречное. Это круглый, в плане плоский бугор диаметром 50 м и высотой 6 м. На вершине его имеется круглая площадка диаметром 20 м.

Датируется на основании подъемной керамики VII – X вв.

Сары-тобе находится на левом берегу р. Боролдай, в 5 км восточнее усадьбы совхоза им. XXII партсъезда. Это овальный в плане бугор диаметром 60 м и высотой 6 м. На вершине его находится круглая площадка диаметром 30 м.

Датируется на основании подъемной керамики VII – VIII вв.

Своеобразными памятниками в среднем течении р. Арысь являются сторожевые курганы – караул-тобе, из которых обследовано пока пять. Все они находятся на высоком левом берегу р. Арысь. Расстояние между ними 8-10 км. Курганы расположены так, что с каждого из них виден соседний караул-тобе, и в то же время эти курганы видны с каждого тобе или городища, расположенных в пойме.

Наиболее тщательно был исследован сторожевой курган напротив Мамаевки – Караул-тобе III и напротив Обручевки – Караул-тобе IV.

Караул-тобе III представляет собой подчетыреугольный в плане трапециевидный бугор высотой 18 м.

Караул-тобе VI представляет собой два подчетыреугольных бугра, расположенных на расстоянии 150 м один от другого. Высота бугров 7-8 м. На вершине одного из них был заложен шурф 3 x 3 м, доведенный до глубины 2,5 м. Никаких строительных конструкций не обнаружено, курган насыпной.

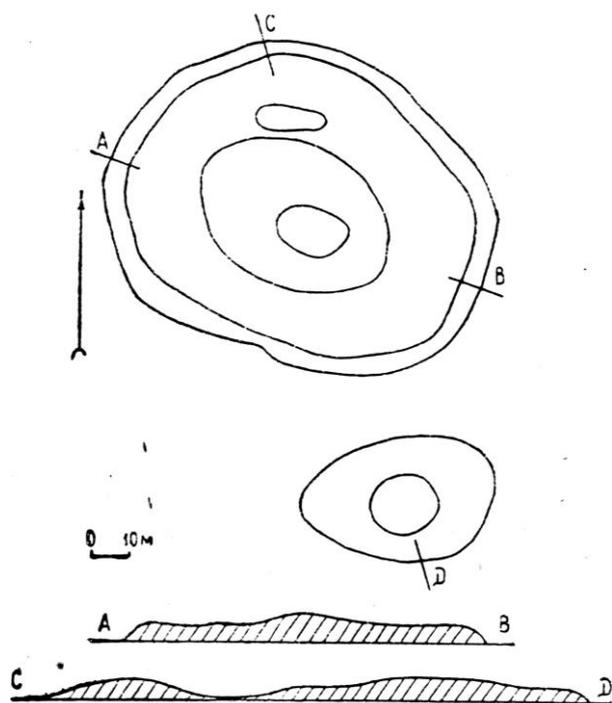
Район среднего течения р. Арысь в свое время был отождествлен В.В. Бартольдом с округом Кенджида арабо- и персоязычных источников с главным городом Усбаникетом⁵. С конца XII в. вместо Усбаникета в источниках появляются местность и город Карасеман (XIV – начало XV в.)⁶. Е.И. Агеева и Г.И. Пацевич отождествляют город Усбаникет с городищем Джуван-тобе, а Карасеман – с Караспан-тобе⁷.

Не возражая против последнего⁸, приходится усомниться в возможности отождествления Усбаникета с Джувен-тобе, так как в непосредственной близости от Джуван-тобе обнаружено другое крупное городище – Шор-тобе.

С 1270 г. известен чекан серебряных диргемов государства джагатаидов, среди которых встречается чекан Кенджде⁹. Ряд исследователей отождествляют этот город с Испиджабом¹⁰. Не исключена, однако, возможность, что чекан Кенджде в данном случае является отзвуком раннесредневекового округа Кенджиде¹¹, или же существовал одноименный город, который так или иначе следует локализовать на среднем течении р. Арысь, севернее Испиджаба.

У ал-Макдиси в списке городов округа Испиджаба, включавшего и города Кенджида, встречается название города Яганкента¹². С. Волин обратил внимание на отрывок из «Абдулла-намэ», указывающий месторасположение города (1581 г.): «Абдулла-хан... расположился лагерем на берегу реки Арс, в окрестностях Яганкента, в Кушулуше, реки Буралдай»¹³. На правом берегу р. Арысь, у впадения Боролдая, наиболее поздняя керамика в подъемном материале встречается лишь на городище Узун-тобе, которое, видимо, можно отождествить со средневековым Яганкентом.

Таким образом, в среднем течении р. Арысь открыто свыше двух десятков ранее неизвестных средневековых памятников. Все они расположены на сравнительно небольшой площади (около 30 км по течению реки), что свидетельствует об интенсивности жизни этого района в VII – XVI вв. Сам характер работ пока не позволяет делать

какие-либо окончательные выводы. Это дело дальнейших археологических исследований. Однако бесспорно, что в среднем течении Арыси находился один из важнейших культурно-экономических центров средневекового Казахстана. Новые археологические данные достаточно убедительно подтверждают сообщения письменных источников о расположении здесь округа Кенджида с городом Усбаникетом. Разведка в среднем течении Сыр-Дарьи также выявил ряд новых, ранее неизвестных

памятников. Это прежде всего группа городищ неподалеку от Яны-Кургана. Центральное городище Яны-Курган находится справа от дороги Туркестан - Кзыл-Орда, в 8-10 км от одноименного поселка. Это овальный в плане, уплощенный сверху бугор диаметром 100 м. Центральная часть бугра более возвышенная – 6-8 м, тогда как общая его высота 4-5 м. В 20 м южнее находится еще один бугор диаметром 50 м и высотой 2-4 м также с возвышенной серединой.

Вдоль дороги полосой, длина которой 12 км, ширина 2-4 км, и вдоль сухого русла р. Акуик разбросаны 4 тобе диаметром 30-50 м и высотой 2-4 м. Они дают одинаковый с Яны-Курганом подъемный материал.

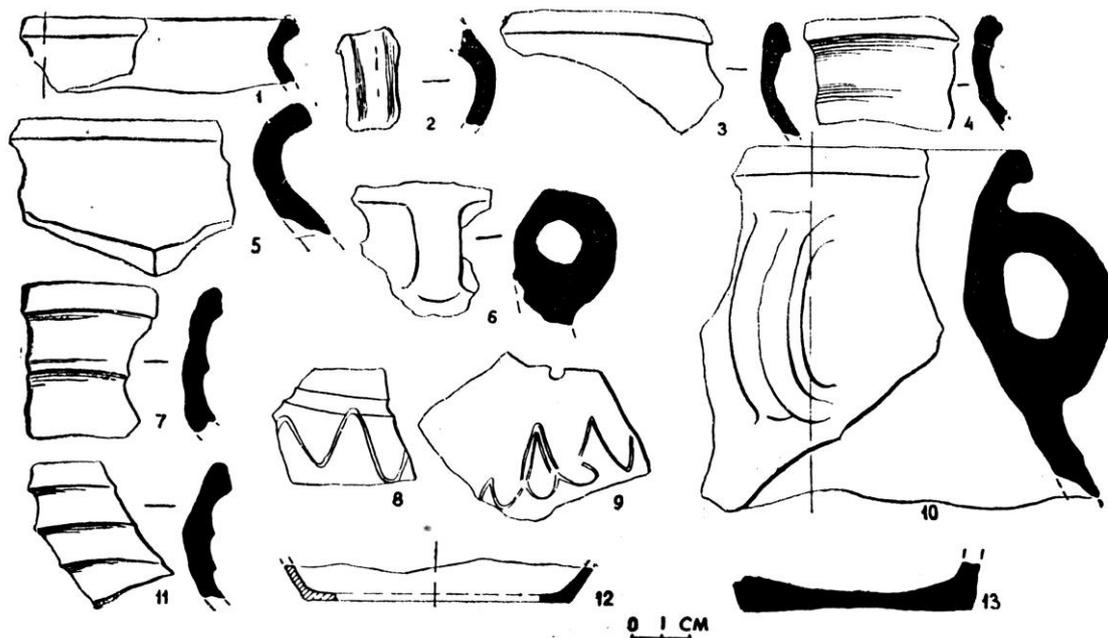

Табл. I. Керамика городища Яны-Курган I.

Все эти городища интересны прежде всего обилием керамики, которую предварительно можно датировать I – VII вв.

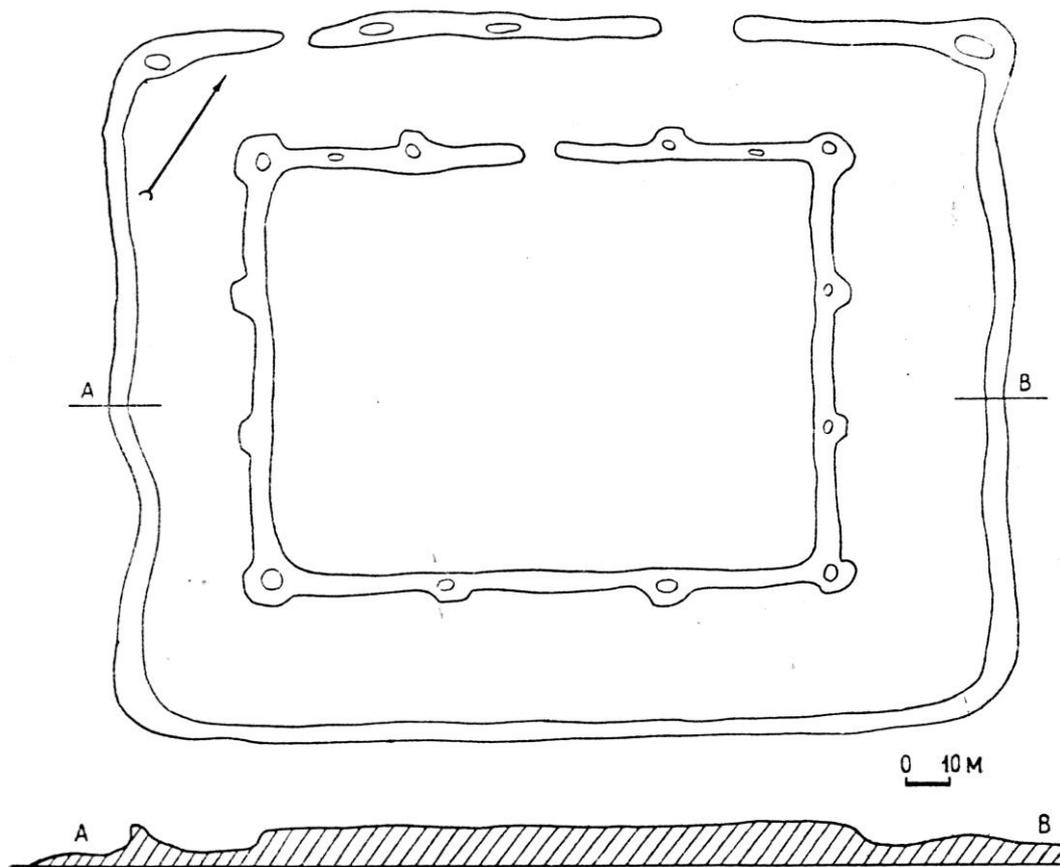

Рис. 6. План городища Бестам.

Исключительный интерес также представляют городища, расположенные в среднем течении Сыр-Дарьи, ближе к южным предгорьям Каратау – Бестам и Нансай.

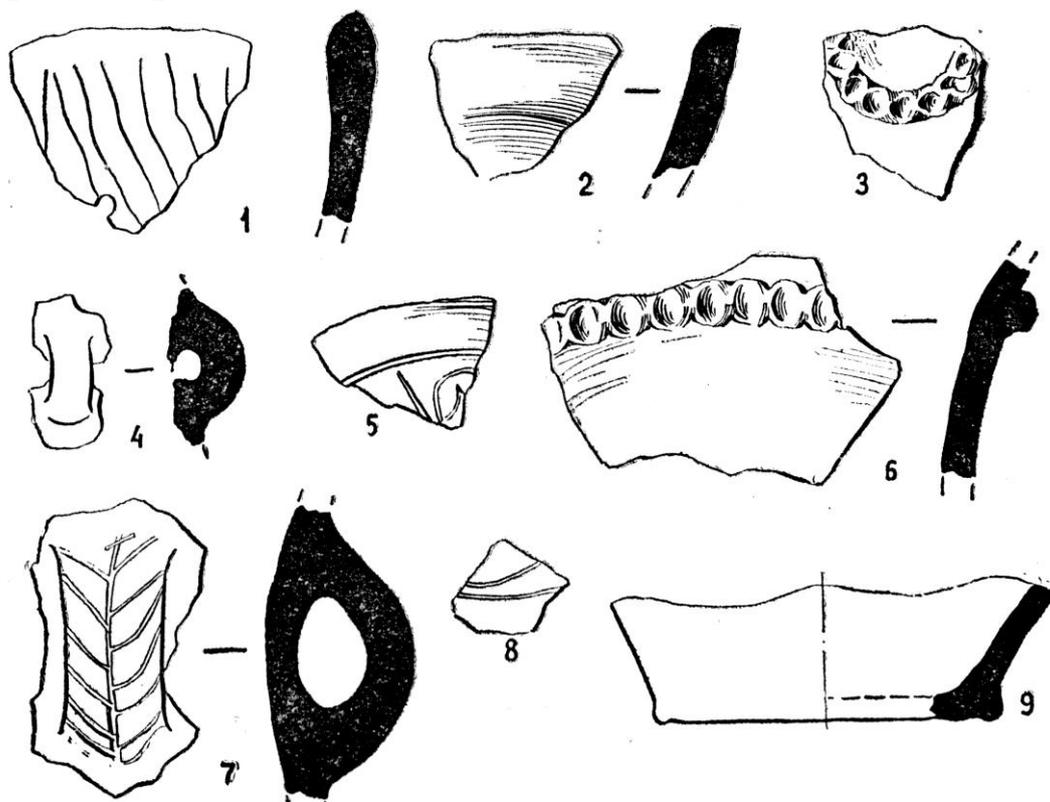

Табл. II. Керамика городища Бестам.

Городище Бестам находится в 3 км к северу от поселка Жидели-Арык. Это подчетырехугольный плоский бугор высотой 2,5-3 м, окруженный стеной из сырцового кирпича. Сторонами городище ориентировано по странам света, длина его с севера на юг 130 м, с запада на восток – 110 м. По углам стены укреплены сильно выступающими наружу башнями квадратной в плане формы. Еще по две таких же башни усиливают каждую из стен. Снаружи, на расстоянии 30 м, все городище опоясано еще одной стеной, сохранившейся на высоту около 2 м. Въезд на территорию городища прослеживается в средней северо-западной стены.

Керамика, собранная на городище, кажется архаичной. Сделана она из грубого дресвяного теста. По форме это кувшины, горшки, крышки. Поверхность их украшена прорезным и прочерченным орнаментом. Близка ей керамика с гузских городищ низовьев Сыр-Дарьи¹⁴.

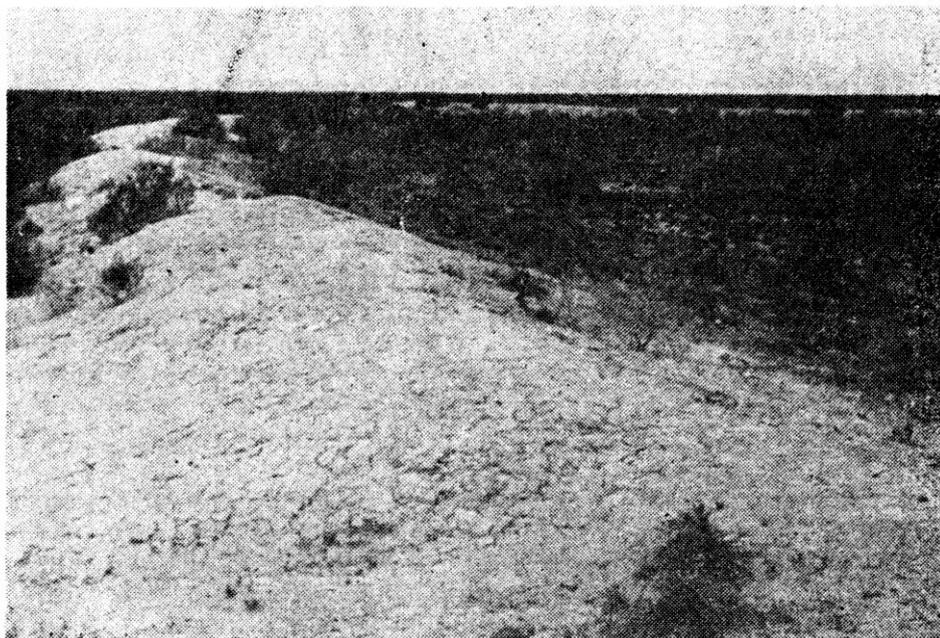

Рис. 7. Городище Нансай.

Городище Нансай находится на правом берегу одноименного высохшего русла, в 15 км от главной усадьбы совхоза «Ак-Тоган». Это подчетыреугольная в плане площадка, окруженная стенами, сохранившимися на высоту 1,5-2 м. Городище ориентировано сторонами по странам света, северная и южная стороны имеют длину 160 м, западная и восточная – 180 м. Внутри, почти в самом центре, находится квадратное сооружение 15 x 15 м в виде четырехугольной площадки высотой около 1,5 м. К нему с востока примыкает окруженный оплывшей стеной участок площадью 50 x 70 м. Вокруг городища прослеживается ров шириной 8-10 м и глубиной 0,5 м. Внутри городища ведут два въезда, устроенные в середине северной и южной сторон.

Как видно из описания, топография городища Нансай не характерна для памятников средневековой оседлоземледельческой культуры юга Казахстана. Она напоминает топографию городов-ставок Илийской долины, Центрального Тянь-Шаня и других районов, где господствовали сильные кочевнические традиции¹⁵. К сожалению, подъемный материал с городища крайне малочисленный и невыразительный.

В Отрарском оазисе была составлена карта расположения памятников и тщательно обследованы городища южной и северо-восточной частей, особенно на левобережье р. Арысь, где центральным является городище Кок-Мардан, а крайним на юге –

Ахай-тобе. При этом собраны значительные коллекции керамики I – IV вв. на городище Ак-тобе Чиликском и IV – VII вв. на городищах Пшик-Мардан, Кос-тобе и других.

Некоторые изменения в существующие датировки и отождествления внесли обследование городищ Бузук-тобе (на правом берегу Сыр-Дарьи) и Оксус (на левом берегу Сыр-Дарьи). Первое городище, датировавшееся вплоть до XV в.¹⁶, едва ли доживет до начала XIV в. Подъемный материал Оксуса показал, что окончание его жизни, относимое ранее к XIII – XV вв.¹⁷, следует датировать XII – началом XIII в. В связи с этим, соглашаясь с локализацией на месте Оксуса летописного Весиджа, известного в письменных источниках X – XII вв.¹⁸, не представляется возможным отождествление с Оксусом Зернука, известного в источниках XIII – XIV вв.¹⁹.

Разведка в низовьях Сары-Су и Таласа, а также на северных склонах Каратау выявила новые городища – Беркутты I и Беркутты II.

Городище Беркутты I находится на левом берегу одноименной реки, то есть оно расположено в 10 км к северу-западу от поселка Байкадам. Это трехъярусный, вытянутый в западном направлении бугор. Его максимальная длина с востока на запад 230 м, с севера на юг – 190 м. Наиболее возвышенная часть восточная, вплотную примыкающая к берегу. Высота его в этой части 7-8 м, причем восточный склон почти отвесный. Наверху находится площадка, длина ее с севера на юг 50 м, с запада на восток 20 м. Это, по всей вероятности, остатки цитадели. Бугор шахристана примыкает с запада, его высота 3-4 м, рабад представляет самую плоскую часть бугра высотой 1-1,5 м.

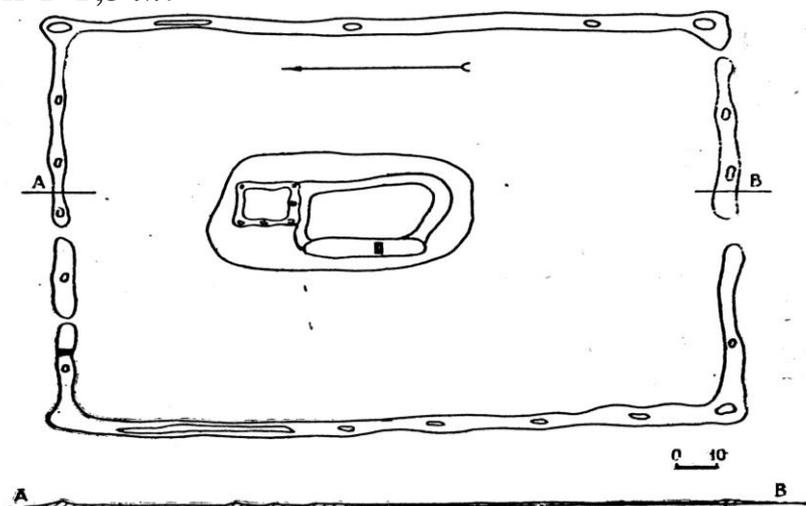

Рис. 8. План городища Нансай.

На поверхности городища собрана богатая коллекция керамики, укладываемая в общий диапазон IV – XII вв.

Сбор подъемных материалов на городищах Южного Казахстана производится не впервые. Исследователи, работавшие в составе Южно-Казахстанской археологической экспедиции 1947-1951 гг. под руководством А.Н. Бернштама, располагали большой коллекцией керамики, в основном подъемной, на основании которой была сделана классификация керамики городищ Южного Казахстана²⁰. Классификация в настоящей публикации ни в коей мере не предполагает замены предложенной ранее. Авторы ставили своей задачей внести лишь некоторые предварительные коррективы в датировки самых ранних групп керамики. Так, например, выделение предшествующими исследователями сакского (VII – IV вв. до н.э.) и раннекангюйского (III в. до н.э.–I в. н.э.) периодов²¹ ввиду явно незначительного материала как по югу Казахстана, так и по соседним районам, выглядит неубедительно²². К настоящему времени по аналогии с точно датированными керамическими комплексами Джеты-Асаров, давших массовый археологический материал, а также с комплексами керамики из Ташкентского оазиса²³ следует пересмотреть периодизацию ранней керамики южно-казахстанских городищ.

Подъемный керамический материал как ранее собранный, так и полученный в результате археологических работ в последние годы дает возможность ограничить датировку ранних керамических комплексов I – IV вв. н.э. Фрагментарность керамики еще не позволяет сделать полную классификацию их форм и типов – это дело будущего. Пока можно выделить лишь некоторые из форм, наиболее характерных для указанного периода. Это кувшинообразные ссуды, крышки, сосуды типа хумов, сковороды. Самую многочисленную группу составляют кувшины. Для них характерно округлое тулово с довольно высоким горлом, с закругленным или подчетыреугольным в сечении венчиком.

Для многих кувшинообразных сосудов характерным признаком является рифление горла мелкими и ярковыраженными концентрическими каннелюрами. Подобный прием был широко распространен в тот период в джеты-асарской культуре²⁴.

Рис. 9. Городище Ак-тобе Чиликское.

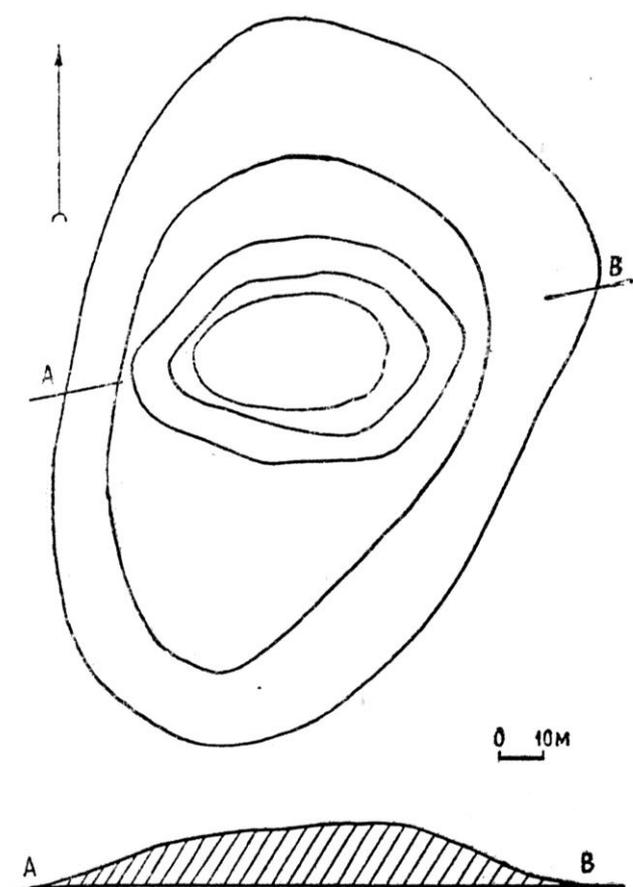

Рис.10. План городища Ак-Тобе
Чиликского

Снаружи некоторая часть кувшинов тщательной ручной лепки покрыта светлым беловатым либо розовым ангобом, поверх которого густо красно-коричневой или коричневой краской нанесены мазки, аморфные пятна, потеки и струйчатые полосы. В Согде сосуды с подобной раскраской встречены в слоях Тали-Барзу II и III, в джеты-асарской культуре – в «слое зернотерок»²⁵.

Горазда лучше выделяется керамика V – VII вв., обнаруженная почти на всех крупных городищах. Она в основном вылеплена от руки. Для хумов этого периода характерно вытянутое яйцевидное тулово, плоское дно и венчик, который лежит прямо на плечиках. Венчики округлые, прямые вертикальные или плоские сверху. Поверхность хумов

покрыта желтым или зеленоватым ангобом и потеками темно-красной и коричневой краски. Иногда это полосы, пятна и

пересекающиеся линии. Такая раскраска характерна для посуды Чача²⁶.

Котлы представлены в керамике V – VII вв. значительным количеством обломков. Они изготавливались из грубого теста с примесью дресвы. Тулово котлов сферической формы, венчик прямой, утолщенный или слегка отогнутый наружу. К тулову обычно прилепливались ручки, большей частью петлевидные, круглые или в виде жгута. Иногда ручки украшались штрихами, вмятинами или зацепками.

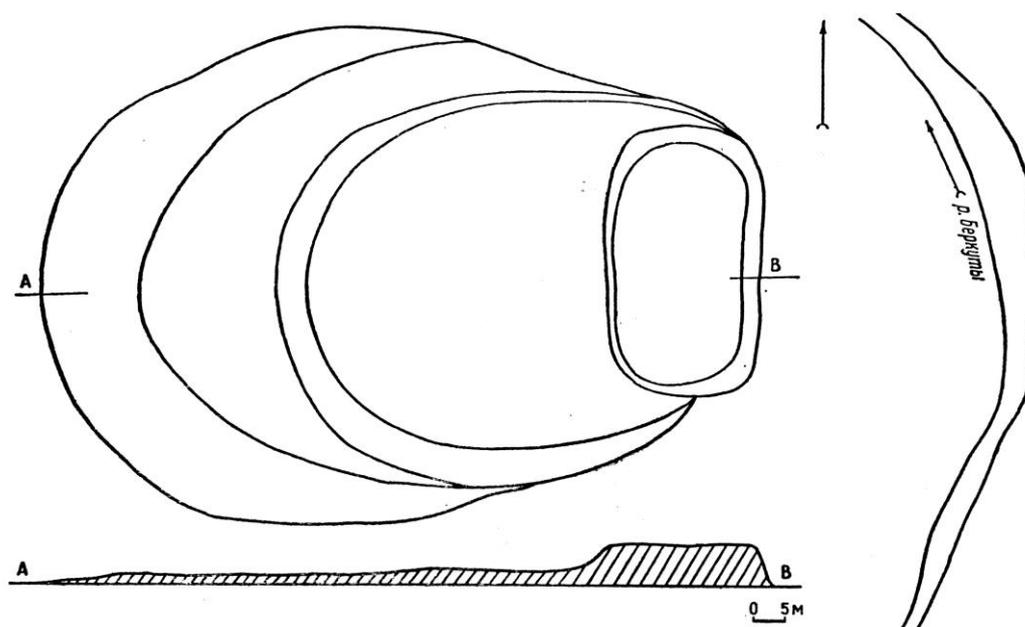

Рис. 11. План городища Беркутты I.

Кувшины представлены несколькими фрагментами. Характерной деталью их является наличие массивных треугольных сливов. Так же как и у хумов, поверхность кувшинов носит следы потеков и пятен краски. Следует отметить, что кувшины с массивными треугольными сливами обнаружены в Чаче и датируются VI – началом VIII в.²⁷, в Джеты-Асарах²⁸, в Пенджикенте²⁹. Для этого времени характерно появление на сосудах антропоморфных налепов, подобных семиреченским³⁰.

Одним из наиболее характерных типов посуды являются кружки. Тулово их приземистое, выпуклое широкое горло отдельно от него уступом, петлевидная ручка прилеплена к середине тулова. Такие кружки найдены в Баба-Ате³¹ и Чаче³². По мнению некоторых исследователей, наиболее близкие аналогии им прослеживаются в металлических сосудах из тюркских погребений³³.

Керамика VIII – X вв. характеризуется преобладанием станковой посуды. Среди нее – хумы, кувшины, кружки и другие виды посуды, изготовленной на гончарном круге. По-прежнему лепится от руки кухонная посуда – котлы, горшки.

Формы сосудов сохраняют традиции предшествующего времени, как, например, покрытие внешней поверхности пятнами и потеками краски у хумов и кувшинов.

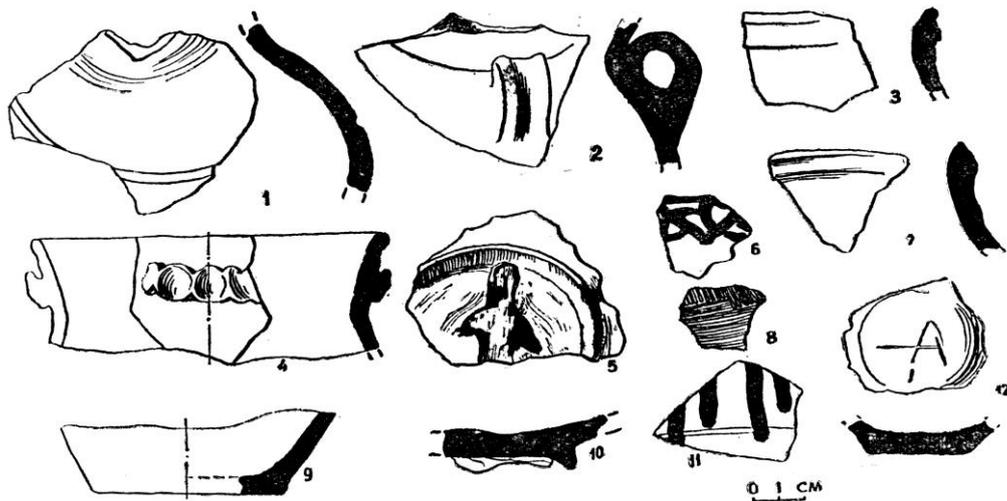

Табл. III. Керамика городища Беркутты I.

В керамике VIII – X вв. значительный процент составляют обломки крышек, достарханов, украшенных резным и налепным орнаментом. Элементы орнамента самые разнообразные: концентрические и зигзагообразные линии, растительная вязь, различные стилизации цветка, расходящиеся секторы, сочетание прочерченных кругов, налепные шишечки. Обычно все эти орнаменты встречаются в различных комбинациях. Керамика, украшенная подобным образом, широко представлена в материалах VIII – X вв. городищ Южного Казахстана³⁴. В большом количестве она встречается в Семиречье³⁵ и в Таласской долине³⁶.

Поливная керамика IX – X вв. представлена обломками светильников, покрытых белой поливой, на которую нанесена роспись в виде коричневых пятен. Следует отметить, что находки поливной керамики этого времени на городищах единичны.

Керамика XI – XII вв. характеризуется подавляющим преобладанием стандартных ремесленных форм. Широкое распространение получает поливная посуда, представленная в подъемном материале обломками чаш, мисок, светильников.

Много керамики, украшенной оттисками штампа. По-прежнему сохраняется посуда (обычно хумы и кувшины) с коричневыми и красными потеками и пятнами краски.

Интересным типом керамики является посуда с фигурной раскраской, сделанной на гончарном круге. Элементы росписи однообразные – спиралевидные, завитки, зигзаги и полосы. Вышеописанные виды посуды в Южном Казахстане впервые были выделены Е.И. Агеевой и датированы X – XII вв.³⁷. Подобного типа керамика встречается и в позднем средневековье.

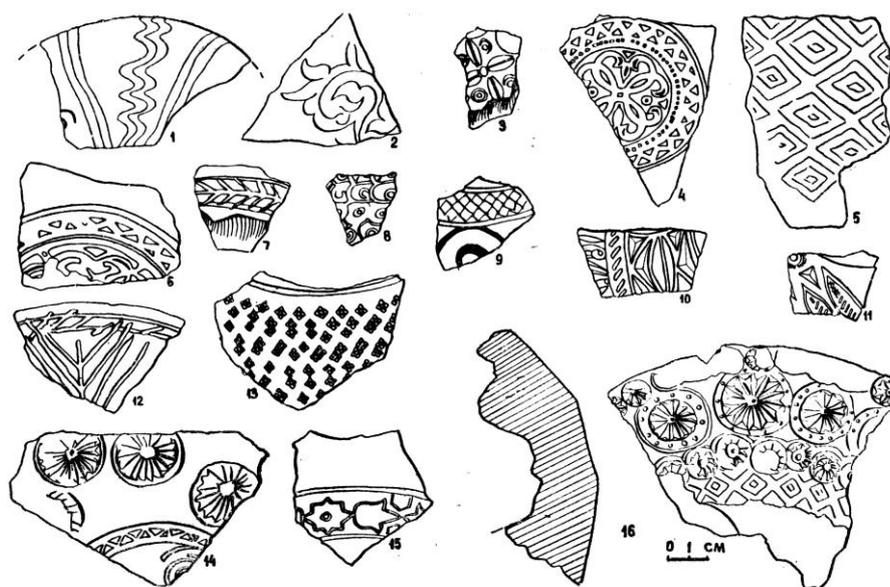

Табл.IV. Керамика с резным и штампованным орнаментом: 1, 3, 15 – Саурана; 2, 4, 5 – 14, 16 – Отрара.

Таким образом, нижняя граница существования оседлых поселений, судя по имеющемуся материалу, пока ограничена началом нашего тысячелетия. Ближайшие аналогии керамики I – IV вв. н.э. прослеживаются в материалах Ташкентского оазиса, в джеты-асарской культуре, тогда как для последующего времени появляются более широкие параллели с Согдом, Семиречьем и Хорезмом.

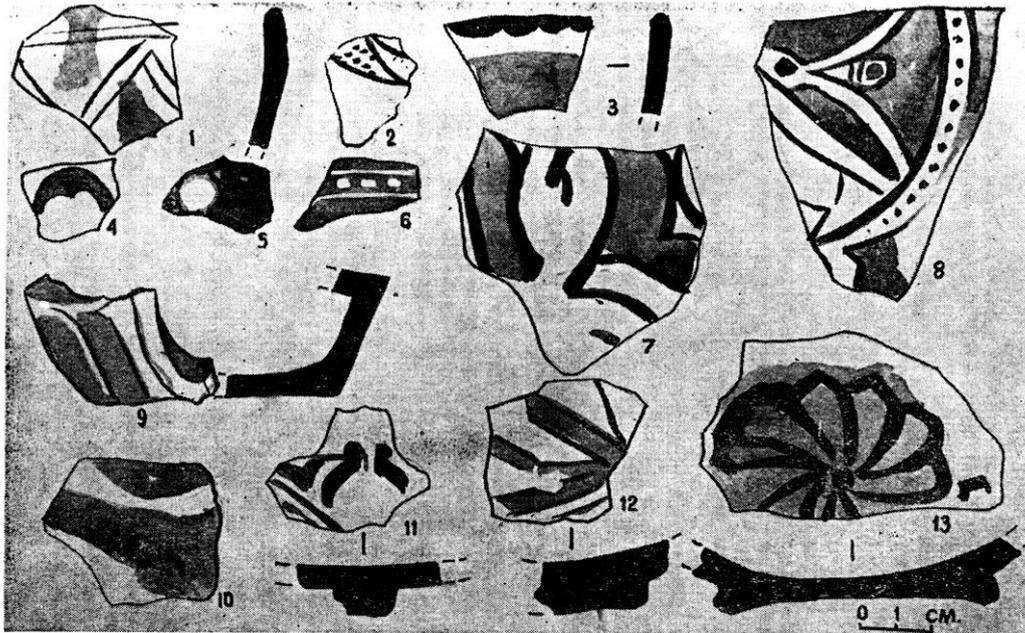

Табл. V. Поливная керамика Отрара X – XII вв.

Необходимо внести некоторые предварительные коррективы и в части, касающейся позднесредневековой керамики. Предшествующие исследователи ограничились выделением группы керамики XIII – XV вв.³⁸, названной монголо-тимуридской или восточно-кипчакской³⁹. В настоящее время можно выделить керамику монгольского времени (XIII – XIV вв.), продолжающую традиции предшествующего периода, а также XV – XVI и XVII – XVIII вв., т.е. эпохи казахских ханств. Две последние хронологические группы керамики заметно отличаются своеобразием форм, орнамента, цвета поливы.

Неполивная керамика XIII – XIV вв. получена из шурфа на городище Ак-Сумбе, из среднего слоя цитадели и верхнего слоя шахристана городища Кумкент, из слоя четвертого строительного горизонта в шурфе 1 на Сузакском городище (северные склоны Каратау)⁴⁰.

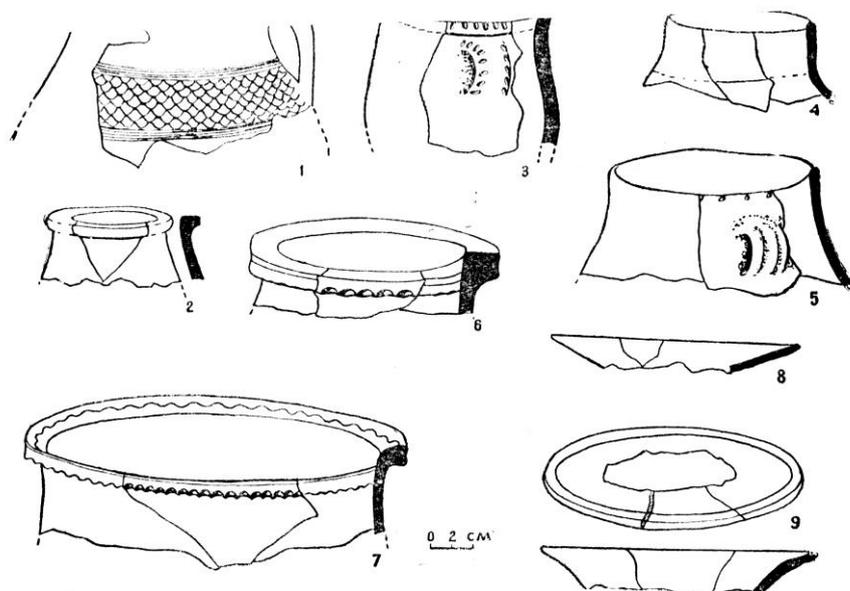

Табл. VI. Керамика XIII – XIV вв.: 1 – Ак-Сумбе; 2 – 6 – Сузака.

Хумы сделаны на круге по частям из глины с большим количеством растительных примесей и кварца. Стенки в изломе серые, иногда черные. Форма тулова хумов яйцевидная, без шейки, с массивным полочковидным венчиком, отогнутым наружу под прямым углом. Большинство хумов неорнаментированные, но имеется один фрагмент, у которого верхняя часть тулова украшена прочерченным арочным узором, обрамленным сверху волнистой линией (узор, широко распространенный на поливной керамике XIII – XIV вв.).

Горшковидные сосуды по технике лепки делятся на два вида – сделанные на круге и вручную. Тесто сосудов, вытянутых на круге, с небольшой примесью кварца, обжиг красный. Горловина невысокая, прямая или отогнутая наружу. Горшки, сделанные вручную, отличаются составом теста, в котором многочисленные примеси кварца и растительные остатки, обжиг серый или черный. Горловина также прямая и невысокая, но по краю она обрамлена жгутом с защипами пальцев.

Тагора встречаются по форме двух видов. Более характерны неглубокие тагора с прямыми бортами. Закраина с небольшим утолщением и плоская сверху. Внутренняя поверхность тагора с красным лощением. Реже встречаются тагора с прямым бортом и закраиной, сильно отогнутой наружу под прямым углом. У них также внутренняя поверхность с красным или коричневым лощением.

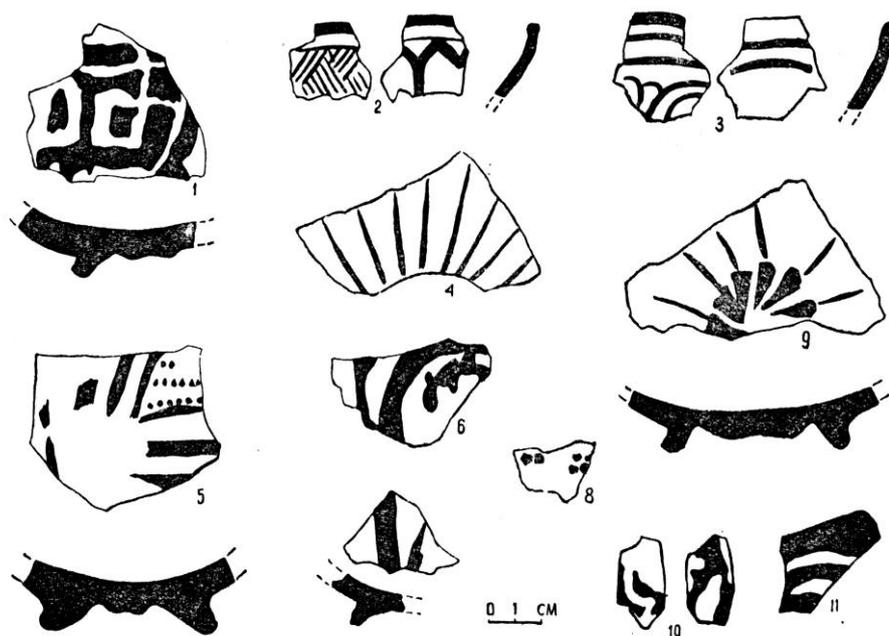

Табл. VII. Поливная керамика XIII – XIV вв.: 1 – 9 – Саурана; 4 – Сыганака; 2, 3, 7, 8, 10 – Отрара; 5 – 6 – Бузук-тобе Чиликского.

Кувшины встречаются также двух видов. Широкогорлые кувшины имеют невысокую прямую или чуть расширяющуюся горловину и небольшую плоскую ручку в верхней части. Узкогорлые кувшины изготавливались с профилированным, слегка расширяющимся горлом и широкими крутыми плечами. Кувшины снабжены плоскими ручками, прикреплявшимися верхним концом у основания горловины.

Глиняная масса не содержит примесей кварца, обжиг серый или красный. Поверхность большинства кувшинов покрыта серым или красноватым ангобом, иногда с лощением в верхней части тулова. Имеются фрагменты кувшинов со спиралевидным орнаментом, нанесенным черной краской.

В слое XIII – XIV вв. на Сузаке найдено несколько фрагментов и одна археологически целая чаша. У нее высокое полусферическое тулово с закраиной, слегка отогнутой наружу. Поддон полукольцевой с выступом на середине. Внутренняя поверхность чаш покрыта красновато-коричневым ангобом (аналогичные чаши имеются в поливной керамике).

В целом неполивная посуда XIII – XIV вв. по формам и орнаментации продолжает традиции предшествующего времени, что особенно заметно при сравнении с коллекцией керамики X – XII вв. городища Баба-Ата⁴¹.

В поливной керамике XIII – XIV вв. наиболее многочисленная группа покрыта красным или коричневым, редко белым ангобом. По ангобу нанесена роспись белой, желтоватой, красной или коричневой краской (в зависимости от фона). Внутренняя поверхность сосудов и частично внешняя покрыты бесцветной свинцовой поливой или окрашенной в желтый или зеленый тона.

Мотивы орнамента довольно разнообразны: это «вихревая» розетка, крупная сетка или растительные узоры, геометризированные медальоны с точечным орнаментом, меридиальные полосы, сходящиеся к центру. На закраине встречается поясok из точек. На внешней поверхности в большинстве случаев имеется определенный орнамент в виде арок.

Отдельную группу составляют изделия с зеленой, желтой, голубой, редко белой поливой, положенной поверх светлой ангобной подгрунтовки. Орнамент с подглазурной гравировкой или растительным и геометризованным узором, выполненным синей или черной краской под голубой глазурью.

По форме керамика XIII – XIV вв. представлена в основном чашами на кольцевом или «переходном» поддоне с выступом на середине.

В подъемном материале встречены образцы, по-видимому, привозной керамики, в частности хорезмийские сосуды с рельефным узором и росписью, датируемые XIII – XIV вв.⁴². В целом керамика XIII – XIV вв. датируется по аналогичным образцам из верхних слоев городища Баба-Ата и четвертого слоя Сузака⁴³.

Большая коллекция красноангобированной поливной керамики⁴⁴, собранной на городищах от Отрара до Сыгнака, позволяет расширить район распространения данного типа керамики от северных склонов Каратау (где она впервые была найдена) до правобережья Сыр-Дарьи и считать ее спецификой района. Красноангобированная поливная керамика XIII – XIV вв., несомненно, является связующим звеном с керамикой караханидского времени, что нетрудно проследить по мотивам орнамента⁴⁵.

Неполивная керамика XV – XVI вв. получена на городище Сузак в слоях третьего строительного горизонта в шурфе 1, пятого строительного горизонта в шурфе 2 и третьего строительного горизонта в шурфе 3.

Ведущей формой неполивной посуды являются кувшины двух типов: крупные широкогорлые сосуды (диаметр венчиков 14-18 см) и

небольшие узкогорлые (диаметр венчиков 6-8 см). Горловина широкогорлых кувшинов невысокая, плавно переходящая в тулово, край горловины налевой, треугольный в сечении, реже отогнутый наружу под прямым углом в виде площадки. Закраина соединяется с верхней частью тулова небольшой коленчатой ручкой, плоской в сечении.

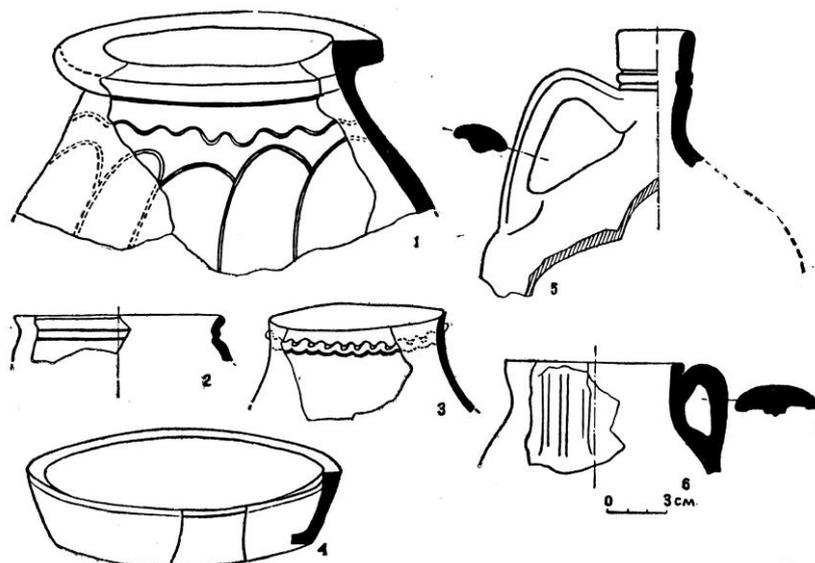

Табл. VIII. Керамика Сузака XV – XVI вв.

Узкогорлые кувшины имеют прямое высокое горло с небольшим утолщением по краю или без него. Плоские каннелированные ручки соединяют среднюю часть горловины с туловом.

Кувшины покрывались красным или коричневым ангобом, иногда с лощением. Кроме того, на внешней поверхности встречаются потеки и широкие полосы (нанесенные кистью) черного, коричневого или красного ангоба. Изредка ангобными красками черного и красного цвета выполнялось и орнаментальное украшение кувшинов. Это орнамент в виде «елочки» или просто наклонных полосок, встречающийся на ручках и тулове кувшинов.

Чаще встречается украшение врезными волнистыми линиями в один или несколько рядов или прямыми линиями, нанесенными гребенкой и опоясывающими верхнюю часть тулова кувшинов. На широкогорлых кувшинах встречается орнамент, выполненный штампом в виде поясков мелких ромбов, опоясывающих горловины кувшинов.

Все кувшины сделаны на гончарном круге, обжиг светло-коричневый или серый, в тесте небольшие примеси песка.

Вторую значительную группу по количеству найденных фрагментов составляют сосуды типа тагора. Это невысокие сосуды

(до 12 см) большого диаметра (28-36 см). Прямое тулово плавно переходит в плоское дно, закраины отогнуты наружу под тупым углом или близким к прямому. Тагора красноангобированные, иногда с лощением внутри. Имеется один сероангобированный фрагмент с вертикальными полосками черного ангоба внутри. Орнамент очень скупой: на отогнутой площадке закраины волнистая прорезная линия, иногда в сочетании с насечками по внешнему краю венчика (снизу).

Все тагора гончарной выделки, в тесте небольшие примеси песка, обжиг серый или чуть красноватый.

Небольшие горшкообразные сосуды (диаметр венчиков 18-20 см) разного назначения: столовые, сделанные на гончарном круге, в тесте небольшие примеси песка и красноватого обжига, и кухонные, отличающиеся от столовых преимущественно ручной лепкой, большой примесью кварца в тесте и неполным обжигом. Горловины горшкообразных сосудов прямые или слегка отогнутые наружу, в верхней части тулова расположена маленькая петлеобразная ручка, плоская в сечении. Столовые сосуды украшены неглубокими насечками по внешнему краю или сверху венчика, а также по бокам ручки. Кухонные сосуды чаще без орнамента или ниже закраины проходит налепной жгут с защипами пальцев, опоясывающий горловины. На внешней поверхности столовых горшкообразных сосудов встречается красноватый и серый ангоб.

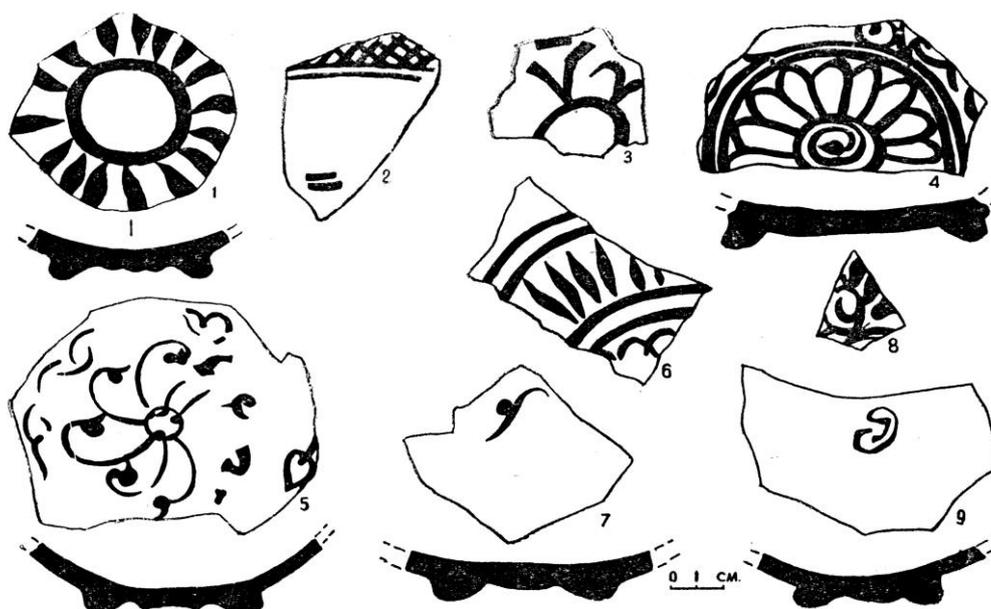

Табл. IX. Поливная керамика XV – XVI вв.: 1, 3, 4, 6, 7 – Саурана; 2, 5, 8, 9 – Отрара.

К горшкообразным по форме относится сосуд, найденный на глубине 4,5 м в шурфе 3 (высота 40 см, диаметр венчика 38 см, диаметр дна 20 см). Сосуд стоял перевернутый вверх дном, причем вся плоскость дна отсутствует, она аккуратно выбита. В таком положении сосуд использовали, очевидно, для хранения продовольственных запасов, так как в лёссовом заполнении обнаружены в большом количестве зерна злаков. У сосуда невысокая шейка, плавно переходящая в тулово, сильно зауженное ко дну. Закраина горловины отогнута наружу в виде широкой площадки. Две невысокие плоские коленчатые ручки (на противоположных сторонах) соединяют закраину с верхней частью тулова. Внешняя поверхность в верхней половине тулова украшена широкими соединяющимися арками, выполненными сероватым ангобом и нанесенными кистью. Сверху по площадке венчика проходит широкая полоса красновато-коричневого ангоба, нанесенного тряпкой, с потеками внутрь сосуда.

Сосуд лепился на круге по частям из трех широких полос, швы между которыми заметны на внутренней поверхности. Тесто плотное, с небольшой примесью песка, обжиг светло-коричневый.

Имеются фрагменты посуды баночной формы с невысокой прямой горловиной (диаметр 16-20 см), плавно переходящей в тулово, или с небольшим уступом в месте перехода горловины в тулово. Они гончарной выделки, тесто с небольшой примесью песка, обжиг светло-коричневый.

Крышки сосудов чаще всего лепились вручную из теста с большими примесями кварца и растительности. Они плоские и различаются формой ручек, которые делались чаще всего в виде невысокого цилиндра с утолщением вверху или грибовидной шляпкой, иногда украшенной по краям насечками.

В большом количестве встречаются фрагменты боковинокхумов с вертикальными глубокими насечками и потеками красноватого и коричневого ангоба по внешней поверхности. О форме венчика можно судить по фрагментам разных сосудов: профилированный край венчика отогнут наружу площадкой под прямым углом. Под венчиком проходит валик с пальцевыми защипами (диаметр венчиков 20 и 24 см). Сделаны хумы на круге по частям, в тесте небольшие примеси растительного характера и песка, обжиг неполный или красноватый.

Встречены фрагменты неполивной столовой посуды. Это обломки тарелок (диаметр 26 см) с полого отогнутым бортиком. Тарелки серо-коричневого обжига, в тесте небольшие примеси песка, сделаны на гончарном круге. Имеется также обломок чаши очень тонкой и тщательной выделки. Форма чаши полусферическая, а закраины слегка отогнуты наружу (диаметр 19 см). Чаша с двух сторон покрыта коричневым ангобом, нанесенным кистью, поверх которого имеются потеки черного ангоба.

О технике выделки керамики можно сказать следующее.

Сосуды больших размеров лепились по частям на круге, остальные вытягивались целиком, но различались техникой формовки донной части. Есть сосуды, дно которых формовалось вместе с туловом, причем в этом случае край дна расплюсчен и немного выступает наружу. Однако таких сосудов немного. Большинство найденной посуды (62%) делалось техникой отдельной формовки плоскости дна и тулова и последующего соединения их двумя способами: 1) края дна прикреплялись с внешней стороны к тулову, 2) плоскость дна вставлялась в тулово и шов тщательно замазывался с внутренней стороны, в то время как на внешней поверхности он хорошо прослеживается.

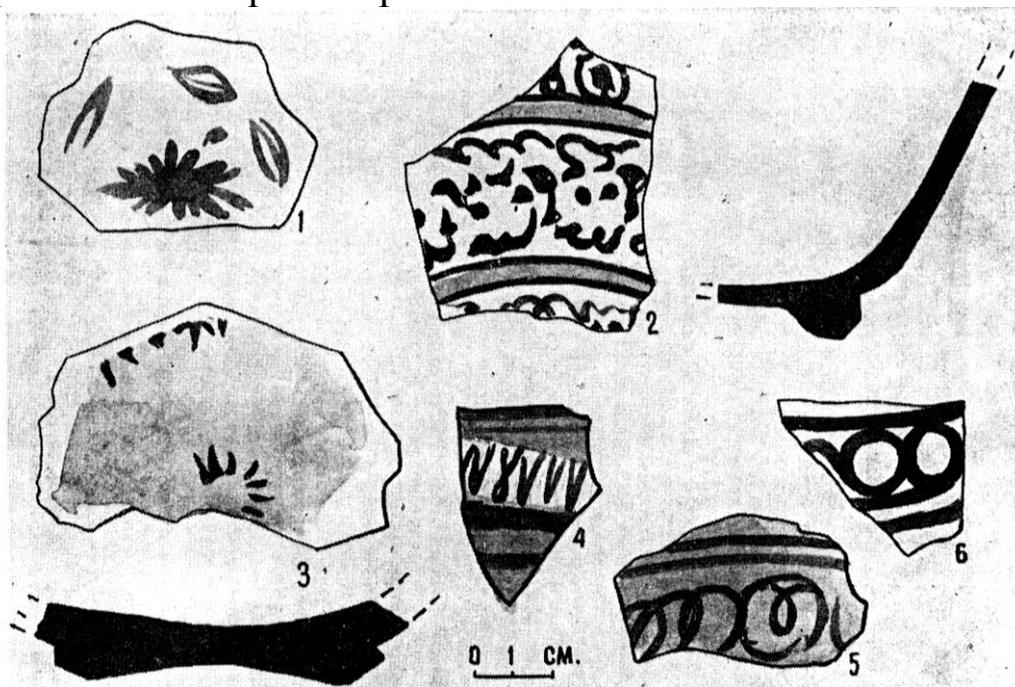

Табл. X. Поливная керамика XVII – XVIII вв.: 1, 2 – Сыганака;
3 – Саурана; 4 – 6 – Отрара.

Аналогии неполивной керамики XV – XVI вв. очень ограничены в силу слабой изученности этого периода не только на территории Южного Казахстана, но и в Средней Азии. Можно лишь отметить некоторые элементы, сближающие материалы Сузака с современной ей керамикой из Средней Азии. Хумы с насечками по тулову известны в Мерве в слоях XV – XVII вв.⁴⁶ и в Хорезме в слоях XV – XVII вв.⁴⁷. Неполивные блюда с отгибом бортов наружу с четко выраженным ребром перелома находят аналогии в поливной керамике Нисы и Самарканда XV в.⁴⁸, Бухары XVI в.⁴⁹.

Поливная керамика XV – XVI вв. покрыта поташной или свинцовой глазурью (иногда грязноватых оттенков) по светлому ангобу. Глазури бесцветные и окрашенные в голубой (различных оттенков), темнозеленый, бирюзовый, марганцевый, кремоватый цвета. В группе с бесцветной поливой употреблялась роспись кобальтом, марганцем, бирюзовой, коричневой и зеленой красками, иногда в росписях встречаются сочетание бирюзы и кобальта, марганца и кобальта. Если употреблялась окрашенная полива, орнаментом покрывалась в основном посуда с голубой и бирюзовой поливой с росписями марганцем и черной краской.

В орнаменте преобладают растительные мотивы (роспись кобальтом) и геометризированные в виде пересекающихся линий, ромбов, медальонов. Очень часто в различных вариантах повторяется мотив «вихревой» розетки.

Поливная посуда XV – XVI вв. представлена в основном фрагментами чаш и блюд на кольцевых и врезных кольцевых поддонах. Встречены также фрагменты крупных сосудов (видимо, кувшины и тагора). Группа керамики XV – XVI вв. аналогична материалам из Сузака, где соответствующие слои были датированы медными монетами бухарского чекана XV – XVI вв. (по определению Е.А. Давидович)⁵⁰.

Неполивная керамика XVII – XVIII вв. получена в Сузаке из слоев второго строительного горизонта шурфа 1, третьего строительного горизонта шурфа 2. Второго строительного горизонта шурфа 3.

Керамика из этих слоев не имеет резких отличий от неполивной керамики XV – XVI вв., что позволило бы выделить ее в отдельную группу. Наоборот, основные традиции керамики XV – XVI вв. продолжают бытовать и значительно позже. Можно лишь отметить группу горшкообразных сосудов с небольшими плоскими ручками,

закраиной с налепным валиком и неглубокими наклонными насечками по нему и линейным прочерченным орнаментом в верхней части тулова.

Но в целом выделить группу неполивной керамики XVII – XVIII в. на имеющихся материалах не представляется возможным.

В поливной керамике XVII – XVIII вв. встречены сосуды с неокрашенной поливой, преимущественно широкие и неглубокие чаши на массивном кольцевом поддоне. Мотивы орнамента довольно однообразны: волнистые линии, располагающиеся пояском, спирали в сочетании с расплывчатыми пятнами. Характерным элементом орнамента, появившимся на керамике XVII – XVIII, является круглый тамгообразный знак с лучами «басма»⁵¹, видимо, продолжающий традиции «вихревой» розетки в орнаменте.

Посуда, покрытая бесцветной поливой, расписывалась бирюзой и марганцем различных оттенков. Встречаются также сочетания бирюзовой раскраски с черной.

Весьма многочисленная также группа керамики с окрашенной поливой в голубой или бирюзовый цвета; форма и сюжеты орнамента повторяют предыдущую группу.

Керамика XVII – XVIII вв. очень груба и массивна, глазури утратили чистоту фактуры, орнамент выполнен очень небрежно. Ухудшение качества поливной керамики XVII – XVIII вв. объясняется, видимо, джунгарским нашествием.

В подъемной керамике XV – XVI вв. встречены на поддонах тамги в виде креста и других знаков, очертания которых установить трудно из-за фрагментарности находок. Если принадлежность знаков к казахским родоплеменным тамгам определяется⁵², весьма соблазнительно на этом основании предположить, что керамические мастерские в различных городах Южного Казахстана принадлежали главам тех или иных казахских родов. Установление такого факта было бы очень важно, так как до сих пор почти ничего неизвестно об организации ремесла и связях кочевого населения и городов в позднее средневековье, о той роли, которую играли города как центры ремесла и торговли в становлении казахской государственности⁵³. А связи такого рода прослеживаются достаточно определенно, судя по обилию подъемных материалов XV – XVI вв., мощному культурному слою и расширению городской территории в это время.

Таким образом, расцвет городской жизни в Отраре, Туркестане, Сыгнаке, Сауране, Ишкане, Сузаке и других городах среднего течения Сыр-Дарьи и склонов Каратау, акцентированный предшествующими

исследователями на XIII – XV вв., следует перенести на XV – XVI вв., то есть на время образования и усиления казахских ханств.

1. Об основных научных итогах работ см.: А.Х. Маргулан. Оседлые поселения VIII – XIII вв. на северных склонах Каратау. «Изв. АН КазССР, серия археол.», вып. 1, 1948, стр. 109-115; Его же. Из истории городов и строительного искусства древнего Казахстана. Алма-Ата, 1950; А.Н. Бернштам. Древний Отрар. «Изв. АН КазССР, серия археол.», вып. 3, 1951, стр. 81-97; Его же. Проблемы древней истории и этногенеза Южного Казахстана. «Изв. АН КазССР, серия археол.», вып. 2, 1950, стр. 59-99; Е.И. Агеева, Г.И. Пацевич. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана. «Тр. ИИАЭ АН КазССР», т. 5, 1958, стр. 3-215; Е.И. Агеева. Керамика Южного Казахстана. Автореф. канд. дисс., Л., 1953; Ее же. Раскопки на городище Баба-Ата (1953 – 1954). «Изв. АН КазССР, серия истор., эконом., филос. и права», вып. 1, 1954, стр. 75-82; Сб. «Археологические исследования на северных склонах Каратау». «Тр. ИИАЭ АН КазССР», т. 14, 1962, стр. 57-215.

2. В работах участвовали: К.А. Акишев – начальник отряда, К.М. Байпаков, Л.Б. Ерзакович, Б.Н. Нурмуханбетов – научные сотрудники, В.И. Садомсков – реставратор, О.В. Медведев – фотограф.

3. До революции в этом районе были обследованы Караул-тобе и Джуван-тобе в связи с находкой клада монет (К.М. Боронин. Находка клада монет близ с. Мамаевка в Чимкентском уезде в 1893 г. «Среднеазиатский вестник», 1896, № 9, стр. 17-18). Часть монет определена М.Е. Массоном и датирована концом XIII – началом XIV в. (М.Е. Массон. Монетные находки, зарегистрированные в Средней Азии за время с 1917 по 1924 гг. «Изв. Средазкомстариса», вып. 3, 1928, стр. 289). Н.П. Остроумовым было раскопано несколько кургановБурджаринского могильника и заложены шурфы на городище Джуван-тобе и бугре Альвакенд на берегу Бадама. (Н.П. Остроумов. Археологическая поездка в селение Мамаевку. ПТКЛА, 1899, год IV, стр. 118-137). В 1915 г. несколько городищ среднего течения р. Арысь были осмотрены В.Д. Городецким. (В.Д. Городецкий. К археологии Чимкентского уезда. «Изв. Туркест. отдела РГО», т. 15, 1922, стр. 94-103). Городище Джуван-тобе исследовалось Южно-Казахстанской археологической экспедицией в 1953 г. «Тр. ИИАЭ АН КазССР», т. I, 1956, стр. 51-53, 107-109; А.Н. Бернштам. Древний Отрар, стр. 90.

4. Тобе представляет собой двухъярусные или одноярусные бугры подчетырехугольной и овальной в плане формы, площадью 0,02-2 га. Это, по всей вероятности, остатки укрепленных поселений, усадеб и замков. Аналогичные памятники интерпретируемые так же, известны в Усрушане (Н.Н. Негматов. Усрушана в древности и раннем средневековье. Душанбе, 1957, стр. 117), Бухарском оазисе (В.А. Шишкин. Варахша. Ташкент, 1963, стр. 128-129, 146), Чаче (А.И. Тереножкин. Холм Ак-тепе близ Ташкента. Материалы по археологии Узбекистана», т. I, 1948, стр. 71-133). Особенно хорошо укрепленные усадьбы исследованы в Хорезме (Е.Е. Неразик. Сельские поселения Афригитского Хорезма. М., 1966).

5. В.В. Бартольд. К истории орошения Туркестана. Соч., т. III. М., 1965, стр. 233-234. Сообщения об округе Кенджида и главном г. Усбаникете (Арсубаникет, Субаникет) имеются у Истахри, Макдиси, ибн-Хаукаля, в «Худуд ал-Алем» Якута (См.: С.Волин. Сведения арабских источников IX – XVI вв. о долине р. Талас и смежных районах. «Тр. ИИАЭ АН КазССР», т. 8, 1960, стр. 78, 80-81, 85; Е.К. Бетгер. Извлечения из книги «Пути и страны» Абу-л-Касыма ибн-Хаукаля. «Тр. САГУ», вып. CXI, исторические науки, кн. 25, археология Ср. Азии. IV, 1957, стр. 24; «Худуд ал-Алем». Рукопись Туманского. С введением и указателем В.В. Бартольда. Л., 1930, л. 24 б.).
6. В.Г. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. II. М.-Л., 1941, стр. 112, 159; В.В. Бартольд. Улугбек и его время. Соч., т. II, ч. 2. М., 1964, стр. 292-293.
7. Е.И. Агеева, Г.И. Пацевич. Из истории оседлых поселений..., стр. 108-109.
8. На Караспан-тобе в обилии встречается поливная керамика монгольского времени.
9. М.Е. Массон. Исторический этюд по нумизматике джагатаидов. «Тр. САГУ», новая серия, CXI, исторические науки, кн. 25, археология Ср. Азии, IV. Ташкент, 1957, стр. 76; 10. В.Д. Жуков. Чекан Кендже и анэпиграфические монеты в Дункентском кладе. «История материальной культуры Узбекистана», вып. 2, 1961, стр. 307-312; Э. Гулямова, Е.А. Давидович, Б.А. Литвинский, В.А. Ранов. Археологические и нумизматические коллекции Института истории, археологии и этнографии АН Таджикской ССР. Сталинабад, 1956, стр. 32., М.Е. Массон. Указ. раб., стр. 76; В.Д. Жуков. Указ. раб., стр. 307.
10. Аналогичное явление наблюдается, например, для одновременных монет с чеканом Фараба (см.: М.Е. Массон. Указ. раб., стр. 76-77).
11. С. Волин. Сведения арабских источников..., стр.80-81.
12. Там же, стр. 81, примеч. 51. В.П. Юдин переводит последнюю фразу: «... в окрестностях Иаканкента, при впадении (в Арысь) реки Буралдай». См. его рец. на книгу С.Г. Кляшторного «Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии». «Изв. АН КазССР, серия обществ.», вып. 1, 1968, стр. 65, примеч. 3.
13. С.П. Толстов. По древним руслам Окса и Яксарта. М., 1962, рис. 116, 3.
14. А.Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алтая. МИА, 26, 1951, стр. 97, 100, 107; Его же. Прошлое района Алма-Ата. 1949, стр. 8-14; К.М. Байпаков. Раннесредневековые города и поселения Семиречья. «Изв. АН КазССР, серия обществ.», 1966, № 2, стр. 77, 80, 84.
15. Е.И. Агеева, Г.И. Пацевич. Из истории оседлых поселений..., стр. 125.
16. Там же, стр. 123.
17. В.В. Бартольд. К истории орошения Туркестана. Соч., т. III. М., 1965, стр. 224.
18. «Материалы по истории туркмен и Туркмении». т. I, VII – XV вв. «Арабские и персидские источники». Под ред. С.Л. Волина, А.А. Ромаскевича и А.Ю. Якубовского. М.-Л., 1936, стр. 503.
19. Е.И. Агеева. Опыт классификации керамики городов и поселений среднего течения Сыр-Дарьи и Каратау. КСИИМК, 1949, вып. 28, стр. 86-88; Ее же. Керамика городов и поселений среднего течения Сыр-Дарьи и Каратау. «Изв. АН

КазССР, серия археол.», вып. 2, 1950, стр. 100-118; Ее же. Керамика Отрара. «Изв. АН КазССР, серия археол.», вып. 3, 1951, стр. 98-110; Ее же. Керамика Южного Казахстана (опыт историко-археологической периодизации). Автореф. канд. дисс., Л., 1953;

²⁰ Е.И. Агеева, Г.И. Пацевич. Из истории оседлых поселений..., стр. 157-202.

²¹ К.М. Байпаков. Археологическая литература в изданиях АН КазССР в 1946-1962 гг. «Советская археология» (далее СА), 1964, № 2, стр. 249.

²² Л.М. Левина. Керамика и вопросы хронологии памятников джеты-асарской культуры. В сб.: «Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана». М., 1966, стр. 45-90; Б.И. Вайнберг, Л.М. Левина. Поселение Ак-тобе 2. В сб.: «Древности Чардары». Алма-Ата, 1968, стр. 36-71; Е.И. Агеева. Керамика городища Шаушукум. Там же, стр. 92-119.

²³ Л.М. Левина. Указ. раб., стр. 50, рис. 4.

²⁴ Т.Н. Книпович. Некоторые вопросы датировки среднеазиатской культуры домусульманского периода. КСИИМК, вып. XXVIII, 1949, стр. 75; Б.Я. Ставиский. О датировке ранних слоев Тали-Барзу. СА, 1967, № 2, стр. 22-28.

²⁵ М.С. Мерциев. К вопросу о генезисе оседлых поселений. «Изв. АН КазССР, серия обществ. наук», 1965, № 3, стр. 43.

²⁶ А.И. Тереножкин. Согд и Чач. КСИИМК, 33, 1950, стр. 167, табл. 69.

²⁷ Л.М. Левина. Указ. раб., стр. 59.

²⁸ И.Б. Бентович. Керамика верхнего слоя Пенджикента. МИА, 124, стр. 269-271, рис. 9 (39).

²⁹ К.М. Байпаков. Раскопки раннесредневекового замка в Семиречье. «Вестник АН КазССР», 1966, № 8, рис. 3. Исчерпывающую сводку по этому вопросу см.: Л.М. Левина. К вопросу об антропоморфных изображениях в джеты-асарской культуре. В сб.: «История, археология и этнография Средней Азии». М., 1968, стр. 167-178.

³⁰ Е.И. Агеева. Общий обзор находок. В сб.: «Археологические исследования на северных склонах Каратау». «Тр. ИИАЭ АН КазССР», т. 14, 1962, рис. 56.

³¹ А.И. Тереножкин. Согд и Чач. КСИИМК, 33, рис. 69, 1-2.

³² Б.И. Маршак. Влияние торевтики на согдийскую керамику VII – VIII вв. «Труды Гос. Эрмитажа», т. V. «Культура и искусство народов Востока». Вып. 6, 1964, стр. 180-185.

³³ Е.И. Агеева, Г.И. Пацевич. Из истории оседлых поселений..., стр. 177-178, рис. 95-97. Их же. Общий обзор находок, рис. 55-57.

³⁴ Труды Семиреченской археологической экспедиции «Чуйская долина». Составлены под руководством А.Н. Бернштама. МИА, 14, 1950, табл. XXI – XXIV.

³⁵ П.Н. Кожемяко. Оседлые поселения Таласской долины. В сб.: «Археологические памятники Таласской долины». Фрунзе, 1963, стр. 191.

³⁶ Е.И. Агеева, Г.И. Пацевич. Из истории оседлых поселений..., стр. 193-194, рис. 109.

³⁷ В эту группу вошло немало образцов более позднего времени. См., например: Е.И. Агеева. Керамика городов и поселений среднего течения Сыр-Дарьи и Каратау. «Изв. АН КазССР, серия археол.», вып. 2, 1950, стр. 115-116, рис. 89.

³⁸ Е.И. Агеева, Г.И. Пацевич. Из истории оседлых поселений..., стр. 196 и сл.

- ³⁹. Л.Б. Ерзакович. О позднесредневековом городище Сузак (северные склоны Каратау). «Изв. АН КазССР, серия обществ.», вып. 3, 1966, стр. 66-69.
- ⁴⁰. Е.И. Агеева. Памятники средневековья (раскопки на городище Баба-Ата). «Тр. ИИАЭ АН КазССР», т. 14, 1962, стр. 203-204.
- ⁴¹. Н.Н. Вактурская. Классификация средневековой керамики Хорезма (IX – XVII вв.). «Тр. ХАЭЭ». т. IV. М., 1959, рис. 29 (1, 4).
- ⁴². Е.И. Агеева. Общий обзор находок, стр. 201-203; Л.Б. Ерзакович. Поливная керамика городища Сузак XIII – XVIII вв. «Вестник АН КазССР», 1966, № 5, стр. 79. Керамика с зеленой, желтой и голубой глазурью известна со многих памятников XIII – XIV вв. Таласской и Чуйской долины, Хорезма. См.: П.Н. Кожемяко. Оседлые поселения Таласской долины, стр. 201; Н.Н. Вактурская. Указ. раб., стр. 319.
- ⁴³. При всем разнообразии красок фона, орнамента и поливы красный ангоб (различных оттенков) занимает ведущее положение, и поэтому вся группа керамики, выполненная одним и тем же техническим приемом, условно названа красноангобированной поливной керамикой.
- ⁴⁴. Е.И. Агеева. Общий обзор находок, стр. 203.
- ⁴⁵. В.М. Массон. Хумы Нисы (о некоторых формах неполивной керамики). «Тр. ЮТАКЭ», т. II, 1953, стр. 416.
- ⁴⁶. Н.Н. Вактурская. Классификация средневековой керамики Хорезма (IX – XVII вв.). «Тр. ХАЭЭ» т. IV, М., 1959, стр. 330.
- ⁴⁷. Г.А. Пугаченкова. Глазурованная керамика Нисы XV – XVI вв. «Тр. ЮТАКЭ», т. I, Ашхабад, 1949, стр. 98; Ее же. Самаркандская керамика XV в. «Тр. САГУ», вып. XI, 1950, стр. 97, рис. 1.
- ⁴⁸. Коллекция С.Н. Юренева в фондах Эрмитажа. Шифр: Афр. 6452-6462.
- ⁴⁹. Л.Б. Ерзакович. Поливная керамика городища Сузак XIII – XVIII вв. «Вестник АН КазССР», 1966, № 5, стр. 78-81; Его же. О позднесредневековом городище Сузак. «Изв. АН КазССР, серия обществ.», № 3, 1966, стр. 67-68.
- ⁵⁰. Термин, предложенный для этого вида орнамента С.Н. Юреныным.
- ⁵¹. Л.Б. Ерзакович. О позднесредневековом городище Сузак, стр. 69.
- ⁵². В последнее время указанный пробел восполнен новыми переводами и исследованиями позднесредневековых письменных источников. См.: К.А. Пищулина. Присырдарьинские города и их значение в истории казахских ханств в XV – XVII вв.». Алма-Ата, 1969, стр. 5-49.
- ⁵³. А.Н. Бернштам. Археологические работы в Южном Казахстане. КСИИМК, XXVI, стр. 132-133.

К ПРОБЛЕМЕ ПРОИСХОЖДЕНИЯ НОМАДИЗМА В АРИДНОЙ ЗОНЕ ДРЕВНЕГО КАЗАХСТАНА

*(Поиски и раскопки в Казахстане. – Алма-Ата: Наука КазССР,
1972. – С. 31–46.)*

В зарождении той или иной формы хозяйства в древности определяющую роль играл фактор среды. Значение среды контрастно проявилось в период появления производящей экономики (полиметаллические эпохи), но особенно в эпоху освоения железа, которая на территории древнего Казахстана почти совпало с переходом к новой форме хозяйства – кочевому скотоводству.

Генезис номадизма на территории Казахстана – проблема неразработанная. В данной статье рассматриваются некоторые ее аспекты.

Известно, что кочевое скотоводство в условиях позднесредневекового Казахстана имело различные формы.

Рассмотрим принципиальное различие между скотоводческим хозяйством, существовавшим в Центральном Казахстане и Семиречье. При этом правомерно привлечение этнографических параллелей, так система ведения скотоводческого хозяйства казахов XIX и начала XX в. мало отличалась от практики хозяйственной деятельности древних номадов. Пастбищно-кочевая система (или посезонное распределение пастбищ и водных источников, без которого вообще было бы невозможно кочевое скотоводство), уже сложившаяся в момент перехода скотоводов к кочеванию в IX – VII вв. до н.э., фактически оставалась неизменной в продолжении тысячелетий. Вывод этот основывается на исторической топографии археологических памятников Казахстана: поселений, зимовок и погребальных сооружений. Размещение их в течение всего огромного периода в одних и тех же местах свидетельствует о том, что еще в начале перехода к кочевничеству были определены наиболее благоприятные для скотоводства районы кочевания. При этом обязательным условием пригодности их для хозяйственного использования являлось наличие пастбищ, подходящих для посезонного чередования.

По топографии памятников наиболее точно устанавливаются места зимовок – места продолжительного стояния кочевника. Они были неизменными сотни лет, из поколения в поколение. Рядом с ними находились семейно-родовые могильники и кладбища, которые

со временем увеличивались. Так возникали ныне известные археологам огромные некрополи, состоящие из разнотипных и разновременных памятников, и многослойные зимовки-поселения. Здесь укажем лишь некоторые из них.

В Центральном Казахстане это некрополь Бегазы, состоящий из оград андроновской культуры (XV – XI вв.), плиточных оград дандыбай-бегазинского времени (IX – VIII вв.), каменных и земляных курганов эпохи раннего железа (VII – IV вв.), казахских каменных надмогильных сооружений XVII – XVIII вв. и мазаров XIX – начала XX века¹. В Южном Казахстане – Бурджарский (Борижарский) могильник (он насчитывает тысячи земляных курганов) служил местом захоронения с VI по XII в. н.э.². В Восточном Казахстане – курганный могильник у с. Зевакино на р. Иртыш, где сосредоточено большое количество погребений, относящихся к разным периодам – от II тысячелетия до н.э. до X – XII вв. н.э.³. Особенно большое количество таких некрополей расположено в районах зимовок в Семиречье. Среди них такие, как Жуантобинский могильник (долина р. Или), являющиеся местом захоронения с VII в. до н.э. по VIII в. н.э.⁴.

В этой же связи особо следует отметить результаты раскопок зимовки-поселения Актас-2, расположенного в долине р. Кегень (Восточное Семиречье). Они показали, что в I – III вв. здесь возникло поселение древних усуней, которое затем по какой-то причине было заброшено. В IV – VI вв. на месте руин старого поселения потомками этих же племен (судя по преемственности материальной культуры) были возведены новые жилые сооружения. Позднее дважды (в XVIII и в XIX – начале XX века) это место избиралось для зимних стоянок казахами-номадами⁵.

Таким образом, данные археологии свидетельствуют о том, что на территории Казахстана и Северной Киргизии, во-первых, наибольшее количество памятников, как правило, располагается на местах зимовок, т.е. в местах максимальной оседлости кочевых племен; во-вторых, о том, что эти географические пункты, некогда избранные как более благоприятные для зимовок, не менялись в продолжение многих веков, что, в свою очередь, говорит не только о преемственности культуры, но и о схожести типа хозяйства и образа жизни последовательно сменявшихся друг друга племен.

Еще в самом начале перехода к кочевничеству (IX – VIII вв. до н.э.) на всей территории обитания племен произошло распределение

зимних стоянок. Лучшие из них не менялись за весь период существования кочевого скотоводства на территории Казахстана. Можно утверждать, что уже в эпоху раннего железа (VIII – IV вв. до н.э.) определились постоянные места зимних пастбищ, места сезонной оседлости кочевников.

Установить стоянки человека в другие сезоны года (осенью, весной и летом) по археологическим данным не представляется возможным. Трудности установления таких мест объясняются тем, что эти времена года приходятся на интенсивное кочевничество, остановки на одном месте бывают настолько кратковременными, что не успевают отложиться культурный слой. Поэтому обнаруживаются такие стоянки чрезвычайно редко. Для выяснения этого вопроса могут быть привлечены сведения древних письменных источников, данные естественных наук и выводы, полученные ретроспективным методом, что мы и сделаем ниже.

Главным естественным фактором, определяющим возникновение кочевого скотоводства как специфичной формы хозяйства, прокладывание постоянных маршрутов перекочевок и происхождение номадизма вообще, как распространенного образа жизни не только в Казахстане, но и в других странах является периодичность поедаемости скудной растительности, неравномерно распределенной на огромных пространствах степей, полупустынь и пустынь и посезонное чередование травостоя.

Исключительное значение для доказательства этого тезиса имеет характеристика растительного покрова этих регионов. Так, по сведениям профессора И.М. Крашенинникова, в Центрально- и Западно-Казахстанских степях периодичность поедаемости трав по сезонам таковы: зимой – ковыль (*Stipabarbata*), жусан (*Artemisiaterrae-albae*), кияк (*Elymusturgaicus*), солянка (*Salsolarigida*), кокпек (*Atriplexcanum*), бииргун (*Anabasisalsala*), бетеге (*Festucasulcata*); весной – еркер (*Agropirumdesertorum*), ковыль, ебелек (*Ceratocarpusarenarius*), кияк, кокпек, бетеге; летом – еркер и ебелек и, наконец, осенью – жусан, солянка и кокпек⁶.

Периодичность поедаемости трав основана прежде всего на сезонной смене растительных форм, являющейся природной закономерностью, общей для всех климатических зон. Но важное значение имели также особенности, характерные лишь для зоны сухих казахстанских степей, в частности, депрессия в поедаемости растений, составляющих главную массу корма: ковыль, еркер и др.

Полынь (жусан) всех видов, являющаяся одной из главных форм растительного покрова степи, совершенно непригодно для корма в течение весны и всего лета, но становится одним из основных кормов осенью и зимой, когда мороз разрушает накопленные в ней вредные вещества.

Вторым важным фактором перехода к кочевничеству, являются естественные запасы питьевой воды, ограниченные засушливостью климата, засоленностью грунтовых вод, рек и озер. Так, например, реки Сагыз, Уил, Эмба и их притоки (Западный Казахстан) имеют пресную воду всего 2-3 месяца, а в течение остального времени года вода для питья непригодна⁷.

Эти факторы определили, что скотоводы с наступлением тепла вынуждены были кочевать на север, где имелись хорошие злаковые пастбища и обильная пресная вода, а с похолоданием – возвращаться на зимовье в межгорные ущелья, в прибрежные заросли, в котловины песчаных барханов.

Меридиональное, с юга на север и обратно, направление кочевания дореволюционных казахов зарегистрировано всеми исследователями, изучавшими в разные годы хозяйства, быт и образ жизни кочевников Центрального и Западного Казахстана. Р. Карутц, в 1909 г. побывавший среди киргизов (казахов. – К.А.) на Мангышлаке, отмечал, что они кочевали в полупустынных степях, расположенных в пределах от Каспийского до Аральского моря и от Красноводска до р. Урал⁸. Аналогичную картину наблюдал Ф. Фиельструп у казахского племени адай в Западном Казахстане. По его мнению, с наступлением тепла все роды адай покидали места зимовок, расположенные к югу от р. Эмбы, и кочевали на север к летним пастбищам⁹. Такое же направление перекочевок было характерно и для казахов Внутренней орды, хотя, как отмечает В.В. Востров, у них протяженность кочевого маршрута составляла не более 200-250 км¹⁰.

В таких же условиях, и по такому же направлению кочевали казахи Центрального Казахстана. Отдельно роды и племена, преодолевали пустыню Бетпак-Дала, проходили огромные расстояния от низовьев р. Сырдарьи и с предгорьев Каратау до границы лесостепи¹¹.

Приведенные сведения относятся к началу XX в., когда Казахстан уже продолжительное время находился в составе России и развитие его экономики под воздействием последней претерпело

существенные изменения. Однако имеющиеся в более ранних источниках факты показывают, что такая форма хозяйства и направление перекочевков казахских скотоводческих племен сложились гораздо раньше. В этом аспекте интересны сведения архивных источников о разделении пастбищ на зимние и летние, существовавшем между казахскими племенами и родами.

Так, источники свидетельствуют о том, что во второй четверти XIX в. зимовки некоторых казахских родов Внутренней орды находились на юге, около поста Кокоревского (восточное побережье Каспийского моря), а летние пастбища – на севере, в урочищах Джидели, Бекетай и Яманкул. О другом роде пишется, что места зимних стоянок он имел также на юге, по побережью Каспия (между урочищами Кум-Суват и Тар-Суват), а летние – севернее, в местностях Абель-Игкень, Батырбай, Кендже, Аванас и др. Мы привели лишь два факта, но их значительно больше¹². В первой половине XVIII в. зимовки хана Аблая находились в горах Кокчетау, а летние – на севере, в долине р. Ишим¹³. В начале XVI в. ставка (зимовка) казахского хана Бурундука была расположена около с. Сарайчик (северо-восточное побережье Каспия), летние же стоянки – в приуральских степях¹⁴.

Отсюда можно заключить, что сезонное распределение пастбищ и меридиональные маршруты кочевания существовали на территории Западного и Центрального Казахстана во все периоды развития скотоводческого хозяйства собственно казахов.

Но в письменных арабо- и персоязычных источниках имеются сведения о более раннем периоде истории Казахстана, до сложения казахского народа, которые будут приведены несколько позднее.

Ниже рассмотрим влияние естественных факторов на развитие скотоводства в Семиречье и в Восточном Казахстане. Семиречье отличается богатством растительного покрова и источников пресной воды. Флора его насчитывает около трех тысяч видов, что втрое превышает число видов в районах Средней России¹⁵.

Густота стояния растений увеличивается по мере повышения местности над уровнем моря, характер растительности изменяется в самых широких пределах. Так, в низменной части, в прибалхашских песках, характерными признаками флоры являются преобладание кустарниковых и полукустарниковых форм и редкое стояние трав, а в горных районах, в зоне альпийских лугов, наблюдается многообразие и исключительное богатство растительного покрова¹⁶.

В Семиречье также не существует и проблемы водообеспечения. Здесь высок уровень выпадения атмосферных осадков, много также больших и малых рек, горных озер, питающихся родниковыми и талыми ледниковыми водами. Эти водные источники в избытке обеспечивали пресной водой хозяйственные и бытовые нужды населения¹⁷. Нехватка корма и воды наблюдалась лишь в пустынях Прибалхашья, составляющих лишь небольшую часть территории Семиречья. Но и они использовались под пастбища зимой, когда потребность в воде низка и полностью удовлетворяется снежной и колодезной водой.

Поэтому в Семиречье возникли своя форма скотоводческого хозяйства и иные направления кочевых маршрутов, отличные от Центрального и Западного Казахстана.

Правда, и здесь места зимовок и зимние пастбища располагались в песках Прибалхашья, в прибрежных зарослях рек Чу и Или, на южных склонах невысоких горных гряд. Так, И.В. Захарова, основываясь на материалах конца XIX и начала XX в., сообщает, что семиреченские казахи снимались с зимовок в середине мая и перекочевывали на высокогорные летние пастбища, откуда спускались лишь в конце лета в предгорья, где многие из них имели небольшие посевы¹⁸. Излюбленные места зимних стоянок казахов-кочевников находились на северной окраине Семиречья, поэтому перекочевки совершались с северных низменных районов на юг, к летним горным пастбищам, а не с юга на север, как это имело место в Центральном и Западном Казахстане.

Такая система кочевания, сложившаяся соответственно вертикально расположенным природным зонам Семиречья¹⁹, получила название вертикальной системы кочевания²⁰.

Другой особенностью Семиречья является то, что посезонные пастбища здесь располагались на небольших расстояниях один от другого. Поэтому максимальная амплитуда кочевания достигает 100-200 км в степных районах, а минимальная – 50-70 км в горных местностях. При такой сравнительно небольшой удаленности пунктов перекочевок друг от друга семиреченские скотоводы тратили гораздо меньше времени на передвижение, проводя большую часть года на стоянках. Это и определило особые черты, сложившиеся в хозяйстве и в быту. Племенам Семиречья в большой степени был присущ полукочевой-полуоседлый быт, раннее приобщение к земледелию.

Полукочевой образ жизни, аналогичный семиреченскому, вели и казахи-кочевники Восточного Казахстана.

С.И. Руденко, занимавшийся в 20-х годах XX в. изучением быта племен найманов и кереев, сообщает ценные сведения о характере хозяйства и форме жилищ этих племен. Особый интерес для нас представляют его данные о существовавших в то время порядках перекочевков. Так, найманы и керей, зимующие по побережьям Бухтармы и Черного Иртыша, покидают места зимовок в конце мая или в начале июня, а возвращаются обратно к октябрю. В продолжение всего срока они проходят не более 60-100 км в одну сторону. Причем переходы до летовки совершаются на небольшие расстояния – от 10 до 30 км с остановками 5-10 дней. Более продолжительные стоянки на летних пастбищах (более 30 дней) приходится в основном на июль²¹. С.И. Руденко сообщает также, что найманы и керей имели в районе зимовок посевы хлеба и занимались сенокосением.

Таким образом, из приведенных сведений видно, что у казахов Семиречья и Восточного Казахстана существовала одинаковая форма ведения скотоводческого хозяйства полукочевого–полуоседлого типа, существенно отличающаяся от кочевого скотоводства степей и полупустынь Центрального и Западного Казахстана.

Выше были приведены факты, свидетельствующие о сложившейся пастбищно-кочевой системе, имевшей место у казахских племен в XVI – начале XX в.

Но подобные сведения имеются в более ранних письменных источниках. Они доказывают, что чередование пастбищ по сезонам года существовало и в более отдаленные времена.

В связи с тем, что для нашего исследования важно установить регламентацию пастбищ у древних племен, приведем эти сведения в хронологической последовательности.

Среди письменных источников XV – XVI вв. ценные сведения имеются в книге Фазлаллаха бен Рузбехана «Михман-намеи Бухара»²². В этом труде, являющемся, по мнению ираниста С.К. Ибрагимова, единственным сочинением средневековых авторов, наиболее полно знакомящим с бытом и хозяйством казахо-кочевников, Рузбехансообщает, что казахский улус имеет зимовки и летовки, которые располагаются на протяжении шестисот фарсангов²³. Причем зимовки их находятся по берегам реки Сейхун (Сырдарья), в Каракумах, а летние пастбища – по окраинам Дашт и

Кипчака, вплоть до реки Итиля (Волги)²⁴. Эти сообщения Рузбехана, как видно, относятся ко всем казахским племенам.

Сведения, относящиеся к определенному родоплеменному объединению, имеются в работе другого автора XVI в. Так, Мухаммед Хайдар сообщает, что к концу лета казахи Касымхана двинулись на зимовки в долину реки Каратал (Семиречье), а в начале весны хотели вернуться в первоначальное местопребывание²⁵, т.е. в районы летних пастбищ.

Сообщения источников, приводимые ниже, относятся к протоказахским племенам. Историк XIV в. Рашид-ад-дин пишет, что Абдулджа-хан²⁶ был кочевник и летовки его были в больших и высоких горах Ортак и Кузтак²⁷, а зимовки – в Бурсуне, Какияне и Каракуме, находящихся недалеко от городов Талас и Кары-Сайрам. У Рашид-ад-дина имеются также сведения по территории Семиречья. Так, племена чагатайского царевича Есенбуки зимовали у озера Иссыккуль, а летовали в долине р. Талас²⁸.

Наглядные примеры распределения пастбищ по сезонам и направления перекочевок на территории Казахстана содержатся в трудах средневековых авторов XIII в. Гильом Рубрук, проезжавший по территории Казахстана в 1253 г., писал, что здесь каждый начальник знает границы своих пастбищ, а также где он должен пасти стада зимой, летом, весной и осенью. Они зимою, продолжает Рубрук, спускаются к югу, а летом поднимаются на север²⁹.

Сведения другого автора XIII в. ибн-ал-Асира относятся конкретно к тюркским кипчакским племенам. Они, по его сообщению, кочуют летом по соседству с волжскими булгарами, а зимой – около Баласагуна³⁰, т.е. в Западном Семиречье, в долинах р. Талас и Чу. Данные ибн-ал-Асира совпадают с сообщением Абуль-Гази о том, что Батый при распределении земель определил границы владений Шайбани-хана, предписав ему летом кочевать на восточной стороне Яика, по рекам Иргиз-Суваку, Ори и Илеку до горы Урал, а зимовать в Аракуме, Каракуме и по берегам реки Сырдарьи, при устьях рек Чу и Сарысу³¹. Аналогичные сообщения о сезонном распределении пастбищ и направлениях перекочевок у тюрко-монгольских племен в XIII в. можно найти в трудах Марко Поло³².

В письменных источниках еще более ранних эпох также имеются сведения о пастбищно-кочевой системе, имевшей место у кочевых тюркских и тюркоязычных племен в IX – XII вв. Хотя они весьма скупы и более фрагментарны, чем вышеприведенные, все же их

достаточно для положительного решения интересующего нас вопроса.

Так, известный автор XI в. Махмуд Кашгарский в словаре тюркских языков, содержащем много исторических и географических сведений, упоминает о местности Юн-арык в Семиречье и подчеркивает, что это название летовки поблизости от Баласагуна³³. Автор X в. Кудама ибн Джафар сообщает о местности Касрибас, находящейся в районе Тараз, что это теплое место и что оно является началом карлукских племен³⁴.

Эти же сведения имеются в сочинении арабского географа IX в. Абдаллаха ибн Хордадбега. Но сведения Хордадбега более ценны и, по-видимому, более точны, так как они появились на сто лет раньше, чем книга Кудамы. Ибн Хордадбех конкретизирует, что Касрибас – это теплое место, где зимуют карлуки и что поблизости от него расположены зимовки другого тюркского племени – халаджей³⁵.

Таким образом, изложение в хронологической последовательности сообщений письменных и литературных источников о системе ведения кочевого хозяйства на территории Казахстана и некоторых близлежащих регионов мы довели до рубежа нашей эры.

Единственными письменными источниками для Казахстана этого периода являются китайские династийные хроники. Эти исторические сочинения основаны на донесениях очевидцев – послов, наместников, полководцев и путешественников, вступавших в непосредственный контакт с оседлыми и кочевыми племенами и государствами Западного края, поэтому они могут претендовать на точную передачу фактов, хотя по ним и нельзя представить полную картину хозяйственной жизни племен.

Так, в истории Танской династии («Таншу») есть указания, что у племен тукюе (турки), обитавших на Южном Алтае во второй половине VI в., не было постоянного местопребывания, но каждое из них имело свой участок земли³⁶. Очевидно, что здесь под участком земли надо понимать пастбища, поскольку тюркские племена не знали оседлости.

Территориальные соседи тукюе – племена жуань-жуани северной Монголии при предводителе Гюйлухой зимой кочевали на южной стороне Песчаной степи, а с наступлением лета возвращались на северную³⁷. Приведенные данные относятся к раннему периоду истории этих племен – к IV в. н.э.

Наиболее ценны для нас сообщения хроник о древних обитателях Монголии, Казахстана и Средней Азии – племенах хунну, канцзюй и усунь. По этим сведениям, хунну и канцзюй уже в III – II вв. до н.э. знали сезонное чередование пастбищ. Как свидетельствует источник, кочевники хунну «смотря по временам года, переходят с места на место»³⁸.

Более подробны сведения о племени канцзюй, локализуемом в междуречье Аму- и Сырдарьи и в Южном Казахстане. Владелец их, по сообщению источника, зимою в холодное, а летом в жаркое время живет не в одном месте, а в разных³⁹. Причем от города Битянь (ставка владельца) до земли Леюань, где находилось зимнее управление (стоянка) владельца, - езды на лошади семь дней, а до подвластной территории, где правитель пребывал летом, 9104 ли⁴⁰. Можно полагать, что Леюань⁴¹ - место зимовки кангюйских племен – находилось в низовьях рек Аму- и Сырдарьи и в горах Каратау, а летовки – севернее, в степях Центрального Казахстана.

Более скупы и неясны сведения древних авторов о системе перекочевков древних усуней Семиречья. Лишь сообщается, что они перекочевывают с места на место в поисках травы и воды. Но и по этому краткому сообщению можно предполагать, что посезонное распределение пастбищ было известно усуням, так же как и другим кочевым племенам Западного края.

Наш вывод о форме хозяйства и образе жизни усуней может быть подвержен археологическим материалам и данными палеозоологии.

Развитому кочевому скотоводческому хозяйству характерно строго определенное соотношение видов скота, преобладание в реальном стаде животных, способных на длительные передвижения, самодобывание корма в зимних условиях. Такими животными в стаде кочевых племен и народностей, как известно, являются лошади, верблюды и овцы. Для подтверждения нашего вывода привлечем остеологические материалы. Так, статистика костных остатков животных, собранных при раскопке поселений и захоронений древних усуней, дает материал, позволяющий восстановить существовавший состав стада и его видовое соотношение, по которому можно судить и о форме скотоводческого хозяйства и об образе жизни племен. А исходя из положения, что кочевое скотоводство немыслимо без пастбищно-кочевой системы, остеологические данные могут подтвердить существование ее в древнеусуньское время.

Мы располагаем костными остатками с зимовки-поселения Актас-2 (Восточное Семиречье) и поселения Луговое-холм (Западное Семиречье), относящихся к одним и тем же усуньским племенам, обитавшим в разных частях Семиречья примерно в один и тот же период. Обратимся к видовому определению фаунистических остатков из этих поселений.

Результаты определения остеологического материала показывают, что видовое соотношение в реальном стаде у усуней характерно для хозяйства, основанного на полукочевом скотоводстве. Причем это соотношение несколько различно у восточно- и западно-семиреченских усуней, что можно подтвердить сравнением процентного содержания костных остатков каждого вида домашних животных с поселений этих племен.

Актас 2 (I – VI вв.)⁴² Луговое-холм (I – V вв.)⁴³

Лошадь	32,7	22,8
Крупный рогатый скот	16,3	33,1
Овца	48,4	37,9
Верблюд двугорбый	-	2,4
Коза домашняя	0,7	0,4
Осел домашний	-	0,4

Приведенные цифры показывают, что большой процент содержания костей овцы (48,4%) и лошади (32,7%) приходится на зимовку-поселение Актас, крупного рогатого скота (33,1%) – на поселение Луговое-холм. Такое соотношение видов домашних животных, очевидно, свидетельствует о том, что в первом случае в стаде преобладали животные, приспособленные к самодобыванию корма зимой (лошади, овцы), а во втором – требующие стойлового содержания (коровы). Отсюда проверен вывод, что на поселении Луговое имело место оседлое скотоводство, а на зимовке Актас – кочевое.

Конечно, приведенных данных недостаточно для того, чтобы делать выводы о формах скотоводческого хозяйства всего Семиречья, но все же мы склонны думать, что западно-семиреченским усуням была присуща большая оседлость, чем усуньским племенам восточных районов. Различие в хозяйстве и в образе жизни этих двух усуньских групп населения может быть объяснено большей пригодностью равнинных земель у рек Талас и Чу, чем долин рек Или, Каратал, для

оседлого земледелия и влиянием на Западное Семиречье близлежащих древнеземледельческих центров Согда, Ферганы и Южного Казахстана.

Таким образом, номадизм на территории Казахстана имел почти трехтысячелетнюю историю. Насколько мы можем судить, основываясь на данных современной науки, возникновение его относится к IX – VIII вв. до н.э.

Предыстория номадизма и соответствующего ему скотоводческого хозяйства начинается со времени зарождения у древних казахстанских обитателей производящего хозяйства, т.е. одомашнивание диких животных. Известные находки самых древних костей домашних животных относятся к III тыс. до н.э. (стоянка Саксаульская в северо-восточном Приаралье). С этого времени и до перехода к кочевой форме скотоводческое хозяйство в своем развитии, как свидетельствуют материалы археологических раскопок, прошло по меньшей мере два этапа.

Первый этап – XVII – XV вв. до н.э. – соответствует, по существующей в советской исторической науке терминологии, федоровско-нурынскому этапу андроновской культуры (ранний период эпохи бронзы). Бытовавшая в это время на территории всего Казахстана форма скотоводческого хозяйства (оседлое, придомное, пастушеское), ограниченное поголовье домашних животных обеспечивалось естественным запасом корма, имеющимся на пастбищах, расположенных около поселения; в стаде преобладал крупный рогатый скот, как наиболее продуктивный. Однако содержание крупного рогатого скота, в частности обеспечения его кормов, представляло значительные трудности, особенно в суровых зимних условиях. Стойловое содержание зимой предполагало заготовку хотя бы минимального количества корма. Таким образом, вероятно, с возникновением скотоводства появляется сенокосение. В свою очередь, сенокосение способствовало зарождению первобытного земледелия и стимулировало его. Находки при раскопках поселений этого времени орудий обработки земли (каменные мотыги) и кошения сена или уборки посевов (бронзовые серпы) доказывают, что действительно так и было. Поэтому мы можем констатировать следующее: в условиях древнего Казахстана параллельно развивались две формы хозяйства: оседлое пастушеское скотоводство и первобытное земледелие.

Второй этап – XIV – XI вв. до н.э. – соответствует алакульско-атасукскому этапу той же культуры (средний период эпохи бронзы). Среди костных остатков, обнаруженных при раскопке поселений этого времени, увеличивается количество костей овцы и лошади, появляются кости верблюда, т.е. в хозяйстве растет удельный вес животных, способных к самодобыванию корма зимой и приспособленных к дальним переходам. На поселениях этого же времени известны наиболее ранние находки костяных псалиев, свидетельствующих о появлении конской узды и, значит, приручении лошади для верховой езды. Значение этого факта для прогресса хозяйства и культуры было огромно. Теперь человек имел возможность включить в сферу своей хозяйственной деятельности более обширные участки земли. Освоение новых земель и рост поголовья стада находились во взаимной зависимости.

При раскопке таких же памятников в Западном (поселение Тасты-бутак)⁴⁴ и в Северном Казахстане (поселение Чаглинка)⁴⁵ в жилых помещениях впервые были обнаружены остатки колодцев. Эти находки свидетельствуют о том, что человек научился создавать искусственные источники воды. Если раньше он был полностью привязан к естественным водоемам, то теперь эта зависимость значительно уменьшилась. Оба эти фактора имели большое значение для роста подвижности племен, увеличения территории их расселения и освоения новых площадей под пастбища и земледелие.

И, наконец, еще один факт. Среди археологического материала, добытого при раскопке захоронений и поселений этого периода, увеличивается количество оружия: бронзовых наконечников стрел и копий, ножей и кинжалов. Очевидно, освоение новых земель приводило к частому столкновению племен, нередко случались и прямые нападения чужеплеменников. Только эта причина могла вызвать увеличение производства предметов вооружения, необходимых не только для защиты своих жилищ и имущества и отстаивания территории расселения, но и для нападения с целью захвата чужого имущества и земли.

Перечисленных фактов вполне достаточно для того, чтобы прийти к выводу, что в XIV – XI вв. до н.э. придомное пастушеское скотоводство переросло в свою более высокую ступень, в так называемое яйлажное скотоводство. Для этой формы скотоводства характерно распределение пастбищ уже на зимние и летние. Около поселения скот выпасается лишь в зимнюю пору, а с наступлением

тепла стадо в сопровождении пастухов – вооруженных мужчин – перегоняется на летние пастбища. Следовательно, древние скотоводы уже в XIV – XI вв. до н.э. стояли на пороге перехода к новой форме хозяйства, к кочевому скотоводству. Однако и на этом этапе хозяйство продолжало оставаться скотоводческо-земледельческим. Хотя преобладание скотоводства очевидно, все же продолжало существовать и прогрессировать мотыжное земледелие. Так, в низовьях р. Сырдарьи с помощью аэрофотосъемки были обнаружены остатки обработанных полей и оросительных систем, относящихся к этим же векам. Можно предполагать, что в благоприятных природно-климатических условиях довольно рано появились зачатки орошаемого земледелия.

Итоги археологических поисковых и раскопочных работ доказывают, что в IX – VIII вв. до н.э. (поздний этап эпохи бронзы) происходят коренные изменения в материальной культуре, меняется внешний вид памятников, появляются новые, ранее неизвестные формы предметов и домашней утвари, статистика костных остатков показывает преобладание костей овцы и лошади. Очевидно, эти перемены явились следствием перехода общества к новой форме хозяйства – к кочевому скотоводству. Поэтому период IX – VIII вв. до н.э. можно считать начальным этапом распространения номадизма на территории Казахстана. По-видимому, именно на этом этапе распространилось круглогодичное кочевание и окончательно сложилась система посезонного распределения пастбищ и водных источников.

В последующие столетия с VII в. до н.э. (в эпоху раннего железа) на всей степной и горно-степной части Казахстана кочевое и полукочевое скотоводство было господствующей формой хозяйства. Однако в разных по природным условиям районах Казахстана возникают свои особенности в развитии хозяйства, как скотоводческого, так и земледельческого. Определяются три основных района хозяйственного специализирования.

Одним из них является Западный и Центральный Казахстан – зона степей и полупустынь. Это район экстенсивного кочевого скотоводства с круглогодичным содержанием скота на подножном корме. Амплитуда меридионального (с юга на север) кочевания охватывала огромные территории – многие сотни километров в длину. Для этой зоны характерно слабое развитие оседлости и земледелия, но не полное отсутствие их и неизменности сезонных

пастбищ и маршрутов перекочевок за весь период существования номадизма. На территории древнего Казахстана только в его западных и центральных районах развивалось классическое скотоводство.

Второй район – это Восточный и Юго-Восточный Казахстан, включающий горные системы Тянь-Шаня и Алтая – зоны сочетания яйлажного скотоводства и богарного земледелия, полукочевнического и полуоседлого образа жизни. Своеобразная географическая среда здесь определили возникновение особой системы перекочевок, получившей у специалистов название вертикальной. Для нее была характерна малая амплитуда перекочевок, продолжительные остановки на местах стоянок и ежегодные передвижения с северных степных равнин к южным альпийским пастбищам. В связи с тем, что сезонные пастбища находились на небольших расстояниях друг от друга, скотоводы этих районов тратили гораздо меньше времени на передвижения, проводя большую часть года на стоянках. Поэтому племена этих районов раньше, чем районов классического кочевничества, переходят к оседлости и к земледельческому труду. В позднее средневековье здесь появляются и развиваются десятки центров городской цивилизации.

И, наконец, третий район – это Южный Казахстан, зона лёссовых равнин в долине рек Сырдарьи, Таласа, Арыси, район раннего зарождения оседлости и поливного земледелия, городской культуры и ирригационного строительства. В низовьях р. Сырдарьи укрепленные поселения городского типа и монументальные кирпичные здания культового назначения появляются еще в VI–IV вв. до н.э.

В первых веках нашей эры земледельческие поселения возникают и распространяются не только в долине Сырдарьи, но значительно шире, они охватывают долину Арыси и ее притоков, склоны хребта Каратау, расположенного на самой границе с номадами Центрального Казахстана. В средневековье Южный Казахстан становится одним из крупных центров городской культуры, транзитной торговли и орошаемого земледелия. Достаточно сказать, что на этой сравнительно небольшой территории ныне известны свыше двухсот мертвых поселений и городов, среди них такие крупные, известные всему средневековому Востоку, как Отрар, Тараз, Сыгнак, Испиджаб, Ясы, Сауран.

1. *А.Х. Маргулан.* Отчет о работах Центрально-Казахстанской археологической экспедиции 1947 г. «Известия АН КазССР, серия археол.», 1949, вып. 2, стр. 13–19.
2. *Е.И. Агеева, Г.И. Пацевич.* Отчет о работах Южно-Казахстанской археологической экспедиции 1953 г. Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 1, 1956, стр. 53–56; *Б.Н. Нурмуханбетов.* Раскопки Борижарского могильника. Археологические открытия 1967 г. М., 1968.
3. *Ф.Х. Арсланова.* Работы на Зевакинском могильника. Археологические открытия 1968 г. М., 1969.
4. *А.Г. Максимова.* Курганы сакского времени могильника Джуван-тобе. КСИИМК, 80, 1960, стр. 60–64; *ее же.* Усуньские курганы левобережья р. Или. «Известия АН КазССР, серия истории археологии и этнографии», 1959, вып. 1 (9), стр. 79–85.
5. *К.А. Акишев.* Зимовки-поселения и жилища древних усуней. «Известия АН КазССР, серия обществ.», 1969, № 2.
6. *И.М. Крашенинников.* Характеристика растительного покрова Центрального Казахстана. Сб. «Казахи». Материалы совещания по Центральному Казахстану. Л., 1927, вып. 3, стр. 43 и след.
7. *Там же.*
8. *Р. Карути.* Среди киргизов и туркменов на Мангышлаке. СПб., 1910; *В.В. Востров.* Новые материалы по этнографии казахов-адаевцев. Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 8, 1960, стр. 159.
9. *Ф.Ф. Фиельструп.* Скотоводство и кочевание в части степей Западного Казахстана. В сб.: «Казахи», вып. 2, стр. 79.
10. *В.В. Востров.* Казахи Джаныбекского района Западно-Казахстанской области. (Историко-этнографический очерк). Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 3, 1956, стр. 16–21.
11. *А.Х. Маргулан.* Отчет о работах Центрально-Казахстанской археологической экспедиции в 1947 г., стр. 27–28; *И.М. Крашенинников.* Указ. работа, стр. 43.
12. ЦГА, г Ленинград, ф. 1291, оп. 82, д. 8, лл. 10, 11; *А. Еренов.* Очерки по истории феодальных земельных отношений у казахов. Алма-Ата, 1961, стр. 92–94.
13. Гос. архив оренбургской области, ф. пограничного отчета № 6, оп. 10, л. 3328; д. 90, ф. 3, оп. 1. 9, 176, л. 38; *А. Еренов.* Указ. работа, стр. 90–91.
14. *А.П. Чулошников.* Очерки по истории казахско-киргизского народа в связи с общими историческими судьбами других тюркских племен. Ч. I. Оренбург, 1924, стр. 113.
15. *В.Н. Шнитников.* Растительность Джетысу. Сб. «Джетысу (Семиречье)», стр. 48 – 49.
16. *Там же.*
17. *Л.К. Давыдов.* Климат. Сб. «Джетысу (Семиречье)», стр. 33–47.
18. *И.В. Захарова.* Материальная культура казахов-колхозников Юго-Восточного Казахстана. (По материалам Алма-Атинской и Джамбульской областей). Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 3, 1956, стр. 109, 115.
19. *В.Н. Шнитников.* Указ. работа. Стр. 52, 53, 73.

- ²⁰ *К.Б. Ахмедова*. География развития животноводства Алма-Атинской области. Алма-Ата, 1962, стр. 92; *И.В. Захарова*. Указ. работа, стр. 109; *Г.А. Кушаев*. Культура усуней долины реки Или. В кн.: *К.А. Акишев, Г.А. Кушаев*. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата, 1963, стр. 264.
- ²¹ *С.И. Руденко*. Очерк быта северо-восточных казахов. В сб.: «Казахи». Вып. 15. Л., 1929, стр. 4–6.
- ²² *С.К. Ибрагимов*. «Михман-намеи Бухара» Рузбехана как источник по истории Казахстана XV – XVI вв. Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 3, 1960, стр. 141–157.
- ²³ Один фарсанг равен 6-7 км.
- ²⁴ *С.И. Ибрагимов*. Указ. работа, стр. 143–145.
- ²⁵ *В.В. Вельяминов-Зернов*. Исследование о касимовских царях и царевичах, ч. II. СПб., 1864; *С. Волин*. Сведения арабских, персидских и тюркских источников IX – XVI вв. о долине р. Талас и смежных районах. Ркп. ИИАЭ АН КазССР, стр. 197.
- ²⁶ *Абдулджа-хан* – мифический предок тюрок и монголов. См.: *С. Волин*. Сведения..., стр. 190.
- ²⁷ Ортак, по-видимому отождествить, можно с горами Ортау (Ортак-Ортау), находящимися недалеко от ж.-д. ст. Агадырь.
- ²⁸ *Рашид-ад-дин*. Сборник летописей, т. I, кн. 1. М.-Л., 1952, стр. 80–81.
- ²⁹ «Путешествия в восточные страны ПланоКарпини и Рубрука». М., 1957, стр. 91.
- ³⁰ *В.В. Бартольд*. Соч., т. II, кн. 2. М., 1964, стр. 290; т. IV, 1966, стр. 53.
- ³¹ *Абдуль-Гази*. Родословное древо тюрок. Казань, 1906, стр. 60.
- ³² «Книга Марко Поло». М., 1955, стр. 88.
- ³³ *С. Волин*. Сведения... Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 8, 1960, стр. 84.
- ³⁴ *Там же*, стр. 77.
- ³⁵ См.: *С Волин*. Сведения..., стр. 73, 74, 76. Сведения Кудамы и Хордадбеха относятся к середине VIII и началу IX в., так как они пользовались источниками этого периода.
- ³⁶ *Н.Я. Бичурин (Иакинф)*. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древнее время. Т. 1 М.-Л., 1950, стр. 230.
- ³⁷ *Н.Я. Бичурин*. Собрание сведений..., т. 1, стр. 185.
- ³⁸ *Там же*, т. 1, стр. 58.
- ³⁹ *Там же*, т. 2, стр. 184.
- ⁴⁰ *Н.В. Кюнер*. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961, стр. 174.
- ⁴¹ А.Н. Бернштам допускает такую трансформацию: Лоюени – Улуг-йери-Улугтау. См.: МИА, 26, стр. 214.
- ⁴² Определение произведено старшим научным сотрудником Института зоологии АН КазССР, канд. биол. наук Б. Кожамкуловой.
- ⁴³ *В. Карачаревский*. Результаты определения костных остатков животных из раскопок Южно-Казахстанской экспедиции 1936-1938 годов. Архив ИИАЭ АН КазССР, ф. 2, д. 62, стр. 199 (таблица).
- ⁴⁴ Раскопки В.С. Сорокина.
- ⁴⁵ Раскопки А.М. Оразбаева.

САКИ АЗИАТСКИЕ И СКИФЫ ЕВРОПЕЙСКИЕ

(Археологические исследования в Казахстане. – Алма-Ата: Наука, 1973.
– С. 43–58.)

Материальная культура скифских, савроматских и сакских племен евразийских степей имеет много общего. Эту общность обусловили факторы как внутреннего развития, так и внешнего воздействия (генезис и конвергентность, связи и влияние, миграция и военные походы). Степень изученности памятников этих племен далеко не одинакова. Лучше исследованы история и культура скифских племен Причерноморья, Приднепровья, савроматов и сарматов Поволжья, Заволжья, Приуралья и значительно хуже – древности сакского времени Средней Азии, Казахстана и Сибири.

В настоящее время сакология все еще находится на стадии накопления фактического материала. До сих пор мы достаточно ясно не представляем, что такое культура племен сакской общности, точнее, четко не отличаем сакскую культуру от скифской или савромато-сарматской.

Разработанная хронологическая шкала скифской культуры кладется в основу датировки сакских древностей, причем с обязательной коррекцией на омоложение примерно на два века.

Не изученность памятников, не разработанность хронологии культуры приводили к поискам формально-типологических аналогов в территориально далеком, но по культуре близком скифском мире. На начальном этапе изучения сакских древностей это было необходимо и сыграло положительную роль в становлении и развитии сакской археологии.

Поиски только общего и близкого создали мнение о монокультурности, о существовании скифской Ойкумены на огромной территории от Понта Евксинского до Серских скифов. Региональное разделение ее на Европейскую Скифию и Скифию Азиатскую носило географический характер, а не историко-культурный.

За последние десятилетия в изучении древностей племен сакской общности достигнуты значительные успехи. Открыты и исследованы знаменитые башадарские и пазырыкские курганы на Алтае (Руденко, Грязнов), памятники майэмирской и тагарской культур Сибири (Грязнов, Киселев, Членова), погребальные сооружения Памира и юга Казахстана (Бернштам, Литвинский), монументы и города приаральских саков (Толстов, Итина, Вишневская), бесшатырские пирамиды и курганы Иссыка в Семиречье (Акишев), курганные

могильники Центрального Казахстана (Кадырбаев) и чиликтинские курганы Тарбагатая (Черников).

Раскопки этих памятников дали значительный материал, свидетельствующий о близости основных компонентов культуры – погребального обряда, посуды, вооружения, конского снаряжения, прикладного искусства, аксессуаров быта и украшений. Однако близость не означает этнографическую однородность культур сакского типа. Напротив, при большом сходстве культура каждого из районов распространения имеет локальные своеобразия.

В то же время каждая из них еще в большей степени, чем друг от друга, отличается от культуры скифов и савроматов. Изучению этого вопроса посвящена данная статья.

Современный уровень наших знаний археологических и палеоантропологических источников о районах Скифии европейской и Скифии азиатской убеждает в том, что утвердившееся мнение о монокультурности этих регионов во многих аспектах неверно.

Сведения этих источников подтверждают, на наш взгляд, то, что культура этнически разных племен степной полосы Евразии была лишь скифоидной по формально-типологическим признакам и местной по этно-социальному содержанию.

Теория о единстве культур скифского времени евразийских степей основывалась исключительно на блеске золота и бронзы, на таких элементах культуры, как «скифская» триада¹, при этом недостаточно учитывались менее яркие, но не менее важные ее компоненты, как погребальный обряд, керамические сосуды, предметы быта. Между тем именно эти составные части культуры имеют принципиальное значение для определения ее генезиса и выяснения этнической истории племен.

Особенно важен погребальный обряд. Он характеризует идеологические представления и религиозные убеждения и поэтому наиболее устойчив и консервативен. Напротив, посуда, предметы быта и украшения подвержены частым изменениям. Появление новых форм керамических сосудов и орнаментации их обуславливались «индивидуальными» потребностями, установившимися традициями и сложившимися вкусами крупного или мелкого, но конкретного объединения людей. В этом смысле керамика в какой-то мере может быть этническим определителем. Погребальный обряд и керамика – единственные источники среди археологического материала, на основе которых можно судить об этнической разнородности древнего населения, оставившего изучаемые памятники. При этом вероятность ошибки значительна. Различия сравниваемых погребальных обрядов и

керамических традиций можно объяснить лишь двумя причинами: разным этносом и разным образом жизни родственных этносов в различной географической среде. В обоих случаях в выводах следует учитывать данные палеоантропологии.

Всегда подчеркиваемая общность вооружения и конского снаряжения в значительной степени также кажущаяся. В меньшей степени это относится к прикладному искусству «звериного стиля». По-видимому, искусство и мода и в древности не знала границ и сравнительно быстро распространялись вширь благодаря торговле и вследствие войн. Поэтому изучение предметов искусства менее перспективно для разработки интересующего нас вопроса, а установление первичной родины искусства «звериного стиля» и вторичной родины бытования или конвергентного возникновения его в нескольких регионах – проблема всей скифо-сакской археологии.

Наша задача значительно скромнее – сравнительное изучение таких элементов скифо-сакско-савроматской культуры, как вооружение, конское снаряжение, погребальный обряд, керамические сосуды.

Бронзовые, железные и биметаллические кинжали-акинаки, их типы аналогичны на всей территории евразийских степей начиная с VII – VI вв. до н.э. Хорошо разработанная хронология оружия Северного Причерноморья, Поволжья и Приуралья, значительно хуже – районов, лежащих к востоку.

Более или менее обоснованно могут быть определены истоки происхождения бронзовых кинжалов только Сибири, Алтая и Казахстана, т.е. тех районов, где распространены карасукская и близкая ей дандыбай-бегазинская культуры.

Мнение (Киселев, Членова) о том, что прототипом их являются карасукские кинжалы с шипами (на месте перекрестия) представляется обоснованным. Тем более, что именно майэмирские и раннетагарские кинжалы демонстрируют переход «шипов» уже в настоящее перекрестие, которое предлагается определять, как прямое перекрестие (Членова).

Карасукские «шипастые» кинжалы были распространены не только в Сибири, но и далее на запад, в Северном и Центральном Казахстане. Однако находки последних лет говорят о том, что в X – VIII вв. до н.э. в Казахстане существовала и другая форма кинжала, подосновой которой были андроновские выемчатые кинжалы. Пока их найдено всего два, один из них – в Восточном Казахстане, второй – в Семиречье (случайная находка). Восточно-казахстанский кинжал обнаружен вместе с сосудом в разграбленной могильной яме. Оба кинжала имеют

В Туве и Средней Азии, Северном Причерноморье и Поволжье исходные формы акинаков пока неизвестны, в VII – VI вв. до н.э. здесь бытовали кинжалы широко распространенных, развитых форм.

В V – IV вв. до н.э. повсеместно изменяются формы бронзовых и железных кинжалов. В богатых захоронениях Скифии появляются кинжалы и мечи, рукоятки которых обложены листовым золотом с тисненными фигурками животных.

В Северном и Центральном Казахстане известны своеобразные бронзовые кинжалы с широкой рукоятью и волнистым краем, орнаментированной, как отмечает М.П. Грязнов, рядами волн в виде бегущей волны².

Аналогичные казахстанским кинжалы известны и в Ташкентском оазисе³ и Прикамье⁴. Таким образом, область распространения этих своеобразных кинжалов выходит за пределы Казахстана.

Бронзово-железный акинак с богато орнаментированной в «зверином стиле» рукоятью и необычной формой перекрестия обнаружен в сакском погребении Восточного Памира⁵. В захоронениях Поволжья часты находки акинаков с зооморфным навершием, форма перекрестия их претерпевает изменения и становится более разнообразной⁶.

Хотя бронзовые, железные, бронзово-железные кинжалы с зооморфным навершием распространены на большой территории, но, видимо, только в Казахстане и на Алтае бытовали кинжалы с навершием в виде друг к другу головок ушастых грифонов. К этому же типу относится уникальный железный акинак, случайно найденный в районе г. Алма-Аты. Он имеет двулезвийный клинок с продольной жилкой, рубчатую (в виде трех валиков) рукоять и широкое бабочковидное перекрестие. Навершие кинжала выполнено в виде двух, обращенных друг к другу головок фантастических хищных животных – тигриных грифонов. Аналогии ему нам неизвестны (табл. II, графа «Семиречье», рис. 2).

Общий контур изображения подчеркнуто реалистично передает морфологические особенности хищника кошачьей породы, но на месте нижней челюсти изображен клюв орла⁷.

К типу кинжалов более раннего времени (VI – V вв. до н.э.) с зооморфным навершием (точные аналогии ему нам неизвестны) относится бронзовый акинак, случайно найденный в окрестностях с. Кугалы (Алма-Атинская обл.)⁸. Он имеет клинок с продольной жилкой, рубчатую рукоять с двумя валиками и почковидное

перекрестие. Массивное навершие оформлено в виде двух колец. По форме навершия кинжал может быть сопоставлен с кинжалами, имеющими когтевидноенавершие, распространенными в Поволжье и Приуралье⁹, в Казахстане¹⁰, на Киевщине и Полтавщине, в Курской области¹¹ и в Поднепровье¹². Наиболее близок по форме навершия кугалинский кинжал к железному акинаку VII – IV вв. до н.э. из Нестеровского могильника Северного Кавказ¹³.

Находки бронзовых кинжалов с рубчатой рукоятью и когтевиднымнавершием известны из Северного Китая¹⁴ и могильника Кызылгын в Туве¹⁵, но датируются они более поздним временем, чем выявленные на Западе, V – III вв. до н.э.

Районами бытования начиная с VII в. до н.э. устойчивых однотипных с рубчатой рукоятью, бабочковидным и сердцевидным перекрестием и валиковымнавершием бронзовых и железных кинжалов являются Тува, Сибирь, Алтай, Казахстан и степная часть Средней Азии, т.е. территория, населенная племенами сакской общности. В этих районах генезис культур кочевнического типа на андроновско-карасукской основе, близость этнического происхождения и территориальное соседство обусловили «унификацию» форм кинжалов.

Однако кинжалы – не единственные предметы культуры, основные типы которых общи для этих районов. В это же время здесь были распространены одинаковые формы бронзовых наконечников стрел. Причем особенностью сакского круга памятников является одновременное появление и совместное бытование двух типов наконечников стрел: втульчатых и черешковых, на что мы уже обращали внимание в другой работе¹⁶.

На территории обитания племен сакской общности первые находки бронзовых наконечников стрел относятся к XIV – XI вв. до н.э. Они обнаружены в Центральном и Восточном Казахстане¹⁷ в хорошо датированных могильниках алакульского времени, причем в одном захоронении находили и черешковые наконечники стрел двуперой формы.

Крупные втульчатые наконечники стрел подразделяются на типы по размерам втулок: длинной, короткой и скрытой, а черешковые по форме пера: длинного под прямым углом, срезанного у начала черенка, укороченного и широкого листовидного, косо срезанного у черенка и короткого с опущенным вниз концами.

Двуперые наконечники стрел повсеместно в районах распространения этого вида оружия являются архаичной формой. Как видим, Казахстан также не составляет исключения, более того, казахстанские двуперые наконечники, по-видимому, одни из древнейших на территории нашей страны (табл. I, графа «Центральный Казахстан», рис. 1, 2).

В дандыбай-бегазинское время, в X – VIII вв. до н.э. продолжают употребляться двуперые втульчатые наконечники стрел. Они становятся меньше размером, утрачивают длинную втулку; в то же время появляется новый тип двуперых втульчатых наконечников с острым вниз опущенным жалом на укороченной втулке, который был широко распространен в VII – VI вв. до н.э. у скифов и савроматов.

Исчезают двуперые черешковые наконечники, их заменяют крупные трехлопастные наконечники с длинным сплюснутым черенком. Эти архаические формы наконечников продолжают сохраняться в раннесакское время, в VII – VI вв. до н.э. С этого времени втульчатые и черешковые наконечники стрел распространяются повсеместно в районах обитания племен сакской общности и, судя по находкам, изготавливаются в большом количестве. Одновременно появляются новые типы стрел с трехгранной формой боевой части, со втулкой или черенком. Несколько изменяются и трехлопастные черешковые наконечники, возникают переходные формы от трехперых к трехгранным.

В конце VI – первой половины V в. до н.э. продолжают бытовать крупные трехгранные с длинным черенком наконечники стрел, вырабатывается и новая форма – втульчатая, трехгранная с гранями, которые заканчиваются шипами.

В V в. до н.э. формы наконечников стрел становятся еще более разнообразными и совершенными: сохраняются два основных типа – втульчатые и черешковые; исчезают копьевидные лавролистные; широкое распространение получают трехгранные стрелы со втулкой и черенком, бытуют трехперые черешковые наконечники; появляются две новые формы – четырехгранная со скрытой втулкой, грани которой заканчиваются шипами, и трехлопастная с укороченной втулкой. Уменьшается размер наконечников стрел, исчезают крупные и тяжелые, изготавливаются изящные формы и миниатюрные по величине.

В IV – III вв. до н.э. для Казахстана характерны втульчатый тип наконечников стрел, черешковые почти пропадают. Основными

формами в этот период остаются трехгранные и четырехгранные со скрытой втулкой и трехлопастные с укороченной втулкой.

К этому времени в результате тысячелетней эволюции наконечников стрел вырабатываются наиболее удобные и стабильные их форма и размер.

С IV – III вв. до н.э. единые формы наконечников стрел получают распространение на огромной территории, начиная от Монголии и Тувы и кончая Северным Причерноморьем.

С VIII – VII вв. до н.э. в Туве, Сибири, на Алтае, в Казахстане и Средней Азии бытуют одни формы бронзовых наконечников стрел. Особенностью культур сакского времени этих регионов является возникновение и продолжительное сосуществование черешковых и втульчатых стрел. Данная особенность говорит не только о сходстве, но, возможно, и о генетической близости культур сакского времени, принципиально отличает сакские культуры от скифской и даже савроматской.

Следующим видом оружия, распространенным хотя и не так широко, как кинжалы и лук со стрелами, в Евразии в скифское время, являются клевцы, чеканы и боевые топоры.

Судя по находкам, бронзовые втульчатые чеканы с разнообразным стержнем были широко известны в Сибири, особенно в раннетагарское время¹⁸. Происхождение их от позднекарасукских чеканов со ступенчатым лезвием считается не подлежащим сомнению¹⁹.

На территорию Тувы, Монголии, Алтая и далее на восток чеканы проникли, по-видимому, из Сибири. Однако сакские племена Казахстана и степной части Средней Азии были мало знакомы с таким видом оружия. Чеканы здесь не обнаружены, за исключением бронзового втульчатого чекана с плоским обухом, украшенным скульптурным изображением горного барана-архара (табл. I, графа «Северный Казахстан», рис. 12)²⁰.

Боевым оружием казахстанским и среднеазиатским сакам служили вислообушные топоры, бытовавшие здесь с андроновского времени. На возможность изготовления саками по андроновским образцам вислообушных топоров и некоторых других видов орудий и необходимость передатировки раннесакским временем (VIII – VII вв. до н.э.) ряда кладов Семиречья мы уже обращали внимание специалистов²¹.

Уже говорилось, что форма перекрестия железно-бронзовых кинжалов, железные клевцы и топоры у саков Восточного Памира отличаются от подобного оружия населения остальных районов сакской общности²². Зачастую клевцы и топоры объединяют в себе признаки и того и другого, поэтому их можно было бы называть «клевец-топор» или «топор-клевец».

У европейских скифов и савроматов клевцы также не были распространенным видом оружия. Немногочисленные находки их в памятниках VI – IV вв. до н.э., видимо, свидетельствуют, как отмечает К.Ф. Смирнов, о проникновении бронзовых клевцов из Сибири²³.

На Кавказе боевые бронзовые топоры известны с IX – VIII вв. до н.э. у племен кобанской культуры²⁴, а в VII – IV вв. до н.э. распространяются железные топоры типа, найденных в Луговом и Нестеровском могильниках²⁵.

На территории Казахстана, Средней Азии, Алтая, Сибири и Тувы пока находки бронзовых втульчатых наконечников копий редки, напротив, на Западе их значительно больше, они начинают появляться здесь в XV – XIV вв. до н.э.²⁶.

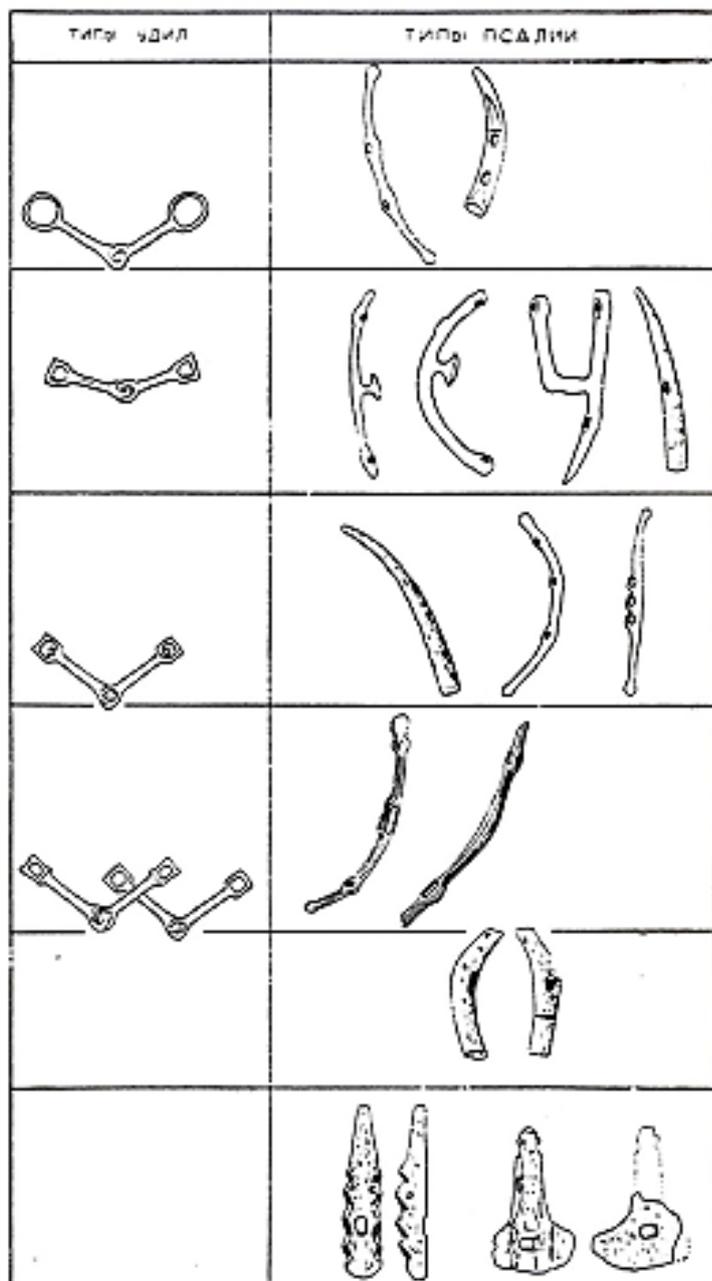
В Казахстане среди редких находок ранних наконечников копий отмечено два типа: лавролистный из поселения Малая Красноярка в Восточном Казахстане²⁷ и прорезной из поселения Чаглинка в Кокчетавской области²⁸. Оба поселения датируются X – VIII вв. до н.э.

В многочисленной сакской бронзе имеется лишь один массивный бронзовый втульчатый с длинным пером наконечник копья, найденный вместе с кольчатыми удилами, рубчатым кинжалом с валиковым навершием и бронзовым котлом в окрестностях г. Алматы (табл. I, графа «Семиречье», рис. 3)²⁹.

Два экземпляра втульчатого наконечника копья находятся в коллекциях Ташкентского музея³⁰. Еще один прорезной наконечник копья срубного типа выявлен в Иссыккульской котловине³¹. Этим перечнем исчерпываются известные нам находки наконечников копий на территории племен сакской общности.

Однако малочисленность находок не означает, что в арсенале сакского вооружения не было копья. Возможно, что редкие находки их в памятниках саков и частые в скифских и савроматских объясняются разной степенью изученности культур этих племен.

Как сообщают древние авторы,

а теперь подтверждают археологические данные³², в составе войск саксов была легкая конница, а также тяжелая – катафрактарий. Не исключено, что истоки сакских наконечников копий западного происхождения, так как на территории Поволжья и Приуралья, Кавказа и Северного Причерноморья кованые втульчатые наконечники копий появляются еще в конце первой половины второго тысячелетия, а в вооружении скифского времени копьё занимает уже третье место после мечей, кинжалов и лука со стрелами³³.

Теперь охарактеризуем один из наиболее ярких элементов культуры скотоводческих племен Евразии – предметы конского убора, обратив основное внимание на типы удил и псалиев (табл. III).

Таблица III. Эволюция типов удил и псалиев Казахстана предсакского и сакского времени.

Выбор наш не случаен. Удила и псалии – главное приспособление укрощения и управления конем, они составляют основу конской узды, да и всего конского убора. У скотоводческих племен удила и псалии появляются вместе или, по крайней мере, вскоре после приручения лошади.

Процесс одомашнивания лошади происходил одновременно с приручением ее под верховую езду или использованием для других транспортных целей. Выгоды были огромны: верховой конь сократил расстояние, а скорость его – время.

Историческое значение приручение коня для социально-экономического развития древних конных скотоводов, пожалуй, не меньше, чем освоение огня первочеловеком или изобретение паровой турбины в позднем средневековье. Приручение коня под верховую езду в степях Евразии произошло еще в первой половине второго тысячелетия до нашей эры. Дату появления первых всадников подтверждают находки костяных псалиев в захоронениях, поселениях и селищах племен эпохи бронзы.

К этому же времени относятся наиболее ранние для Казахстана, Поволжья и Приуралья захоронения коней вместе с человеком³⁴. В 1952 г. А.Е. Алихова при раскопке одного из курганов у с. Комаровки получила прямые доказательства того, что костяки или отдельные черепа лошадей, найденные в курганах срубной и андроновской культур, принадлежат верховым коням. В комаровском кургане рядом с человеком лежали трупы двух лошадей, в углах губ одной из них были костяные псалии, сделанные из расщепленной трубчатой кости животного³⁵.

В Казахстане обнаружены еще одни костяные псалии вместе с костями лошади.

В 1956 г. в кургане-ограде 1 могильника алакульского времени Айдабуль I (Кокчетавская обл.) в разграбленном погребении был найден череп лошади и пара костяных псалий (один целый, от второго обломок)³⁶, относящихся к архаическим псалиям дисковидной формы.

В работе К.Ф. Смирнова специально рассматривается вопрос о древних всадниках Поволжья, Приуралья и казахстанских степей, приводится сводка по 12 костяным псалиям и описываются способы их крепления к узде³⁷. Четыре из этих псалиев казахстанские: два из поселения Тасты-бутак (Актюбинская обл.), один из поселения Челкар и еще один из могильника Айдабуль I (Кокчетавская обл.). В последние годы при раскопке поселений Атасу (Карагандинская обл.)³⁸ и Чаглинка (Кокчетавская обл.)³⁹ найдены два костяных псалия, относящиеся к более позднему времени, чем указанные.

Атасуйский псалий костяной, изогнутый (концы обломаны), имеет три отверстия, сделанные в двух планах. Среднее отверстие прямоугольно-овальное, боковые круглые.

Чаглинский псалий также костяной, трехдырчатый, длиной 17 см. Все три прямоугольной формы отверстия располагаются в одном

плане. Оба псалия обнаружены в культурном слое поселений андроновской культуры, датированных XIV – XI вв. до н.э.

Таким образом, с территории Казахстана известны находки шести костяных псалиев древнейших форм.

Если первые четыре псалии, как отмечено К.Ф. Смирновым⁴⁰, имеют аналогии в памятниках срубной и андроновской культур Поволжья и Приуралья, то атасуйские и чаглинские пока подобных себе образцов из этих районов не имеют. Между тем они очень сходны с роговыми и костными псалиями чернолесской культуры Причерноморья и синхронных культур Дунайского бассейна. Хронология памятников эпохи бронзы этих районов разработана гораздо лучше, чем казахстанских, поэтому представляется возможным уточнить датировку наших поселений.

Атасуйский псалий по форме и двухплановому расположению отверстий следует причислить к IV типу роговых и костяных псалиев, выделенному К.Ф. Смирновым для Поволжья, Приуралья и Казахстана. К этому типу он отнес роговой псалий, найденный в поселении у Постникова оврага около г. Куйбышева, и обратил внимание на близость его к роговым псалиям эпохи раннего гальштата⁴¹. Хотя из-за отсутствия нижней половины постниковского псалия трудно установить точное расположение отверстий, однако предложенная его реконструкция и приводимая датировка вполне возможны.

Атасуйский псалий по довольно сильной изогнутости, форме и расположению отверстий аналогичен не роговым псалиям начала гальштатской эпохи, а псалиям кишзомбарского типа, относимым А. Можолитч к пятому типу костяных псалиев эпохи бронзы Венгрии⁴². Поэтому наш псалий и в целом Атасуйское поселение может быть датировано XIV – XII вв. до н.э. Чаглинский псалий по форме, орнаменту и расположению отверстий (на нашем отверстии размещены на одной половине псалия) почти полностью повторяет костяной псалий из Субботовского городища на Поднепровье, описанный и неоднократно опубликованный А.И. Тереножкиным.

В одной из своих работ А.И. Тереножкин уточнил датировку городища и псалия, определив ее в пределах XII – IX вв. до н.э.⁴³. По-видимому, Чаглинское поселение относится к этому же времени. Такую дату подтверждает и другая находка из этого поселения – прорезной наконечник копья. В памятниках срубной культуры он бытует на рубеже II – I тысячелетий до нашей эры.

Погребальный обряд – одно из немногих категорий в археологии, позволяющих получить представление о духовной культуре племен. Изменение погребального обряда почти всегда означало приход другого этноса в результате военного вторжения, ибо появление новых этнических групп на территории до них занятой аборигенами никогда не носило характера мирного переселения. Всякий раз происходили истребления какой-то части аборигенов, миграция и расселение на новых землях другой части, а также смешение и ассимиляция оставшейся. Религиозные убеждения победителя распространялись на все общество.

В настоящее время можно обоснованно разделить территорию Евразии на районы племен скифской, савроматско-сарматской и сакской этнокультурной общности. Первопричиной сложения являлись этногенез и генезис культур данных племен соответственно на срубной, срубно-андроновско-замараевской и андроновско-карасукской основе.

Ареалом культур скифской общности является территория собственно Скифии, савроматской – не только Поволжье и Приуралье, но и весь Западный Казахстан до Тобола и, наконец, сакской – районы, лежащие к востоку и югу от Тобола. Наименования ареалов в определенной степени условные, но они необходимы для изучения различий в культуре трех групп племен, которых не меньше, чем общих черт.

В культурной общности саков азиатских и Скифии европейской, в свою очередь, могут быть выделены локальные регионы с самобытной культурой.

Один из них – Казахстан, Алтай и Средняя Азия.

Культура этих районов отличается некоторым своеобразием типов вооружения и конского снаряжения, архаичностью погребального обряда и региональной специфичностью форм керамической посуды.

Из конского снаряжения – это прежде всего бронзовые удила. Они двух типов: прямоугольные с упором и стремевидные с дополнительным отверстием. Нигде, кроме этих районов, не встречены бронзовые псалии таких ранних форм, как псалиитрехдырчатые, двухдырчато-крючководные и трехдырчато-коленчатые. У первых среднее отверстие оформлено в виде прямоугольной петли. Отверстия расположены в двух планах.

Исходными формами этого типа псалиев явились атасуйские костяные псалии, аналогичные кишзомбарскому типу Венгрии.

Вторые на месте третьего среднего отверстия имеют выступающий крючок, который вставлялся в отверстие удил.

И, наконец, у третьих от середины основного стержня отходит ответвление, согнутое почти под прямым углом. Отросток на конце имеет отверстие. Соединение с удилами такое же, как у двухдырчатокрючковидных псалиев.

Эти же области, по-видимому, являются родиной и районом распространения двух типов бронзовых кинжалов: с широкой рукоятью и волнистым краем, орнаментированным волютами в виде бегущей волны, и с навершием в виде обращенных друг к другу головок ушастых грифонов и тигриных грифонов.

Мы уже отмечали, что в Средней Азии, Казахстане и Алтае редки находки наконечников копий, клевцов и чеканов. Возможно, здесь боевым оружием служили вислообушные топоры.

По всей вероятности, в этих районах возникли и распространились вширь черешковые наконечники стрел четырех-, трех- и двухлопастных форм. Особенностью регионов следует считать одновременное и ранее появление и параллельное событованиевтульчатых и черешковых наконечников стрел.

Этот комплекс вещей отличает данные региона как районы собственно сакского преобладания от Сибири, Скифии, Сарматии и Кавказа. Именно это саки внесли в евразийскую триаду.

Однако при всей общности культур саков Средней Азии, Казахстана и Алтая, при родственном происхождении их на андроновской основе между ними имеются довольно четкие этнические различия.

В этом плане прежде всего должны быть выделены саки Восточного Памира. Здесь памятников раньше конца VI в. до н.э., судя по изданным материалам, пока не обнаружено.

Курган 10 в Памирском могильнике, где найдены стремевидные удила с трехдырчатыми псалиями, и курган 4 в могильнике Айдынгуль I, где обнаружены двуперыевтульчатые наконечники стрел, не могут быть датированы раньше указанного времени.

Из Памирского могильника имеется целая серия железных кинжалов с простым антенновидным навершием, которые во всех районах распространения датируются не ранее конца VI в. до н.э. Кроме того, в кургане 10 вместе с удилами и псалиями были найдены

два железных наконечника стрел, появление которых в VII в. до н.э. не представляется возможным. Поэтому датировка А.Н. Бернштама всего могильника V – III вв. до н.э. если и требует удреждения, то лишь верхней хронологической границы. Могильник Памирская I относится к концу VI – V вв. до н.э.

Выявленные в Айдынкуле I в кургане 4 архаические типы наконечников стрел, судя по условиям находки, не использовались по своему назначению, а служили скорее всего оберегом, поэтому они не могут быть датирующим материалом. Это реликты.

Культура саков Памира резко отлична от всех других локальных культур сакского времени, что выразилось прежде всего в вооружении – железные кинжалы с необычным перекрестием в виде лежащей «3», особая форма проушных топоров и клевцов, восточная ориентировка погребенных.

Антропологический тип памирских саков также отличается от физического облика сакских племен других районов⁴⁴. Все вместе дает основание считать, что этногенез саков Памира происходил на иной основе, чем у остальных саков, на основе местного населения палеометаллической эпохи, культуру которых Б.И. Литвинский назвал кайраккумской.

Материальная культура местных племен испытала сильное воздействие культур Центральной и Передней Азии. На центральноазиатское (Индия, Китай) влияние на Восточный Памир указывал Б.А. Литвинский⁴⁵.

В степях Центрального Казахстана в VIII – VII вв. до н.э. произошли какие-то исторические события, приведшие к существенным изменениям в материальной культуре. Появляется новый тип надмогильного сооружения – «курганы с усами», не имеющий аналогии ни у других саков, ни у сарматов и скифов. Центральный Казахстан является единственным районом широкого распространения этого типа памятников, хотя одиночные «курганы с усами» отмечены в Семиречье и Восточном Казахстане и даже в Башкирии.

Очень своеобразная форма глиняных сосудов из погребений. Можно считать, что вся посуда устойчивой формы. Это черные толстостенные, высокие горшки с плоским дном, нередко с нелепым на внутренней стороне венчика выступом.

В целом центральноказахстанская посуда сакского времени не имеет аналогов, но единичные экземпляры горшков можно сопоставить с некоторыми формами сарматских сосудов.

Для Центрального Казахстана – одного из мощных центров андроновской культуры – совершенно неожиданно изменение погребального обряда. В могилах костяки лежат вытянуто на спине, головой преимущественно на север или северо-запад, иногда на восток и запад.

Изменения основных компонентов материальной культуры сакского времени в Центральном Казахстане могут быть объяснены только проникновением или вторжением и смешением с потомками андроновцев в IX – VII вв. до н.э. новых этнических групп. Новый этнос мог быть двоякого происхождения: восточного, возможно протогуннского (северная ориентировка, бронзовые колокольчики, форма сосудов), и западного, савроматского (неустойчивая ориентировка, некоторые формы сосудов, захоронения в квадратных и широких прямоугольных могилах).

В то же время Семиречье и Приаралье, судя по современным данным о древних культурах, являются единственными регионами в сакском мире, где наиболее устойчиво сохранились архаические черты прошедшей эпохи в материальной культуре (погребальный обряд, планировка надмогильных устройств, форма узкогорлых сосудов, типы бронзовых орудий и оружия). Данный тезис объясним, если учесть, что основные пути инфильтрации или миграции племен с востока на запад и в обратном направлении лежали вне этих районов. Один из них проходил севернее этих регионов через Алтай, Восточный, Центральный и Западный Казахстан, другой – южнее через Синь-цзянь, Центральный Тянь-Шань и Памир.

По-видимому, так было во все времена: в античный, гуннский и тюркский периоды. Преимущественно по этим направлениям в средневековье проходили и основные торговые пути.

Этими причинами объясняются относительная изолированность от чужеземного влияния культур Семиречья и Приаралья и сильная синкретичность культур территорий, лежащих на пути миграции племен.

1. *Б.Н. Граков и А.И. Мелюкова.* Об этнических и культурных различиях в степных и лесостепных областях европейской части СССР в скифское время. Сб. «Вопросы скифо-сарматской археологии». М., 1954, стр. 93.
2. *М.П. Грязнов.* Северный Казахстан в эпоху ранних кочевников. КСИИМК, вып. 61, 1956, стр. 12, рис. 3; *А.Х. Маргулан, К.А. Акишев, М.К. Кадырбаев, А.М. Оразбаев.* Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966, стр. 344, рис. 38.
3. *Б.А. Литвинский, А.П. Окладников, В.А. Ранов.* Древности Кайрак-Кумов. Душанбе, 1962, стр. 339, табл. 40.
4. *А.В. Збруева.* История населения Прикамья в ананьевскую эпоху. МИА, № 30, 1952, табл. 21.
5. *Б.А. Литвинский.* Археологические открытия на Восточном Памире и проблема связей между Средней Азией, Китаем и Индией в древности. Доклады на XXV Международном конгрессе востоковедов. М., 1960, стр. 3, рис. 2.
6. *К.Ф. Смирнов.* Вооружение савроматов. М., 1964.
7. Храниться в Централом музее г. Алма-Аты, № КП-10644.
8. Там же. № КП-10647.
9. *К.Ф. Смирнов.* Указ. работа, таблицы.
10. *А.Г. Максимова.* Предметы эпохи ранних кочевников в Центральном Казахстане. Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 1. Археология, 1956, стр. 256, табл. II, 3.
11. *Р.Ф. Воронина.* О некоторых кинжалах и акинаках в Курской области. МИА, № 113, 1962, стр. 131, рис. 1.
12. *П.Д. Либеров.* Хронология памятников Поднепровья скифского времени. Сб. «Вопросы скифо-сарматской археологии». М., 1954, стр. 160, табл. 1.
13. *Е.И. Крупнов.* Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, стр. 482, табл. XII, 1.
14. *Н.Л. Членова.* Место Тувы скифского времени в ряду других скифских культур Евразии. Ученые записки Тувинского науч.-исслед. института языка, литературы и истории, вып. IX. Кызыл, 1961, стр. 148, табл. 1, 15.
15. Там же, табл. 1, 8.
16. *К.А. Акишев, Г.А. Кушаев.* Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата, 1963, стр. 121.
17. *А.Х. Маргулан, К.А. Акишев, М.К. Кадырбаев, А.М. Оразбаев.* Указ. работа, стр. 271, рис. 2-6; *С.С. Черников.* О работах Восточно-Казахстанской экспедиции. КСИИМК, вып. 64, 1956, стр. 54, рис. 21, 2.
18. *С.В. Киселев.* Древняя история Южной Сибири. М., 1951, стр. 241, табл. XXIV.
19. *Н.Л. Членова.* Тагарская культура на Енисее. «Материалы по древней истории Сибири». Улан-Удэ, 1964, стр. 294.
20. *М.П. Грязнов.* Северный Казахстан в эпоху ранних кочевников. КСИИМК, вып. 61, 1956, стр. 14, рис. 4.

- ²¹. *К.А. Акишев, Г.А. Кушаев.* Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата, 1963, стр. 106.
- ²². *Б.А. Литвинский.* Археологические открытия на Восточном Памире и проблема связей между Средней Азией, Китаем и Индией в древности. М., 1960, стр. 2, рис. 1.
- ²³. *К.Ф. Смирнов.* Вооружение савроматов. МИА, № 101, 1961, стр. 74.
- ²⁴. *Е.И. Крупнов.* Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, стр. 83, рис. 8.
- ²⁵. *Там же,* стр. 277, рис. 45.
- ²⁶. *Б.Г. Тихонов.* Металлические изделия эпохи бронзы на Среднем Урале и в Приуралье. МИА, № 90, 1960, стр. 22–36.
- ²⁷. *С.С. Черников.* Восточный Казахстан в эпоху бронзы. МИА, № 88, 1960, стр. 231, табл. XXXVI.
- ²⁸. Найден А.М. Оразбаевым в 1965 г.
- ²⁹. *К.А. Акишев, Г.А. Кушаев.* Указ. работа, стр. 110, рис. 85.
- ³⁰. *Б.А. Литвинский, А.П. Окладников, В.А. Ранов.* Древности Кайрак-Кумов. Душанбе, 1962, табл. 40, 44.
- ³¹. *Б.Г. Тихонов.* Указ. работа, табл. XVII, 2.
- ³². *С.П. Толстов.* Приаральские скифы и Хорезм. СА, 1961, № 4, стр. 137, 138.
- ³³. *К.Ф. Смирнов.* Вооружение савроматов. МИА, № 101, 1961, стр. 70.
- ³⁴. *К.Ф. Смирнов.* О погребениях с конями и трупосожжениях эпохи бронзы в Нижнем Поволжье. СА, 1957, XXVII, стр. 214-217.
- ³⁵. *А.Е. Алихова.* Курганы эпохи бронзы у с. Комаровки. КСИИМК, вып. 59, 1955, стр. 96, 97, рис. 37, 38.
- ³⁶. *К. Акишев.* Памятники старины Северного Казахстана. Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 7. Алма-Ата, 1959, стр. 16, рис. 8.
- ³⁷. *К.Ф. Смирнов.* Археологические данные о древних всадниках Поволжско-Уральских степей. СА, 1961, № 1, стр. 46 и далее.
- ³⁸. *А.Х. Маргулан, К.А. Акишев, М.К. Кадырбаев, А.М. Оразбаев.* Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966, стр. 215, табл. XXIV, 7.
- ³⁹. Находка А.М. Оразбаева в 1965 г.
- ⁴⁰. *К.Ф. Смирнов.* Археологические данные о древних всадниках Поволжско-Уральских степей. СА, 1961, № 1, стр. 47–49, 60–61.
- ⁴¹. *Там же,* стр. 61, рис. 9.
- ⁴². *А. Mozsolics.* Mors en bois de cerfsur le territoire du Bassin des Carpathes. Acta Archaeologica, т. 3, f. 1-4. Budapest, 1953, p. 86, fig. 22.
- ⁴³. *А.И. Тереножкин.* Основы хронологии предскифского времени. СА, 1965, № 1, стр. 76.
- ⁴⁴. *Т.А. Трофимова.* Саки Приаралья (Краниологический очерк). Полевые исследования Хорезмской экспедиции в 1958-1961 гг., вып. 6. М., 1963, стр. 230–231; *Г.Ф. Дебец.* Палеоантропология СССР. М., 1948.
- ⁴⁵. *Б.А. Литвинский.* Древние кочевники «Крыши мира». М., 1972, стр. 177–178 и др.

КУРГАН «ИССЫК» (ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ РАСКОПОК)

(В глубь веков. Археологический сборник. – Алма-Ата: Наука
КазССР, 1974. – С. 61–77.)

Курган входит в состав большого могильника, расположенного на левом берегу горной реки Иссык, у северной окраины одноименного города, находящегося в 50 км на восток от г. Алма-Аты. Могильник состоит из земляных курганов, вытянутых с севера на юг на площади 3 кв. км. Это преимущественно так называемые царские курганы диаметром 30-90 м, высотой 4-15 м. На вершине у них глубокие воронки – следы ограбления. На наиболее крупных курганах имеются скопления галечника, образовавшегося в результате выброса земли из грабительского лаза и вымывания насыпи дождевыми и тальными водами. Вокруг больших курганов сложены плоские овальные выкладки из речной гальки. Раскопки 1961 г. доказали, что они сооружены почти на целое тысячелетие позднее курганов.

Весьма примечателен археологический ландшафт памятника. Описываемый могильник не единственный в регионе, он лишь один из многих подобных ему, зафиксированных по берегам горных рек, стекающих с северных склонов Заилийского Алатау и впадающих в р. Или. На западе от него на берегу р. Талгар находится Новоалексеевский могильник¹, в этом же направлении расположены и могильники по берегам рек Малая и Большая Алматинка (в настоящее время от них сохранились лишь единичные курганы), Каскелен и Курты; на севере и востоке на левом берегу р. Или – могильник Бешатыр² и на правом берегу р. Тургень – Каракемер³. Далее царские могильники встречаются восточнее и юго-восточнее по берегам рек Чилик, Чарын, Кегень, Каркара; северо-восточнее – по верховьям рек Каратал, Аксу, Лепсы, Аягуз вплоть до известного могильника Чиликты (Зайсанская котловина)⁴ и знаменитых Пазырыкских курганов (Горный Алтай)⁵. Все памятники объединяет единство основных компонентов культуры, что можно объяснить не только примерно одним уровнем социально-экономического развития, одинаковым образом жизни, но и кровнородственными связями и этнической близостью племен, оставивших могильники. Учитывая труды другой группы исследователей (С.В. Киселев,

Л.Р. Кызласов, А.Д. Грач), мы склонны отнести к этой же культуре и памятники с территории Южной Сибири и Тувы.

Таким образом, Иссыкский могильник не уникален и из перечисленных ничем особенным не выделяется. Знаменитым его сделали находки.

Курган «Иссык» находился на южной окраине могильника, разделенного на две части автомобильной дорогой, соединяющей город с Кульджинским трактом (рис. 1). Размер его: диаметр 60 м, высота 6 м. На вершине воронка диаметром 12 м, глубиной 2,3 м. Насыпь не имеет четкой структуры, но по профилю выяснено, что она многослойная (3-4 слоя): слой гальки чередуется с щебеночно-глинистым. Вокруг центральной могилы лежали крупные окатанные камни – выброс из могильного котлована. После сноса насыпи и контрольной проверки погребенной площадки на глубину до 1,2 м было установлено, что курган содержит два захоронения: центральное и боковое (южное).

Рис. 1. Курган «Иссык» до раскопок.

Центральная могила полностью деформирована в результате двух грабительских лазов. Один имел вид горизонтальной штольни, начинающейся у западной полы насыпи, другой – вертикального колодца, идущего с вершины кургана. По всей вероятности, подземная проходка более древняя. Возможно, люди работали тайно от соплеменников погребенного, но вполне возможно, что они искали другие второстепенные захоронения. Однако боковая могила все же оказалась не потревоженной. Она расположена в 15 м на юг центральной и в 10-12 м от южной полы насыпи кургана.

Погребальная камера сооружена из обработанных бревен тыньшаньской ели длиной от 1,5 до 3 м, толщиной 25-30 см. Размер

камеры: по внутреннему обмеру 2,9 x 1,5 м, по наружному 3,3 x 1,9 м. Высота ее с накатом 1,3-1,5 м. Таким образом, камера занимает площадь соответственно 4,4 и 6,3 кв. м (рис. 2).

В южной и западной частях камеры обнаружена посуда, а в северной на дощатом полу – останки погребенного. Судя по большому количеству древесной трухи и железным скобам, покойник был закрыт деревянной крышкой. По останкам выяснено, что он лежал вытянуто на спине, головой на запад, его левая рука чуть откинута в сторону, а правая вплотную прижата к туловищу, кисти рук находились под тазовой костью, а ноги чуть раздвинуты в стороны. Голова положена на затылок, но уже после освобождения от связок она завалилась на правую сторону. Длина костяка от черепа до пяточных костей 165 см (рис. 3).

По сохранившимся *insitu* предметам можно подробно восстановить форму, покрой и примерный размер одеяния захороненного.

На костяке и под ним найдено много предметов, украшавших одежду, головной убор и обувь, изготовленных из листового золота. Рядом обнаружены предметы вооружения, туалета, а также утварь.

Различной формы золотые пластины, бляхи и бляшки с головного убора в основном не потревожены, они лежали на запад от черепа, занимая участок 65 x 30 см. Причем золотая статуэтка архара, венчавшая головной убор, находилась в 65 см от черепа. Часть пластин-украшений по мере деформации и разрушения шапки меняла свое месторасположение. Всего на головном уборе было 150 предметов (рис. 4, 8, 9).

У черепа с левой стороны обнаружена золотая серьга с зернью и подвесками из бирюзы. На шейных позвонках покоилась золотая трубчатая гривна с наконечниками в виде головы тигра. На туловище от шейных позвонков до сочленения тазовых костей с большими берцовыми слоем лежали золотые бляхи с изображением морды хищника кошачьей породы (рис. 10), треугольные бляшки и пронизки – украшения верхней и нижней одежды. Всего около 3000 штук. Мелкие бляшки (их большинство) имели бронзовую основу в виде тонких пластин.

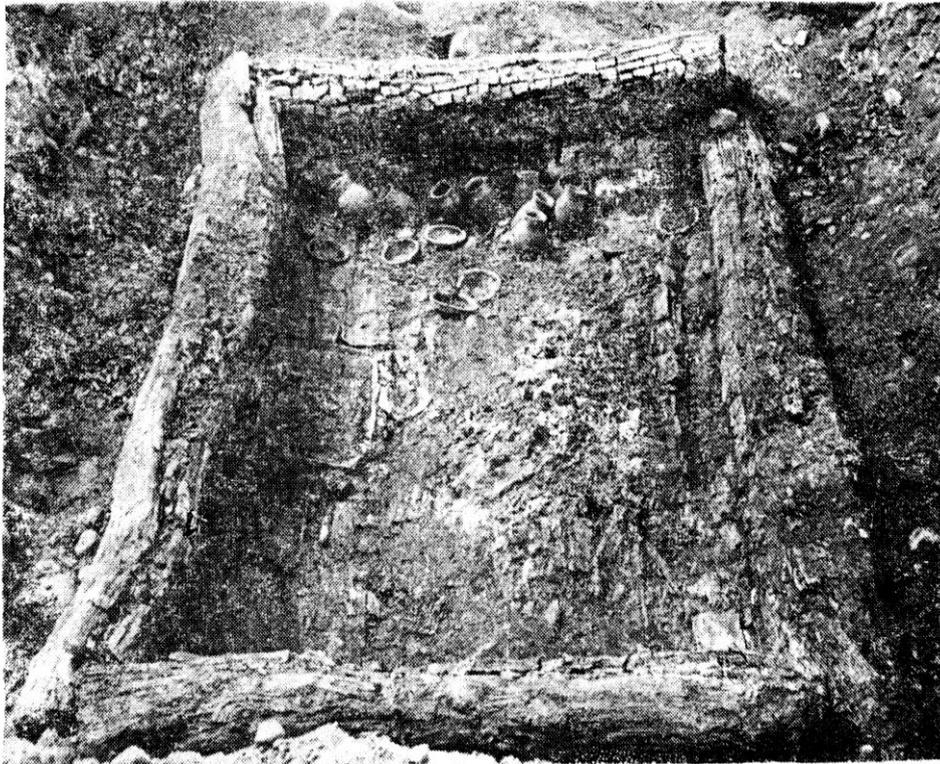

Рис. 2. Останки человека и инвентарь в погребальной камере.

В области поясницы поверх блях верхней одежды находились крупные четырехугольные бляхи-накладки от наборного ремня. Всего таких накладок 16, три из них крупные массивные в виде лежащего оленя и остальные более мелкие в виде оленьей головы. Все они на обратной стороне имеют припаянные серебряные ушки овально-прямоугольной формы. На крупных накладках их по четыре, а на мелких по два на углах по диагонали. С внешней и внутренней стороны вдоль больших берцовых костей найдены мелкие золотые прямоугольные обоймицы на бронзовой основе. Они в виде канта были нашиты на матерчатые шаровары. На малых берцовых костях от щиколотки почти до коленного сустава лежали золотые треугольные бляшки, украшавшие голенища обуви (рис. 5). Форма их и расположение совершенно аналогичны тем, которые они имели на верхней одежде. Вокруг малых берцовых костей ниже коленного сустава и вокруг костей голеностопного сустава встречены прямоугольные золотые бляшки, близкие по форме и размеру нашитым на шаровары. Они окантовывали верх голенища и место соединения его с головкой обуви. Среди костей фаланг пальцев верхних конечностей обнаружены два золотых массивных перстня с

круглыми щитками. Один из них перстень-печатка с горельефным антропоморфным изображением.

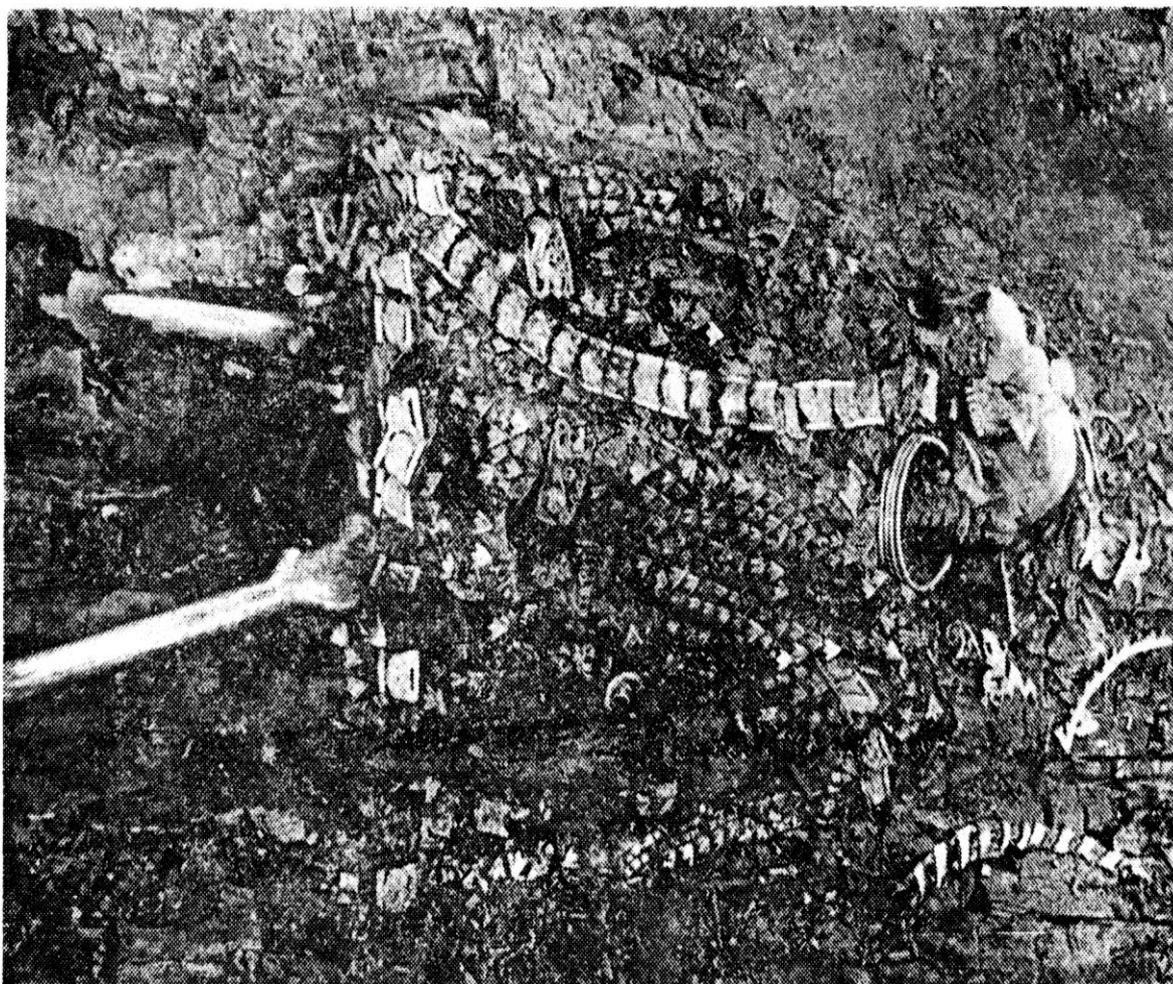

Рис. 3. Фрагмент погребального обряда.

С правой стороны костяка у костей правой нижней конечности найден железный меч с рукоятью, заходящий почти под тазовую кость и инкрустированный золотом. Меч имеет серповидное навершие и брусковидное сломанное под тупым углом перекрестье. По остаткам выяснено, что меч находился в ножнах, деревянный верх которых был окрашен в коричневато-розовый цвет. Лезвие меча, как и кости правой ноги до половины большой берцовой кости, разрушены при попытке ограбления, поэтому длина меча может быть установлена лишь по размеру аналогичных мечей. Около рукояти меча найдены три золотые пронизи, одна из них большая цилиндрической формы, остальные две – кольцевой.

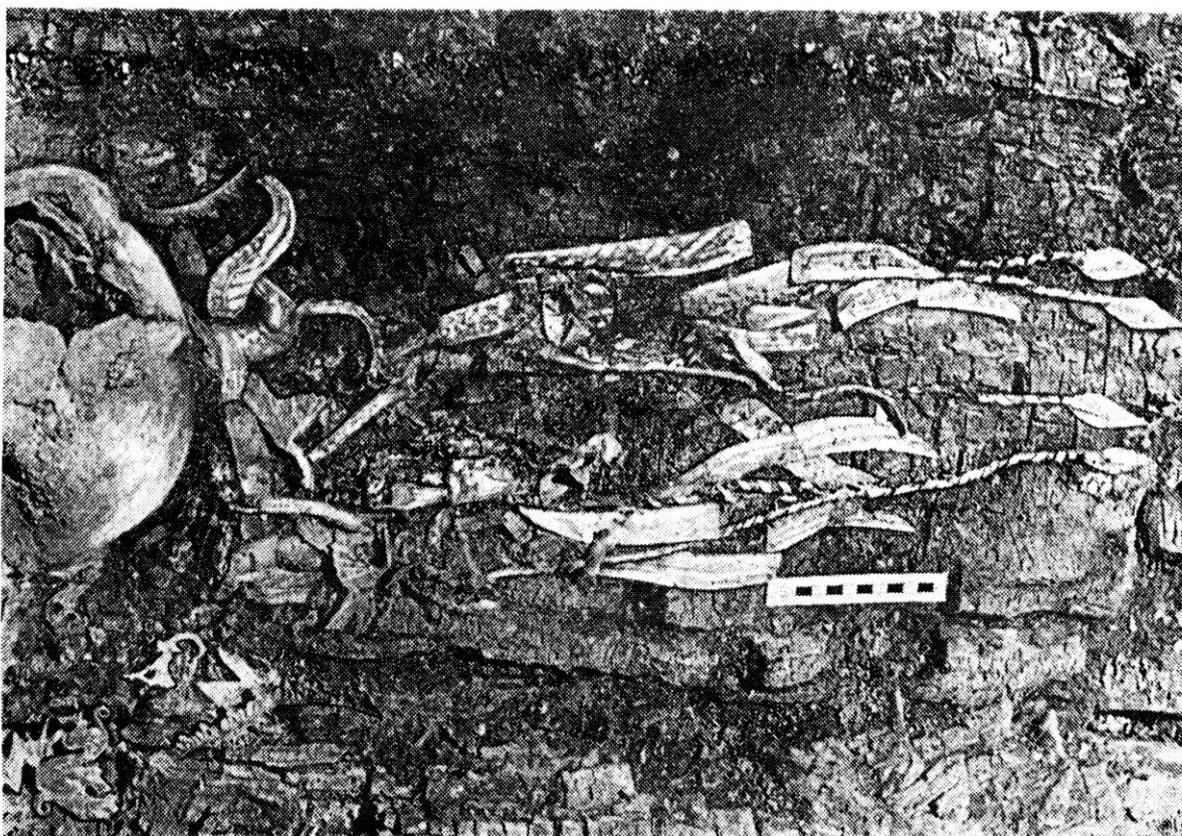

Рис.4. Расположение золотых украшений на головном уборе.

Слева между костями левой руки и туловища обнаружен железный кинжал, рукоять и клинок которого богато инкрустированы золотом. У кинжала зооморфное навершие, почковидное или бабочковидное (разрушено) перекрестие. От ножен кинжала сохранились две пластины-накладки с зооморфными изображениями, две бляхи-обоймы для перекрестных ремней. Судя по лежавшей в первоначальном положении на лицевой стороне пластине-накладке верхней части ножен, кинжал перевернулся. Под кинжалом, но также *insitu* находились бляхи-обоймы. Возможно, что кинжал в момент захоронения покоился на животе погребенного, а затем при разложении трупа перевернулся и упал. Вторая пластина-накладка, украшавшая низ ножен, оказалась с левой стороны около малых берцовых костей левой нижней конечности. Она лежала вместе с бляхой в виде полого конусовидного колпачка со стерженьком-перекладиной внутри. По-видимому, ее перетасили сюда грызуны.

Пластины-накладки ножен украшают реалистично выполненные изображения оленя и лошади с вывернутыми крупами.

Рис.5. Золотые украшения голениц сапог.

С левой стороны костяка у локтевого сустава найдена символическая стрела, состоящая из длинного древка и треугольного «наконечника» из листового золота. Им покрыт и верхний конец древка. Выше (западнее) нее лежали остатки рукояти нагайки, обернутой широкой лентой из листового золота. Далее у черепа выявлено большое бронзовое зеркало с кусочком охры на нем. Оно оказалось в окружности из мелких прямоугольных золотых бляшек, которыми была обшита сумочка. Мелкие различной формы бляшки отмечены и в других местах, вне костяка – справа от него, в промежутке между ним и сосудами, а также среди сосудов, западнее черепа. Таким образом, всего в камере насчитывается около 4000 золотых изделий.

В погребальной камере кургана обнаружен 31 сосуд. Они изготовлены из глины, дерева и металла. Найдены также серебряная ложка и деревянный черпак. Посуда размещена в определенном порядке: у южной стены камеры стояли деревянные сосуды, а у западной – глиняные и металлические.

Глиняную посуду можно разделить на кувшины и миски (рис. 6). Кувшины двух подвидов: один с удлиненным, сильно раздутым туловом, невысокой, но хорошо выраженной горловиной, умеренно отогнутым наружу венчиком и плоским дном; другой со слабо

отогнутым венчиком, менее выраженной горловиной и почти прямыми стенками тулова. Некоторые экземпляры обоих подвидов имеют очень толстую (до 5 см.) донную часть и скошенное на одну сторону донце. Кувшины сделаны на гончаром круге (вертящейся подставке) из хорошего теста, все красного лощения и печного обжига.

Рис.6. Глиняные сосуды.

Размер их: диаметр венчика 8,3- 9,3 см, тулова 12-14 см, донца 6-8 см, высота 17-20 см.

Глиняные миски (6 шт.) трех подвидов: со слабо отогнутым венчиком и хорошо профилированной прямой горловиной; с сильно отогнутым и с широкой закраиной венчиком и глубоким желобом вокруг горловины и, наконец, с чуть отогнутым венчиком, переходящим в тулово. Тулово мисок низкое, резко переходящее в выпуклое дно, которое иногда уплощено. Миски изготовлены на гончарном круге, из хорошего теста, печного обжига. Их размер: высота 6-6,5 см, диаметр венчика 14-17 см, тулова 13-16 см.

Деревянная посуда сделана из бронзы, она трех видов: блюда, миски и черпак. Блюда (4 шт.) прямоугольной формы с невысокими бортиками, скошенными наружу, выполнены из цельного куска березы. Они овальные, большие (67,5 x 37,5 см) и поменьше (46 x 29 см). Высота бортика блюд 3 см. Из четырех блюд удалось собрать лишь два.

Миски (6 шт.) очень плохой сохранности, но по отдельным крупным фрагментам можно восстановить форму и размер. Это

низкие с пологими стенками сосуды с профилированным венчиком, отогнутым наружу вниз и уплощенным дном. Толщина стенок 1,3 см, высота мисок 4,0 см, диаметр венчика 18 см.

Черпак в виде чаши с отогнутым наружу вверх венчиком и раздутым туловом, переходящим в плоское дно. На тулове чуть ниже венчика имеется отверстие, в которое вставлялся шпенок ручки. Ручка (длина 25 см) резная в виде одиннадцати округлых валиков, переходящих в круглое сечение; она заканчивается резным набалдашником. Чаша черепка выточена на токарном приспособлении. Диаметр венчика и тулова 9,5 см, высота чаши 5,7 см. Толщина стенок 1 см, дна 3,2 см. Толщина ручки по разрезу рукояти и валиков 2,5 см. Три фрагмента аналогичной ручки лежали на остатках миски, стоящей у черпака.

Металлическая посуда представлена серебряными и бронзовыми предметами. Во фрагментах найдена бронзовая, по-видимому, литая миска. По ним полностью восстановлена ее форма. Миска имела прямой утолщенный венчик, плоское дно и двустороннюю позолоту.

Две чаши и ложка серебряные. Одна чаша большая с широким, горизонтально отогнутым венчиком, переходящим в умеренно выпуклое тулово, заканчивающееся фигурным донцем. На внешней поверхности венчика по кругу выгравировано 32 кружка (диаметр 0,8 см). Внутри чаши в средней части имеется орнамент в виде концентрических окружностей. Чаша кованая, донце изготовлено отдельно. Оно в форме восьмилепестковой розетки с невысоким кольцевым поддоном. К тулову чаши донце прикреплено серебряными заклепками (8 шт.). Диаметр венчика чаши 15,6 см, поддона 4,2 см, высота 3,8 см. Вторая чаша также кованая, с прямым венчиком, плавно переходящим в выпуклое тулово. На донную поверхность острым инструментом нанесены две строки надписей из 26 знаков. Диаметр чаши 7,7 см, высота

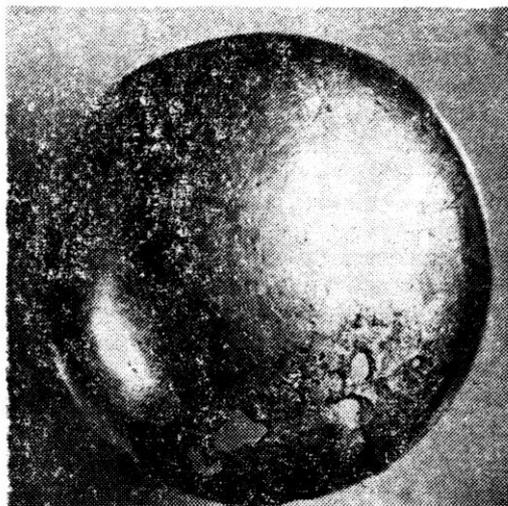

Рис. 7. Серебряная чашка с надписью.

2,2 см (рис. 7). Ложка кованая, серебряная, с длинной круглой в сечении ручкой, конец которой изогнут в виде большой петли,

завершающейся головой птицы с длинным острым клювом. Ложка частично разрушена.

Таким образом, полная сохранность Иссыкского захоронения дала возможность восстановить детально не только погребальный обряд, но и реконструировать форму головного убора, одежду и обувь, воспроизвести расположение на них украшений и иных атрибутов, распределение на ремне оружия и способы его крепления. Далее попытаемся реконструировать форму и орнаментацию головного убора, одежды и обуви.

Трудно ответить на вопрос, в какой хронологической связи находились центральное и боковое захоронения в Иссыкском кургане. Причиной этого являются отсутствие инвентаря из центральной могилы, деформация его в результате неоднократного ограбления и чрезвычайно рыхлый аллювиальный грунт (щебень и крупная галька), что не позволило выяснить соотношение уровней залегания могильных ям. Мы склонны считать, что оба погребения в Иссыкском кургане синхронны, однако возможно и подхоронение какое-то время спустя. В таком случае хронологический разрыв невелик, в пределах одного столетия. Но более вероятно, что оба захоронения синхронны, а если так и если учесть, что они находились под одной насыпью, то, видимо, умершие были из одной семьи или состояли в близких кровнородственных отношениях. Причина смерти их неизвестна, но бесспорно, что захороненный в боковой могиле не был лицом, сопровождавшим погребенного в центральном сооружении. Пышность захоронения и сказочное богатство одежды свидетельствуют о том, что в южной могиле покоилось лицо, занимавшее высокое общественное положение. В то же время расположение могил под насыпью кургана указывает на взаимоотношения высшего и низшего, старшего и младшего, существовавшие между ними в обществе и в семье. Безусловно, что в основной центральной могиле был захоронен человек общественно значимей помещенного в боковой могиле.

К сожалению, мы ничего не знаем об обряде погребения в центральной могиле, можем лишь утверждать (исходя из указанных положений), что он значительно пышнее и богаче, чем в южной. В остальном, включая и конструкцию погребального сооружения, обряд в обоих случаях идентичен, поэтому по обряду в южной могиле можно судить о нем и в центральной.

По нашему мнению, погребальное сооружение возводилось следующим образом. На выбранном участке был вырыт котлован прямоугольной формы, ориентированный длинной осью З-В, размером примерно 4 x 3,5 м, глубиной 2,7 м. На дне его был поставлен бревенчатый сруб – погребальная камера. Высота ее намного меньше высоты могильной ямы, поэтому верхние бревна обнаружены на 1,2 м ниже поверхности погребенной почвы. Погребальная камера также прямоугольной формы, ориентирована длинной осью З-В. Конструкция ее весьма проста: бревна определенной длины уложены друг на друга и образуют стенки камеры. На углах бревна, составляющие продольные (длинные) и поперечные (короткие) стены камеры, между собой не связаны, а лишь соприкасаются. Эта укладка предотвращает завал. Торцовые концы бревен продольных и поперечных стен камеры на углах поочередно заходят друг за друга. Если в западной части камеры в левом углу концы бревен продольной стены касаются бревен поперечной стены с внутренней стороны, то в правом углу концы бревен поперечной стены касаются внутренней стороны второй продольной стены, в восточной половине камеры этот же прием повторяется, но порядок сопряжения бревен на углах обратный. В погребальной камере бревна стен уложены в пять рядов. Сверху камера перекрыта также бревнами, уложенными поперек на длинные стены. Всего бревен наката десять. Дно камеры выстлано хорошо обработанными и плотно пригнанными друг к другу досками, уложенными вдоль длинных стен. Досок также десять, ширина их 13-14 см, толщина 3,5-4 см. На полу находились остатки и погребальный инвентарь. По-видимому, участок пола, предназначенный для покойника, был устлан матерчатой подстилкой, расшитой мелкими золотыми бляшками, которые мы обнаружили по сторонам костяка, особенно много между ним и деревянными сосудами. По существовавшему и устойчивому ритуалу усопший, облаченный в блестящую парадную форму и при полном вооружении, был положен на спину, головой на запад, лицом вверх (судя по сохранившейся *insitu* начальной части головного убора). Кисть правой руки лежала на пахе, а левая рука откинута в сторону. Вдоль правого бедра, рукоятью к поясу, вероятно подвешенный к портупее, плашмя был помещен железный меч в деревянных ножнах, окрашенных в красный цвет. Ремни портупеи украшали золотые кольцевые обоймы и пронизь с рельефным изображением головы тигра. С левой стороны

между туловищем и левой рукой найден перевернутый железный кинжал в деревянных ножнах, обернутых кожей и украшенных двумя золотыми пластинами с изображениями в зверином стиле и двумя цилиндрическими бляхами-обоймами для перекрестных ремней с рельефными изображениями свернувшегося волка. Рядом с покойником у локтя левой руки лежала символическая стрела с золотым «наконечником», выше нее – нагайка, рукоятка которой обернута спиралью из широкой золотой ленты, еще выше – матерчатая (шелковая?) туалетная сумка, в которой обнаружены бронзовое зеркало и красная краска.

Рис. 8. Бляха с изображением барса и мотивом горного пейзажа.

Останки, очевидно, были закрыты дощатой крышкой в виде прямоугольного ящика, об этом свидетельствует слой древесной трухи на костяке и железные кольцевые скобы, скреплявшие доски на стыках.

После окончания обрядовых действий с погребаемым на полу камеры расставляли сосуды с заупокойной пищей и ритуальную посуду.

К последней относится серебряная чашечка с надписью и бронзовая с позолотой миска, стоявшая в стороне от других. В ней было несколько золотых фигурных пластин в виде клюва и когтей

хищной птицы. Ни в одном из сосудов не обнаружены кости животных – остатки мясной пищи, выявленной почти во всех раскопанных в этом регионе захоронениях сакского и усуньского времени.

Рис.9. Бляха в виде фигуры лошади.

Мы уже отмечали, что посуда размещена в определенном порядке. Отдельно стояли сосуды глиняные и деревянные, в каждой группе имелись различные виды посуды. Так, у южной стены камеры находилась деревянная посуда, у стенки на заднем плане в два ряда были поставлены четыре блюда, а на переднем – миски и черпак. У задней стены в один ряд вплотную друг к другу располагались глиняные кувшины, перед ними – миски, среди которых были две серебряные чаши и ложка. Одна бронзовая чаша стояла в изголовье захороненного.

Участок пола у восточной стены камеры оказался не занятым вещами, в результате между телом покойника и деревянными сосудами образовался проход. Очевидно, вход в камеру был именно с восточной стороны. Бесшатырские курганы служат тому подтверждением^б. После свершения ритуала над телом и размещения инвентаря камеры перекрыли короткими бревнами, заполнили яму грунтом, вынутым во время рытья могилы, а затем возвели насыпь.

Нам трудно восстановить все этапы погребального обряда той далекой эпохи. Но все же можно представить такую картину. Длинная траурная процессия медленно движется к месту погребения. Впереди мужчины, возможно жрецы, несут погребальные носилки с телом усопшего, с которых ниспадает расшитая золотом накидка и колышется в такт движения, за ними шествует вереница людей с ритуальными сосудами и пищей, а далее следуют родственники, воины, соплеменники, съехавшиеся со всех концов подвластной территории. Погребальное сооружение давно готово, и находящиеся возле него отправители культа ждут своего часа, когда тело будет передано им и они завершат процесс таинственно-торжественного отправления в вечный мир.

Рис. 10. Бляха с изображением морды хищника кошачьей породы.

Наконец, похоронная процессия достигает конечной цели. Огромная толпа, в том числе родственники, остаются наверху, в камеру спускаются лишь жрецы с телом, чтобы положить усопшего в отведенном месте, предварительно подстелив под него снятую с носилок накидку. Они же расставляют на полу камеры многочисленные сосуды в том порядке, в котором мы застали их во время раскопок, и закрывают камеру заготовленными бревнами. Только после этого тысячи соплеменников приступают к возведению огромного погребального кургана. Так могло быть. Но в какой степени это достоверно, мы, вероятно, никогда точно не узнаем.

«Летопись» Иссыкского кургана ничего не сохранила для нас и о совершенных жертвоприношениях и о тризнах. Они, конечно, были.

К сожалению, ахеменидские и античные письменные источники содержат мало сведений о погребальном обряде племен сакско-скифского времени. Если о скифах известно, что они возят тело умершего вождя по всем родо-племенным подразделениям, священо почитают могилы предков и на могиле приносят жертву мечу и солнцу, то об азиатских саках известно еще меньше, лишь то, что над прахом своей царицы Зарины они возвели грандиозный курган и поставили на нем золотую статую. Эти сведения важны, но их слишком мало даже для неполного представления о погребальном обряде и, конечно, они значительно меньше той информации, которую дает археологический материал. Поэтому при всей гипотетичности наших рассуждений он не только ярко, но сравнительно объективно позволяет воспроизвести картину одного из возможных вариантов бытовавшего погребального обряда.

Рис. 11. Бляха-накладка – украшение ремня.

Критериями датировки иссыкских находок являются формы навершия и перекрестия кинжала и меча, некоторые художественно-стилистические особенности предметов прикладного искусства (мотивы свернувшегося хищника, статичная поза горных козлов, поверженных с вывернутой половиной туловища животных и зверей),

разновидность глиняных сосудов, типичных для сакской культуры. На основе этого мы относим курган к V в. до н.э.

В результате раскопок Иссыкского кургана получено большое количество ценной информации для разных гуманитарных наук: истории, истории материальной культуры, истории искусства, истории письменности и языка, палеоантропологии Казахстана. Последующее обобщение, возможно, принципиально изменит некоторые концепции в этих науках.

Предварительный анализ части полученных данных представляется важным для определения новой точки зрения на уровень развития социально-экономических отношений, культуры и искусства, этно-культурных связей саков Казахстана. Меняется наше представление о вкладе казахстанских скотоводческих племен в мировую цивилизацию.

Находки в Иссыкском кургане по количеству (4000 шт.) золотых изделий, высокой технике изготовления предметов украшения, вооружения и быта, по сохранности захоронения, позволяющей восстановить погребальный обряд знатного сака и все атрибуты парадного головного убора, одежды и обуви, уникальные.

Новое слово в эпиграфику Востока вносит так называемое иссыкское письмо. Ныне с большим основанием можно ставить вопрос о том, что саки – древние обитатели Казахстана – уже в V в. знали письменность, хотя еще явно преждевременны выводы о языковой принадлежности этих племен.

1. И.И. Копылов. Пирамидальные курганы Новоалексеевского могильника Илийской долины. Ученые записки АГПИ им. Абая, т. 15(3), Алма-Ата, 1958, стр. 158–177.

2. К.А. Акишев. Культура саков долины р. Или (VI – IV вв. до н.э.). В кн.: К.А. Акишев, Г.А. Кушаев. Древняя культура саков и усуней долины р. Или. Алма-Ата, 1963, стр. 25–87.

3. А.Н. Бернштам. Памятники старины Алма-Атинской области. «Известия АН КазССР, серия археол.», 1948, вып. 1, стр. 81.

4. С.С. Черников. Загадка золотого кургана. М., 1968.

5. С.И. Руденко. Культура центрального Алтая в скифское время. М.-Л., 1953.

6. К.А. Акишев. Культура саков долины р. Или (VI – IV вв. до н.э.). В кн.: К.А. Акишев, Г.А. Кушаев. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата, 1963, стр. 57.

УСПЕХИ АРХЕОЛОГИИ КАЗАХСТАНА

(Известия АН КазССР. Сер. общ. наук. – 1974. – №2 – С. 23–35.)

В 1966 – 1967 гг. исполнилось 100 лет со дня первых археологических раскопок, проведенных на территории Казахстана на научной основе. В 1866 г. раскопки курганных могильников проводились в долине р. Иртыш и в Семиречье под руководством академика Российской Академии наук В.В. Радлова. В.В. Радлов лично произвел формально-типологическую систематизацию находок и по ним установил время сооружения памятников, отнеся их к железному веку.

В 1867 г. обследование средневековых городов нижнего и среднего течения р. Сырдарьи провел востоковед П.И. Лерх. Одновременно он произвел первые раскопки руин средневекового города Джанкент.

Раскопки археологических объектов на территории республики проводились и до В.В. Радлова и П.И. Лерха, но они носили кладоискательный характер: отсутствовала научная дневниковая и графическая фиксация, крайне низка была сама методика работ; раскопки преследовали извлечение художественных предметов искусства и быта. Поэтому мы считаем, что история становления казахстанской археологии начинается с 1866 – 1867 гг., т. е. со времени работ В.В. Радлова и П.И. Лерха.

Дальнейшее развитие археологических исследований (вплоть до наших дней) проходило по этим двум направлениям изучения культуры кочевых скотоводческих и оседлых земледельческих племен.

Большую роль в успехах археологии Средней Азии и Казахстана сыграл корифей русской культуры В.В. Стасов. Он высоко оценивал памятники культуры и искусства этих регионов и призывал русских ученых сохранить за собой приоритет в их исследовании. «... Отчего старому городу около Джанкента не быть нашей Помпеей!» - восклицал В.В. Стасов. И далее: «... Стыдно будет, если мы узнаем среднеазиатское искусство не по тем материалам, которые у нас под руками, а по материалам, свезенным иностранцами из Средней Азии в Париж или Берлин...».

Как бы в ответ на этот призыв в изучении древностей Казахстана активно включаются члены Археологических комиссий, Русского географического общества, Московского археологического общества, Исторического музея, Оренбургской ученой архивной комиссии, Туркестанского кружка любителей археологии и др.

Крупный вклад в изучение казахстанских древностей внесли труды П.И. Рычкова и П.С. Палласа, П.И. Шангина и А. Левшина, А.Н. Харузина и Н.Н. Пантусова, И.А. Кастанъеи Н.П. Остроумова, В.А. Каллаура и В.Д. Городецкого, Н. Коншина и А. Белослюдова и многих других.

Особое место в науке занимает академик В.В. Бартольд. Его деятельность, глубоко научные труды, несмотря на его позитивистскую методологию, имели и имеют неоценимое значение в изучении древней и средневековой истории Средней Азии и Казахстана. Велика его заслуга в определении важнейших направлений в развитии археологических раскопок и разведок, узловых проблем истории материальной и духовной культуры и в регистрации и охране памятников истории, архитектуры и искусства Средней Азии и Казахстана. В.В. Бартольд воспитал и подготовил немало учеников, почитателей среднеазиатских древностей, которые уже в советское время, работая сначала вместе с ним, а затем самостоятельно, внесли весомый вклад в историческую науку и до конца жизни остались патриотами востоковедческой и археологической науки.

Среди первых работ в Казахстане после революции нужно отметить поездки на развалины городища Сайрам П.П. Иванова (1923 г.) и М.Е. Массона (1925 г.). Оба ученых в статьях, посвященных результатам обследования, дали детальное описание памятника и исчерпывающую сводку исторических сведений о нем (Иванов, 1923 г., 1927 г.; Массон, 1928 г.).

Новое в археологическую науку Казахстана внесли раскопки в 1926 г. в Западном Казахстане М.П. Грязнова. Раскопки могильников эпохи бронзы Киргильда I, II, Урал-Сай и Кунак бай-Сай дали яркий вещевой материал и изменили утвердившееся мнение о том, что андроновская культура характерна лишь для Западной Сибири и Минусинской котловины.

М.П. Грязнов дал обоснованную систематизацию изученных памятников и высказал мысль, что дальнейшее исследование погребений и стоянок эпохи бронзы в Казахстане, возможно, заставит по-иному смотреть на синхронные культуры других территорий (Грязнов, 1927 г.). Ныне мы убеждаемся в правильности прогноза, сделанного сорок лет назад М.П. Грязновым. Мощный очаг высокоразвитой культуры бронзового века, широко распространенный по всей степной части Казахстана, дает основание исследователям ставить вопрос о казахстанском происхождении андроновской культуры.

Исследования О.А. Кривцовой-Граковой, проведенные в 1930 – 1939 гг. около Кустаная и в 1948 г. у с. Садчиково, явились следующим шагом в изучении андроновской культуры. Раскопкам подвергся комплекс памятников этой культуры; в Алексеевке были исследованы поселения с остатками жилищ, жертвенник и могильник, оставленный, может быть, жителями этого же поселения (Кривцова-Гракова, 1948 г., 1951 г.). Итоги раскопок имели большое значение в изучении бытового уклада и религиозных представлений степных племен эпохи бронзы.

Вклад в дальнейшее изучение эпохи бронзы в Казахстане внесли работы Нуринской экспедиции ГАИМК (С.П. Рыков, 1933 г.). Участники этой экспедиции М.П. Грязнов, М.И. Артамонов, И.В. Сеницын, М.Н. Комарова, Н.К. Арзютов, А.Н. Рогачев провели большие разведочные маршруты и раскопки в долинах рек Нура и Шерубай-Нура. Ими были обнаружены и обследованы стоянки энеолитического времени, могильники бронзового века, курганы эпохи раннего железа, надмогильные сооружения казахов (Рыков, 1935 г.).

Подлинным открытием этой экспедиции явились раскопки кургана 11 около аула Дандыбай. Здесь в большой четырехугольной камере, стены которой были сложены из плитнякового камня, находились остатки разграбленного захоронения. В камере вместе с остатками погребенного были обнаружены обломки бронзовых наконечников стрел, роговая ворворка, фрагменты 12 глиняных сосудов. Великолепно орнаментированные горшки с шаровидным туловом и прямым венчиком напоминали посуду карасукской культуры. Так, в степях Центрального Казахстана был открыт в то время единственный, но очень яркий памятник поздней бронзы (Грязнов, 1952 г., стр. 159).

В 1933 г. археологическими работами были охвачены районы западнее долины Нуры и даже Притоболье. Государственная академия истории материальной культуры (ГАИМК) организует Южно-уральскую экспедицию (А.И. Тереножкин, П.А. Дмитриев и Б.Н. Граков) с целью учета и картографирования древностей. В результате было учтено и обследовано 168 могильников, насчитывающих 838 погребальных сооружений, пять стоянок и две пещеры, в том числе к эпохе бронзы относилось 14 могильников (Граков).

В 1932 – 1933 гг. было положено начало изучению древних горных выработок на медь, олово и золото. Работа была проведена комиссией металлов, состоящей при Комитете по работам на новостройках ГАИМК. Комиссия провела обследование преимущественно восточных районов Казахстана (Работа комиссии металлов).

В 1935 – 1937 гг. С.С. Черников продолжил работы в этом направлении. За два сезона в Калбинском и Нарымском хребтах он обследовал 16 древних выработок, из них 11 на олово, две на медь и одну на золото. Работа С.С. Черникова до сих пор является одним из первых в СССР трудов, специально посвященных развитию металлургии и горного дела в древности (Черников, 1949 г.).

Таким образом, к концу 30-х годов памятники эпохи бронзы были открыты во всей степной части Казахстана от Иртыша до Урала, изучены и выборочно раскопаны могильники, поселения и горные выработки, разработана предварительная хронология культуры, намечены общие контуры истории племен в эпоху бронзы.

Работы М.П. Грязнова, О.А. Кривцовой-Граковой и С.С. Черникова дали толчок дальнейшему изучению андроновской культуры.

В 1928 – 1929 гг. М.В. Воеводский и М.П. Грязнов раскопали курганы у башни Бурана, поселков Чильпек и Каракол в Северной Киргизии. Бесспорной их заслугой является анализ материала, датировка изученных памятников и определение их этнокультурной принадлежности, т. е. выделение культуры древних усуней. Археологический комплекс был сопоставлен с конкретным этносом, с усуньскими племенами – древними обитателями Семиречья, имя которых сотни лет не сходило со страниц китайских хроник.

Работы последующих лет подтвердили выводы М.В. Воеводского и М.П. Грязнова. Более того, предложенная ими хронология и атрибуция долго служили своеобразным эталоном датировки и определения древнеусуньской культуры Семиречья, Ферганы и Южного Казахстана.

Среди работ 30-х годов несомненно ведущее место занимают экспедиционные исследования в Семиречье и Южном Казахстане, организованные ИИМК АН СССР совместно с Казахским филиалом Академии наук под руководством А.Н. Бернштама. Работам А.Н. Бернштама была присуща масштабность как по охвату больших территорий (Киргизия, юг Казахстана, Таджикистан, частично Узбекистан), так и по хронологическим рамкам изучаемых памятников.

Изучению древностей Казахстана и Средней Азии А.Н. Бернштам посвятил более 20 лет. В течение этого времени многие археологические изыскания на юге Казахстана и в других среднеазиатских республиках связаны с его именем. Он был организатором и руководителем крупных экспедиций, которые, выполняя археологические разведки и раскопки, в то же время являлись школой подготовки археологических кадров.

Первой такой экспедицией была Семиреченская, организованная ИИМК АН СССР вместе с Казахским филиалом Академии наук и Комитетом наук при Совнарком Киргизской ССР. Полевые работы Семиреченской экспедиции проводились в несколько этапов: в 1936 – 1938 гг. в Таласской долине (Казахстан и Киргизия), в 1938 – 1940 гг. в Чуйской и Илийской долинах, в 1947 – 1952 гг. – в Южно-Казахстанской области и, наконец, в 1950 – 1952 гг. – на Памире и в Фергане. Два последних этапа экспедиции были организованы ИИМК АН СССР совместно с Академией наук Казахской ССР, Киргизским и Таджикским филиалами АН СССР.

На городищах Таласской долины были произведены разведывательные раскопки с целью выяснения их стратиграфии, а также раскопано несколько курганных погребений, обследованы памятники Акыртас и место случайной находки деревянной палочки с руническими письменами в ущелье Нельда. Подвергалось раскопкам интересное по своей топографии городище Кош-Тепе (Костобе) (правый берег нижнего течения р. Талас). Материалы раскопок свидетельствуют о двух периодах в жизни города, датируемых VI – VIII и IX – X вв. На городище Чуль-Тепе (Чольтобе) были выявлены остатки жилых строений из сырцового кирпича на каменном фундаменте.

В междуречье Талас-Чу экспедиция А.Н. Бернштама обследовала и частично раскопала Акыртас (XII – XIV вв.). По мнению А.Н. Бернштама, Акыртас был сооружением мастеров сирийско-византийского происхождения, а не среднеазиатского. Вопрос о происхождении и времени сооружения Акыртаса все еще остается спорным. Г.И. Пацевич, обследовавший памятник в 1940 г, датирует его VIII – IX вв. (Археологическая карта Казахстана, 1960 г.), а архитектор Т.К. Басенов склонен относить его к VII – VIII вв. (Басенов, 1957 г.; Маргулан, Басенов, Мендикулов, 1959 г.).

Интересные материалы были получены при частичных раскопках поселения Луговое-холм – остатки сельского поселения с саманными жилищами полуоседлого типа. Выявлено, что наряду со скотоводством в хозяйстве жителей поселения значительно было развито земледелие. Эти наблюдения явились исходными для вывода о развитии оседлости и земледелия в Таласской долине среди племен кангюй еще в первых веках нашей эры, который сделал А.Н. Бернштам.

Работы Семиреченской экспедиции были продолжены в 1938 г. в более широких масштабах, чем в 1936 г. Были начаты раскопки городища Тараз, продолжено обследование западной части Таласской долины, в частности мавзолеев Айша-биби и Бабаджа-хатун,

архитектурных памятников X – XII вв. Результаты раскопок показали, отмечает А.Н. Бернштам, «столичный» характер культуры и архитектуры былого города, центра Таласской долины. Стратиграфический раскоп, заложенный в северо-восточном углу шахристана Тараз, дал материал, позволивший датировать время жизни города с V по XV в. Особый интерес имеет надпись на сосуде, найденном в Таразе. Она была написана сирийским письмом, вероятно, в VII в., представителем среднеазиатского сирийско-тюркского христианского населения (Борисов, 1948 г., стр. 108).

Семиреченская экспедиция в 1939 г. обследовала Алма-Атинскую область. Итогами ее работ явились археологическая карта района разведок, описание и топографическая съемка плана памятников. Кроме того, были заложены стратиграфические шурфы на Талгарском городище и в Джуантобинском могильнике, расположенном на р. Или (Бернштам, 1948 г.)

В 1940 г. А.Н. Бернштам обследовал развалины у современных поселков Мерке и Чалдавар и отождествил их со средневековыми городами Мирки и Аспара. На среднем Таласе обследованию подверглись городища Майтобе и Джувантобе, расположенные к югу от Тараза. А.Н. Бернштам, основываясь на противоречивых сведениях арабо-язычных письменных источников о местонахождении средневековых населенных пунктов, пришел к гипотетическому заключению о тождестве городища Майтобе с древним городом Хамукет, а Джувантобе – с Атлахом.

Кроме упомянутых работ больших экспедиций или целенаправленных исследований по отдельным проблемам в 20 – 30-х годах раскопки проводили и отдельные ученые, краеведы, работники музеев, любители археологии. Так, в 1929 г. А.И. Тереножкин совершил археологическую разведку по р. Чу, в результате которой им была составлена археологическая карта района и даны описания и датировка обнаруженных памятников (Тереножкин, 1935 г.).

В 1930 г. разведку и небольшие раскопки в Западном Казахстане произвел Б.Н. Граков. Он выявил и обследовал более 500 памятников, относящихся преимущественно к эпохе бронзы и раннего железа, и раскопал несколько курганов V–IV вв. до н.э. Большую собирательную работу провел старейший краевед республики Л.Ф. Семенов в Акмолинской (ныне Целиноградской) и Карагандинской областях (Семенов, 1930 г.).

В 1936 г. обследованием памятников древностей в Джезказгане занимался академик К.И. Сатпаев. Ему принадлежит первенство в

обнаружении и описании интереснейших наскальных изображений на правом берегу р. Буланты, каменных баб в окрестностях гор Едиге, наскальных писаниц, казахских родовых тамг в низовьях р. Сарысу и в сборе каменных орудий горного дела и других древностей; особенно подробно им обследованы и описаны места древних рудных разработок (Сатпаев, 1941 г.).

К.И. Сатпаеву также принадлежит честь находки в горах Улутау плиты с надписью, сделанной в 1391 г. по приказу Тимура во время его похода в Дешт-и-Кипчак. Ее прочитал Н.Н. Поппе (Поппе, 1940 г.).

Более детально изучал древние рудные разработки в Джезказгане Н.В. Валукинский в начале 40-х годов. В тяжелые военные годы он проделал огромную работу по обследованию окрестностей Джезказгана. Благодаря его работам археологическая наука ныне располагает подробными сведениями о местах древней добычи, разработки и плавки медной руды в Джезказганском рудном районе. Он же предварительно датировал эти памятники, относя их к двум периодам: древнему (бронзовый век) и средневековому (Валукинский, 1948 г.).

Большие работы были произведены в 1938 и 1940 гг. в Северном и Центральном Казахстане. В районе г. Степняк (Кокчетавская область) С.С. Черников изучил древние горные выработки на золото, открыл и обследовал 11 поселений эпохи бронзы (Черников, 1948 г., 1954 г.). В 1940 г. С.В. Киселев и Л.Ф. Семенов обследовали памятники в урочищах Бесоба и Жанааул (Карагандинская область) (Киселев, 1951 г, стр. 92, 93, 102; Маргулан, Агеева, 1948 г.).

Таковы научные итоги археологического изучения территории Казахстана в 1920 – 1940 гг. В эти годы была заложена основа периодизации казахстанских древностей, что имело огромное значение для дальнейшего развития древней истории и археологии Казахстана.

М.П. Грязнов уже в 1930. дал более конкретную хронологию казахстанской культуры бронзового века. Основой датировки послужило выделение своеобразных, отличных от минусинских, типов бронзовых орудий и предметов, характерных для территории Казахстана. Таким образом, в культуре эпохи бронзы Казахстана было установлено три типа развития: ранний, средний и поздний (Грязнов, 1930 г., стр. 149-162).

А.Н. Бернштам в довоенный период наметил основные контуры развития древней и средневековой истории и этапы развития культуры Семиречья и Тянь-Шаня (Бернштам, 1949 г.). Заслугой его является разработка историко-археологической периодизации памятников этих

территорий. Эта хронология не потеряла своего значения до сегодняшнего дня и служит основой для периодизации древней и средневековой истории Семиречья, Тянь-Шаня и Памиро-Алая, хотя результаты систематических и широко поставленных раскопок памятников разных эпох внесли коррективы в его исторические выводы, ибо в его работах, как он сам отмечал, «разведка преобладала над раскопками».

После Великой Отечественной войны одним из решающих факторов расширения масштаба археологических работ явилась организация в республике Академии наук и отдела археологии при Институте истории, археологии и этнографии. С этого времени археологические исследования носят плановый и систематический характер, охватывают многие районы Казахстана.

По-прежнему большую помощь в изучении древностей Казахстана оказывают экспедиции Института археологии (А.Н. Бернштам, С.С. Черников, В.С. Сорокин), Института этнографии АН СССР (С.П. Толстов), Государственного Эрмитажа (С.С. Сорокин), Государственного исторического музея (О.А. Кривцова-Гракова) и Саратовского государственного университета (И.В. Сеницын). Великие заслуги крупных советских ученых А.Н. Бернштама, М.П. Грязнова, С.П. Толстова, С.С. Черникова, П.И. Борисковского, В.М. Массона, А.М. Беленицкого, Л.Р. Кызласова, А.В. Арциховского в подготовке национальных кадров археологов. Большую заботу о развитии археологии Казахстана проявляет академик Б.А. Рыбаков.

Важной задачей развития археологии в Казахстане в послевоенные годы было составление археологической карты, а также дальнейшее накопление материалов в результате раскопок.

1946 – 1956 гг. явились периодом широких археологических поездок с целью регистрации памятников, периодом археологической разведки всей территории Казахстана. Многолетние работы были завершены опубликованием в 1960 г. фундаментального труда «Археологическая карта Казахстана». Составление и издание археологической карты целой республики (Казахстана) является первым случаем в советской археологии (имеются карты только отдельных районов).

Первой археологической экспедицией, организованной Институтом истории, археологии и этнографии им. Ч.Ч. Валиханова Академии наук Казахской ССР, является Центрально-Казахстанская (ЦКАЭ, руководитель А.Х. Маргулан). Эта экспедиция в течение 20 лет ведет систематические поиски и изучение древностей Сары-Арки. Для

выяснения вопросов взаимовлияния и расселения племен, а также для установления границ распространения отдельных типов памятников обследованию подвергались территории, лежащие на периферии Центрального Казахстана: на западе – бассейн рек Эмба и Сагыз, на востоке – предгорья хребта Чингиз, на севере – низовья р. Нуры и побережья оз. Кургальджин и, наконец, на юге – низовья рек Сарысу и Чу и северные предгорья Каратау.

Работам А.Х. Маргулана свойственна не только территориальная масштабность, но и широкий хронологический диапазон исследуемых памятников. Экспедиция обнаружила, обследовала и раскопала стоянки эпохи неолита, поселения и могильники андроновской и бегазы-дандыбаевской культуры; погребальные сооружения VII – I вв. до н.э. и курганы V – VIII вв. н.э.; наскальные изображения и каменные изваяния; древние ирригационные сооружения и средневековые караванные пути; монументальные памятники каменной архитектуры VIII – X вв. и руины средневековых городов; шатровые мавзолеи XIII – XIV вв. и казахские кумбезы XVI – XIX вв. (Маргулан, 1948 г.).

Успешными оказались поиски и изучение следов оседлой культуры в стране кочевников Дешт-и-Кипчак. Остатки развитой городской культуры были обнаружены и обследованы на северных склонах Каратау (городище Тарсатобе, Баба-Ата, Кумкент, Чулак-Курган, Саудакент, Аксумбе). Из этих городищ лишь Кумкент и Саудакент упоминаются на страницах письменных и литературных источников. Следы городской культуры в виде остатков поселений, караван-сараев, городов, ирригационных сооружений обнаруживаются и гораздо севернее Каратау: в степных оазисах в бассейне рек Сарысу, Кенгир, в горных долинах Улутау и в низовьях р. Нуры (Маргулан, 1948 г., 1947 г.).

Таким образом, уже результаты первого года работы Центрально-Казахстанской экспедиции внесли поправки в существующую концепцию, согласно которой оседлая земледельческая культура на территории Казахстана распространена лишь в бассейнах рек Сырдарья, Талас, в верховьях Чу. Они же свидетельствуют о более тесной взаимосвязи кочевого и оседлого населения, кочевнической и земледельческой культур, чем это предполагалось ранее.

В 1947 г. ЦКАЭ исследует древние караванные пути и частично раскапывает ряд новых поселений и городищ: Тасты (низовья р. Чу), Карабидаик и Ольке (р. Коктас в северной Бетпак-Дале), Кзылкент, Талдыкент и Карабулак (северо-западная Бетпак-Дала), относящихся к XI – XV вв. Некоторые из них возникли на месте поселений первых

веков нашей эры. В районе расположения поселений и городов обнаружены остатки ирригационных сооружений – плотин, каналов и арыков, свидетельствующих об орошаемой земледелии сравнительно небольших масштабов. Экспедиция установила направление нескольких магистральных кочевых и караванных дорог, связывающих города Сырдарьи и Таласа с оазисами Улутау, с низовьями рек Иртыша и Нуры.

В 1948 – 1949 гг. экспедиция продолжала выявлять следы оседлой и полуоседлой земледельческой культур в низовьях р. Чу (городища Торткуль, Улькен-Актобе, Орта-Актобе, Аяк-Актобе и Бала-Актобе), р. Кенгир (Болган-Ана), р. Джезды (Аяк-Камыр, Баскамыр). Датируются эти памятники XI – XV вв.

В 1946 – 1950 гг. экспедиция разрабатывала две проблемы: историю возникновения и развития оседлых поселений и городов и историю архитектуры культовых сооружений. При разработке первой проблемы особое внимание обращалось на такие вопросы, как взаимодействие кочевников и земледельцев и роль кочевников в формировании средневекового города и его населения (Маргулан, 1950 г.). В связи с этим значительное внимание уделялось раскопкам и регистрации надмогильных сооружений (курганов, оград), архитектурных памятников – дынов (каменные пирамидальные сооружения), мазаров и мавзолеев, а также стоянок с микролитическим инвентарем и наскальными изображениями в пустыне Бетпак-Дала (Маргулан, 1949 г., 1950 г.). Большой интерес представляют результаты раскопок плиточных оград в могильнике Бегазы (Кызласов, Маргулан, 1950 г, стр. 126-136).

А.Х. Маргулан собрал обширные и ценнейший материал по истории архитектуры культовых сооружений, значительная часть которого издана в книге посвященной истории развития архитектуры и архитектурного декора в Казахстане с древнейшего периода до современности (Маргулан, Басенов, Мендикулов, 1959 г.).

С 1951 г. ЦКАЭ ведет изучение памятников преимущественно двух эпох: эпохи бронзы и раннего железа. Обобщение большей части материалов из раскопок в Центральном Казахстане за 1951 – 1965 гг. дано в книге, посвященной материальной культуре этих эпох. Монография «Древняя культура Центрального Казахстана» является важной вехой в изучении центрально-казахстанских древностей (Маргулан, Акишев, Кадырбаев, Оразбаев, 1966 г.).

Большое значение для археологического изучения Южного Казахстана имеют многолетние работы Хорезмской археолого-

этнографической экспедиции АН СССР (С.П. Толстов). С 1946 г. исследования в северных Кызылкумах и низовьях Сырдарьи велись по проблеме взаимоотношения древнего Хорезма с кочевой периферией.

В 1948 – 1951 гг. и в последующие годы была исследована группа городищ Джеты-Асар, датируемых серединой I тысячелетия до н.э. – VI – VII вв. н.э. Найдено и обследовано более двух десятков городищ, руины погребальных сооружений мавзолейного типа и курганные могильники. Эту группу памятников С.П. Толстов отнес к эфталито-хионитским племенам, т.е. тохарам Помпея Трога, отметив большую устойчивость культуры на протяжении тысячелетней истории этих племен (Толстов, 1952 г., 1958 г., 1962 г.).

Результаты многолетних работ Хорезмской экспедиции позволили выделить культуру четырех племен среднеазиатских саков: апасиаков (массагетов болот и островов, по Страбону), сакараваков, аугасиев и тохаров. Культура этих племен представлена такими хорошо известными памятниками, как городища Чирик-Рабат, Бабиш-Мулла, Джеты-Асарский комплекс, Баланды и Барактам, одноименными погребальными зданиями, расположенными около городищ, и курганными могильниками Тагискен и Уйгарак.

Материалы, накопленные во время раскопок этих памятников, дали возможность по-новому поставить вопрос об уровне развития социальных отношений в сакском обществе Южного Приаралья. Высокий уровень материальной культуры, монументальные оборонительные и погребальные сооружения, как отмечает С.П. Толстов, несовместимы с примитивностью первобытнообщинного строя, они могли быть созданы силами только классового общества, принудительным трудом эксплуатируемого населения. На развитие культуры древних племен оказывал сильное влияние Хорезм, но влияние было взаимное. Большую роль сыграли степные племена в происхождении афригидской культуры Хорезма (Толстов, стр. 200).

Существенный вклад в развитие археологии Казахстана внесли работы Южно-Казахстанской (1947 – 1956 гг., руководитель А.Н. Бернштам) и Восточно-Казахстанской экспедиции (с 1947 г. по настоящее время, руководитель С.С. Черников).

Среди научных итогов работ этих экспедиций необходимо выделить постановку проблемы этногенеза народов Южного Казахстана и древнего Отрара (Бернштам, 1950 г., 1951 г.), разработку хронологии средневековой керамики Казахстана и изучение исторической топографии поселений и городов бассейнов рек Сырдарьи (среднее течение), Арыси и Таласа (Агеева, Пацевич, 1958 г.),

в Восточном Казахстане – открытие и изучение палеолитического местонахождения, периодизация памятников и обобщение материалов эпохи бронзы (Черников, 1951 г., 1960 г.).

Особо следует отметить раскопки царского кургана в Чиликтинском могильнике (С.С. Черников), давшие большое количество предметов из листового золота, выполненных в зверином стиле (Черников, 1965 г.).

Таким образом, истоки становления и упрочнение археологической службы республики связаны с именами целой когорты блестящих русских и советских востоковедов и археологов, членов Российской Академии наук и Академии наук СССР.

Последние два десятилетия почетное дело развития археологии Казахстана продолжают их ученики, национальные и интернациональные кадры ученых-археологов Академии наук Казахской ССР. Имена Е.И. Агеевой и Г.И. Пацевича, Х. Алпысбаева и А.Г. Максимовой, М.К. Кадырбаева и Т.Н. Сениговой, Г.А. Кушаева и Ф.Х. Арслановой хорошо известны за пределами нашей республики. Плодотворно работают молодые специалисты-археологи, недавние выпускники Московского, Ленинградского и Казахского государственных университетов: К.М. Байпаков, Л.Б. Ерзакович, Б. Нурмуханбетов, С.М. Ахинжанов, С. Жолдасбаев и др.

В настоящее время археологическая наука Казахстана находится на качественно новом этапе развития, связанном с новейшей организацией экспедиционных работ, применением методов точных наук и материально-технической оснащенностью исследований. При отделе археологии созданы два сектора первобытной и средневековой археологии, проблемная лаборатория археологической технологии, Музей археологии. Отдел и его подразделения размещены в новом помещении, лаборатория оснащена современным оборудованием, позволяющим вести реставрационные, спектрографические, петрографические эксперименты.

В конце 1970 г. президиумом республиканской Академии наук организована Южно-Казахстанская археологическая экспедиция для комплексного изучения Южного Казахстана. Генеральный план работ рассчитан на глубокую перспективу – 15-20 лет; целевая научная ориентация исследовательских поисков предусматривает историко-археологическое, историко-экономическое, историко-географическое и палеоантропологическое направление. Экспедиция имеет солидную материально-техническую базу: землеройные механизмы, бытовые удобства, начато строительство стационарной базы на месте раскопок.

Концентрация сил и средств для изучения древности сравнительно локального региона или на многолетних раскопках крупного археологического объекта имеет серьезные преимущества перед мелкомасштабными работами разрозненных археологических групп. В качестве примера можно привести результаты многолетних раскопок Пянджикента (А.Ю. Якубовский, М.М. Дьяконов, А.М. Беленицкий), Новгорода (А.В. Арциховский) или итоги работ Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции (ЮТАКЭ) АН ТуркССР (М.Е. Массон) и Хорезмской археолого-этнографической экспедиции Института этнографии АН СССР (С.П. Толстов).

Основным объектом многолетних раскопок определены руины средневекового города Отрара, имя которого известно по письменным арабо- персо- и тюрко-язычным источникам с IX в. н.э. С именем этого крупного города связаны многие известные исторические события в экономической и политической жизни Средней Азии и Казахстана в средневековье.

Масштабные раскопки Отрара начаты в 1971 г. При раскопке применялся новый метод изучения крупного археологического объекта большими горизонтальными площадями. Так, в 1971 г. размер раскопа составил около 7500 кв. м, в 1972 г. – 10 000 кв. м, а в 1973 г. – 15000 кв. м. Глубина раскопов в зависимости от рельефа поверхности городища от 0,5 до 1,5 м. Таким образом, за три года раскопано 3,2 га площади шахристана. Среди находок значительный интерес представляют коллекция монет (1200 шт.), полихромная глазурованная посуда со знаками, которые идентифицируются с тамгами казахских родоплеменных групп. Результаты трехлетних раскопок Отрара уже сейчас позволяют ставить вопросы планировки позднесредневекового города и архитектуры жилых комплексов, ремесленной специализации отдельных кварталов, социальной дифференциации населения и исторической демографии в XVI – XVIII вв. Информация, извлеченная из материала, полученного при раскопках Отрара XVI – XVIII вв. и других городищ этого же периода, вносит много нового в традиционное представление о культуре и быте казахов XVI – XVIII вв.

Широкую известность получила и другая находка казахстанских археологов: человек в «золотой одежде», раскопанный в кургане «Иссык», относящемся к V в. до н.э. В камере вместе с останками человека было обнаружено: 31 глиняный, металлический и деревянный сосуды, железные кинжал и меч, богато инкрустированные золотом, около четырех тысяч золотых предметов, украшавших головной убор,

одежду и обувь и два золотых перстня. Большое количество предметов украшения выполнены в стиле скифского «звериного» искусства.

Особое место среди находок занимает небольшая серебряная чашка с надписью, получившей название «иссыкское письмо». Ныне в науке существуют две точки зрения на атрибуцию и расшифровку этой надписи. Одни ученые (Г. Мусабаев, А. Аманжолов, А. Махмудов) считают, что она выполнена орхоно-енисейскими рунами на древнетюркском языке и имеет эпитафическое и благопожелательное содержание, другие (И.М. Дьяконов, В.А. Лившиц, С.В. Кляшторный) – что письмо написано неизвестным мировой науке алфавитом и пока не поддаются расшифровке.

В результате раскопок Иссыкского кургана получено большое количество ценной информации для разных направлений гуманитарных наук: древней истории, истории материальной культуры, истории прикладного искусства, истории письменности и языка, палеоантропологии Казахстана. Последующее обобщение этой информации значительно, а может, и принципиально изменит существующие концепции по ряду упомянутых проблем.

Предварительный анализ данных раскопок позволяет по-новому оценить уровень развития культуры, искусства, социально-экономических отношений, направление культурных связей, как ближайших, так и отдельных, саков Казахстана, оценить вклад казахстанских скотоводческих племен в мировую цивилизацию.

Находки в Иссыкском кургане по количеству золотых изделий, по технике изготовления предметов украшения, вооружения и быта, по сохранности захоронения, позволившей воспроизвести детально полную картину погребального обряда знатного сака и все атрибуты парадного голоного убора, одежды и обуви, являются уникальными.

Новое слово в эпиграфику Востока вносит так называемое «иссыкское письмо». Ныне с гораздо большим основанием можно ставить вопрос о том, что саки – древние обитатели Казахстана – еще 2200 – 2300 лет назад знали письменность, хотя пока еще преждевременны выводы об их языковой принадлежности. Без преувеличения можно утверждать, что иссыкская находка – это открытие, имеющее значение для всемирной истории и культуры.

Работа археологов Казахстана получила широкое признание научной общественности. Президент Академии наук СССР академик М.В. Келдыш в своей речи на Общем собрании АН КазССР, посвященном 25-летию со дня основания Академии наук Казахской ССР, наряду с достижениями в других отраслях науки отметил крупные

успехи казахстанских ученых в области археологии (Вестник АН КазССР, 1971 г., стр. 17). Высоко оценивают успехи археологической науки республики академики Б.А. Рыбаков, Б.Г. Гафуров. Казахские археологи гордятся такой оценкой выдающихся ученых страны.

Ныне, когда археологическая наука Казахстана на марше, мы не можем не вспомнить с признательностью имена русских и советских востоковедов и археологов, труды которых подготовили для нас взлетную площадку.

В благодарность Вам наши успехи!

Резюме

Мақалада Ұлы Октябрь революциясына дейінгі кезеңдегі Қазақстандағы археологиялық зерттеулерге шолу жасалып, Советтік Қазақстан археологиясының жетістіктері әңгіме болған.

1. П.П. Иванов. Сайрам. Историко-археологический очерк. В кн.: Сборник Туркестанского восточного института в честь проф. А.Э. Шмидта. Ташкент, 1923; его же. К вопросу об исторической топографии старого Сайрама. Сб. В.В. Бартольд – Туркестанские друзья, ученики и почитатели. Ташкент, 1927.

2. С.С. Черников. Древнее горное дело в районе г. Степняк. «ИАН КазССР, серия археол.», 1948, № 1; его же. Поселения эпохи бронзы в Северном Казахстане. КСИИМК, 53, 1954.

3. «Вестник АН КазССР», 1971, № 7, стр. 7, 17.

4. А.И. Тереножкин. Археологическая разведка по р. Чу в 1929 г. «Проблемы истории докапиталистических отношений», 1935, № 5-6.

5. А.Н. Бернштам. Основные этапы истории культуры Семиречья и Тянь-Шаня. СА, 1949, XI.

6. А.Н. Бернштам. Памятники старины Алма-Атинской области. (По материалам экспедиции 1939 г.). «ИАН КазССР, серия археол.», 1948, № 1.

7. А.Н. Бернштам. Проблемы древней истории и этногенеза Южного Казахстана. «ИАН КазССР, серия археол.», 1950, № 2; его же. Древний Отрар. Там же, 1951, № 3.

8. А.Х. Маргулан. Оседлые поселения XII-XIII вв. на северных склонах Каратау. «ИАН КазССР, серия археол.», 1948, № 1; его же. Археологические разведки в бассейне р. Сарысу. «ВАН КазССР», 1947, 7(28).

9. А.Х. Маргулан, К.А. Акишев, М.К. Кадырбаев, А.М. Оразбаев. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966.

10. А.Х. Маргулан, Т. Басенов, М. Мендикулов. Архитектуры Казахстана. Алма-Ата, 1959.

11. А.Х. Маргулан. Археологические разведки в Центральном Казахстане (1946 г.) «ИАН КазССР, серия истор.», 1948, № 1.

12. А.Х. Маргулан. Из истории городов и строительного искусства древнего Казахстана. Алма-Ата, 1950.

13. А.Х. Маргулан. Отчет о работах Центрально-Казахстанской археологической экспедиции 1947 г. «ИАН КазССР, серия археол.», 1949, № 2; его же. Третий сезон

археологической работы в Центральном Казахстане. «ИАН КазССР, серия археол.», 1950, № 3.

^{14.} А.Я. Борисов. Сирийская надпись на сосуде из Тараза. «ИАН КазССР, серия археол.», 1948, № 1, стр. 108.

^{15.} Археологическая карта Казахстана. Алма-Ата, 1960, реестр № 3819.

^{16.} Б.Н. Граков. Работы в районе проектируемых южноуральских гидроэлектростанций. ИГАИМК, 110.

^{17.} Е.И. Агеева, Г.И. Пацевич. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана. Труды ИИАЭ АН КазССР, 5, 1958.

^{18.} К.И. Сатпаев. Доисторические памятники в Дзезказганском районе. «Народное хозяйство Казахстана», 1941, № 1.

^{19.} Л.Р. Кызласов, А.Х. Маргулан. Плиточные ограды могильника Бегазы. КСИИМК, XXXII, 1950, стр. 126-136.

^{20.} Л.Ф. Семенов. Материалы к характеристике памятников материальной культуры Акмолинского округа. «Вестник Центрального музея Казахстана», 1930, № 1.

^{21.} М.П. Грязнов. Памятники карасукского этапа в Центральном Казахстане. СА, 1952, т. XVI, стр. 159.

^{22.} М.П. Грязнов. Казахстанский очаг бронзовой культуры. Сб. Казаки, III. Л., 1930, стр. 149-162.

^{23.} М.П. Грязнов. Погребения бронзовой эпохи в Западном Казахстане. Сб. Казаки. Вып. 2. Л., 1927.

^{24.} Н.Н. Валукинский. Древнее производство меди в районе Дзезгазгана. «ИАН КазССР, серия археол.», 1948, № 1.

^{25.} Н.Н. Поппе. Карсакпайская надпись Тимура. Труды ОВЭ, 2. Л., 1940.

^{26.} О.А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение и могильник. Труды ГИМ. М., 1948, т. XVII; ее же. МИА, 21, 1951.

^{27.} П.С. Рыков. Работы в совхозе «Гигант» (Караганда). ИГАИМК, 110. Археологические работы Академии наук на новостройках, II. М. – Л., 1935.

^{28.} Работы комиссии металлов (Главзолото и Союзредметразведка). ИГАИМК, 110.

^{29.} С.В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, стр.92, 93, 102; А.Х. Маргулан, Е.И. Агеева. Археологические работы и находки на территории Казахской ССР (с 1926 по 1946 г.). «ИАН КазССР, серия археол.», 1948, № 1.

^{30.} С.П. Толстов. По древним дельтам Окса и Яксарта, стр. 200.

^{31.} С.П. Толстов. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР (1945-1948 гг.). Труды ХЭ, 1, 1952; его же. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949-1953 гг. Труды ХЭ. II. М., 1958; его же. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962.

^{32.} С.С. Черников. Древняя металлургия и горное дело Западного Алтая. Алма-Ата, 1949.

^{33.} С.С. Черников. Загадка «золотого» кургана. М., 1965.

^{34.} С.С. Черников. Находки палеолитических стоянок в Восточном Казахстане. «ВАН КазССР», 1951, № 12; его же. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. МИА, 88, 1960.

^{35.} Т.К. Басенов. Орнамент Казахстана в архитектуре. Алма-Ата, 1957; А.Х. Маргулан, Т.К. Басенов, М. Мендикулов. Архитектура Казахстана. Алма-Ата, 1959.

ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ГОРОДОВ КАЗАХСТАНА

*(Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии: Мат-лы
Всесоюзного совещания / Под ред. Б.А. Тулепбаева. – Алма-Ата: Наука, 1983. –
С. 5–11.)*

Археология позднего средневековья – новое направление в исторической науке Средней Азии и Казахстана. Можно утверждать, что интенсивное развитие она получила со времени масштабных раскопок позднесредневековых слоев городища древнего Отрара. В настоящее время Отрар – одно из немногих поздних городищ среднеазиатско-казахстанского региона, изученных столь детально. Ныне очевидно, что если Пенджикент – опорный памятник для археологии раннесредневековых городов региона, то Отрар – для позднесредневековых.

Размах раскопок позднесредневекового Отрара объяснялся причинами гораздо более серьезными, чем престижность. На них мы останавливались подробно в книге «Древний Отрар»¹, поэтому здесь характеризуются лишь две из них, имеющие прямое отношение к сегодняшней теме.

Специфика исторического развития древнего Казахстана заключалась в том, что здесь с глубокой древности тесно взаимодействовали оседлое и кочевое население; прогресс скотоводческого и земледельческого хозяйства стимулировался взаимным влиянием, взаимно обогащались две формы культуры – кочевническая и земледельческая.

В этом процессе этнокультурной диффузии узловую позицию занимал округ средневекового Фараба (Параба).

Отрарский оазис и прилегающие к нему районы Южного Казахстана были древнейшим центром оседлости, ирригационного земледелия и городской цивилизации. Поиски истоков этой культуры привели к открытию древнейшей культуры присырдарьинских племен эпохи поздней бронзы и оседлых саков, обитавших там в первом тысячелетии до н.э. В последние десятилетия в низовьях реки Сырдарья, в дельте мертвых рек Жанадарья и Инкардарья, были раскопаны монументальные многокамерные погребальные сооружения этих племен, относящиеся к VIII – III вв. до н.э.². Древнейшие мавзолеи Тагискен, Баланды 2, Чирик-рабат, Бабиш-Мулла 2 с купольным перекрытием (?), сложенные из сырцового кирпича, свидетельствуют о том, что древнее население сырдарьинской дельты владело техникой изготовления кирпича-сырца и сооружения из него культовых зданий

сложного решения. Несомненно, технический опыт и умение были приобретены в результате строительства жилых и хозяйственных помещений, планировки и архитектурного оформления поселений и крепостей, а не только культовых зданий.

В первых веках нашей эры ранние укрепленные поселения возникают и формируются на более широкой территории. Так, в долине р. Арысь во время поисковых маршрутов было зарегистрировано и обследовано более тридцати поселений-крепостей. Раскопы, заложенные на поселениях Кос-тобе (Южное), Тортколь-тобе и Караул-тобе, вскрыли культурные напластования, относящиеся к трем хронологическим периодам жизни поселений – к I – IV, V – VI и VII – VIII вв. Раскопки поселений Шоль-тобе и Кызыл-Кайнар-тобе в Таласской долине определили примерно эти же столетия их бытования. Большое количество подобных памятников известно по среднему и нижнему течению р. Сырдарья, из них раскопаны Актобе 2 (Чардаринское), Алтын-асар и другие памятники джеты-асарской культуры. В первых веках н.э. очаги оседлости и земледельческой культуры возникают также в районах далеких северных склонов Каратау, в южных пределах кочевого Дашт-и Кыпчака³. Существенно дополняет перечисленные сведения о ранних поселениях информация, полученная при раскопе средневековых городищ. Стратиграфический раскоп, поставленный на городище древнего Отрара (1969-1970 гг.), и шурфы наших предшественников на ряде других южно-казахстанских городищ (Куйрук-тобе, Алтын-тобе, Мардан-куюк) дали материал, свидетельствующий о том, что руины позднесредневековых городов перекрывают остатки ранних поселений. Таким образом, можно констатировать, что в эволюции южно-казахстанского средневекового города устанавливается генетическая преемственность ранних поселений с развитым феодальным городом. Конечно, это путь развития не был единственно возможным путем зарождения средневекового города. Но для казахстанской медиевистики сделанный вывод принципиально важен для изучения генезиса города и установления соразмерности самобытного и заимствованного в городской культуре.

В период развитого средневековья Южный Казахстан с Отрарским оазисом становится одним из крупнейших центров городской цивилизации Казахстана. О масштабах экономического и культурного развития оазиса свидетельствуют руины свыше шестидесяти поселений, крепостей и городов, следы мощной и широко разветвленной оросительной системы. В центре оазиса ныне высится громада городищ

древнего Отрара, достигающая 18 м высоты. По археологическим данным, хронологические пределы жизни Отрара с IV – VI по XVII – XVIII вв. Земляной холм городища хранит почти полуторатысячелетнюю историю Отрара, богатую, как свидетельствуют письменные источники, историческими событиями.

По данным археологии, в округе средневекового Фараба, зарождение оседлого быта, земледельческой культуры и возникновение укрепленных поселений происходило автономно еще в первых веках н.э. Однако в дальнейшем, особенно начиная с VI – VIII вв., на развитие их мощное влияние оказали согдийцы-переселенцы, имевшие большой опыт земледельческого труда и древние традиции градостроительства. В итоге в Южном Казахстане сложилась своеобразная городская цивилизация, в которой четко вычленяются пласты самобытной и пришлой культуры⁴.

Местонахождение Южного Казахстана на стыке двух культурно-экономических миров: оседло-земледельческого и скотоводческо-кочевнического – определило своеобразие памятников культуры. Исследования их предоставляют возможность научной разработки таких узловых проблем казахстанской средневековости, как культурные, торговые и политические взаимоотношения земледельцев и кочевников; роль кочевых скотоводов в развитии городов, а городов – в экономике и культуре кочевнических племен; соотношение элементов кочевнической и земледельческой культур в средневековой городской цивилизации Южного Казахстана; этническая общность юга Казахстана и Дашт-и Кыпчака.

Многолетние раскопки Отрара и других памятников оазиса уже сейчас дали большой археологический, нумизматический и палеоантропологический материал, проясняющий отдельные аспекты этих проблем.

В настоящее время практически полностью выявлен планировочный и архитектурный облик Отрара XVI – XVII вв., вскрыто свыше 250 отдельных домостроений, ремесленные мастерские, общественные и культовые здания, изучены оборонительные сооружения, выяснены основные направления городских улиц, местонахождение городских ворот и площадей. Получено полное представление о планировке, строительных конструкциях и интерьере жилищ, отопительной системы и санитарных узлах в домах позднесредневекового Отрара.

Существенные результаты дало исследование ремесленной специализации и социальной стратификации населения. Достоверно

выделяются кварталы ремесленников, гончаров, хлебопеков, мастерские железных дел мастера и ткача, торговые ряды. Домовладения по монументальности конструкций, количеству и усложненности интерьера комнат, по богатству находок в них довольно четко подразделяются на дома бедных, состоятельных и богатых слоев населения. Отрар в XVI – XVII вв. представляется как крупный городской центр с присущими ему строительно-планировочными особенностями, с развитой социальной и ремесленной структурой.

Масштаб раскопок на Отраре позволил произвести экспериментальные демографические расчеты количества городского населения и плотности его на один гектар городской площади⁵.

Положительно оценены специалистами результаты изучения торговли и денежного обращения в Отраре, развития орошаемого земледелия и систем бытового и хозяйственного водоснабжения города⁶.

При раскопке Отрара найдено свыше 4000 серебряных и медных монет, большинство которых относится к XV – XVII вв. В нумизматике считается доказанным, что вторая половина XV – первая четверть XVI в. была временем максимального развития в Средней Азии товарно-денежных отношений, особенно в сфере мелкотоварного производства и розничной торговли. Монетные находки в Отраре дают все основания заключить, что город этот был вовлечен в общесреднеазиатский торговый процесс и что в Отраре товарно-денежные отношения в XV – XVI вв. достигли максимального уровня развития. Позднее, в XVI – XVII вв., как позволяют предположить находки монет, в Отраре на протяжении какого-то периода существенных изменений в состоянии товарного производства и торговли не произошло. Такое положение сохранялось до второй половины XVIII в., когда четко обозначился упадок Отрара как торгово-экономического центра⁷.

При всей научной значимости отрарских материалов они проливают свет только на одну сторону круга проблем, связанных с взаимоотношением города и степи, горожанина и кочевника. Поскольку Отрар и другие древности его оазиса являются памятниками преимущественно оседлого населения, земледельческой культуры, они почти не могут источником информации о второй стороне проблемы, о роли кочевников в жизни оазисов.

Во взаимоотношениях Дашт-и Кыпчака и Туркестана (имеются в виду прежде всего вопросы социально-экономических и культурных связей) нам традиционно известна роль города в жизни степи, но почти

неизвестна прогрессивная роль кочевых скотоводов в жизни городских центров. Между тем именно номады определили своеобразие топографии и специфику культуры присырдарьинских городов Туркестана, отличие их от городов Согда, Бактрии, Хорезма и в значительно меньшей степени – от городов Шаша. Поэтому исследование роли кочевников в прогрессе казахстанской городской цивилизации было и остается одной из ведущих тем многолетних археологических исследований в Южном Казахстане.

Тема эта не нова в археологической литературе. В разные годы, на разном уровне интерпретации она ставилась исследователями среднеазиатской медиевистики. И сегодня должна быть особо отмечена научная значимость выводов о роли кочевников в сложении культуры афригидского и позднесредневекового Хорезма⁸, в возникновении и развитии семиреченского города⁹, в жизни поселений и городов-крепостей восточного Дашт-и Кыпчака¹⁰.

Исследование даштыкыпчакских городов для разработки темы имеет первостепенное значение, но археологическая изученность их оставляет желать лучшего: большинство из них не имеет точных координат, инструментальных планов, сколько-нибудь значительные раскопки их не производились.

Наши археологические маршруты и раскопы на северных склонах Каратау и в южных пределах пустыни Бетпак-Дала частично восполняют этот пробел. Были зафиксированы и обследованы более сотни зимовок, десятки поселений – кишлаков, крепостей и городищ, относящихся к XV – XVIII вв. На крупных опорных памятниках произведены стационарные раскопки, выполнена типологическая классификация позднесредневековых северокаратауских и бетпакдалинских городищ. Раскопам подвергались памятники разных типов, но относящиеся к одному периоду: зимовки-поселения Жалгыз-Там и Шыгырлы, укрепленные поселения Аяккамыр и Найзагара, городища Культобе и Раната¹¹.

В итоге раскопок установлено, что северокаратауские и бетпакдалинские поселения и города по форме материальной культуры и этническому составу населения (судя по тамгообразным знакам на сосудах) были близки городам среднего течения Сырдарьи, в том числе Отрару.

Однако, как и следовало ожидать, под сильным влиянием кочевнической среды в северных по отношению к средней Сырдарьи городах полуоседлый-полукочевнический компонент в планировке поселений и жилищ, в строительной технике, наконец, в материальной

культуре преобладает над оседло-земледельческим. Как правило, поселения и города здесь небольших размеров; при постройке жилых, хозяйственных зданий и крепостных стен широко применяется камень-плитняк; нередки строения круглой планировки типа «шошала»; в жилищах часты тандыры, но встречаются и примитивные отопительные печи, сложенные из камня; некоторые особенности имеют и интерьеры жилищ. Одна из особенностей культуры северокаратауских и бетпак-далинских городов – малый процент находок поливной посуды и повторения форм деревянной посуды кочевников в керамических сосудах городских гончаров.

По имеющимся данным, экономика этих городов основывалась преимущественно на полуоседлом скотоводстве, поливное земледелие было развито слабо из-за недостатка воды и отсутствия опыта землепашца. Судя по обилию костных остатков в отдельных домостроениях, в городах, вероятно, немалое количество домовладений принадлежало кочевым скотоводам¹².

Давление кочевнической среды определило формирование исторической топографии и архитектоники памятников оседлого и полуоседлого населения, возникновение сельских и городских центров особого типа – как поселений-зимовок, городов-убежищ. Как уже отмечалось, в большинстве они были небольших параметров, но встречались в этом районе и крупные городские поселения. На развалинах одного из них – городища Белен-ана, что находится в низовьях Сарысу (Южная Бетпак-Дала), в 1752 г. побывал П.И. Рычков. Он описывает, что развалины Белен-ана имеют длину 6 верст, ширину 1 версту, а на территории его и «поныне сохранились пять мечетей»¹³.

К сожалению, до настоящего времени никто из археологов не обследовал руины Белен-ана, но по данным П.И. Рычкова можно предполагать, что это типичное городище с длинными стенами, причем наиболее крупное среди известных, его размеры 6,4 x 1 км. Города-убежища с длинными стенами возникали в странах, где население вело в основном полуоседлый и кочевой образ жизни, и служили для укрытия скотоводов во время неприятельского нападения.

Резюмируя итоги проведенных нами поисков, можно отметить, что археологические работы по выявлению и изучению памятников материальной культуры позднего средневековья вносят новые понятия в традиционное представление о культуре Казахстана в XV – XVIII вв. Открытие остатков большой группы зимовок, кыстаков (кишлаков), поселений-кентов и городов свидетельствует о распространении среди позднесредневекового населения Казахстана, ведущего оседлый и

полуоседлый образ жизни, земледельческого труда, различных ремесел и традиций градостроительства. В оседлых центрах развивались соответствующие формы материальной и духовной культуры.

В Южном и Центральном Казахстане сельские поселения в XV – XVIII вв. возникли и развивались на базе кочевнических ставок и зимовок. Поселения располагались в удобных для оседлого и полуоседлого образа жизни районах, на важных торговых путях. Материалы археологических раскопок позволяют заключить, что население Южного и Центрального Казахстана находилось в тесных этнокультурных, экономических и социально-политических связях. Поэтому материальная культура казахов XV – XVIII вв. в своих основных чертах отразила своеобразное соотношение оседло-земледельческих и кочевнических традиций, которые были присущи Казахстану с глубокой древности.

Позднесредневековая археология по хронологическим рамкам исследований стыкуется с разделом этнографической науки, изучающим традиционную культуру народов. Важность археологического изучения памятников традиционной культуры народов, особенно младописьменных, таких, как казахи, киргизы, туркмены, несомненна.

Современная этнография располагает немногочисленными коллекциями народной одежды, орудий труда, украшений и домашней утвари, отложившихся в фондах Государственных музеев. Причем большинство из них, как считают специалисты-этнографы, относится к XIX в., даже к его второй половине. Чрезвычайно мало предметов материальной культуры более ранних эпох. Очевидно, что имеющихся материалов недостаточно для полной и объективной характеристики народной культуры, особенно ранних этапов ее развития, времени сложения народа в XV – XVI вв. Поэтому неизбежно искаженное представление о национальной культуре.

Существенный пробел в этнографических знаниях о материальной культуре народов Средней Азии и Казахстана может быть восполнен только полевой археологией: изучением позднесредневековых памятников; раскопками остатков зимовок и летних стоянок, поселений, зимовок и крепостей, развалин городов и городов-убежищ, культовых зданий и родовых кладбищ XV – XVIII вв.

Представляется, что такое комплексное изучение даст возможность не только полнее проследить этапы развития традиционной культуры, но и путем сопоставления ее с уже имеющимися археологическим материалом более ранних, доказахских или докиргизских, эпох

установить истоки происхождения материальной и духовной культуры народов. Генезис материальной и духовной культуры – одна из важнейших проблем этногенеза народов.

1. Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Древний Отрар: (топография, стратиграфия, перспективы). Алма-Ата, 1972.

2. Толстов С.П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962; История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней. Алма-Ата, 1977, т. 1, с. 175–183.

3. Агеева Е.И., Пацевич Г.И. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана. – Труды/ИИАЭ АН КазССР, 1958, 5; Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Новое в средневековой археологии Южного Казахстана. – В кн.: Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. Алма-Ата, 1969, с. 5–42.

4. Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г. Средневековый город Средней Азии. Л., 1970; Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Древний Отрар. Алма-Ата, 1972.

5. Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Позднесредневековой Отрар. Алма-Ата, 1981, с. 189–190.

6. Грошев В.А. Новые данные об оросительных системах Отрарского оазиса. – В кн.: Археологические исследования в Отраре. Алма-Ата, 1977, с. 14–22; Он же. Водохранилище средневекового Отрара. – В кн.: Прошлое Казахстана по археологическим источникам. Алма-Ата, 1976, с. 36–45; Он же. Ирригация Южного Казахстана в средние века: (По материалам Отрарского оазиса южных и северных склонов Каратау). Автореф. дис. ... канд. истор. наук. Л., 1980.

7. Давидович Е.А. О времени максимального развития товарно-денежных отношений в средневековой Средней Азии. – Народы Азии и Африки, 1956, № 6, с. 83, сл.; Бурнашева Р.З. Монетный материал с городища Отрар-тобе за 1971-1972 гг. – В кн.: В глубь веков. Алма-Ата, 1974, с. 163, сл.; Она же. Монетные находки с городища Отрар-тобе за 1974 г. – В кн.: Археологические памятники Казахстана. Алма-Ата, 1978, с. 159–170; Настич В.Н. К периодизации монетной чеканки Отрара и его роли в денежном хозяйстве города и области. – В кн.: Ближний и Средний Восток: товарно-денежные отношения при феодализме. М., 1980, с. 162–171.

8. Толстов С.П. Древний Хорезм. М., 1948.

9. Бернштам А.Н. Памятники старины Алма-Атинской области. – Известия АН КазССР, серия археологическая, 1948, № 1, с. 79–81.

10. Маргулан А.Х. Из истории городов и строительного искусства древнего Казахстана. Алма-Ата, 1950.

11. Жолдасбаев С. Типы оседлых поселений казахов по данным археологических исследований Южного и Центрального Казахстана (XV – XIX вв.). – В кн.: Прошлое Казахстана по археологическим источникам. Алма-Ата, 1976; Он же. Раскопки городища Культобе. – В кн.: Археологические открытия. 1973 г. М., 1974, с. 468.

12. Акишев К.А. Археология Казахстана: Основные направления и итоги. – Советская археология, 1978, № 1, С. 12.

13. Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. Спб., 1862, с. 514.

ЭКОНОМИКА И ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ ЮЖНОГО КАЗАХСТАНА И СЕВЕРНОЙ КИРГИЗИИ В ЭПОХУ САКОВ И УСУНЕЙ (V В. ДО Н.Э. – V В. Н.Э.).

Научный доклад, представленный в качестве диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. Москва: Институт археологии АН СССР, 1986. – 49 с.

В историографии Евразии одной из малоизученных проблем является экономика и общественный строй кочевых и полукочевых племен и народностей в древние эпохи.

Данный тезис сохраняет силу и на современном уровне развития исторической науки, хотя первые попытки исследования социально-экономических отношений у кочевников, преимущественно у скифов европейских, зачастую весьма плодотворные, делались еще в 30-40-е годы советскими историками и археологами. Акцент на скифское общество объясняется наличием солидного источниковедческого базиса – античного письменного и археологического.

Научные направления, намеченные в те годы, новые археологические материалы, накопленные с тех пор, новая интерпретация сведений древних авторов послужили основой дальнейших успехов в изучении отдельных аспектов скифской общественной системы или в целом всей проблемы. Раннеклассовая организация скифов представляется приемлемым.

Социальный строй савромато-сарматов исследуется недостаточно, но представляется возможным полагать, что сарматское общество стояло не намного ниже скифского.

Предложена также первая попытка социологической интерпретации материалов из раскопанных курганных могильников (большинство которых оказались не разграбленными) эпохи раннего железа Тувы, полагают, что они принадлежали трем социальным прослойкам: царям, родовым дружинным аристократам и низшим социальным группам (Грач). В кургане Аржан – в памятнике Тувы раннескифского времени, были захоронены «царь» с «царицей» и 15 сопровождающих их «вельмож» (Грязнов).

В других регионах распространения локальных вариантов культур скифского и сакского типов – на восточном Памире, в Центральном Казахстане и южном Приаралье, где единичны царские курганы и они не раскапывались, социологические реконструкции не предпринимались.

Монографически обобщен накопленный опыт реконструкции социально-экономических отношений в древних обществах и остро поставлена проблема палеоэкономики и общественного строя, как одна из главных задач советской археологической науки (Массон). Вкладом в историографию проблемы является монография, посвященная социальному строю кочевников эпохи развитого средневековья (Федоров-Давыдов).

Как показывает опыт, реконструкция социально-экономических отношений и этно-политических ситуаций в древних обществах сопряжена со многими объективными и субъективными трудностями. Главными из них являются отсутствие или малочисленность основополагающих письменных источников, вольное и невольное осовременивание или, наоборот, принижение уровня древних социальных структур, как итог интерпретации извлеченной информации сквозь призму наших современных традиционных представлений о племенах и народностях – объектах изучения этнографической науки.

Конкретен археологический источник, но он нем, для извлечения информации, необходимой для социологических заключений, нужна разработка своей особой методики, методики распознавания социальной развитости древнего общества, значительные трудовые усилия которого вложены на сооружение того или иного памятника или группы памятников материальной и духовной культуры.

Научная новизна докладываемой работы состоит в том, что в ней впервые в советской археологии разрабатывается проблема палеоэкономики и социального строя кочевых и полукочевых племен Средней Азии и Казахстана во второй половине первого тысячелетия до н.э. – в первой половине первого тысячелетия н.э. На современном этапе развития исторической науки теоретические разработки – на уровне концепций и гипотез, что является неизбежной стадией на пути к теории и необходимой для корректировки будущих поисков истины.

Актуальность темы заключается в слабой или вовсе не разработанности в историографии указанного региона таких кардинальных вопросов древней истории, как: возникновение и развитие классов и государств и его экономического базиса – земледелия и скотоводства. В работе делается попытка на основе марксистско-ленинской методологии исследовать эти вопросы.

В разные годы отдельные аспекты проблемы излагались в монографиях и научных статьях автора.

ЗЕМЛЕДЕЛИЕ И СКОТОВОДСТВО

За весь период археологического изучения Южного Казахстана и Северной Киргизии представление о хозяйстве, быте и культуре сако-усуней основывалось исключительно на данных китайских династийных хроник и на материалах с раскопанных подкуранных захоронений.

Параллельное привлечение двух этих источников в исследованиях дает довольно полное представление по интересующим нас вопросам.

Сведения о древних усунях, имеющиеся в исторических сочинениях древнекитайских авторов, в свете накопленных археологических данных подлежат ревизии. Последнее в первую очередь относится к определению усуней как «чистых» номадов, постоянно (круглогодично) кочующих вслед за скотом в поисках пастбища и водопоя. В этих же источниках и в трудах комментаторов их имеются указания, хотя и скудные, что часть из них знала оседлость и имела города и поселения.

Впервые утверждения древних источников о чисто кочевническом направлении хозяйства и быта усуней были поставлены под сомнение М.В. Воеводским и М.П. Грязновым на основе находок в раскопанных захоронениях Северной Киргизии обугленных зерен, шелухи проса и каменной зернотерки. Новые данные, указывающие на развитие земледелия и оседлости у древних усуней Семиречья, были получены при раскопке поселения Луговое-холм, расположенного в долине р. Талас.

Работы, проведенные на территории региона в последующие годы, дали археологические свидетельства, позволяющие рассматривать хозяйство усуней в динамике его почти тысячелетнего развития и дифференцированно для разных частей Семиречья соответственно природно-климатическим условиям.

Географической средой Семиречья было обусловлено, что развитие хозяйства саков и усуней пошло по своеобразному пути. Своеобразие это состояло в том, что здесь, в отличие от районов «классического» земледельческого или кочевого скотоводческого хозяйства, скотоводство сочеталось с земледелием, а кочевничество – с полуоседлостью. Многоукладность хозяйства, полукочевой и

полуоседлый образ жизни у древних усуней доказывается появлением и распространением на территории Семиречья особых типов памятников: в усуньское время – зимовок-поселений, а позднее – укрепленных поселений и городов-убежищ с крепостными стенами, огораживающими большие площади пространства, свободные или почти свободные от построек.

На зимовке-поселении Актас-2 сделаны находки, являющиеся первыми и прямыми свидетельствами существования земледелия у усуней. Это орудие обработки земли – каменные мотыги и уборки урожая – бронзовый серп (обломок). В окрестностях поселений (Актас I, II, IV, V) открыты остатки оросительных арыков и следы небольших обработанных участков площадью от 60 до 150 кв. м. По-видимому, на таких участках выращивались злаковые, возможно, бахчевые культуры. Мы не имеем данных о выращиваемых культурах, но является реальностью существование обработанных и орошаемых полей.

Обработанные площади располагались на участках, максимально обогреваемых солнцем и удобных для самотечной подачи воды. Русло оросительных арыков трассировалось с учетом естественного склона местности с таким расчетом, чтобы исток находился выше отметки орошаемого участка.

Следы подобной примитивной оросительной системы, кроме Кетменьтау (Кегенская долина), открыты во всех районах Семиречья: в ущельях и на склонах Джунгарского Алатау и Чулакских (Илийская долина) и Чу-Илийских гор (Чуйская долина), на северных склонах Киргизского Алатау (Таласская долина). Древние усуней Семиречья обладали определенными знаниями в области земледелия: выбор наиболее пригодной для обработки земли, учет солнечной активности в период вегетации, трассировка русел арыков для самотечной подачи воды в горных местностях.

Можно считать достоверным существование посевов колосовых культур: ячменя и проса. Находки обломка бронзового серпа, а также шелуха этих культур, прилипшая к дну одного из сосудов, найденного в усуньской могиле в Северной Киргизии подтверждают этот факт.

В своеобразных семиреченских условиях наиболее рациональной и даже возможной формой земледелия были посеы под богару. Так называемое богарное земледелие при высоком уровне выпадения осадков и естественной увлажненности почвы давало устойчивые

урожаи. Хотя засеивались ограниченные площади, но все же каждая усуньская семья была обеспечена продуктами земледелия, главным образом, мукой и зерном, а растительная пища входила в постоянный рацион питания. Последнее убедительно доказывается находками каменных зернотерок, причем, как на поселениях, так и в захоронениях. В помещениях зимовки-поселения Актас обнаружено одиннадцать целых зернотерок, а также пятнадцать обломков от них, сильно изношенных от долгого употребления. Об оседлом и полуоседлом образе жизни свидетельствует также увеличение масштабов производства глиняной посуды, особенно в III – V вв.

Прямые указания о развитии оседлости и земледелия на территории Семиречья в древнеусуньское время имеются в письменных источниках.

Так, китайский историк Бань Гу сообщает, что придворная дама Фынь, приставленная к китайской принцессе, выданной замуж за усуньского гуньми, раздавала подарки усуньским «оседлым владельцам».

Историк XIX в. Хэ-Цю-Тао, ссылаясь на древние источники, сообщает, что хотя древние усунь не устраивают полей, но «сеют деревья». Комментатор «Ханьшу» Янь Ши-Гу – историк VII в. н.э. – конкретизирует это сообщение, поясняя, что «сеют деревья» значит «сажают деревья». По-видимому, у оседлой части усуней имело место и садоводство.

Известны сведения более определенного и конкретного характера. Это сообщение историка Суй Сун, утверждающего, что хотя усунь следовали за водой и травой (кочевали), «все же имели города и предместья». Привлечены и новые данные об усуньских владельцах, обрабатывающих землю.

Однако в усуньское время, хотя скотоводство было не единственной формой хозяйства, но и земледелие не стало играть равную скотоводству роль. На всех этапах развития хозяйства скотоводство преобладало над земледелием.

В древности, при низком уровне развития производительных сил, фактор среды играл определяющую роль в зарождении той или иной формы хозяйства. Значение среды контрастно проявилось в период появления производящего хозяйства, но особенно в эпоху освоения железа, которая на территории древнего Казахстана почти совпала с переходом к новой форме хозяйства – к кочевому скотоводству. С этого времени (IX - VIII вв. до н.э.) разные по природным условиям

(преимущественно по рельефу и источникам воды) районы Казахстана развиваются специфическими путями. Соответственно разной естественной среде возникают разные формы хозяйства, складываются своеобразные культуры и особые типы памятников. Исторически определяются три зоны хозяйственного районирования: Центральный и Западный Казахстан, зона степи и полупустынь – районы экстенсивного кочевого скотоводства с круглогодичным содержанием скота на подножном корме, слабого развития земледелия и оседлости. Южный Казахстан, зона лессовых равнин в долинах рек Сыр-Дарья, Талас, Келес и Арысь – район раннего зарождения оседлости и поливного земледелия, городской культуры и ирригационного строительства. И, наконец, Семиречье и Восточный Казахстан, зоны горных систем Тянь-Шаня и Алтая – район комплексного хозяйства, сочетание полукочевого (яйлажного) скотоводства и богарного земледелия, полукочевой-полуоседлый быт, особые типы памятников – зимовки-поселения, города-ставки, бесцитадельные города, города-убежища.

Пастбищно-кочевая система или посезонное распределение пастбищ и водных источников, уже сложившаяся в момент перехода скотоводов к кочеванию в IX – VIII вв. до н.э. (без него вообще не было бы возможно кочевое скотоводство) практически оставалась неизменной в продолжение трех тысячелетий, вплоть до казахов недавнего прошлого. Вывод этот основывается на исторической топографии памятников: поселений, зимовок и погребальных сооружений. Размещение их в продолжение всего этого огромного периода в одних и тех же местах свидетельствует, что еще на заре перехода к кочевничеству были уже определены наиболее благоприятные для скотоводства районы кочевания и они не менялись веками. При этом обязательным условием пригодности их для хозяйственного использования являлось наличие пастбищ, пригодных для посезонного чередования. По топографии памятников наиболее точно устанавливаются места зимовок – места продолжительного оседлого стояния кочевника. Эти места жительства оставались постоянными сотни и тысячи лет, из поколения в поколение. Рядом с ними находились семейно-родовые могильники и кладбища, которые увеличивались вместе с бегом времени. Так возникали ныне известные огромные некрополи, состоящие из разнотипных и разновременных памятников и многослойные зимовки-поселения.

Археологические материалы доказывают, что на территории Казахстана и Киргизии, наибольшее количество памятников, как правило, располагается в очагах максимальной оседлости кочевых племен; места эти, наиболее благоприятные для зимовок, не менялись в продолжении многих веков, что свидетельствует не столько с преемственности культуры, сколько о схожести типа хозяйства и образа жизни сменявших друг друга племен.

Можно утверждать, что уже в сакское время, а тем более в усуньское, определились постоянные места зимних пастбищ, места сезонной оседлости кочевника. Существенную помощь в решении вопроса о распределении пастбищных зон в другие сезоны года оказывают данные других наук, как ботаника и гидрология, а также ретрометод – реконструкция форм хозяйства древних племен на фактах истории поздних кочевников.

Кочевому скотоводству Центрального и Западного Казахстана было характерна большая амплитуда кочевания из южных районов на север и обратно, так называемый меридиональный путь перекочевок.

Естественным фактором, определившим специфичность типа хозяйства и постоянный маршрут перекочевок, является периодичность поедаемости скудной растительности и сезонное состояние водных источников, неравномерно распределенных на огромных степных пространствах региона.

Периодичность поедаемости трав построена на сезонной смене растительных форм, являющейся природной закономерностью общей для климатических зон суши. Но важное значение имели также особенности, характерные лишь для зоны сухих степей, в частности, депрессия в поедаемости, которую обнаруживают растения (ковыль, еркер и другие), составляющие главную массу корма. Другая форма растительности – полынь (жусан) всех видов, являющаяся также одним из основных растительных покровов степи, непригодна для корма весной и летом, но становится одним из основных кормов осенью и зимой, когда мороз разрушает накопленные в нем вредные вещества.

Вторым фактором, определяющим переход к кочевничеству, являются естественные запасы питьевой воды, ограниченные засушливостью климата, засоленностью грунтовых вод, рек, озер. Так, например, реки Сагыз, Уил, Эмба и их притоки (Западный Казахстан) имеют пресную воду всего 2-3 месяца, а в течение остального периода времени года – непригодную для питья.

Эти факторы определяли, что скотоводы с наступлением тепла были вынуждены кочевать на север, где имелись хорошие злаковые пастбища и обильная пресная вода, а с похолоданием – возвращаются на зимовья в межгорные ущелья, в прибрежные заросли, в котловины песчаных барханов.

Меридиональное с юга на север и обратно направление кочевания казахов зарегистрировано всеми исследователями, изучавшими в XIX – XX вв. хозяйство, быт и образ жизни кочевников Центрального и Западного Казахстана (Карутц, Фиельструп, Руденко, Маргулан).

В Семиречье и в Восточном Казахстане наблюдается иная картина. Здесь благодаря большому различию природных условий, густота стояния растений увеличивается по мере повышения местности над уровнем моря. Так, в низменной части, в прибалхашских песках характерными признаками флоры является преобладание кустарниковых и полукустарниковых форм и редкое стояние трав, а в горных районах, в зоне альпийских лугов, наблюдается многообразие и богатство растительного покрова, не существует также проблемы водообеспечения.

Поэтому в такой природной среде возникла своя форма скотоводческого хозяйства и иные направления кочевых маршрутов, совершаемых с северных низменных районов на юг к летним горным пастбищам, а не с юга на север, как это имело место в Центральном и Западном Казахстане.

Такая система кочевания, сложившаяся соответственно различным вертикально расположенным растительным зонам получила название вертикальной системы кочевания.

Другой особенностью является то, что посезонные пастбища здесь располагались на небольших расстояниях один от другого. Поэтому максимальная амплитуда кочевания достигает 150-200 км в степных районах, а минимальная – 50-100 м в горных местностях. При такой сравнительно небольшой удаленности пунктов перекочевок друг от друга скотоводы тратили меньше времени на передвижение, проводя большую часть года на стоянках. Это и определило особые черты, сложившиеся в хозяйстве и быту. Племенам Семиречья и Восточного Казахстана в большей степени был присущ полукочевой-полуоседлый быт и, как уже отмечалось ранее, приобщение к труду земледельца.

Так, в трудах средневековых авторов: Фазлаллах бен Рузбехан (XVI в.), Мухаммед Хайдар (XVI в.), Рашид ад-дин (XIV в.), Гильом Рубрук (XIII в.), Ибн-ал-Асир (XIII в.), Марко Поло (XIII в.) имеется немало сведений о сезонном распределении пастбищ и маршрутах перекочевков. Такие же сообщения содержат сочинения Махмуда-Кашгари (XI в.), Кудама ибн Джафара (X в.), Абдаллаха ибн Хордадбека (IX в.).

В хронологической последовательности более ранние известия о пастбищно-кочевой системе могут быть мобилизованы из китайских династийных хроник (Таншу, Хоуханьшу и др.), в разделах о древних тюрках, Жуань-Жуаней, Хунну (сюнну) и Кангюй (канцзюй). Особенно важны сведения ханьских авторов о хунну и кангюй, которые уже в III в. до н.э. «смотря по времени года переходят с места на место», т.е. знали сезонное чередование пастбищ.

Сакам и усуням – культурно-историческим соседям этих племен, очевидно, посезонное распределение пастбищ было известно также в IV – III вв. до н.э., как другим кочевым племенам Западного края, сложение пастбищно-кочевой системы у которых подтверждено письменными источниками.

Дополняющие аргументы представляет анализ данных палеозоологии.

Кочевому скотоводческому хозяйству характерно строго определенное соотношение видов домашних животных, преобладание в реальном стаде животных, пригодных к длительным передвижениям, к самодобыванию корма в зимних условиях. Такими животными являются верблюды, лошади и овцы. Статистика животных костных остатков, собранных при раскопке поселений и захоронений древних усуней, дают материал, позволяющий восстановить существовавший состав стада и соотношение видов животных в хозяйстве.

Результаты определения остеологического материала, полученного при раскопке зимовки-поселения Актас II и Луговое-холм, доказывают, что видовое соотношение в составе стада у усуней характерно для хозяйства, основанного на полукочевом скотоводстве, причем это соотношение несколько различно у восточно- и западносемиреченских усуней.

Актас II (III – V вв.) (82)		Луговое-холм (I – V вв.) (83)
Вид животных	в %	в %
1. Лошадь	32,7	22,8
2. Крупный рогатый скот	16,3	33,1
3. Овцы	48,4	37,9
4. Верблюды двугорбые	-	2,4
5. Коза домашняя	0,7	0,4
6. Осел домашний	-	0,4

Таблица показывает также, что в составе стада были все виды домашних животных: овца, лошадь, корова, двугорбый верблюд, коза, осел. По археологическим данным представляется возможным установить породу и даже масть лошадей и в хозяйствах саков и усуней.

Коневодство по данным династических хроник было развито широко. Так, например, владельцы содержали до пяти лошадей, а войска великого и малых гуньми состояли из 30-тысячной конницы. Были также мулы.

Семиреченские усуньки умели разводить также высокопородных скаковых лошадей, значит знали стойловое содержание их. Несомненно, за высокие качества усуньские лошади китайцами были названы «западный предел», причем именно усуньские лошади до знакомства китайцев с даванскими получили название «небесных». Золотые пластинки (7 шт.) с изображением всадника, найденные в богатом захоронении усуньской женщины в Тенликском кургане, дают реальное представление о породе усуньских лошадей. Они были крупные, высокие в холке, с хорошо развитой мускулатурой тела и с массивной головой.

Резюмируя вышеизложенное, можно констатировать, что в различные по природным условиям районах Казахстана еще в древности сложились разные формы скотоводческого хозяйства; в Центральном и Западном Казахстане кочевая, а на юге и востоке Казахстана и в Киргизии – полукочевая, яйлажного типа.

Сезонная естественная сменяемость растительного покрова, разный режим водных источников явились причиной сложения рационального чередования пастбищ – сложения пастбищно-кочевой системы у племен, основой хозяйства которых было интенсивное и экстенсивное скотоводство. Амплитуда кочевания зависела от удаленности этих сезонных пастбищ друг от друга. В центральных и

западных районах Казахстана она охватывала большие территории – с южных пустынь до границ лесостепи на севере. А в Семиречье и Восточном Казахстане сложилось так называемое вертикальное кочевание на небольшие расстояния – с северных степей и пустынь в альпийские луга на юге.

Возникновение кочевого скотоводства как специфической формы хозяйства невозможно без сложившейся системы сезонного чередования пастбищ. Ибо беспорядочное (стихийное) передвижение за скотом по огромным просторам в поисках корма и воды привело бы к неизбежной гибели людей и стада. Опыт сезонного распределения пастбищ был накоплен до перехода к кочевому образу жизни, еще племенами андроновской культуры. Дальнейшая аккумуляция этих знаний и сложение их в систему чередования пастбищ по сезонам года (пастбищно-кочевая система) происходило вместе с развитием кочевого скотоводства у сакских и усуньских племен. Сложение пастбищно-кочевой системы предшествовало переходу к кочевому скотоводству.

Развитие скотоводческого хозяйства на территории древнего Казахстана прошло несколько этапов.

Начальным этапом складывающегося продуктивного скотоводства, несомненно, было придомное пастушеское скотоводство, существовавшее у племен эпохи бронзы, начиная с первой половины II тысячелетия до н.э. Это было оседлое скотоводство, так как небольшое поголовье скота, имевшееся у каждой семейно-родовой группы, обеспечивалось кормом на пастбищах, расположенных вокруг поселения. Характерен и состав стада, установленный по остеологическим остаткам, обнаруженным на раскопанных поселениях. В стаде крупный рогатый скот преобладал над всеми остальными видами животных.

Второй этап охватывает примерно с XVI до XI вв. до н.э. В это время основой хозяйства является полукочевое (яйлажное) скотоводство. Пастбища уже распределяются на зимние, где находятся поселения, и на летние. В составе стада уменьшается количество крупного рогатого скота, а возрастает численность овец и лошадей.

Следующий, третий этап, ограниченный хронологическими рамками XI – IX вв., - первый этап кочевого образа жизни. Представляется, что именно в какой-то короткий отрезок времени в этот период было распространено круглогодичное кочевание в

поисках новых пастбищ и окончательно складывалась система сезонного распределения пастбищ и водных источников. В стаде уже преобладают овцы и лошади – животные, приспособленные к дальним переходам и к тебеневочному добыванию корма в зимнее время.

В сакский и усуньский период (VIII в. до н.э. – V в. н.э.) основой хозяйства являлось экстенсивное кочевое скотоводство в его классической форме, основанное на сложившейся пастбищно-кочевой системе. Однако в разных районах Казахстана соответственно географической среде возникают свои особенности в развитии скотоводства.

Дальнейшее развитие кочевого скотоводства не привело к каким-то принципиальным изменениям в форме хозяйства, в образе жизни и в системе кочевания. Реальные изменения касались внутреннего перераспределения пастбищ и усовершенствования пастбищно-кочевой системы. Системы ведения кочевого хозяйства за весь трехтысячелетний период своего существования не претерпела существенных изменений.

СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ САКСКОГО ОБЩЕСТВА

Попытка исследования социальной структуры сакского общества по данным могильника Бешатыр нами предпринимались раньше.

Предполагалось, что резко выраженная градация параметров насыпи бешатырских курганов, монументальность и сложность деревянных усыпальниц связаны с имущественным и социальным неравенством членов сакского общества, связаны с поляризацией общества на богатых и бедных.

Новейшие данные, подтверждают ране предложенные выводы, поэтому представляется необходимым рассмотреть их в совокупности.

При определении социальной стратификации ввиду малочисленности сведений письменных источников по этому вопросу, мы оперируем исключительно показаниями археологического материала. Возможна мобилизация и оценка такой информации как богатство и бедность погребального инвентаря, параметры, техническая усложненность надмогильного и могильного сооружения, количество человеческого труда, затраченного на их возведение, масштабы тризны и жертвоприношения.

В советской археологии применяются и совершенствуются методические приемы обработки такой информации с целью реконструкции древних социальных систем. В эпоху разложения первобытнообщинного строя и в раннеклассовых обществах существовала прямая связь между погребальным обрядом и социальной структурой в том понятии, что погребальный обряд отражает не только имущественное, но именно социальное положение захороненного.

В социологических реконструкциях особое значение придается археологическим материалам из Семиречья, так как курганы сакской эпохи здесь изучены значительно лучше, чем в других районах Средней Азии и Казахстана.

Важно также, что именно здесь сосредоточены так называемые царские курганы, достигающие высоты до 18-20 м. Исходным постулатом при этом служит заключение, что такие памятники не могли возводиться над могилами каждого члена общества, они были прерогативой узкого круга лиц. Небольшое количество больших курганов по сравнению с тысячами малых насыпей бесспорно свидетельствуют о разделении общества на две группы: на меньшинство, имеющее привилегий, и на неимущее большинство. Кстати, начало социальному неравенству было положено еще в эпоху поздней бронзы в конце второй половины II тысячелетия до н.э.

Меньшая общественность группы, судя по пышности погребального обряда, располагала значительными преимуществами по сравнению с основной массой населения. Этими преимуществами могли быть господство и богатство меньшинства в обществе. А разделение общества на привилегированных и непривилегированных, т.е. на богатых и бедных – свидетельство существенного социального неравенства, первый шаг на пути к классовому образованию.

Несомненно, семиреченские саки-скотоводы уже в V – IV вв. до н.э. (к этому периоду относятся захоронения в Бешатыре и Иссеке) стояли на высокой ступени общественного прогресса. Экономические предпосылки к этому здесь были налицо.

В VIII – VII вв. до н.э. в Семиречье, как и на всей территории древнего Казахстана, завершился переходом к новым прогрессивным формам хозяйства: к основанию нового металла – железа и к кочевому скотоводству. Эти экономические факторы явились причинами дальнейшего ускоренного развития общества и его культуры.

Большие возможности для производства материальных благ давало и кочевое скотоводство – новая форма хозяйства. Кочевое скотоводство именно в раннюю эпоху своего развития было прогрессивной формой хозяйства.

Способность к быстрому воспроизводству и легкая отчуждаемость скота привели к интенсивному накоплению богатства у отдельных скотоводческих семей и лиц к обнищанию большинства населения, к социальному расслоению сакского общества.

Подтверждением этого тезиса могут служить исторические факты, относящиеся к позднему этапу сакской истории. В среде сако-усуньской этнокультурной общности в III – II вв. до н.э. имелись лица, - как сообщают древние династийные хроники, - владеющие уже четырьмя-пятью тысячами голов лошадей.

У них же известен факт закрепления за усуньским правителем (гуньмо) под именем Цылими земельных владений, что было связано с тем же сосредоточением в одних руках большого количества скота и необходимостью иметь достаточные для прокорма их пастбищ.

Можно полагать, что эти формы усуньской частной собственности зародились и развивались еще у саков, хотя и прямыми свидетельствами – указаниями письменных источников – об имущественном и социальном неравенстве у них мы располагаем недостаточно. Поэтому социологическая информация, извлеченная из археологического источника, носит интерпретационный характер.

Единственное и то скупое сообщение Ктесия о погребальном обряде азиатских скифов-саков, о сооружении над прахом царицы Зарины грандиозной трехгранной пирамиды, может быть интерпретировано, как устойчивая этнокультурная традиция увековечения памяти верховных правителей общества – царей – сооружением монументальных культовых памятников.

Существование такой традиции находит археологическое подтверждение. В VII – V вв. на степных просторах Казахстана и Средней Азии появляются огромные каменные и земляные насыпи курганов типа Бешатыра, Иссыка и Чиликты, а в ареале земледельческо-скотоводческих саков – сложные по архитектурному решению сырцовые мавзолеи Тагискена. Раскопки их доказали, что они являются усыпальницами лиц, относящихся к высшему рангу сакского общества. Параметры курганных насыпей устанавливались в соответствии с принадлежностью к тому или иному социальному рангу.

Но прежде приведем ряд исторических фактов: сведения письменных источников, этнографические данные об обычаях строгой градации размеров погребальных сооружений в зависимости от социального ранга погребенного, бытовавших у народов Центральной Азии, Африки и Океании.

В Китае эпохи Хань (III в. до н.э. – III в. н.э.), в государстве с развитыми классовыми отношениями была узаконена строгая зависимость размеров насыпи надмогильного памятника от положения, которое занимал захороненный при жизни на социальной иерархической лестнице, ранг определял пышность погребального обряда.

По свидетельству историка Ян-Шу-да по ханьским законам курганную насыпь высотой более 12,8 м могли иметь только члены императорской фамилии. Высшая знать могла сооружать курган высотой до 12,8 м, а простые сановники – не более 4,8 м. В Японии в V в. н.э. императорский курган Озин имеет высоту 45 м, а курган Интаку – 30 м. Курган Фудзиноки (VI в. н.э.) на территории г. Нара, принадлежащий сановнику среднего ранга императорского двора, имеет высоту 8 м, диаметр 40 м.

Для реконструктивных построений ценны также сведения о социально-экономических взаимоотношениях у современных племен еще вчера стоявших на ступенях развития, близких к нашей исследуемой эпохе.

На Маршалльских островах, так называемой Микронезии, у предков племени чаморро в I в. н.э. по свидетельству М. Стингла «... по размеру ланги (саркофага) можно было судить об общественном положении умершего. Чем больше пирамида, тем выше положение занимал человек».

При реконструкции структуры древних общественных систем необходим учет фактора экологической среды. Ибо развитие социальной системы (в том числе и параметры погребальных сооружений) находилось в прямой зависимости от состояния экологической обстановки, от материальной обеспеченности, от высокого или низкого жизненного уровня общества. Ухудшение среды приводит к упадку социального прогресса. По данным С.А. Арутюнова такая связь четко прослеживается в истории эскимосов периода «китовых аллей».

Правомерность аналогичной выше упомянутым интерпретационной оценки сакских курганов подтверждается

находками при раскопке одних из них (царских) больших материальных ценностей в погребальных камерах, богатством одеяния и оружия, как это имело место в Иссыкском кургане, в других (рядовых) – отсутствием таковых.

Вернемся к археологическому источнику, к его анализу. В Бешатырском могильнике размеры насыпей, большие бревенчатые погребальные камеры курганов – неоспоримые артефакты по исследуемой проблеме.

В одной из наших работ уже отмечалось, что захороненные под насыпями бешатырских курганов принадлежали к трем социальным слоям: большие курганы – могилы сакских царей – верховных военачальников; средние – могилы аристократии и знати, мелкие – могилы дружинников и рядовых общинников.

Доминирование насыпей царских курганов над многочисленными малыми соответствовало господству знати над массой простолюдин и рабов. Параметры курганных насыпей – это тоже инсигнии власти.

Насыпи всех царских и средних курганов Восточного Семиречья по изначальному архитектурному замыслу возводились с плоской вершиной и с прямыми боковыми скатами, поэтому определение объема их возможно по форме усеченного конуса.

По этой формуле объема насыпи Большого Бешатырского кургана составляет 80,5 тысяч куб. м. Кроме того, вокруг насыпи расположены каменный вал (вероятно, обводная стена) и 94 кольцевых оград, на сооружение которых было доставлено из окрестных гор свыше 650 многотонных менгиров и валунов.

Поражает воображение предполагаемый объем человеческого труда, затраченный на заготовку и транспортировку указанного количества камня и щебня, каменных плит и валунов, а также на возведение насыпи и других дополняющих сооружений этого царского памятника.

Под насыпью царских курганов Бешатыра находились большие погребальные камеры их трехметровых бревен тяньшанской ели. При постройке камеры в Третьем Бешатырском кургане было использовано свыше 300 таких бревен. На заготовку и перевозку их требовалось также немалая затрата человеческой энергии.

По экспериментальным подсчетам на строительство только насыпи Большого Бешатырского кургана было затрачено около 30 тысяч человеко-дней. При этом нами не учитывался труд,

затраченный на заготовку и перевозку 650 каменных плит и 300 бревен, а также тысячи куб. м. камня для вала. Если учесть этот труд, кроме того, человекодни, потребные на возведение самой бревенчатой усыпальницы, ритуальных каменных сооружений вокруг насыпи, то количество человекодней до 60-65 тысяч.

Полевые нивелировочные замеры в таких пределах демонстрируют градацию параметров насыпей курганов:

Большие: диаметры – 104-48, высота – 20-7 м.

Средние: диаметры – 45-30, высота – 6-2,0 м.

Малые: диаметры – 18-6,0, высота – 1,0-0,5 м.

Впечатляют показатели расточительного расхода человекодней, потраченных на их сооружение:

Большие: от 60000 - 65000 до 2000 - 3000.

Средние: от 1700 - 2000 до 300 - 400.

Малые: от 0,2 - 0,9 до 4,7 - 4,8.

Таким образом, на строительство самого большого царского кургана было затрачено более чем в десять тысяч раз больше человекодней, чем на возведение самого большого рядового кургана.

Резкая граница параметров насыпей и количество труда, затраченного на их сооружение, является причинным следствием развитости социальной иерархии в сакском обществе.

Курган Иссык дал дополнительные важные материалы, подтверждающие доказываемый тезис. Иссыкский погребальный инвентарь – индикатор богатства и власти лица, принадлежавшего к высшему рангу общества.

Неизвестно сакское самоназвание титулаторы должностных лиц, но захороненных в Бешатырских и Иссыкских курганах, возможно, называть царями. При этом ошибка в большей степени может быть в форме титула, в меньшей – в его содержании.

Мобилизация сведений античных авторов о стратификации общества азиатских скифов – единственная возможность реконструкции социальной титулатуры. Сакские иерархические титулы (хотя они по содержанию, вероятно, несут традиции античного мира) – указатели начавшейся и возрастающей поляризации общества. В нем на одном полюсе дислоцировались царь и царица (по античной традиции *basileus*), «первые» и «знатные» люди, всадники – конные воины, на противоположном – зависимые люди, рабы (*paides*), служанки, пешие воины.

Мобилизованная информация обосновывает следующее резюме: саки своих умерших царей облачали в золотое одеяние, помещали в просторные погребальные камеры, а над ними сооружали архитектурный памятник – огромный курган. Обряд погребения других членов общества упрощался по мере понижения на ступенях иерархической лестницы.

В дифференциации обряда, зависимость от социального положения роль, играл культ мертвых предков, особенно царей – сильных покровителей. Но в ритуалах возвеличивания личности царя имелась и политическая подоплека – сугубо земные корыстные интересы его преемников. Они использовали ритуалы погребального обряда как религиозное воздействие на массы с целью идеологически обосновать незыблемость династии сакских царей.

Несомненно, золотая одежда иссыкского сака не была рассчитана на внешний эффект, а больше содержала социальную нагрузку, преследовала политико-пропагандистские цели. Сверкающая одежда возвеличивала личность царя, возводила его в ранг солнцеподобного бога.

Религиозно-идеологическое содержание зооморфных образов на украшениях головного убора подтверждает этот вывод. В образе крылатых и рогатых коней на налобной части головного убора иссыкского воина заложена сложная символика, воплощены каноны религиозного мировоззрения саков.

В Ригведе и в Авесте образ коня полисемантичен, в его образе представлен целый пантеон древних богов: Митра, Фарн, Сиявуш, Веретрагна и другие. Несомненно, в этот пантеон входил и Ахура Мазда.

Воспроизведение крылатых существ чуждо для сакской среды, но широко распространено в Передней Азии. В частности, в Ахеменидском Иране персонифицированный высший бог неба Ахура Мазда изображался в виде крылатой фигуры в солнечном диске. Саки от образа Ахура Мазда заимствовали крылья и своего солярного бога изображали в образе крылатого коня с козлиными рогами. В полиморфной фигуре этого сакского божества слились черты бога солнца Митры, бога неба Ахура Мазды и родового тотема.

Несомненно протомы коней Иссыка имели двойную семантическую нагрузку: символ солнечного божества и царский знак. А в целом, иссыкский царь в таком сверкающем головном уборе, в ослепительной одежде представал реальной Ахура Маздой

или Митрой его персону олицетворяла земного и небесного владыку – светского царя и верховного жреца.

Значение иссыкских находок для рассматриваемой проблемы возрастает в связи с находкой памятника письменности – серебряной чашей с надписью. Возможность привлечения надписи для социологических реконструкций – в прямой зависимости от решения круга важных вопросов: идентификации иссыкских графем с алфавитным письмом, происхождения и этнокультурной атрибуции, дешифровки надписи.

Первый из этих вопросов специалистами решен положительно, ряд доказательств свидетельствует об алфавитном характере письменности.

Значительно сложнее два последних вопроса, особенно дешифровка. В отношении этнокультурной принадлежности пока существует единственный вывод гипотетического уровня об атрибуции неизвестной иссыкской письменности с сакской средой.

Факт существования письменности в любом обществе свидетельствует о высоком уровне развития социально-экономической организации. Таким органом могла быть форма общественного устройства типа государственного образования. Процессы возникновения государства и письма были взаимосвязаны, вероятно, письменность появляется через какой-то непродолжительный период после зарождения и функционирования государства.

Резюмируя приведенную информацию, извлеченную из археологического и эпиграфического источников (градация параметров насыпей, наличие больших материальных ценностей, количество человеко-дней, израсходованных на сооружения, письменность и др.), мы склонны считать, что саки Семиречья по уровню социальной структуры находились на стадии сложения раннеклассового общества, производственные отношения в которых регламентировались и регулировались органом типа государственного образования.

ГОСУДАРСТВО УСУНЬ

Процесс сложения классовых отношений и государственного образования, начавшийся в сакском обществе активно продолжался на рубеже и в первые века нового времени, после установления политического господства в регионе племенем-гегемоном,

именуемым ханьскими источниками «у-сунь». Последние явились тем ядром, вокруг которого произошла консолидация саков, юечжи и других индоиранских племен. Этноним усунь покрыл всю старую родоплеменную номенклатуру, хотя династийные хроники еще какое-то время продолжали отмечать, но уже в составе древних усуней племена сэ (саки) и юечжи. Этнонимы уйшун-уйсун, дошедшие до наших дней восходят к древнему этнониму и доказывают значительную роль усуней в истории края. Политическая организация, созданная усунями является первым государственным образованием на территории Проказахстана.

Возникновение древнеусуньского государства определили факторы внутреннего и внешнего характера. Причем, оба эти фактора были теснейшим образом взаимосвязаны, а, взаимодействуя друг с другом, ускоряли социально-экономическое развитие семиреченских усуней. Хотя несомненно, что государство усуней – продукт внутреннего развития экономики самого общества, но больше, причем катализирующее влияние оказывали соседство и тесный политический контакт с высокоразвитой империи Хань.

Древние династийные хроники содержат фактические материалы, не оставляющие сомнения, в существовании у усуней частной собственности на скот и землю. Однако насколько можно судить, степень развития этих двух видов собственности не была одинакова. Если частная собственность на скот и предметы роскоши имела развитую форму, то земельная собственность находилась на стадии становления, принимая форму монополии крупными скотовладельцами определенных земельных участков как «исключительными, только им подчиненными сферами их личной воли» (Маркс), т.е. она носила форму владения.

Одним из признаков возникшей собственности, родовой, общинной или частной, является отметка ее особыми знаками, определяющими принадлежность собственности.

По археологическим данным первое появление таких знаков на территории Казахстана наблюдается еще в эпоху поздней бронзы, на сосудах бегазы-дандыбаевской культуры. Примечательно, что время появления их совпадает с временем сооружения больших по параметрам и сложных по конструкции надмогильных устройств. Значительно чаще они встречаются на предметах скифо-сакского и сармато-усуньского времени.

Большое распространения знаки получают позднее, особенно в районах земледельческой культуры, где массовое производство глиняной посуды принимало торгово-ремесленный характер. На территориях близлежащих к этим районам, у племен с иной, скотоводческо-земледельческой формой хозяйства они также встречаются нередко.

При интерпретации знаков, относящихся к разным хронологическим периодам, мнения исследователей в целом совпадает, не выходя за пределы гипотезы: клеймо мастера – знак собственности.

Первоначальное функциональное назначение знаков несомненно связано с социально-экономическими причинами. Эволюция функции знаков с момента их появления прошла ряд стадий: знак-показатель индивидуального мастерства изготовителя, знак-отметка (тамга) принадлежности данной вещи конкретному роду, определитель владельца и, наконец, знак частной собственности.

Таврение лошадей появляется позднее, древнекитайские письменные источники отмечают широкое распространение таврения лошадей у тюркских и монголоязычных племен Западного края, возможно, в том числе и у усуней.

Еще одним доказательством раннего появления частной собственности являются металлические, каменные и глиняные печати. Находки их известны, начиная с эпохи неолита (Малая и Передняя Азия, Ближний Восток). В Средней Азии и Казахстане они известны с позднесакского времени. Печати, также как и тамги, и знаки-метки, являются археологическим свидетельством произошедшей имущественной дифференциации.

Изобретение печатей, было вызвано тем, что развитие частной собственности достигло более высокой ступени по сравнению с периодом появления тамг и знаков-меток. Оттиски печати был знаком удостоверяющим принадлежность данной вещи субъекту-владельцу, т.е. лицу, поставившему печать.

Резюме это подтверждается другой археологической находкой. Особенно важно, что глиняная печать была найдена на территории Семиречья в могиле рядового усуня.

Находка усуньской печати не является неожиданностью. По династийным хроникам известно, что некоторые усуньские военачальники и чиновники проханьской ориентации за особо важные заслуги соответственно своим чинам награждались империей

золотыми и медными печатями. Причем замена золотой печати медною означала лишение доверия, немилость, унижение и умаление достоинства.

В древнеусуньском обществе владельцами печатей был более широкий круг людей, чем знать и чиновники. У последних печати являлись символом власти должностных лиц, а примитивные каменные и глиняные печати предназначались для разграничения движимой собственности разных владельцев.

Появление и использование процарапанных знаков на тулове сосудов, знаков-меток на ушах лошадей, тамг и таврения лошадей, и, наконец, печатей индивидуального пользования связаны с развитием собственности: от родовой, общинной до частновладельческой. Такой вывод подтверждается сообщениями письменных источников, которые не оставляют сомнения в том, что в обществе усуней не только существовала частная собственность, на движимое имущество (скот, предметы роскоши, орудия труда), но и что она достигала уже развитых форм.

Древнекитайские источники, написанные еще в II – I вв. до н.э. сообщают о резком имущественном неравенстве, происшедшем в усуньском обществе, о богатых владельцах четырех-пяти тысяч лошадей и т.п.

Исторические примеры из социально-экономической жизни древних племен подтверждают известный тезис Маркса, что кочевые племена и народы первые (значит раньше, чем земледельческие) развивают у себя обмен и форму денег, следовательно, и отношения собственности. Однако, развитие отношений собственности у кочевых народов не может служить показателем более высокого прогресса их культуры и экономики по сравнению с земледельческими племенами. Дело здесь, как известно, в различии как по своему происхождению, так и по своей социальной форме двух основных видов общественного богатства – продукта труда и продукта природы. Оба вида богатства составляют то, что принято называть движимым и недвижимым имуществом. К первому из них относятся: скот, продукты ремесла и жилища, а ко второму – земля. Продукты труда – движимое имущество – рано становились объектом частной собственности и могли быть осуждены в обмене, становясь товарным богатством. Поэтому конные кочевые племена, основой хозяйства которых было скотоводство, а подвижный образ жизни их приводил в постоянное соприкосновение с другими народами, что

способствовало раннему развитию товарных отношений, первые развивают у себя отношения собственности и накопление богатства в виде движимого имущества. Накопление богатства внутри любого общества происходило не равномерно среди всех семей, всего населения, всего общества. С неизбежной закономерностью происходила имущественная дифференциация, накопление богатства в руках узкого круга лиц и обнищание большинства населения, постепенная поляризация общества. Именно такой процесс происходил в обществе древних усуней.

Земля же, как продукт природы и как недвижимое богатства, состояла из естественных условий производства: она во всех докапиталистических общественных формациях, как средство производства, не становится предметом собственности, предметом стоимостных возмездных отношений. Она, начиная с момента переходы варварских племен к производящему хозяйству, у всех народов – и земледельческих, и скотоводческих – оставалась объектом частного или коллективного владения, объектом наследственного пользования землей, принадлежащей всему обществу.

Хотя во всех докапиталистических формациях поземельные отношения выступали в форме пользования и владения, но основные формы присвоения земли, структура землевладения были разными. Так, основу первобытнообщинного строя составляло общинное владение землей и общинная собственность на продукты труда, рабовладельческого общества – частное владение государственной земли и частная собственность на продукты труда и на раба, и, наконец, основу феодального общества составляло иерархическое землевладение, прикрепление работника производства к земле и частная собственность на продукты труда.

Частная собственность на стада, господствовавшие в усуньском обществе, проясняют, в свою очередь, вопрос поземельных отношений, которые могли иметь форму частного или иерархического владений землей.

Так какое же место принадлежало земле и скоту в производстве материальных благ в таких специфических обществах, как полукочевые-полуоседлые усуней? У древних усуней было два основных средства производства: земля и скот. Но при этом у них также как и во всех человеческих обществах земля, - как продукт природы – является главным средством производства, а поземельные

отношения были определяющими в сложении и развитии производственных отношений.

Однако, в обществе номадов-скотоводов отношения между людьми, устанавливающиеся в процессе производства, складываются и по скоту, в том числе и отношения зависимости и подчинения, эксплуатации и угнетения, в исторической перспективе антагонистические отношения. В таких обществах поземельные отношения выступают завуалировано, через продукт труда и земли, как отношения по скоту. Поэтому скот как средство производства, как непосредственно отчуждаемый продукт труда и был средством эксплуатации в классовых обществах. Древнеусуньские поземельные отношения могли иметь форму наследственного владения. Историческая топография зимовок-поселений и семейных кладбищ около них дает информацию об усуньском землевладении.

Резюмируя информацию, извлеченную из исторической топографии усуньских памятников, можно сделать два вывода. Во-первых, у усуней в III – V вв. произошло закрепление земель, пригодных для зимовок, за частными владельцами и за общинами. Во-вторых, распались семейные общины, объединенные по признаку общего происхождения, и происходило территориальное подразделение населения по принципу хозяйственных интересов.

Таким образом, фактический материал подтверждает вывод, что первым земельным участком, перешедшим в частную собственность отдельного лица, была земля, на которой стоял дом (Энгельс).

Развитие монопольного землевладения доказывается сведениями письменных источников. Значительный интерес представляет сообщение Бань-Гу о великом гуньмиЦылими, запретившим населению пасти свой скот на его пастбище.

Вероятно, уже в I в. до н.э в древнеусуньском обществе начался процесс частного землевладения, начало новым поземельным отношениям было положено правящей верхушкой. Лучшие пастбища (вероятно, не только пастбища, так как усунь занимались и земледелием) переходили в «монополию известных лиц распоряжаться определенными участками земли как исключительными, только им подчиненными, сферами их личной воли» (Маркс).

Конечно, может возникнуть вполне резонное сомнение, удалось ли Цылими реально осуществить свою волю, ведь объявить еще не значит узаконить в реальной жизни. Мы не сомневаемся в том, что

ему удалось получить в монопольное распоряжение нужные пастбища, ибо усуньскиелин-хоу – крупные собственники больших стад скота, также претендующие на лучшие пастбища, как повествует источник в приведенном отрывке: все были подчинены Цылими и не могли ослушаться его воли.

Земельные площадки, закрепленные за отдельными владельцами, были регламентированы размером хозяйства, количеством имеющегося скота. Для прокормления четырех-пяти тысяч лошадей требуется, примерно 30-50 тысяч гектаров естественных пастбищ. Таким образом, самые богатые усуньскиескотовладельцы были и владельцами обширных и лучших земель. По-видимому, в частном владении находились только зимние пастбища, наиболее необходимые для сохранения и умножения основного богатства – поголовья скота. Зимние постройки и могилы предков фактически закрепляли эти земельные участки за конкретными лицами в наследственное владение.

Письменные и археологические источники доказывают, что в древнеусуньском обществе еще во II – I вв. до н.э. произошла резкая имущественная дифференциация и накопление богатства в отдельных руках, преимущественно правителей, должностных чинов и родовой аристократии. Частная собственность на скот, орудия труда и предметы быта, имевшая место в сакское время, получила широкое развитие и стала основой общества. А поземельные отношения имели форму частного владения землей, являющейся собственностью государства. Социальная структура общества уже в этот период была основана на классовых отношениях, хотя процесс образования классов еще продолжался.

В III – V вв., продолжалось накопление движимого имущества в руках правящего класса, поляризация общества, более четко определились грани разделения общества на два лагеря: богатых и бедных, господствующих и зависимых, угнетателей и угнетенных. На полюсах общества противостояли два класса: на одной стороне – родовая знать – рабовладельцы и новая феодализирующаяся аристократия, на другой – зависимые мелкие производители, рабы-данники (рабы-полукрепостные) и домашние рабы. Наряду с частновладельческими поземельными отношениями возникло и развивалось иерархическое владение. У древних усуней социально-экономические отношения на всех этапах развития носили формы, характерные для переходных этапов прогресса классового общества.

За период развития, вплоть до вхождения в состав государства тюрков Ашина, оно не достигло законченных форм ни рабовладельческой, ни тем более, феодальной формации. В то же время это было по существу уже классовое общество.

Причина своеобразного развития заключается в многоукладности экономики. В полукочевом-полуоседлом усуньском обществе было два основных средства производства: скот и земля. Накопление богатства, преимущественно в виде скота, привело к развитию частной собственности на движимое имущество, к развитию товарного обмена, а значит и к зарождению классовых отношений. Однако в силу специфичности кочевого общества (стойкость и консервативность родовых связей), общественные отношения развивались как частнособственнические отношения крупных и мелких скотовладельцев. Разложение родового строя не дошло до образования сельской общины как хозяйственной ячейки, определяющей сущность феодальных отношений. Поэтому возникшие классовые отношения неизбежно принимали характер рабовладельческих отношений. Однако в древнеусуньском обществе использование рабского труда в производстве имело свои особые формы, которые привели к тому, что труд раба не стал основой производства, а рабовладение так и не дозрело до развитой формы соответствующей социально-экономической формации.

Рассмотрим аспекты усуньского рабовладения. Одним из основных источников рабства у усуней как и у многих народов, были военнопленные. Письменные источники приводят лишь один факт, когда в I в. до н.э. усунь при гуньми Вэн Гуйми (фэй-ван), внезапно напав на хунну (сюнну), захватили 40000 человек в плен. Война в древности была одним из распространенных средств обогащения, присвоения чужого движимого имущества, захвата территории и рабов. Поэтому, вероятно, недостатка в военнопленных не было. Кроме того, не должны исключаться другие способы приобретения рабов, как обращение в раба должника, покупка, захват и экспроприация своих соседей.

Формами рабовладения были домашние рабы, использующие как слуги, обслуживающие господина и членов его семьи; рабы-ремесленники, изготавливающие по заданию господина нужную ему продукцию; рабы-скотоводы или земледельцы, ведущие его же хозяйство; и, наконец, рабы, имевшие свое хозяйство. Последние по своему экономическому положению близки к крепостным, но, в

отличие от них, лишены каких-либо социальных гарантий. Они лишь пользователи движимого и недвижимого имущества, но сами же, как и все их хозяйство и имущество, составляют собственность господина.

В связи с формами древнеусуньского рабовладения интерес представляет социальное содержание, заключенное в древнетюркском термине «qul», под которыми имелись в виду рабы, ведущие самостоятельное хозяйство и, занимающиеся земледелием и ремесленничеством. По своему социально-экономическому положению qul близок римскому рабу - пекулий.

В государстве усуней эксплуатировали рабов крупные собственники, но использовали их труд и мелкий скотовод и землевладелец, хотя в поземельном отношении сам находился в зависимости у знати и правящей верхушки. Однако по отношению к рабам он выступает как господин, как эксплуататор, присваивающий чужой труд.

В Усуни рабы являлись одним из основных непосредственных производителей материальных благ, были неотъемлемой частью производительных сил общества, а рабовладение – одной из основ общественных и производственных отношений. Но значительную часть рабов составляли полурабы-полукрепостные-рабы, лишённые прав, полная собственность господина, но имеющие свое хозяйство. В такой двойственности и противоречивости рабовладения скрывалась причина того, почему рабовладение не достигло зрелой формационной фазы. В нем с момента возникновения сосуществовали элементы феодальных отношений, в частности, прикрепление работника производства к земле.

Несомненно рабы у усуней не были единственными непосредственными производителями. Крупными скотовладельцами, землевладельцами и рабовладельцами присваивался труд и мелких свободных производителей, которые попадали в экономическую зависимость к ним, арендуя их землю, получая скот для обзаведения или восстановления хозяйства и т.д. Все большее обогащение одних неизбежно приводило к обнищанию других, мелких владетелей. Присвоение крупными владетелями прибавочного продукта, получаемого при эксплуатации работ и зависимых мелких производителей, было основой накопления движимого имущества. Концентрация богатства у частных лиц, по данным письменных источников, достигла внушительных размеров.

С расширением хозяйства, естественным ростом стада связано постепенное расширение пастбищ и увеличение посевных площадей. Источником приобретения новых земель был захват и освоение ничейных и бросовых земель. В усуньское время земель пригодных для хозяйственного использования, уже не было или было мало. Топография размещения поселений и могильников убедительно доказывает, что все пригодные для хозяйственной эксплуатации земли были уже закреплены и освоены, в первую очередь, зимние пастбища. Поэтому основными источниками расширения земельных владений были: расширение этнической территории в результате войн, узурпация земли у мелких владельцев, присоединение пастбищ, принадлежавших хозяйствам, попавшим в экономическую зависимость, добровольная передача себя и своего хозяйства во власть крупных землевладельцев и др.

В предтюркское время в древнеусуньском обществе, наряду с продолжавшимся накоплением движимого имущества, происходила постепенная концентрация у них и земельного богатства.

Приведенные выше формы древнеусуньских поземельных отношений не были феодальными, их нужно рассматривать как предысторию феодальных земельных отношений, как первые зародыши феодализма. Они характерны для переходного периода развития общества на пути к феодальному способу производства. Однако в древнеусуньском обществе накануне поглощения его Тюркским каганатом, было больше признаков рабовладельческих отношений, чем феодальных.

Анализ артефактов дает возможность установить социальные категории населения, образующие усуньское общество, их социальное положение и роль в общественном производстве. Дело в том, что вся огромная масса ныне раскопанных на территории Семиречья курганов (около двух тысяч) четко делится на три типа. Первый из них – большие земляные курганы диаметром 50-80 м и 8-10-12 м высотой. Под насыпью обычно бывает две-три могилы, содержащие мужские и женские погребения. Погребальный инвентарь – индикатор социального представительства захороненного. В кургане Тенлик (Восточное Семиречье), некогда была захоронена знатная женщина. Одежда ее украшена золотыми художественными бляхами и бляшками, на ушах – золотые серьги с зернью. В могилу положена железная, искусно обтянутая золотом булава – знак принадлежности к знати. Здесь же рядом с ней были

поставлены туалетные принадлежности (бронзовое зеркало и деревянная шкатулка (?), орнаментированная полосками листового золота. Богатые захоронения раскопаны и в западном Семиречье – это Каракольские и Буранинские могильники. В них также обнаружены золотые фигурные бляшки, нашивные бляхи с изображением сатира греко-бактрийского происхождения, остатки китайских лаковых изделий, предметы украшения, выполненные в зверином стиле, оружие. Подкуранные захоронения знати выделяются также сложностью конструкции погребального сооружения, как это наблюдается в могильнике Соколовка.

Второй и третий тип курганов размерами резко отличается от первого, а между собой – в такой же степени найденным при раскопке инвентарем. Размеры курганов второго типа (данные могильника Каратома) варьируют в пределах 15-20 м и диаметром и до 1 м высотой. Под насыпью – одна-две могилы, иногда в одной могиле – два костяка. Инвентарь: три-четыре глиняных и деревянных сосуда, мелкие бронзовые, иногда золотые, украшения (серьги, перстни, булавки, браслеты), бронзовые ременные подвески, выполненные в стиле «скифского» искусства, оружие – железные кинжалы и мечи, трехгранные и плоские наконечники стрел. Такие курганы группируются в могильники, состоящие до сотни насыпей.

И, наконец, третий тип курганов представляет собой большинство раскопанных. Это небольшие насыпи в 5-10 м диаметром и 30-50 см высотой. Погребальный инвентарь предельно однообразен и беден: один-два сосуда, примитивные железные ножички и булавки, изредка бронзовые серьги и бусы. Определяющим признаком их является полное отсутствие оружия.

Приведенный археологический материал подтверждает выводы о социальной структуре усуньского общества, о его классовом составе. В больших курганах были захоронены представители эксплуатирующего класса – крупные собеседники движимого имущества, рабовладельцы и землевладельцы и их жены или наложницы. В мелких (третий тип) – рабы и зависимые мелкие производители, класс угнетенных и эксплуатируемых. В курганах второго типа – лично свободные рядовые общины, ведущие самостоятельное хозяйство и использующие труд рабов. Они в обществе занимали особое положение. По отношению к рабам они примыкали к эксплуатирующему классу, но в то же время сами находились в зависимости у владельцев земли – государство, общины

или частного лица. Они же, владея оружием, составляли основной контингент усуньского войска.

Таким образом в государстве Усунь сочетались сохранившиеся пережиточные явления родового строя с рабовладением и зарождающимися феодальными отношениями. Дальнейшая тенденция социального развития весьма проблематична. Категоричный вывод спорен, но все же предпочтительнее, что рабовладельческие тенденции преобладали. Мы уже указывали, что многие формы социально-экономических институтов были наиболее характерны для государства переходного типа. Эти затруднения, однако, не меняют выводы (более важного) о классовой сущности общества.

Письменные источники хотя и весьма скупы, сообщают о зарождении антагонистических отношений, о классовой борьбе угнетенных слоев населения.

Древнеусуньское общество, судя по этим сообщениям, не раз потрясали народные волнения, усобицы между великими и малыми гуньми, между ними и лин-хоу, борьба между группами прокитайской и прохуннуской ориентации. Эта борьба принимала различные формы: открытый бунт, убийства гуньми, дворцовые перевороты, откочевки и т.д. Такие сведения имеются в источниках, начиная с 50-40-х годов I в. до н.э. Великий гуньми Ними сильно притеснял народ («будучи зол и порочен»), поэтому «потерял доверие народа», что явилось причиной «беспокойства и горя усунь». В 40-30-х годах народ «снова взбунтовался» и бежал, недовольный тем, что великим гуньми стал Юань-гуйми, родившийся от китайской царевны, и желая иметь на престоле Уцэюту – сына хуннской царевны. В 30-20-х годах происходят недовольства и волнения, в результате которых малый гуньми Аньжи был убит «поддавшимся ему людьми», «жителями (гоминь)», а «все лин-хоу произвели большой мятеж». Можно было бы продолжить перечисление сообщениями об откочевках, о династийной борьбе - убийствах гуньми, но приведенные факты достаточно реконструируют бурную политическую жизнь в древнеусуньском обществе.

Итак, привлекая к анализу археологический материал и сообщения доступных письменных источников, были рассмотрены развитие экономической основы и общественных отношений, социальный состав населения и возникшие классовые противоречия в древнеусуньском обществе. В этом обществе беднейшая часть

населения – народ – был лишен оружия, вместо вооруженного народа появились войска – дружины великого и малого гуньми и лин-хоу. Происходил распад родовых сельских общин, а вместо них возникали территориальные хозяйственные общины. Еще саки знали алфавитное письмо, есть основание полагать, что усун – потомки их не утратили это крупное культурное достижение.

Таким образом, налицо были предпосылки для появления государства – особого органа, призванного укрепить и обеспечить права господствующего класса на дальнейшее обогащение и эксплуатацию.

Возникновение древнеусуньского государства определили два фактора: экономический прогресс внутри самого общества, где развитие производительных сил базировалось на сочетании двух форм хозяйства – скотоводстве и земледелии. История многих стран показывает, что ни один народ, хозяйство которого основывалось преимущественно лишь на скотоводстве, также как и на одном земледелии, не достигал общего прогресса, а оставался на уровне родового общества. Только сочетание и одновременное развитие в хозяйстве скотоводства и земледелия приводит к мощному подъему производительных сил и изменению социальной структуры общества. Комплексное двухукладное хозяйство усуней было основой всего общего прогресса общества, в том числе и раннего возникновения государства.

Во-вторых, катализирующее воздействие развитой Ханьской империи, с которой государство Усунь находилось в близком соседстве и в союзнических отношениях.

Попытка последовательного изложения фактов эволюции древнеусуньского государства не исходит из предпосылки перманентного развития его. Государство Усунь, хотя оно базировалось на полукочевой основе, были присущи взлеты и падения, прогресс и регресс – пульсирующее формирование и развитие, характерные для всех кочевых государств.

По политическому устройству усуней источники приводят развитую государственно-административную и социально-иерархическую терминологию, что дает также понятие об уровне общественного строя.

Государство Усунь считалось «одним из сильнейших» государств древности, имея население в 630 тысяч оно могло выставить войско,

насчитывающее 188800 воинов¹. Войска состояли из конницы и пеших лучников (их было несколько десятков тысяч человек), «обученных наступательным действиям». Дружина гуньми и двух наследников престола состояла из 30 тысяч конницы, у каждого по 10 тысяч. Еще до 73 г. до н.э. государство было разделено на три части: левая (восточная), правая (западная) и центральная, принадлежавшая самому гуньми, но все они находились под «верховною зависимостью от Гуньми». Резиденция гуньми находилась в городе Чигучэн.

Позднее, между 64-51 годами, в связи с усиливающимся недовольством народа политикой империи Хань, вмешивающейся в престолонаследие, а также учитывая желание масс иметь наследников гуньми по хуннуской линии, народ и территория усуней были разделены на две части: великий и малый гуньми, а на границе принадлежащих им земель поставлены межи.

После этого события история государства Усунь полна междоусобной борьбой малых гуньми с великими за власть, между сторонниками прохуннской и проханьской ориентации. Так, где-то в конце 60-х годов Уцзюту – сын гуньми Унгуйми от хуннской царевны убил царствующего гуньми Ними (Куан-ван) и при поддержке народа узурпировал власть. В 14 г. до н.э. великий гуньми Цылими убит по заданию малого гуньми Мочжэньцзян. Причина – стремление Цылими насильственно объединить разрозненное государство. Источники прямо указывают, что Мочжэньцзян убил его, «опасаясь быть покоренным Цылими».

Время правления Цылими – между 45-14 годами было временем расцвета государства Усунь, так как он «твердо держал власть» и в его владениях «настал... глубокая тишина и мир».

Административно-государственное и военное управление государством осуществлялось через довольно развитый бюрократический аппарат. Кроме великого и малого гуньми имелись следующие чины и должности.

№ п/п	По Бичурину	По Кюнеру	Комментарии
1	2	3	4

¹Вероятно, количественные параметры преувеличены, что, однако, не меняет мнения о многочисленности населения в государстве Усунь. Последнее подтверждается десятками тысяч памятников, размещенных на обширной этнической территории усуней.

1.	Сян-да-лу	Министр да-лу	1. Сян: взаимный... министр, управлять. Да: большой, великий, крупный. Лу: жалованье, оклад, карьера... жалованье чиновников. Да-лу – не имя собственное, а титул. В целом титул «сян-да-лу» - великий министр, получающий жалование: Первый государственный министр, лучше «Министр да-лу»
2.	Цзо-да-лу		2. Цзо: левый, плохой, помощник... Иероглифы «цзо-да-лу» передают понятие чиновник (правитель) левых (северных) земель: Лучше: левый да-лу.
3.	Ю-да-лу		3. Ю: правая сторона, правый помогать... Ю-да-лу – чиновник (правитель) правых (южных) земель: лучше: правый да-лу.
4.	Хэу (маркиз)	Хоу (князь)	4. Хоу: феодал, князь, маркиз.
5.	Хэу	Хоу	-//-
6.	Хэу	Хоу	-//-
7.	Да-гян	...	7. Гян-гянь-цзянь: наблюдает... инспектор, чиновник, евнух (древнекит). Да-цзянь – старший чиновник, главный инспектор.
8.	Левый гян	Левый предводитель	8. Левый (северных земель) инспектор.
9.	Правый гян	Правый предводитель	9. Правый (южных земель) инспектор.
10.	Левый ду-юй	Левый ду-юй	10. Ду: все, всегда... столица, крупный город, крупный район, крупная область. Юй (диалект) – вэй: лейтенант, обер-офицер... успокоить. Ду-юй – ду-вэй – правитель провинции, в целом правитель левой (северной) провинции края.
11.	Правый ду-юй	Правый ду-юй	11. Правитель правой (южной) провинции края.
12.	Левый да-гянь	Левый да-цзянь	12. См. 7 и 8 по Бичурину: тархан.
13.	Правый да-ня-гянь	Правый да-цзянь	13. -//-
14.	Да-ли	Да-ли	14. Ли: мелкий чиновник, служащий, делопроизводитель, писец. Да-ли – главный делопроизводитель

			(писец), возможно, наместник внешних земель.
15.	Левый ше-чжун-да-ли	Левый ше-чжундали	15. Шэ: постоянный двор, дом, общежитие... Чжун: центр, внутри, внутренний, быть в центре. Ше-чжун-да-ли – главный делопроизводитель внутреннего двора Цзо-ше-чжун-да-ли – левый главный делопроизводитель внутреннего двора.
16.	Правый ше-чжун-да-ли	Правый ше-чжун-да-ли	16. Ю-ше-чжун-да-ли – правый главный делопроизводитель внутреннего двора.
17.	Ки-гюнь	Цицзюнь	17. Ци: ехать верхом, кавалерист, конница. Цзюнь – Цзян(?): государь, князь, глава, правитель. Цицзюнь – глава конницы. Цицзян – командующий конницей (196).

Все эти должностные лица и чиновники относились к господствующему классу. Низшим слоем этого класса были лин-хоу – зависимые (вассальные) князья, но были еще более мелкие, стоящие на сословно-иерархической лестнице ниже лин-хоу.

Усунь, как уже отмечалось, считалось одним из сильнейших государств, оно же, по утверждению Сюй Суна, являлось наибольшим государством в Западном крае. Такое утверждение подтверждается археологическими данными, распространением памятников усуньской культуры на огромной территории Семиречья, Ферганы (частично) и в северной и западной частях Восточного Туркестана.

Под властью или под влиянием Усуней находился ряд владений или племен, расположенных в пограничных районах государства. Например, в «Цяньханьшу» указывается, что Усунь «подчинил себе многие владения», в «Давань-чжуань» - «напал на соседние малые владения», а Янь Ши-гу уточняет: «как только подчинит, то превращает в вассалов». Вероятно такими племенами и владениями были хюсюнь, гюаньду (цзюаньду), юйту или уш. Источники отмечают, что все они по обыкновениям и одежде сходны с усунями. В I в. до н.э. во владении Согюй или Яркян по просьбе местных старейшин и повелителей, дабы «приобрести доброе расположение усуньцев» Ваньянь, сын гуньми Вэн-Гуйми, стал повелителем.

Государство Усунь устанавливало и союзнические отношения с другими государствами посредством заключения брачных союзов. Так, в 69 г. до н.э. тот же Вэн-Гуйми выдал свою дочь Диши за повелителя Кучи-Гянбиня. А некоторые соседние владения при нападении противника искали защиты у сильного усуньского государства. В качестве примера приведем факт пребывания с 68 по 62 гг. владетеля северных чешей Угуя в Усунь после его бегства от хун-ну (202).

В древнеусуньском государстве власть великих и малых гуньми передавалась по наследству от отца к сыну, исключение, как правило, вызывалось чрезвычайными обстоятельствами. Хронологическая последовательность правления усуньских гуньми и порядок наследования приведены ниже.

Имена гуньми и некоторые иные сведения		Время правления
1.	Наньдоуми. Имел небольшое владение между Цилянгом и Дуньхуаном. Убит даюечжи.	III – II вв. до н.э.
2.	Лиецзяоми – сын Паньдоуми. Имел десять сыновей, средний – Далу.	II в. до н.э.
3.	Цэньцзоу (Цзюй Сюйми) – внук Лиецзяоми. Имел сына Ними (от хуннской жены).	II в. до н.э.
4.	Вэн-Гуйми (Фэй-ван) – сын Далу. Имел трех сыновей: Юань-Гуйми. Ваньянь, Дале, Уцзюту (от хуннской жены) и двух дочерей: Диши и Сугуан.	80-64 гг. до н.э.
5.	Ними (Куан-ван) – имел сыновей: Чими, Сичэнь-шоу (от хуаннуской жены).	64 (?) - 51 гг. до н.э.
6.	Уцзюту – узурпатор. Убил Ними.	51-49 гг. до н.э.
7.	Юань-Гуйми – великий гуньми. При нем произошло разделение государства.	51-49 гг. до н.э.
7а.	Уцзюту – малый гуньми.	
8.	Синми (сын Юань-Гуйми) – старший гуньми.	49-55 гг. до н.э. (примерно)
8а.	Уцзюту – малый гуньми.	
9.	Цылими (сын Синми) – великий гуньми. Убит в 14 г. старейшиной Учжилином по заданию малого гуньми.	
9а.	Фули (сын Уцзюту) – малый гуньми.	45-14 гг. до н.э.
9б.	Аньжи (сын Фули) – малый гуньми	
9в.	Мочжэньцзян (брат Аньжи) – малый гуньми.	
10.	Ичжими (дядя Цылими) – великий гуньми.	Конец I в. до н.э. – I в. н.э.
10а.	Аньлюми (сын Аньжи) – малый гуньми	

В династийных хрониках эпохи Хань изложение краткой политической истории государства Усунь доведено примерно до III в. н.э. Однако отрывочные сведения имеются и в некоторых письменных источниках поздних периодов. Так, в «Бэйшунь» (История династии Юань-вэй) содержится сообщение о том, что в 437 г. н.э. государство Усунь отправило к императорскому двору послов, а затем постоянно направляло их для предоставления дани.

Археологический материал, особенно полученный за последние годы с территории восточного Семиречья (поселение Актас-2, могильники Актасы 1, 4, 6, Сары-тау) свидетельствуют, что в предтюркское время Усуньское государство продолжало сохранять свою самобытность на всей обширной территории дислокации. По этим же данным (могильники Акшоқы-III, Отеген-I) и в 6-8 вв. продолжала развиваться культура древних усуней на прежних землях, хотя государственная самостоятельности их была поставлена под контроль тюркских каганатов.

Более того, спустя несколько сот лет после приведенного сообщения письменных источников, в X в. н.э. на их страницах вновь появляется имя государства Усунь. В «Ляоши», где в хронике императора Тайцзуна имеется запись о том, что в 938 году прибыли с данью: тугухунь, усунь, мохэ. А из другого источника «Винвэйчжи» - благодаря ХэЦю-тао становится известным, что из 50-ти государств, подвластных империи Ляо, «было десять усуньских» (?).

Из этого сообщения для истории Казахстана важен факт известности усуней в X в., позволяющей связать в непрерывной последовательности древних усуней с уйсунями и уйшунами, позднее вошедшими в состав казахского и киргизского народов.

СПИСОК ОПУБЛИКОВАННЫХ РАБОТ ПО ТЕМЕ

1. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата, 1963, общий объем 23,4 п.л., авторский 10 п.л. (соавтор Г.А. Кушаев).
2. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1965, общий объем 44 п.л., авторский 10 п.л. (коллектив авторов).
3. Древний Отрар. Алма-Ата, 1972, общий объем 14 п.л. авторский 5 п.л. (соавторы К.М. Байпаков, Л.Б. Ерзакович).
4. Эхо древних культур. Алма-Ата, 1976, 6,3 п.л.
5. История Казахской ССР, т. I, Алма-Ата, 1977, общий объем 30 п.л., авторский 10 п.л. (коллектив авторов).
6. Курган Иссык. Искусство саков Казахстана. Москва, 1978, 17 п.л.

7. Вопросы археологии Казахстана. Алма-Ата, 1979, общий объем 11,7 п.л., авторский 5 п.л. (соавтор К.М. Байпаков).

8. Древнее золото Казахстана. Будапешт, 1984, 17 п.л. (на венгерском языке).

Статьи

9. Саки Семиречья. Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР, т. 7, 1959, 0,7 п.л.

10. Археологическая наука в Казахстане. В сб. Наука Советского Казахстана (1920-1940 гг.), Алма-Ата, 1960, 1 п.л.

11. Шестой Бешатырский курган. Краткие сообщения ИИМК АН СССР, 91, М., 1963, 0,5 п.л.

12. Пирамиды в Казахстане. Эюд Советик, № 198, 1964, 0,5 п.л. (на французском языке).

13. Археология в Казахстане за советский период. – Советская археология, № 4, М., 1967. – 1,5 п.л.

14. Зимовки-поселения и жилища древних усуней. – Известия АН КазССР, серия обществ. наук, Алма-Ата, 1969, № 1. – 1 п.л.

15. Возникновение номадизма и соотношение его с оседлостью в Казахстане. Алма-Ата, 1969. – 1 п.л.

16. Возникновение оседлости и земледелия у древних усуней Семиречья. – В сб.: По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата, 1970. – 0,75 п.л.

17. К проблеме происхождения номадизма в аридной зоне древнего Казахстана. – В сб.: Поиски и раскопки в Казахстане. Алма-Ата, 1971. – 1 п.л.

18. Саки азиатские и скифы европейские. – В сб. Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата, 1973. – 1,2 п.л.

19. Курган Иссык. (Предварительные итоги раскопок). – В сб.: В глубь веков. Алма-Ата, 1974. – 1 п.л.

20. Этапы развития древнейшего скотоводства в Казахстане. (Тезисы докладов). М., 1976, - 0,15 п.л.

21. Общество и письмо у саков Казахстана (Тезисы доклада). Алма-Ата, 1976. – 0,15 п.л.

22. Иссыкский курган. – Казахская Советская Энциклопедия. т. 4, Алма-Ата, 1974. – 0,4 п.л.

23. Саки и усунь. – В сб.: Казахская ССР. Алма-Ата, 1979. – 2 п.л.

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ КАМЕННЫЕ КРЕПОСТИ КАЗАХСТАНА

(Международная ассоциация по изучению культур Центральной Азии. Информационный бюллетень ЮНЕСКО. Спец. выпуск. – М., 1987. – С. 85–88.)

Памятники зодчества и строительного искусства средневековья в Казахстане и Киргизии несут на себе архитектурные традиции кушанской эпохи. Особенно это прослеживается на памятниках военной и гражданской каменной архитектуры. Пока их открыто и изучено немного, поэтому новые находки представляют несомненный интерес.

Несколько лет назад два таких памятника были обнаружены в Каратау. Горные отроги Каратау, протянувшиеся на сотни километров с востока на запад, разделяют степной кочевнический Дашт-и Кыпчак от Яско-Чачского земледельческого оазиса. Каратау – легендарные горы, не раз воспетые в эпических сказаниях казахов. Севернее этих гор лежали столь милые сердцу кочевника степные просторы, воспринимавшиеся им как синонимы свободы и вольной жизни, а к югу – средневековые города: тесные улочки, шум и многоязычие базаров, устроенный по сравнению с суровой степной жизнью быт. Но при всем контрасте образа жизни этих двух миров тесная культурная жизнь их несомненна. Кочевника можно было встретить среди городского люда, а горожанина – в среде степных скотоводов. Многовековая этнокультурная, нередко кровнородственная взаимосвязь населения двух этих субрегионов ныне представляется бесспорной. Но все же в годы исторических катаклизмов феодальной эпохи социально-экономический антагонизм этих субрегиональных систем был неизбежен. Хотя и не всегда он принимал форму агрессивных войн, разрушений и уничтожений.

Нередко противоборство и соперничество в масштабах локальных и межгосударственных приводили к жестоким столкновениям и побоищам. Именно в такие периоды народного бедствия или в годы иноземных агрессий, а их в истории казахов было немало, на стратегических рубежах, подобных Каратау, возникали форпосты – сильно укрепленные крепости, призванные задержать или остановить вторжение. Такими форпостами были, например, каменные крепости Кырык-Кыз (Кыз-Курган) и Бала-Курган. Они расположены в одном из горных ущелий Каратау, прорезающем горный кряж с юга на север и являющемся как бы природным коридором, соединяющим степь с

оазисом. Неустойчивые взаимоотношения кочевников и земледельцев и послужили причиной рождения этих каменных твердынь.

Крепости расположены на юго-восточном склоне ущелья, на вершине скальных утесов и горных сопок на высоте 40-45 м. от русла небольшой речки, питающейся ныне родниковыми водами, а в далеком прошлом от могучей реки, прорезавшей горный массив в меридиональном направлении и образовавшей ущелье ныне известное под названием Кызыл-Сай.

Крепость Кырык-Кыз (Кыз-Курган) имеет форму неправильного круга с диаметрами 80 и 85 м. Крепостные стены сложены из дикого камня-плитняка, причем наиболее массивные плиты весом до 80-100 кг. Были заложены в основание стен. Камни не связывались между собой никакими растворами. Толщина крепостных стен 1,5-4 м. сохранившаяся высота – до 4 м. Наиболее хорошо сохранились стены в северной, в северо-западной и северо-восточной частях крепости. Южная и юго-западная стены, которые располагались на крутом обрыве горы, сохранились не полностью, их высота не более 1 м. Вероятно, в стенах имелись проемы типа бойниц, но позднее они были заложены. Следы закладки читаются четко.

В северо-восточной стене крепости имеются предвратные сооружения в виде выступающих наружу пилонов, сложенных из такого же камня-плитняка и ограждающих въезд в городище. Длина южного (левого) пилона – 8,5 м; северного (правого) – 6 м. Высота правого и левого пилонов – 2,5 м, толщина – 2 м. Пилоны составляли коридор городского въезда, возможно, некогда имевшего наружные и внутренние ворота. Дорога, ведущая из крепости, круто спускалась вниз, в ущелье, тянулась вдоль юго-восточной стены и выходила в долину. От крепостных ворот внутрь ведут два прохода. Один идёт вдоль северного участка стены (его длина 30 м) и упирается в небольшую площадь размером 7x8 м. Другой проход идёт на юг от ворот и тянется вдоль восточной стены, поворачивая затем к юго-западному участку крепости. Ширина проходов немного больше 1 м.

Основная площадь крепости в настоящее время сплошь завалена каменными плитами – остатками строений и домов. Хорошо прослеживается сплошной ряд домов, вплотную примкнувших к северной стене. Плоские крыши этих домов, вероятно, служили стрелковыми галереями при обороне крепости. В центре крепости имелись более крупные строения, состоящие из нескольких комнат. Нами были раскопаны 2 строения: одно в центре крепости, а другое – в южном её секторе. Оба прямоугольной формы, углубленные в землю до

1 м. Стены строений, как и крепостные стены, также насухо сложены из дикого камня. Высота стен достигает 1-1,5 м. Пол земляной. Дома имеют 2, 3 и более комнат. Очаги земляные. В некоторых постройках имеются небольшие отсеки – очевидно, хозяйственные помещения. Крыши домов, были, вероятно, плоскими. Общие размеры помещений - 10-12 м².

В одном километре севернее Кырык-Кыза находится вторая крепость Бала-Курган, по всем параметрам значительно уступающая первой. Форма её подчинена конфигурации выступающего скального мыса. Северо-западная стена – на кромке отвесного обрыва, она труднодоступна; северо-восточная – прикрыта горами и также малодоступна. Наиболее уязвима крепость с юго-восточной и юго-западной сторон, поэтому юго-западная стена усилена дополнительными сооружениями в виде двухкамерной башни прямоугольной формы и (как продолжение её) вперед вынесена вторая башня округлой формы. Функция башен – защита подступов к крепости.

Размеры крепости 75x37 м, высота стен 3-3,5 м. В одном из помещений в крепостной стене имеется бойницевидное отверстие, обращённое ко входу в ущелье Кызыл-Сай. Помещение имело сторожевое (караульное) назначение.

Были раскопаны и расчищены от завалов шесть помещений в жилой части крепости; пять из них пристроены к северо-западной стен, одно – к северо-восточной. Размеры комнат – 4-5 x 2-2,5 м. Толщина стен – 1 м. Комнаты однотипны, почти одного размер: примерно 8-10 м² каждая. Это комнаты казарменного типа. Очевидно, они служили караульными помещениями для гарнизона крепости.

Можно считать установленным, что Бала-Курган – это форпост, прикрывающий Большой Кырык-Кыз со стороны Дашт-и Кыпчака. Фактически культурный слой в раскопанных помещениях этих двух крепостей отсутствует, кроме небольшого количества маловыразительных черепков, корчаг, хумчи и кувшинов. Две обнаруженные монеты датируются их XV-XVI вв.

В целом каменные крепости Улькен, Бала-Курган и Кырык-Кыз – это войсковые ставки, запирающие сквозной проход по ущелью Кызыл-Сай из северных склонов Каратау (Дашт-и Кыпчак) в Туркестанский оазис. Вероятно, крепости сохраняли свои функции в продолжение нескольких веков – с XV по XVIII в.

Рядом с Кырык-Кызом, к югу от него, расположен позднесредневековый могильник Кызыл-Ата. Он состоит из 296

погребальных памятников разного типа. Из них каменных колец – 65, каменных набросков – 21, каменных ящиков – 2, все остальные – земляные насыпи и грунтовые захоронения. Несмотря на разнотипность сооружений, намогильные каменные плиты – кулуптасы – имеются почти на всех памятниках. В одном случае внутри каменной ограды (N 71) стоят два кулуптаса с тамгами, в другом – у земляной насыпи (N 115) стоят также два кулуптаса, но без тамг. Вероятно, в этих случаях мы имеем дело с парными захоронениями.

Среди многочисленных кулуптасов в этом могильнике кулуптасов с тамгами только 30. Из них большая часть относится к знаку в виде прописной буквы "Т", являющейся тамгой племени "каракерей" из казахского Среднего жуза. Надо отметить, что схожее начертание тамги имеет крупный род "жагалбайлы" племени "алшын" Младшего жуза. По арабской графике на одном из кулуптасов с каракерейской тамгой нам стало известно имя одного из погребённых. Здесь был захоронен Сыдык – сын Кокея (?) из рода каракерей. По палеографии эпитафии время захоронения относится к XVIII в.

Кроме тамги каракереев единично встречаются тамги: "донгелек" – дулатов, "тумар" – чапрашты, "босога" – коныратов и некоторые другие. Судя по тамгам, среди захороненных встречаются представители племён и родов всех трёх казахских жузов.

В продолжение ряда лет были раскопаны погребальные сооружения разных типов – в каменных ящиках, внутри каменных оград, под каменными набросками, под земляными насыпями, в грунтовых ямах. Все они относятся ко времени Казахского государства.

Таким образом (по предварительным данным), несмотря на разнотипность погребальных сооружений и архаичность некоторых типов надмогильных устройств (каменные ограды и ящики), всё кладбище Кызыл-Сай может быть датировано в хронологическом диапазоне функционирования крепостей Кырык-Кыз.

Вероятно, могильник Кызыл-Сай (по некоторым данным Кызыл-Ата) – войсковое кладбище, где захоронены воины казахского ополчения, погибшие на поле брани в бурное время борьбы с кочевыми узбеками Шейбани-хана и во время джунгарского нашествия.

Исследованные средневековые памятники военной и гражданской архитектуры Казахстана свидетельствуют о сохранении традиции строительной техники протокушанской и кушанской эпох, что объясняется не только многовековой этнической непрерывностью на данной территории, но и присущей человечеству адаптацией к местной экологической среде, выработанной за тысячи лет эволюции его культуры.

ДРЕВНИЕ КОЧЕВНИКИ И МИРОВАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ: ГЕНЕЗИС, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ (*Вестник АН КазССР. – 1991. – № 10. – С. 3–10.*)

Древнее и средневековое неоседлое население мира составляло большую часть человечества. На ранних этапах истории они превосходили по численности оседлых земледельцев, однако в настоящее время их удельный вес среди обитателей Земли составляет лишь 1,5 %¹. Велика роль кочевников в хозяйственно-культурном освоении ойкумены. Кочевое скотоводство, распространившись на огромной территории, поставило на службу человеку пояс степей и пустынь Азии, Аравии и Африки, лесостепи и тундру Евразии.

Номадизм как особая хозяйственно-культурная система (форма хозяйства, образ жизни и быта, структура общественной и военной организации, религии и мировоззрение, культура и памятники, искусство и мифология, средства связи и передвижения, музыка и поэтика и т.д., - результат многовековой адаптации человека к конкретной экологической нише. В равной степени последнее приложимо и к конным скотоводам аридной зоны Центральной Азии² и Евразии³ (значительную часть которой занимают степи и полупустыни современного Казахстана)⁴, и к кочевникам-оленоводам европейского и азиатского Севера⁵, и к кочевникам-верблюдоводам великих пустынь Африки⁶. Только современные полиэтнологические знания способны объяснить, почему у столь регионально отдаленных племен и народов наблюдаются удивительные аналогии в материальной и духовной культуре, в общественных и семейных отношениях, в миропонимании и психическом складе. Конкретная специфичная экологическая ниша формировала способы жизнеобеспечения (выживаемости), образ жизни, форму мышления человека, т.е. то, что мы называем адаптацией к среде обитания, к среде выживания.

В номадистике особое место занимает Казахстан. Географическое расположение его в центре Евразии предопределило его историческое значение как конкретной территории, где взаимодействовали многие племена и народы, населявшие Европу и Азию. В древности и средневековье его территорию пересекали пути миграции и инфильтрации народов, происходили интенсивные военно-политические, экономические и этнокультурные связи между Европой, Азией, Индией, Кавказом. Происходило взаимообогащение

культур, создавались памятники культуры, являющиеся ценностями мировой цивилизации.

В регионе Казахстана начальный этап перехода к кочевому скотоводству относится к XI – IX вв. Сформировавшаяся в этот период Бегазы-Дандыбаевская культура - финальная стадия эпохи бронзы - это уже культура кочевых андроновских племен. Кочевое скотоводство в экологической ситуации региона было резко прогрессивной формой жизнеобеспечения и культурогенеза. Вышеупомянутые памятники (Дандыбай, Бегазы, Сангру и др.)⁷ по многим параметрам превосходят предшествующую андроновскую, а по отдельным - даже последующую скифо-сакскую.

Преимущества кочевого скотоводства как экономической основы роста материальной обеспеченности человеческих коллективов и расцвета их духовных ценностей особенно ярко проявились в эпоху преобладания в Евразии скифов, саков, сарматов, усуней и хуннов, продолжавшееся не менее 1500 лет.

Номадизм на территории Казахстана имел почти трехтысячелетнюю историю. За весь этот исторически продолжительный период развитие его проходило неравномерно. Экономические, политические и социальные катаклизмы так богата древняя и средневековая история Казахстана, обуславливали спад или взлет сообщества.

Предыстория номадизма и соответствующего ему скотоводческого хозяйства начинается со времени зарождения у древних казахстанских обитателей производящего хозяйства, т.е. domestikации диких животных. Пока известные находки самых древних костей домашних животных относятся к IV – III тыс. до н.э. С этого времени и до перехода к кочевой форме скотоводческое хозяйство в своем развитии, как свидетельствуют материалы археологических раскопок, прошло несколько периодов эволюции.

Первый этап – XVII – XV вв. - соответствует по существующей в советской исторической науке периодизации раннему периоду эпохи бронзы. Бытовавшая в это время на территории Казахстана форма скотоводческого хозяйства - оседлое придомное пастушеское, ограниченное поголовье домашних животных обеспечивалось естественным запасом корма, имеющимся на пастбищах, расположенных около поселения; в стаде преобладал крупный рогатый скот как наиболее продуктивный⁸. Однако содержание крупного рогатого скота, в частности, обеспечение его кормом,

представляло значительные трудности, особенно в суровых зимних условиях. Стойловое содержание зимой предполагало заготовку, хотя бы минимального количества корма. Таким образом, вероятно, одновременно с возникновением скотоводства и сенокошения. Это, в свою очередь, стимулировало зарождение первобытного земледелия. Находки при раскопке поселений этого времени орудий обработки земли (каменные мотыги) и кошения сена или уборки посевов (бронзовые серпы) доказывают, что это действительно так и было. Поэтому мы можем констатировать следующее: в условиях древнего Казахстана параллельно существовали две формы хозяйства - оседлое пастушеское скотоводство и первобытное земледелие. Как мы увидим ниже, на следующем этапе эти две формы хозяйства получают дальнейшее развитие, но климатические особенности аридной зоны определили районирование всей обширной территории современного Казахстана на регионы, где преобладала одна из этих форм хозяйства.

Второй этап - XV - XI вв. - соответствует развитому периоду эпохи бронзы. Среди костных остатков, обнаруживаемых при раскопке поселений этого времени, увеличивается количество костей овцы и лошади, появляются кости верблюда, что свидетельствовало о росте удельного веса животных, способных к самодобыванию корма зимой и приспособленных к дальним переходам (факты из этнографии многих современных и кочевых в прошлом народов). На поселениях этого же времени известны наиболее ранние находки костных псалиев, подтверждающих появление конской узды, а значит, и приручение лошади под верховую езду⁹. Для развития хозяйства и прогресса культуры это имело огромное значение: человек получил возможность включить в сферу своей деятельности, особенно хозяйственной, не только близлежащие, но и более обширные и отдаленные земли. Освоение новых земель и рост поголовья стада находились во взаимной зависимости.

При раскопках подобных памятников в Западном Казахстане (поселение Тасты-Бутак)¹⁰ и в Северном Казахстане (поселение Чаглинка)¹¹ в жилых помещениях впервые были обнаружены остатки колодцев. Эти находки свидетельствуют о том, что человек в этот период научился создавать искусственные источники воды. Если раньше он был полностью привязан к естественным водоемам, то теперь эта зависимость значительно уменьшилась. Это достижение, так же как и приручение коня, имело огромное значение для большей

подвижности племен, увеличения территории их расселения и освоения новых площадей под пастбища и земледелие.

И, наконец, еще один факт. Среди археологического материала, добытого при раскопке захоронений и поселений этого периода, увеличивается количество оружия: бронзовых наконечников стрел и копий, ножей и кинжалов¹². Очевидно, что рост подвижности и освоение новых земель приводило к частному столкновению племен и войнам. Только эта причина могла вызвать увеличение производства предметов вооружения, необходимых не только для защиты своих жилищ, имущества и отстаивания территории расселения, но и для нападения с целью захвата чужого имущества и земли.

Представляется, что перечисленных фактов вполне достаточно для того, чтобы прийти к выводу: в XIV - XI вв. придомное пастушеское скотоводство переросло в свою более высокую ступень, в так называемое яйлажное скотоводство. Для этой формы уже характерно распределение пастбищ на зимние и летние: около поселения скот выпасается лишь в зимнюю пору, а с наступлением тепла стадо в сопровождении пастухов - вооруженных мужчин - перегоняется на летние пастбища. Следовательно, общество уже в XIV - XI вв. стояло на пороге перехода к новой форме хозяйства, к кочевому скотоводству. Однако и на этом этапе хозяйство продолжало оставаться скотоводческо-земледельческим. Хотя преобладание скотоводства было очевидно, но продолжало прогрессировать и мотыжное земледелие. Так, в низовьях Сырдарьи с помощью аэрофотосъемки были обнаружены остатки обработанных полей и оросительных систем, относящихся к этапу периода¹³. Можно предположить, что в благоприятных природно-климатических условиях довольно рано появились зачатки орошаемого земледелия.

Итоги археологических поисковых и раскопчных работ доказывают, что где-то в пределах хронологических рамок XI - X вв. (поздний этап эпохи бронзы) происходят коренные изменения. Меняется внешний вид памятников, появляются новые, ранее неизвестные формы предметов быта и домашней утвари, статистика костных остатков показывает преобладание костей овцы и лошади - все это является верным признаком изменения материальной культуры в целом¹⁴. Последнее возможно при переходе к новой форме хозяйства и при перемене жизни. Мы приходим к заключению,

что это являлось следствием перехода общества к новой форме хозяйства, к кочевому скотоводству. Поэтому период XI – IX вв. был начальным этапом распространения номадизма на территории Казахстана. По-видимому, именно в это время было распространено круглогодичное кочевание и окончательно складывалась система посезонной регламентации пастбищ и водных источников.

В последующие столетия, начиная с IX – VIII вв. до н.э., в эпоху раннего железа, во всей степной и горно-степной части Казахстана кочевое и полукочевое скотоводство, основанное на сложившейся пастбищно-кочевой системе, было господствующей формой хозяйства, основой экономики. Однако в разных по природным условиям районах Казахстана формировались свои особенности в развитии хозяйства, как скотоводческого, так и земледельческого, в соотношении номадизма и оседлости. Определяются три основных района хозяйственно-культурного типа (ХКТ)¹⁵.

Одним из них является Западный и Центральный Казахстан - зона степей и полупустынь - районы экстенсивного кочевого скотоводства с круглогодичным содержанием скота на подножном корме. Амплитуда меридионального (с юга на север) кочевания охватывала огромную территорию на многие сотни километров в длину. Для этой зоны характерно ограниченное развитие оседлости и земледелия, но не полное отсутствие их, и неизменность сезонных пастбищ и маршрутов перекочевок за весь период существования номадизма. На территории древнего Казахстана только его западные и центральные районы можно назвать страной классического кочевого скотоводства.

Второй район - это Восточный и Юго-Восточный Казахстан - зона горных систем Тянь-Шаня и Алтая, где сочетаются яйлажное скотоводство и богарное земледелие в хозяйстве и полукочевничество и полuosедлость в образе жизни. Своеобразная экологическая ниша здесь определила возникновение особой системы перекочевок, получившей у специалистов название вертикальной системы кочевания. Для нее характерны малая амплитуда перекочевок, продолжительные остановки на местах стоянок и ежегодные передвижения с северных степных равнин к южным альпийским пастбищам. В связи с тем, что сезонные пастбища находились на небольших расстояниях друг от друга, скотоводы этих районов тратили гораздо меньше времени на перемещения, проводя большую часть года на стоянках. Поэтому племена этих районов

раньше, чем районы классического скотоводства, переходят к оседлости и к земледельческому труду. В раннее средневековье здесь появляются и развиваются десятки центров городской цивилизации. Со своей планировкой, архитектурой и культурой, соответствующим форме хозяйства и образу жизни, семиреченский город по указанным компонентам близок к городам и поселениям городского типа Монголии и Тувы - стран аналогичной экологической среды¹⁶.

И, наконец, третий район - это Южный Казахстан - зона лессовых равнин в долинах рек Сырдарья, Талас, Арысь, район раннего зарождения оседлости и орошаемого земледелия, городской культуры и ирригационного строительства. В низовьях р. Сырдарьи укрепленные поселения городского типа и монументальные кирпичные здания культового назначения появляются еще в VI – IV вв. до н.э. В первых веках нашей эры земледельческие поселения возникают и распространяются не только в долине Сырдарьи, но и значительно шире, охватывают долину Арыси и его притоков, склоны хребта Каратау, расположенного на самой границе с номадами Центрального Казахстана. В средневековье Южный Казахстан становится одним из крупных центров городской культуры, транзитной торговли и орошаемого земледелия. Достаточно сказать, что на этой, сравнительно небольшой территории ныне обнаружены развалины около двухсот мертвых городов, среди них такие крупные, известные всему средневековому Востоку, как Отрар, Тараз, Сыгнак, Испиджаб, Яссы, Сауран и др.¹⁷. На прогресс южно-казахстанского города мощное воздействие оказывали два фактора: высокоразвитая культура Согда и других центров Средней Азии и постоянные экономические, политические и этнокультурные взаимодействия с кочевническим Дашт-и Кыпчаком. Они определили значительную синтетичность городской цивилизации юга Казахстана, неадекватность культурам Согда и Бактрии.

Таким образом, на территории Казахстана соотношение скотоводства и земледелия (значит, кочевничества и оседлости) в хозяйстве древнего и средневекового населения было различным. Если в западных и центральных районах господствующей формой хозяйства было кочевое скотоводство, то в южных - ирригационное земледелие. В то же время, в восточном и юго-восточном районах сложились формы скотоводства и земледелия, отличные от существовавших в Западном, Центральном и Южном Казахстане.

Процессы, происходившие в древнем и средневековом Казахстане, адекватны событиям во всей Евразии. Так, в I тыс. до н.э. на континенте Евразия выделилась колоссальная по протяженности область, в которой сосуществовали цивилизации совершенно разного характера и этнического состава. Вместе с тем все исторические процессы, происходившие в ней, были непрерывно сопряжены. Речь идет о Великом поясе евразийских степей, где сложилась историко-культурная общность скотоводческих народов, и об окружающих ее с востока, юга и с запада государствах «древневосточного типа» таких, как китайские княжества эпох Чжоу и Хань, Бактрия, Хорезм, царства Передней Азии, а также об античном мире. Несмотря на разнородность перечисленных образований, они составили грандиозный сбалансированный организм. Его развитие на протяжении многих столетий, вплоть до средневековья, подчинялось ряду общих закономерностей. Главная из них заключалась в том, что цивилизации земледельческие - урбанистические и цивилизации кочевников, которые, казалось бы, могли быть самостоятельными, составляли единую структуру¹⁸. Достаточно хорошо известным проявлением такого единства было разделение труда. Оно существовало в форме взаимодействия разных хозяйственных типов, сложения системы обмена и торговли. Последнее выразилось в установлении направлений «шелковых путей», словно артерии пронизывающих тело Евразии. Другое взаимодействие заключалось в интеграции исторических аспектов этногенеза народов, в многообразии их культур.

Однако в науке существует тенденция воспринимать рассматриваемую нами структуру, как состоящую из элементов, построенных по одному принципу. К скотоводческим структурам, в частности, примеряют модели, выработанные при изучении урбанистических цивилизаций. Оценки обычно бывают не в пользу номадов.

Так появляются концепции «излучения» достижений культуры от развитого центра в «дикую степь», сознательное или неосознанное нивелирование культурных феноменов под один образец. Сейчас становится ясным, что такие стереотипы либо исказили, либо крайне обеднили образы истории. Для воссоздания полной картины остро необходимо заинтересованное изучение истории культуры кочевых народов и, не в последнюю очередь, срединного мира Великой степи, ареальную часть которой занимает современный Казахстан. Такая

задача, далеко не регионального масштаба, потребует интеграции усилий ученых разных специальностей, качественно нового взгляда на сущность происходивших в кочевническом ареале процессов.

Номадизм - это не только хозяйственная деятельность, но и феномен культуры, включающей и такие аспекты, как специфика мировоззрения и психологии. Образы мира кочевников во многом определили их отношения с окружающими народами, а значит, и функционирование той структуры «степь-город», о которой говорилось выше. Вот почему приоритетное направление в контексте истории номадизма связано с исследованием творчества кочевников.

Ранние кочевники Азии создали удивительное по своеобразию и неповторимости изобразительное искусство, которое принято называть скифо-сибирским «звериным» стилем. Доказано, что при сложении этого стиля у племен, известных под именем саков (скифов), тохаров, усуней, сарматов, хунну и многих других, сказалось их знакомство с творчеством соседних земледельческих народов Древнего мира. Однако в результате было создано подлинно великое искусство, характеризующееся только ему присущими общими художественными достоинствами – канонами¹⁹. В свою очередь, оно стало образцом для подражания на территории от южной Кореи до Дуная. Реминисценция этого искусства проявлялась на протяжении столетий: от декора буддийских храмов до ордера христианской архитектуры, от традиционного прикладного искусства тюркоязычных казахов, киргизов, туркмен и узбеков до орнаментов таджиков, иранцев, индийцев, афганцев и славян.

Можно предположить, что в конце I тыс. до н.э. в результате миграции кочевников в зоны земледельческих цивилизаций «звериный» стиль и другие виды духовной культуры номадов стали существенными факторами, благодаря которым произошли ренессансы в культуре кушанской Бактрии, аршакидской Парфии, афригидского Хорезма и государства Причерноморья. Равным образом, необходимо оценить вклад ранних кочевников в историю религий, мифологию, эпосы, литературу, а конкретно - в сложении ведической религии, зороастризма, буддизма, раннего христианства и ислама, в шаманизм и суфизм, в мировоззрение современных народов региона.

Варианты отношений между двумя составными частями единораздельной системы «степь-город» многообразны и поучительны. Их следует воспринимать как лейтмотив древней и

средневековой истории континента. В системе приоритетов теоретического познания они приобретают общечеловеческое значение. Приведенные аргументы определяют необходимость разработки перспективных проектов исследования цивилизаций кочевников.

К сожалению, до сих пор изучение номадизма остается на уровне общих констатаций, обычно в параллельном сопоставлении с принципиально иными хозяйственно-культурными типами, например, с оседлоземледельческими цивилизациями или, наоборот, с примитивными социумами и типами присваивающего хозяйства. Для кочевничества не выработан свой понятийный аппарат, не определен круг проблем, не созданы системные модели и концептуальные уровни.

Рекомендуемая кочевническая тематика должна иметь длительную перспективу, она требует анализа не только археологических собраний, но прежде всего, теоретического уровня, использования данных смежных гуманитарных и естественно-исторических наук. В рекомендациях особый акцент делается на теме о ситуации в кочевом мире Евразии в эпоху «Великого переселения народов», для разработки ее необходимо создание концептуальной базы и выработка перспективных направлений, отказ от стереотипов, упрощения реальной истории, подгонки истории под абстрактные формационные модели. При этом необходимо иметь в виду, что адаптационные факторы номадизма можно анализировать только учитывая циклы биоценозов, их конверсию, районирование древних природно-ландшафтных зон и палеоклиматы. Следовательно, пространственные и хронологические характеристики археологических культур должны быть коррелированы с динамикой экосистемы.

Другой аспект темы - комплекс проблем общеисторического плана: историко-культурная интерпретация, социально-экономические моделирования, вопросы этнических и культурных коммуникаций кочевых народов с их соседями, характер и направленность миграции и инфильтрации, формы и уровень государственных организаций.

Следующий круг проблем, ждущий изучения, связан с феноменом духовной культуры номадов. Вот далеко не полный реестр: космологические представления и мифология, социальные доктрины и идеология, религиозная, ритуальная и обрядовая

практика, эстетика и этика, эпос и философия, искусство и монументальная пропаганда.

Конечный результат многолетних работ будет обобщен в монографиях и статьях, обосновывающих концептуальные направления системного исследования культуры древних кочевников Казахстана как интегральной части истории евразийского континента. Современные тенденции в науке придают поставленной теме международное значение.

1. Андрианов Б.В. Неоседлое население мира. М., 1985.

2. Wang Binghua. Recherches historiques préliminaires sur le Saka du Xinjiang ancien//Arts Asiatiques. Т. XXII, 1987; Debaine-Francfort C. Archeologie du Xinjiang des origines aux Han. Paleorient. Vol 14/1. 1988; Debaine-Francfort C. Archeologie du Xinjiang des origines aux Han. Paleorient. Vol. 15/1, 1989.

3. Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л., 1953; *Его же*. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л., 1960; *Его же*. Культура хуннов и Ноинулинские курганы. М.; Л., 1962; Артамонов М.И. Сокровища саков. М., 1973; Смирнов К.Ф. Савроматы. М., 1964; Граков Б.Н. Скифы. М., 1977; *Его же*. Ранний железный век (Культура Западной и Юго-Восточной Европы). М., 1977; Мозолевский Б.М. Товста могила. Киев, 1979; Смирнов А.П. Скифы. М., 1966; Мелюкова А.И. Скифы и Фракийский мир. М., 1979; Литвинский Е.А. Древние кочевники «Крыши мира». М., 1972; Мандельштам А.М. Кочевники на пути в Индию. М.; Л., 1966; Грач А.Д. Древние кочевники в центре Азии. М., 1980.

4. Акишев К.А., Кушаев Г.А. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата, 1963; Акишев К.А. Курганы Иссык. Искусство саков Казахстана. М., 1978; *Его же*. К проблеме происхождения нимадизма в аридной зоне древнего Казахстана//Поиски и раскопки в Казахстане. Алма-Ата, 1972; *Его же*. Саки азиатские и скифы европейские//Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата, 1973; Артамонов М.И. Сокровища саков. М., 1973; Кадырбаев М.К. Памятники Тасмолинской культуры//Маргулан А.Х. и др. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966; Вишневская О.А. Культура сакских племен низовьев Сыр-Дарьи в VII - V вв. до н.э. М., 1973.

5. Симченко Ю.Б. Культура охотников на оленей Северной Евразии. М., 1976; Арутюнов С.А. и др. «Китовая аллея». Древности островов пролива Сенявина. М., 1982.

6. Нахтигель Г. Сахара и Судан: результаты шестимесячного путешествия по Африке. М., 1987; Лот Анри. Туареги Ахагара. М., 1989; *Его же*. К трудам Тассили. Новые открытия в Сахаре. Л., 1984; *Его же*. В поисках фресок ТассилииАдшера. Л., 1973.

7. *Маргулан А.Х.* Бегазы-Дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1979.
8. *Грязнов М.П.* Этапы развития хозяйства скотоводческих племен Казахстана и Южной Сибири. Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. Вып.26. М., 1957.
9. *Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М.* Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966.
10. *Сорокин В.С.* Жилища поселения Тасты-Бутак. Краткие сообщения Института археологии АН СССР. Вып.91, 1962; *Сорокин В.С.* Раскопки памятников эпохи бронзы в урочище Тасты-Бутак//Уральское археологическое совещание в городе Уфе. Уфа, 1962.
11. *Оразбаев А.М.* Поселение Чаглинка (Шагалалы). Некоторые формы и типы жилищ//По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата, 1970.
12. *Маргулан А.Х. и др.* Древняя культура...; *Оразбаев А.М.* Северный Казахстан в эпоху бронзы//Труды ИИАЭ КазССР. Алма-Ата. Т. V, 1958; *Максимова А.Г.* Эпоха бронзы Восточного Казахстана// Труды ИИАЭ КазССР. Т. VII, 1959; *Черников С.С.* Восточный Казахстан в эпоху бронзы//Матер. исслед. по арх. СССР, №88, М., 1960.
13. *Итина М.А.* История степных племен Южного Приаралья (II - начало I тыс. до н.э.), М., 1977.
14. *Маргулан А.Х.* Бегазы-Дандыбаевская культура. Алма-Ата, 1979.
15. *Акишев К.А.* К проблеме происхождения номадизма...
16. *Древнемонгольские города.* М., 1965; *Кызласов Л.Р.* История Тувы в средние века. М., 1969.
17. *Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б.* Древний Отрар. Алма-Ата, 1972; *Он же.* Отрар в XIII - XV вв. Алма-Ата, 1987. *Он же.* Позднесредневековый Отрар. Алма-Ата, 1981; *Байпаков К.М.* Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья. Алма-Ата, 1986; *Сенигова Т.Н.* Средневековый Тараз. Алма-Ата, 1972.
18. *Акишев А.К.* Система «степь-город» и закономерности сложения кочевых культур скифо-сакского времени//Маргулановские чтения. Алма-Ата, 1989.
19. *Акишев А.К.* Искусство и мифология саков. Алма-Ата, 1984.

ФЕНОМЕН ЭЛИТАРНЫХ КУРГАНОВ СЕВЕРНОГО ТЯНЬ-ШАНЯ

(Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху. Материалы заседаний «круглого стола» 22-24 декабря 1994 г. Санкт-Петербург). – СПб: Фонд фундаментальных исследований РАН (проект «Скифо-Сибирика»), 1994. – С.8–11.)

В истории отечественной археологии достигнуты значительные успехи в изучении древностей эпохи раннего железа. Мировую известность получили сокровища скифских курганов Северного Причерноморья и Пазырыкских курганов Алтая, сакское золото из курганов Иссык и Чиликты, уникальные могильные и надмогильные сооружения Бешатыра и Салбыка. Международный резонанс получили новые раскопки сибирских археологов в могильнике Кутургунтас на плато Укок в Алтае.

Известные науке элитарные курганы сакской знати (Иссык, Чиликта, Бешатыр) являются лишь отдельными звеньями уникального по своей масштабности скопления царских курганов в относительно небольшом регионе: от долины реки Сыр-Дарьи до Тарбагатайских гор, от южных пределов Бетпак-Далы и Прибалхашья до предгорной и горной зоны Северного Тянь-Шаня. На этом пространстве общей площадью примерно 1200 x 300 км открыто более 65 могильников и местонахождений, в которых насчитывается около 350 царских курганов, относящихся к V – II вв. до н.э.

За последние несколько лет (1990 - 1993 гг.) выполнено сплошное обследование, картографирование и инструментальная съемка планов как одиночных, так и групп курганов, а также курганных могильников, в составе которых имелись насыпи больших параметров. Обследованию и съемкам подверглись лишь те памятники, которые относились к категории элитарных, к так называемым царским курганам – типа кургана Иссык, могильников Бешатыр и Чиликты (высота 4 - 18 м, диаметр 40 - 130 м).

На обследованной территории нами выделено 6 микрорайонов, где сосредоточена большая часть обнаруженных курганных насыпей. Микрорайонам даны условные названия для удобства использования в практической археологической работе.

Алматинский микрорайон. Здесь сохранилось лишь 6 пунктов, в которых имеется 33 элитарных кургана. Еще 15-20 лет назад на местах, названных мною пунктами, находились обширные

могильники, ныне на этих местах стоят 2 - 3 разрозненные насыпи, остальные скрыты при строительных работах. Сохранился лишь Бурундайский могильник, в котором имеется 10 царских курганов. На разных участках микрорайона в разные годы найдены клады медных и железных котлов (числом от 2 до 10), бронзовые жертвенники и светильники. Известно несколько разрушенных поселений.

Иссыкский микрорайон. Компактно сохранились два могильника: Иссыкский и Тургенский, часть насыпей находится среди строений одноименных селений. В Чиликском имеется пять разрозненных курганов. Всего в трех могильниках зафиксировано 30 элитарных курганов. В разные годы в Иссыкском могильнике раскопаны 20 малых и 3 царских кургана, в их числе знаменитый курган Иссык с погребением «Золотого Человека». На территории этого же могильника найден клад, состоящий из бронзовых кольчатых удил, наконечника копья, кинжала и медного котла.

Бериктасский микрорайон. В пяти могильниках (Бериктас I – IV и Актерекский) имеется пять царских курганов. Среди них особо выделяются два земляных кургана высотой 10 и 12 м, один из них с глубоким рвом вокруг насыпи. Насыпи курганов хорошо сохранились, не имеют следов ограбления. В Актерекском могильнике – три разрозненных кургана.

Сырдарья-Таласский микрорайон. В десяти пунктах от Сыр-Дарьи до Таласа зарегистрировано 4 могильника, остальные представляют собой местонахождения разрозненных курганов. В них насчитывается 32 элитарных кургана. Раскопки проводились в могильниках Тагискен, Уйгарак и Боролдай. В первом из них открыты сырцовые четырехугольной планировки мавзолеи, сложенные из сырцового кирпича, в Уйгараке самый большой курган имеет высоту до двух метров, курган Чирик-рабат – до 3,5 м.

Бесшатырский микрорайон. В семи могильниках и десяти местонахождениях зафиксировано 50 элитарных курганов. В известном могильнике Бесшатыр в 1959 – 1961 годах раскопаны четыре царских кургана. Под насыпями обнаружены наземные бревенчатые погребальные камеры прекрасной сохранности площадью до 20 кв. м и высотой до 3 м. В двух курганах камеры оказались сожженными. В кургане Тенлик вскрыто богатое захоронение, среди предметов украшения одежды, выполненных из листового золота, находился железный жезл, инкрустированный золотом.

Кегенский микрорайон. На территории площадью 120 x 20 км расположены 15 могильников и 10 местонахождений одиночных элитарных курганов. В них сосредоточено около 200 царских курганов. В окрестностях одного из могильников найден клад сакского золота, состоящий из предметов украшения одежды (свыше 250 единиц), часть из них (32 предмета) выполнена в скифском зверином стиле. Редкой находкой для Центральной Азии является золотая пектораль в форме полулунницы с напаянными с лицевой стороны горельефными фигурками баранов и зернью.

Огромное количество элитарных курганов на ограниченной территории юга Казахстана (особенно – в Семиречье), несомненно, феноменальное явление для Центральной Азии. Должны быть найдены причины его происхождения. Вне сомнения, решение этой проблемы – дело будущего, так как информации, накопленной в результате раскопок значительного количества «царских» курганов, пока недостаточно.

На современной стадии изученности этих памятников представляется возможным наметить круг вопросов, могущих быть ориентирами для будущих исследований, для интерпретационных раздумий.

В настоящее время на два из них можно ответить более или менее конкретно. Во-первых, на естественный и неизбежный вопрос: хронологические пределы возникновения элитарных курганов.

Абсолютное большинство из 350-ти курганов было сооружено не более, чем за 400 – 500 лет. Во-вторых, насыщенность синхронными и однотипными памятниками, вероятно, показатель довольно высокой плотности населения региона.

Другие вопросы более трудные и сложные, для их решения необходимы серьезные аргументы. Очевидно, феноменальное количество и высокие параметры элитарных курганов были возможны при достаточно высоком уровне развития социума, его властных структур с вертикальным подчинением социальных категорий населения, при строго организованной военно-политической системе, при массовой фанатичной приверженности религиозно-идеологическим догмам.

Определяющее значение имели экономические предпосылки: самообеспечивающееся двукладное хозяйство – земледелие и скотоводство, мощное металлургическое производство, торговля на Степном Шелковом пути, контроль на торговых путях (взимание

дани, грабеж), военная добыча при набегах на соседние племена и государства. Все это обеспечило высокий для того времени жизненный уровень населения и его естественный прирост. Вероятно, в результате прироста, притока населения извне (военнопленные), складывался избыток трудовых ресурсов, широко используемых при сооружении элитарных культовых памятников.

При всех широко известных успехах и открытиях в области изучения скифских и сакских древностей, раскопки элитарных курганов на всем пространстве Евразии проводились спорадически, что объяснялось и оправдывалось значительным объемом трудоемких земляных работ и нехваткой средств на их производство. Археологи во все времена работали при остром дефиците материальной обеспеченности. Наши успехи, в большей степени – дань самоотверженности и энтузиазма.

Между тем, именно раскопки элитарных курганов приводят к ошеломляющим открытиям, к большим комплексам разнообразных находок, информирующих о степени социально-экономической развитости общества, об уровне его культуры, искусства и духовной жизни. По всей видимости, наступает время, когда археологические исследования должны быть нацелены на раскопки элитарных курганов Евразии. Это возможно объединенными силами и средствами заинтересованных сторон, при координировании единым Научно-методическим Центром.

САКИ ЖЕТЫСУ: СОЦИУМ И КУЛЬТУРА

(в соавт. А.К. Акишев)

(Новости археологии. – Туркестан, 1997. – №1. – С. 30–37.)

Искусство, так или иначе, отражает действительность. Это – проявление мировоззрения, в сакское время – религиозно-мифологического. Также и в религии нет ничего имманентного, совершенно не зависящего от действительности.

Изучение искусства в качестве формы образного освоения мира, следовательно, предполагает понимание того, как этот мир отражается в произведениях. Мир скифо-сакских племён, несмотря на значительные достижения исследователей, все же остаётся, в значительной мере, "белым пятном". Поэтому любая концепция мировоззрения скифов или саков, превращается неминуемо в иллюстрацию определённых представлений об обществе и культуре. Здесь нет единой точки зрения. Проблема объективно осложняется и тем, что археологи имеют дело, в основном, с так называемым "археологическим универсумом" или совокупностью овеществлённых результатов деятельности общества. Они предстают перед нами в виде артефактов, причём сам процесс овеществления рассматривается как передача информации об уже не существующем как развивающаяся система обществе – объекте изучения. Поэтому любая социологическая реконструкция в археологии – это модель, степень соответствия которой действительности гипотетична. Соответственно, и семантические экскурсы иллюстрируют некую гипотезу.

Но есть ли в таком случае объективные критерии, не оказывается ли, при сложившемся положении вещей, любое построение спекулятивным?

Очевидно, что есть. Это – объективные, исторические закономерности развития общества и сознания, применительно к археологии саков – кочевого скотоводческого общества. Социологические реконструкции древних обществ, от которых остались следы лишь в виде артефактов, производятся именно на основании этих закономерностей.

Из числа многогранных аспектов социально-политической организации саков целесообразно привести те из них, которые являются наиболее фундированными реалистическими данными. В этом аспекте, как мы полагаем, плодотворно движение от

реконструкции общественных отношений к материальной культуре, представленной в артефактах. Ибо движение артефактов (например, типологическая модификация) не есть развитие общества, и на этом основании, строго говоря, никакие социальные модели невозможны.

Культурно-хозяйственный тип и социальная организация саков.

По всей "полосе гор" Тянь-Шаня, Саур-Тарбагатая и Алтая встречаются издревле сложившаяся однородная высотная структура ландшафтов (Л.К. Давыдов. 1925), климат определяется высотной зональностью. На Тянь-Шане из-за лучшей увлажнённости северные склоны удобнее для хозяйственной деятельности. Региональная специфика скотоводства здесь – вертикальная система кочевания. Амплитуда кочевания, как правило, не превышает 50-70 км. в горных и 100-200 км. в степных областях. Поэтому максимально адаптированной формой хозяйства здесь было яйлажное (полукочевое) скотоводство. Оно оставалось ведущим вплоть до XX в. Что же касается времени перехода к полукочевому скотоводству, то эта форма – ранняя и переходная к кочевничеству с большими расстояниями сезонных кочевий в аридных и экстрааридных зонах – сложилась уже во второй половине второго тысячелетия до н.э. (К.А. Акишев. 1972).

Переход от гетерогенного хозяйства эпохи поздней бронзы и сложение культурно-хозяйственного типа (далее КХТ) региона, таким образом произошли давно. КХТ не претерпевал существенных изменений на протяжении всей эпохи ранних кочевников, а отдельные черты – вплоть до нашего времени.

Археологические памятники ранних кочевников с X - VIII вв. до н.э. концентрируются в так называемом "культурном районе", простирающемся широкой полосой вдоль гор и включающем зону ковыльной степи верхний ярус степи полынной и нижнюю часть образованных на лёссовых плащах чернозёмных лугов (В.Н. Шитников. Ташкент, 1925, с. 72; К.А. Акишев. Алма-Ата, 1972, с. 31-46). Ширина этого пояса в значительной степени совпадает с величиной амплитуды весенне-летнего кочевания. К северу условия резко изменяются. Здесь на полынных и горно-типчаковых степях, издревле находятся зимники. Это – Чу-Илийская провинция и провинция Каратауская.

Аналогичны условия в микрорегионе Тарбагатая. Зимники здесь располагаются на Чиликтинской межгорной равнине.

В Южном Алтае лучше увлажнены западные склоны. Зимние пастбища находятся на предгорьях, расстояния откочёвок еще более сокращены.

Южные (выходящие к Кашгарии и Джунгарии) склоны Тянь-Шаня и Саур-Тарбагатая характеризуются аридным климатом. Скотоводство в предгорьях здесь привязано к проходам в центр горной страны, к межгорным долинам с обильным травостоем. А значит сезонное направление здесь обратное, северное.

Таким образом, вся полоса вдоль хребтов Южного Алтая, Тарбагатая, Северного, Западного и Южного Тянь-Шаня в экологическом отношении однородна. В географическом отношении разделяющие горные системы Балхаш-Алакульская и Зайсанская впадины, являются связывающим звеном в сезонных циклах кочевания.

Однородность ландшафтно-климатических зон и экстенсивный характер эксплуатации земли при животноводстве привели к раннему закрытию пастбищ узами традиции и договорными обязательствами к регламентации пользования ими. Это стало важной причиной образования союзов племен в регионе.

Полукочевое скотоводство немыслимо без существования оседлости значительное время года и постоянных зимовок. Оно и предполагает наличие земледелия. Оседлоземледельческое поселение и навыки богарного, возможно, и ирригационного земледелия достоверно зафиксированы в Семиречье в усуньское время, возможно, и группы саков имели земледельческую специализацию (Н.В. Кюнер. М., 1961, с. 78, прим. 65; К.А. Акишев. Алма-Ата, 1963, с. 77-78).

Переход от гетерогенного хозяйства эпохи бронзы к полукочевому скотоводству, возможно, не был столь резким как при чистом кочевничестве, ведь полукочевое общество сохраняет возможности для существования разных укладов хозяйства, которые, правда, играют подчиненную роль. Видимо, эта специфика облегчала появление нескольких типов хозяйства, например, появление саков и усуней земледельцев, возникновение оседлых поселений – центров контактов и обмена скотоводов и земледельцев. Изучение этой проблемы стало насущной задачей (см. К.А. Акишев, К.М. Байпаков, Л.Б. Ерзакович. Древний Отрар. Алма-Ата, 1972). Действительно, и у локальных этнографических групп существует разные виды хозяйственной деятельности, несколько типов традиционного

хозяйства. Роль играет ландшафт, этногенез, адаптация. Поэтому, схематическое разделение народов на кочевые и оседлые неправомерно. Так же говорить о всех сакских племенах как исключительно кочевниках, не представляется возможным.

Судя по археологическим данным, в Семиречье у саков было высокоразвитое товарное ремесло, навыки строительства долговременных жилищ (И.И. Копылов. 1957, с. 291-299; К.А. Акишев. 1963, с. 77-84).

Традиция погребений, богатство и огромные трудозатраты сооружения «царских» курганов говорят о значительной социальной стратификации у саков, зарождении классов на основе 3-4 социальных прослоек (К.А. Акишев. Алма-Ата, 1953, с. 86-87; В.М. Массон. М., 1976).

При реконструкции общества саков представляется возможным использование структуры общества ариев Авесты. Ведь сакское общество, в силу традиционности, несомненно, сохранило многие архаические признаки, отраженные в ранних частях Авесты. Как полагает Б.Г. Гафуров (М., 1972, с. 54-58), Авеста дает картину «обычную для обществ, находившихся на пороге или в начале создания государства». Перспективно и использование стадияльно близких этнографических аналогов, единого КХТ. Это недавно доказано на примере социального устройства скифов, причем, модель А.М. Хазанова сама может использоваться как аналог. Сведения персидских, античных и китайских источников о саках важны, но недостаточны.

В сакской археологии распространена точка зрения, согласно которой саки находились на стадии перехода к государству, т.е. их общество было раннегосударственным (имело некоторые функции государства). Здесь целесообразно разграничение, так сказать, военной демократии генетического племени и стадияльно высшей военно-иерархической структуры межплеменных объединений, пусть аморфных и размытых, но – раннегосударственных образований.

Однородность ландшафта «полосы гор» и сходство КХТ – немаловажный фактор консолидации местных сакских племен. В то же время население горных районов чаще сохраняет традиционные черты; чем равнинные, степные племена. Вообще, с одной стороны, роль традиции как подчас исчерпывающей формы регламентации производственных отношений и законсервированные в любом кочевом обществе родовые институты способствовали сохранению у

саков Семиречья поразительной преемственности материальной культуры.

С другой стороны, появление в военно-демократическом обществе надродовых институтов, усиление расслоения, возвышение вождей, объективно стремящихся эти институты приспособить своей власти, конфедеративное объединение вызвали процессы этнокультурной интеграции в рамках союзов. Противоречиво и соотношение дробности, аморфности союза и тенденции к слиянию, к появлению этнических общностей более высокого порядка. Зарождение государственности кроме того, тормозилось относительно примитивной формой адаптации кочевников (в социологии культура рассматривается как саморегулирующая система, – при росте численности племен сокращались эксплуатируемая территория, что приводило к необходимости откочевок избыточного населения. Это, вероятно, было существенным фактором внешней политики, способствуя широкому расселению сакских культур, диффузии, появлению или взаимообмену культурными достижениями.

Необычное скопление сакских «герросов» в горных долинах Семиречья, их разновременность и, видимо, разная культурная принадлежность, заставляют предположить, что регион был центром обширного политического объединения разных сакских племен «полосы гор». Ретроспективным примером таких объединений служат грандиозные империи во главе с сако-юечжийскими правителями в Хорезме, Бактрии, Парфии, империя Великих Кушан; сарматское правление в Причерноморье.

Археологические культуры «полосы гор» исключительно ярки и самобытны и очень сходны друг с другом. Все это, как будто, говорит о спокойном, не омраченном сильными кризисами развитии в сакское время. Видимо, как показатель политической консолидации племен. Ведь в данных условиях стабильно развиваться могли сильные объединения, слабые гибли или распадались. Объединения, не способные противостоять миграциям иных племен, распадались так же, а это означало общий культурный регресс как форму адаптации в условиях нарушения производственного ритма. Когда создаваемые ценности разрушаются в обстановке нарушения баланса, постоянных «сбоев» хозяйственной деятельности и перемещений, когда в психологии народа господствует ощущение неуверенности, вечной опасности, пессимизма, тогда происходит общий упадок, и не только

производства, - складывающееся этническое самосознание приходит к декадансу и распадается. Именно в этом отношении правы исследователи, когда они пишут, что самобытная культура кочевников I тыс. до н.э. ярче, чем эклектическая культура номадов 18 века (Гумилев. 1974; Акишев. 1978, с. 53-54). Заранее оговоримся, что художественное творчество особенно резко отражает подобные надломы. Такой упадок случился в Семиречье на рубеже эры, при первых волнах «Великого переселения народов». Нельзя отрицать, что эклектический фон, который есть следствие таких кризисов, при благоприятных условиях, становился почвой для «ренессансов» (как в истории кушан). Но условие тому – стабильность и в отношении материального производства и политической структуры.

Очевидно, период VIII – IV вв. до н.э. – «сакское время» в периодизации истории Семиречья – время относительно стабильного развития и консолидации обусловленные комплексом факторов.

Разбор точек зрения на характер психологии, сознания, религиозной концепции и идеологических институтов у саков, по сути дела, главная задача настоящей работы. Поэтому здесь мы отметим лишь стадиальные закономерности развития мировоззрения. Оно, несомненно, имело религиозную окраску. В религии же должны были главенствовать атеистические элементы, циклизовавшие ранние верования: амилизм, магию, фетишизм и т.д., игравшие огромную роль и бывшие общенародными. Концепция объективно должна была быть синкретичной, с наличием местных анимистических культов и обрядов, со значительной ролью магии.

Опираясь именно на общестадийные закономерности развития религиозных верований исследователи проводили аналогии или отождествляли религию саков Семиречья, с одной стороны, с «шаманизмом», с другой – «зароастризмом» (яшты Авесты), преувеличивая, подчас, значение «тотализма». Большинство ссылок на шаманизм (понятие весьма расплывчатое) и «зароастризм» были весьма прокламативны, т.к. сами термины понимались крайне произвольно.

В общем же, религия отражала социальное устройство. Выделившаяся из производственной деятельности, проповеди особых служителей культа приобретала оттенок идеологии. Верхушки сакского общества, возможно, выполняла и жреческие функции. Появляется и развивается идея избранничества.

Археологические данные показывают сходство и общие черты развития отдельных компонентов материальной культуры саков Тянь-Шаня, Восточного Казахстана и Южного Алтая в течение скифского времени.

Погребальный обряд здесь характеризуется устойчивой западной ориентировкой. В «царских» курганах обычно бревенчатое погребальное сооружение или в виде сруба, иногда с дромосом: Аржан, Чиликты, Бес-Шатыр, Пазырык, Бешадар и др. или «клетки»: Иссык. В памятниках пазырыкского типа сруб опущен в яму, а в Аржане и Бес-Шатыре срубы стоят на горизонте. В Бес-Шатыре зафиксировано круглое в плане сооружение, а в могильнике Иссык ряд курганов имели каменную кладку. Есть мнение, что этот тип погребальных сооружений восходит к Дандыбай-Тагискенским «мавзолеям» и, следовательно, указывает на преемственность архитектуры от культур периода перехода к сакским.

Захоронение часто осуществлялось в колоде или досчатом ящике. В рядовых погребениях покойник находился в яме, каменном ящике либо яме, обложенной деревом.

В редких случаях зафиксировано скорченное положение костяков.

Аналогичные конструкции сооружений и обряд наблюдается в погребениях переходного периода (Дандыбай, Бегазы, Сангру, Тагискен) и раннесакского времени (Тагискен, Аржан, Уйгарак, Биже). В приаральских комплексах, находящихся в экстраординарной зоне в переходный этап погребальные сооружения возводились из сырца, в степной зоне Сары-Арка из массивных валунов и плит; в раннесакское время в Приаралье по углам могильных ям оставляли круглые ямки, возможно, имитация угловых столбов, вызванная отсутствием дерева.

По «полосе гор» бытуют близкие типы керамической посуды. Таковы узкогорлые кувшины с плоским дном. Параллели им известны в Китае Чжоу-жаньского времени, в основном, - период «чжаныю». Это так называемый тип «ли». Они доходят до раннего средневековья, причем лончарные, красно- и сероангобированные формы проявляются уже в сакское время (Иссык, Талгар), но широко распространяются позднее (материалы ранних оседлоземледельческих поселений. Семиречья и Южного Казахстана: Актас I – II; Ак-тобе I – II, Чардара, Шаушукум и др.).

Особо специфичны для Семиречья и Приаралья оригинальные сосуды с носиком и петлевидной ручкой. Для всей области – кружки с шаровидным туловом, миски и котлы со срезанным ножом краем и туловом – сегментосферой, часто красного лощения. Для Семиречья, Киргизии и Южной Сибири (Алтай) фиксируются аналогичные, даже тождественные типы деревянной посуды и бронзовой культовой утвари: курильницы, жертвенные столы, триподы. Бронза так же находит прямые тождества в инвентаре кочевнических погребений позднежозуского-раннеханьского времени и особенно – курильщицы (тип «бошань») и триподы-котлы (тип «дин»). Это, так сказать, внешний фактор связи культур «полосы гор».

Как увидим ниже, область совпадает с ареалом распространения совершенно оригинального стилистического направления в «зверином» стиле, которое можно назвать алтайско-семиреченским. Это важно, так как элементы духовной культуры как и материальной могут выступать этническими символами (Ю.В. Бромлей. М., 1973, с. 64-66). А искусство всегда определенным образом отражает самосознание народа, значит вполне применимо как показатель этнокультурной близости племен регионов.

Культурное сходство саков «полосы гор» возникло не только на основе единого КХТ. Роль сыграли разные формы интеграции: материальной, культурной, духовной, территориальной и, наконец, политической. Очевидны и этногенетические причины параллелизма культур. Они, прежде всего, архаизмы и черты традиционности в материальных культурах, - следствия общего происхождения на основе культур переходного периода типа Дандыбай-Тагискен. Последние, в свою очередь генетически связаны с поздним алакульским этапом андрона.

Общие черты многочисленных памятников «полосы гор» неоднократно привлекали внимание исследователей. Это пазырыкские, башадарские, туэктинские, барельские курганы Алтая, уюкские, саглинские Тувы, отдельные памятники из Минусинской котловины, чиликтинские и прииртышские Зайсанской котловины, бесшатырские, иссыкские, тамарские, новоалексеевские и пр. – Семиречья, берккаринские Южного Казахстана, могильники Кетьменьтобе Сев. Киргизия, курганы и находки из Приисыккуля, тагискен-уйгаракские курганы Приаралья.

К сожалению незначительные данные о саках южной стороны Тянь-Шаня и Тарбагатая (Кашгарские и джунгарские предгорные

районы). Видимо, памятники оттуда будут сходны с памятниками севера. Интересно, что прямые параллели некоторым элементам культуры Семиречья, в частности зооморфная торевтика, известны далеко на юге Азии: дяньские бронзы, но датировка их неопределенна. Параллели в «зверином» стиле известны и среди вещей из оазиса Хотана, но все они позднее сакского времени и относятся уже к эпохе Кушан.

Тем не менее, и в «сакское время» сакские племена, несомненно (С.Д. Франкфорт), жили на территории Восточного Туркестана. В целом, «полоса гор» довольно отчетливо выделяется в единую этнокультурную область.

Антропологический материал еще более показателен.

Антропологическая характеристика саков «полосы гор» - это многолетний компонент в составе европеоидного сакского населения.

Антропология до сих пор при подборке объектов изучения – серий черепов отталкивается от заключений археологов. Поэтому, как и в археологии, определение критериев хронологической «чистоты» серии заставляет желать лучшего. Но есть и значительные достижения.

Антропологические данные доказывают преемственность саков Семиречья от андроновских племен. Особое качество краниологического материала из «полосы гор» - присутствие монголоидных черт. Монголоидный компонент – еще один «мостик», связывающий регионы области.

У саков Семиречья преобладал индоевропейский тип, но была и незначительная примесь монголоидности (О.И. Исмагулов. Алма-Ата, 1970, с. 33-37, рис. 9, 38). Так и юноша, погребенный под курганом «Иссык» имел незначительную монголоидную примесь (заключение О.И. Исмагулова). Ближайшее морфологическое сходство саки Семиречья имели, с одной стороны, с приаральскими, с другой – с алтайскими саками. По ширине лица они занимали между ними промежуточное положение. Предположительно, монголоидный элемент проникал в состав саков со стороны Алтая (О.И. Исмагулов. Алма-Ата, 1970, с. 36-38; Трофимова. 1963, с. 234).

В.В Гинзбург и Т.А. Трофимова, анализируя тагискен-уйгаракскую серию черепов, пришли к выводу, что они близки к горно-алтайским, восточно-казахстанским, семиреченским и тянь-шаньским. Они предположили, что племена «полосы гор» этнически были очень близки (В.В. Гинзбург, Т.А. Трофимова. М., 1972, с. 110-

112). Весьма показательны, что по монголоидным чертам приаральская серия VII – IV вв. до н.э. наиболее близка к сакской из Семиречья и Киргизии. Они выделили два направления, по которым монголоидные признаки проникали в состав Приаралья – со стороны Алтая по «полосе гор» и через Джунгарские ворота вдоль Саур-Тарбагатай из Центральной Азии (Исмагулов. 1970, с. 38). Чаще она выражена на отдельных женских черепах, следовательно, проникновение было недавним, доминировали отдельные межплеменные браки (узы родства!) и небольшие перекочевки малых этнических групп (Дебец. 1971, с. 9).

Краниологические материалы из Восточного Казахстана (территориальный охват серий был обширным и, видимо, захватывал так называемые этнодифференцирующие зоны) неоднородны, по морфологически близки Алтаю и Тянь-Шаню (В.В. Гинзбург. М., 1956, с. 243-245).

Итак, антропологические данные подтверждают выделение «полосы гор» как особой этнокультурной области и указывают на теснейшие, в том числе и этнические взаимосвязи регионов в сакское время, намечается направление контактов с Центральной Азией и Приаралем.

Касаясь уже этнической атрибуции саков Семиречья, а вернее, проблемы сопоставления материальной культуры с данными письменных источников, отметим сходство их облика с этническим типом той группы саков на рельефе из впадины в Персеполе, которую принято отождествлять с Saka-Tigrahauda Бехистунской надписи.

В настоящее время в археологической литературе бытуют две версии этнической атрибуции саков Семиречья, вернее, отождествление с этнонимами зафиксированными в источниках. Подробнейший анализ источников проделан Б.А. Литвинским (М., 1972). Он доказал ненадежность каких-либо отождествлений, основанных на комбинации письменных, очень разноречивых данных.

Вероятно, верен посыл, что те группы саков, которые зафиксированы в персидских и античных сообщениях, это политические объединения, значит и «этноним», скорее политического значения, под ним (этнонимом) могли понимать крупные союзы, поэтому термины и носят то описательный, то географический характер. По одной из существующих научных гипотез Семиречье относится к ареалу «саков-хаомаварга», которые

локализуются на Памире. По другой точке зрения: Семиречье населяли племена союза «саков-тиграхауда».

Мы не будем останавливаться на разборе этих мнений. Отметим только, что в выделенной «полосе гор», культуры резко отличаются от саков Памира по всем перечисленным признакам. Здесь преобладает ориентировка погребенных на восток, скорченное положение костяков. Своеобразные шаровидные сосуды, акинаки, имеют особые 3-образные перекрестия. «Звериный» стиль Памирского региона немногочисленен и не позволяет делать какие-либо выводы. Известный Амударьинский клад – «сокровища Окса», синкретично, в «зверином» стиле почти не переработана переднеазиатская струя, что резко отличает клад от искусства «полосы гор».

Антропологические отличия памирских саков разительны. Они принадлежали к средиземноморской расе, ее индо-афганскому типу, походили на афганцев или северных индийцев (Б.А. Литвинский. М., 1972, с. 186), что объясняется изолированным положением саков Памира, поэтому тезис об объединении саков Семиречья и Памира в едином этнониме оказывается необоснованным. Памир и по характеру ландшафта очень специфичный район с узко местными особенностями хозяйства. Близка к сакам Семиречья эйлатанская культура Ферганы, но она и резко отлична от саков Памира, а регион хорошо «привязан» к КХТ и особенностям типологии «полосы».

В заключении подчеркнем: в сакское время «полоса гор» - тесно взаимосвязанная географическая, экологическая и этнокультурная область, населенная сакскими племенами. Специфика КХТ объективно должна была привести к появлению общности этих племен, соответственно, надплеменному аппарату управления – раннегосударственного типа...

1. Акишев К.А., Кушаев Г.А. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата, 1963.

2. Акишев К.А. К проблеме происхождения номадизма в аридной зоне древнего Казахстана. – В кн. Поиски и раскопки в Казахстане. Алма-Ата, 1972.

3. Он же. Саки Семиречья. – Труды ИИАЭ АН Каз ССР, т. VII, Алма-Ата, 1959.

4. Он же. Курган Иссык. Искусство саков Казахстана. М., 1978.

5. Акишев К.А. Искусство и мифология саков. Алма-Ата, 1984.

6. Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. М., 1973.
7. Гафуров Б.Г. Таджики. М., 1972.
8. Гинзбург В.В. Древнее население восточных и центральных районов Казахской ССР по антропологическим данным. – Труды Института этнографии, новая серия, т. XXXIII, М., 1956.
9. Гумилев Л.Н. Хунны в Китае. М., 1974.
10. Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР. – Труды Института этнографии, новая серия, т. IV, М., 1956.
11. Он же. О физических типах людей скифского времени. – Материалы и исследования по археологии СССР, № 117, М., 1971.
12. Давыдов Л.К. Климат. – Сб. Джетысу (Семиречье). Естественно-историческое описание края. Ташкент, 1925.
13. Исмагулов О.И. Население Казахстана от эпохи бронзы до современности. Алма-Ата, 1970.
14. Кюннер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961.
15. Литвинский Б.А. Древние кочевники – «крыши мира». М., 1972.
16. Массон В.М. Экономика и социальный строй древних обществ. Л., 1967.
17. Дебейн-Франкфорт К. Саки Синьцзяна эпохи Хань (206 г. до н.э. – 220 г. н.э.): критерии идентификации. – Сб. Кочевники и земледельцы Центральной Азии. Париж, 1990.
18. Шнитников В.Н. Растительность Джетысу. – Джетысу (Семиречье). Ташкент, 1925.

ЗОЛОТОЕ ИСКУССТВО

(Каспий. – 1998. – №2.)

Золото - один из первых металлов, освоенных человечеством. Высокая пластичность, красивый желтый цвет сделали его одним из основных материалов для ювелирного искусства.

Золото - теплый металл. Его цвет и матовая фактура создают ощущение скрытой солнечной энергии. Есть восточная загадка: что такое золото в степи? Ответ: заход солнца. С тех пор, как человечество узнало золото, миновали тысячелетия. Сменились племена и народы, рождались и угасали в искусстве различные стили, но всегда в блеске золотых изделий люди видели отсвет лучей солнца, его восходы и закаты. Золото и его цвет связывались и с огнем.

Важнейшее свойство этого металла - стойкость к коррозии, нетленность. Из самых далеких глубин истории художественные изделия из золота приходят к нам в первозданном виде.

Обилие древних золотых предметов, найденных на территории Казахстана, указывает на то, что золото здесь добывалось издавна. Древние выработки золота обнаружены в Восточном и Центральном Казахстане, Восточном Семиречье (регион Джунгарского Алатау).

Из наиболее ранних памятников представлены украшения андроновской культуры эпохи бронзы, свидетельствующие о зарождении ювелирного искусства на территории Казахстана еще в XVI – XIV вв. до н.э. Они немногочисленны и в основном найдены в относительно богатых захоронениях. Следовательно, можно говорить о том, что обладание золотыми вещами было показателем определенного положения в обществе. Известно, что уже у индоиранцев золотые украшения означали принадлежность к сословию (варне, пиштре) воинов-нобилей, а с возникновением ранних форм государственности - к правящему, царскому роду.

Среди андроновских украшений наиболее часто встречаются серьги в виде колец с сомкнутыми концами. Они изготавливались из медной проволоки. Медь плакировалась (покрывалась, обертывалась) листовым золотом, которое полировалось замшей. Прием плакировки позволял экономить драгоценный металл и применялся и позднее - в искусстве ранних кочевников.

В казахстанских погребальных комплексах встречаются и так называемые серьги с раструбом. Обычно один их конец заужен, а

другой сформирован в виде конического приемника-раструба. Такие серьги были широко распространены и встречаются не только в андроновских погребениях. Они найдены в археологических памятниках других культур эпохи бронзы Средней Азии и Сибири.

Серьги и подвески в полтора оборота, свернутые из прогнутых узких пластин, также широко представлены в андроновской культуре и могут считаться ее археологическим символом. Среди них цельно золотые вещи очень редки, преобладают медные, обернутые листовым золотом. Эти серьги просты по форме и не имеют никакого декора. На некоторых золотых изделиях: обоймах (обкладках ножен), булавах, пластинах и т.д. - встречаются гравированные геометрические мотивы: меандровые орнаменты, фестоны треугольников, характерные для андроновской керамики.

Две серьги, найденные в 1980 году в могильнике Мыншункур в Восточном Семиречье, относятся к карасукской культуре, центрально-азиатской по своему происхождению. Одна из них, плакированная листовым золотом, ничем не отличается от кольцевидных андроновских. Другая, отлитая в специальной форме, имеет крепление типа «втулка раструб». Внутри кольца - две фигурки стоящих друг за другом коней. Изображения схематичны и стилизованы: гипертрофированная шея с гривой, разделенная на пряди, длинная морда, несколько загнутая вниз, круглые глаза. Изображения, очевидно вырезались в мягкой каменной форме для отливки и впоследствии не подвергались ковке. Самые интересные параллели можно провести с памятниками из Центральной Азии, где подобные серьги или височные кольца с изображениями животных выгравированы на «оленных камнях».

Серьга из Семиречья, по всей вероятности, должна датироваться, как большинство «оленных камней», досакским временем - XII - X вв. до н.э. Следует заметить, что «оленные» изображения в настоящее время найдены в Южном Казахстане (Каратау, Аксу-Джабаглы Алатау). Судя по многим данным, стиль «оленных камней» из искусства эпохи бронзы перешел в искусство саков, наложив отпечаток на особенности его ранних произведений. Семиреченская серьга - пока уникальный памятник карасукского звериного стиля, воспроизведенный в золоте. Возможно, при определении истоков скифо-сакского звериного стиля она сыграет свою роль. Мотив двух коней впоследствии проходит через всю историю искусства скифо-сакских и многих других индоиранских этносов. Он существовал и в

средневековые и позднее, причем повсеместно имел солярную символику и связывался с культом божественных близнецов.

Таким образом, по археологическим данным, зарождение ювелирного искусства на территории Казахстана происходит во второй половине II тыс. до н.э. Судя по высокой технике семиреченской серьги, оно достигло в то время значительного развития.

Сегодня уже не кажется неожиданным появление на территории Евразии блестящего искусства скифо-сибирского звериного стиля, продолжающего поражать и восхищать специалистов такими новыми открытиями, как захоронение человека в «золотой одежде» в кургане Иссык в Казахстане, пектораль из Толстой могилы на Украине, сокровища кушанских царей из Теллятепе в Афганистане.

Скифо-сибирский звериный стиль, в формировании которого на территории Азии основную роль сыграли племена саков, - ярчайшее явление в истории искусства. Многие памятники культуры саков, найденные в XVII - XIX вв. в «чудских могилах» Западной Сибири, известны сейчас как Сибирская коллекция Петра I. В начале они поступали в Кунсткамеру, а затем были переданы в Эрмитаж. По аналогии с атрибутированными и датированными предметами прикладного искусства они определяются как памятники искусства ранних кочевников. Под этим собирательным термином имеются в виду не только саки, но и юечжи, савроматы, усунь, хунну, сарматы.

Политическая стабильность сакских, савроматских и скифских конфедераций в VII - III вв. до н.э. обусловила расцвет скифо-сибирского звериного стиля. Триада зооморфных образцов (птица - копытное животное - хищник), которой оперировали уже раннесакские художники, отражало идею торжества мира (космоса) и общества.

Раннее искусство саков представлено в основном бронзовыми изделиями, найденными в казахстанских курганах Тагискен, Уйгарак, Биже, Аржан. Они демонстрируют тесные связи с торевтикой Луристана, памятниками карасукской и тагарской культур, а также в некотором отношении с досакским пластом петроглифов Семиречья, Алтая и Монголии. Это по преимуществу литые вещи, значительно отличающиеся от силуэтных или низкорельефных из золота.

Интересны обоймы-обкладки ножен из Центрального Казахстана с отбитым с матрицы изображением четырех пантер. Стилистически

они сближаются с рядом других изображений пантер на памятниках, найденных на территории от Китая и Монголии до Причерноморья. На обложке у пантер сжатое в клубок тело, гипертрофированная голова с круглыми глазом и ухом, лапы и хвост заканчиваются колечками. В целом контуры округлые. Эти обложки-обложки можно датировать VI - V вв. до н.э.

Большой комплекс золотых украшений обнаружен С. Черниковым при раскопках богатых курганов VII - VI вв. до н.э. в Чиликтинской долине (Восточный Казахстан). В основном это элементы декора одежды и оружия. В большинстве своем чиликтинские находки – это золотые аппликации, мастерки вырезанные из фольги (кабаны «на пуантах», ромбовидные бляшки). Они накладывались на ткань или дерево. Кабаны разных размеров, но трактованы совершенно одинаково. Абрис предельно лаконичен. Эти изображения напоминают некоторые граффити на скалах и даже палеолитические росписи. Каплевидный глаз и треугольный клык переданы прорезями. «Тиражирование» в Чиликте показывает существование в то время устоявшихся максимально выразительных образов и орнаментальных мотивов.

Замечательны рельефные бляшки в виде лежащего оленя. Они также наклеивались на ткань или кожу, так как не имеют отверстий для пришивания. Интересно, что уши оленей сделаны отдельно и инкрустированы камнем или пастой. В Чиликте уже наблюдается стремление к полихромности. По трактовке рогов эти олени перекликаются с изображениями на «оленных камнях». Образ благородного оленя известен по памятникам эпохи неолита народов Казахстана, Сибири, Центральной, а также Передней Азии (со II тыс. до н.э.). В связи с этим можно говорить о том, что в сакском искусстве в трактовке образа оленя местная традиция органически соединилась с ближневосточными заимствованиями. Во всем скифо-сакском мире золотой олень был символом солнца, рождающейся и умирающей природы, а его рога – побегов «древа жизни».

Бляхи в виде грифа (орла) и свернувшейся в кольцо пантеры из Чиликтинской коллекции имеют многочисленные аналогии в развитом скифском искусстве. Изображение же рыбы - символа воды и плодородия - с плавниками, трактованными в виде каплевидных кастов, являются уникальными. В целом чиликтинские зооморфные образы согласуются с разным в разных мифологиях членением мира: птица - верх, небо; хищные и нехищные звери - середина, земля;

рыбы - низ, вода. С развитием государственности у саков такая символика переосмыслилась и стала служить для обозначения власти. Характерным приемом может служить трехъярусная композиция на головном уборе человека в «золотой одежде», захоронение которого было открыто в кургане Иссык около Алма-Аты. Оно впервые позволило определить в комплексе регалии и символы власти у кочевников древности благодаря тому, что оказалось совершенно нетронутым. Курган Иссык - единственный такой памятник. «Иссыкский вождь» был захоронен в парадной или церемониальной одежде. На нем были тонкая, видимо, шелковая рубашка, короткий камзол, узкие брюки из красной замши и высокие бескаблучные сапоги. Поверх камзола - тяжелый наборный пояс из литых блях в виде фантастического оленя и лосиных голов. На голове вождя был высокий конический с тремя лопастями колпак - кулах. Именно в таких колпаках изображены на рельефе лестницы в Персеполе знатные саки - тиграхауда (буквально - в островерхих шапках). На шее - трехвитковая трубчатая гривна с наконечниками в виде головы тигра. На пальцах правой руки два перстня: один с зеркальным щитком, другой - с профильным изображением человека в радиальном венце. У левого плеча погребенного лежали символический жезл в виде древка с золотым наконечником и обвитая золотой лентой плеть. Справа на портупее в деревянных, покрытых красной краской ножнах находился меч рубящего действия - оружие конного боя, слева в ножнах с накладками в виде лося и лошади железный кинжал. Навершие его в виде двух голов грифона обтянуто листовым золотом, а лезвие инкрустировано золотыми пластинами с изображениями различных зверей. Типы оружия и позволяют датировать курган Иссык сакским временем - V – IV или IV – III вв. до н.э.

Сохранность памятника позволила выполнить достаточно достоверную реконструкцию одежды вождя и ее убранство. Камзол был сплошь обшит золотыми бляшками в виде трилистников и голов тигра, что создавало имитацию защитной катафракты. Бляшки вырезаны из золотой фольги и пришиты или приклеены на красную замшу как аппликации. Ритмическое их чередование на красном фоне камзола и голенищ сапог образовало ажурный узор. Головной убор был украшен бляшками в виде барсов, тигров, скульпторами рогатых и крылатых коней, птицы, архара (на вершине кулаха), пластинами в

виде горы с «древом жизни», стреловидными, в виде крыльев птицы и т.д.

При всей роскоши убранства одежды и оружия нельзя не заметить умышленного или вынужденного камуфляжа. Впечатление большого количества затраченного драгоценного металла иллюзорно: скульптурные изображения животных сделаны из бронзы и дерева и только покрыты тончайшим листовым золотом, массивная трубчатая грива внутри полая и т.д.

Золотые украшения из кургана Иссык выполнены в разнообразной технике, примененыковка, штамповка, гравировка, пайка, холодное золочение, полировка, зернь, инкрустация пастой и смолой, раскраска и т.д.

Большинство иссыкских крупных блях в виде животных выполнены в низком рельефе. Глаза, ребра, мускулы переданы гравировкой в виде точек, овалов, скобок, запятых, S-образных знаков и линий, как на уплощенных рельефах и линейных изображениях Ассирии и Ахеменидского Ирана. Изображения животных стилизованы, трактовка их орнаментальна. Иссыкские мастера предпочитали выразительные линии профиля с экспрессивной деформацией. Туловище «огрызающихся» барсов, тигрогрифонов (бляшки на головном уборе), лося и лошади (накладки кинжала) перекручены в S-образном изгибе и передают состояние агонии. Эти своеобразные изображения животных, возможно, связаны с древней месопотамской трактовкой кошачьего хищника (льва), сражающегося с героем или божеством, известной на цилиндрах-печатах.

Мастерски выполнена инкрустация кинжала. Желобки для стока крови покрыты золотыми пластинами с изображением следующих друг за другом кабанов, барсов (тигров), зайцев, козлов, волков, сайгаков, джейранов, архаров, лис и змей. Переданы они в так называемых «скребущих» позах, что сближает этот кинжал с памятниками савроматов Приуралья, в свою очередь испытавших влияние искусства кочевников Южной Сибири и Казахстана. Здесь, видимо, заново переосмысленная саками композиция «гона зверей», характерная для переднеазиатского и античного искусства. Изображение так миниатюрно, что мастер акцентировал видовые признаки зверей, гиперболизировал глаза, рога, уши, копыта, когти. Для того, чтобы подчеркнуть ритм композиции, колористически

выделены выпуклые части тел животных - в прорези на их лопатках и крупах наклеены смолой каплевидные вставки сердолика и пасты.

В кургане Иссык фигурки животных, выполненные в технике круглой скульптуры (крылатые и рогатые кони, птица, архар на кулахе, головки ушастых грифонов на вершине кинжала), по сравнению с низкорельефными изображениями отличаются большим реализмом в передаче форм и деталей.

В Иссыке встречены золотые украшения, раскрашенные красной и черной красками, - это длинные стреловидные пластины головного убора, а также серьги с гроздьями крупной зерни, цилиндриками и бусинами бирюзы.

Сакский комплекс кургана Иссык демонстрирует зрелое своеобразное искусство, достойное высочайшей оценки, причем можно подчеркнуть, что отдельные находки в нем – явление для Семиречья не уникальное. Во многих других могильниках, например, Иссыкском, Талгарском (в большинстве своем разграбленных) найдены отдельные золотые изделия, аналогичные открытым в кургане Иссык или дополняющие наши представления об искусстве семиреченских саков новыми данными.

Таковы прежде всего многочисленные серьги, крученые из золотой проволоки с подвесками из гроздьев зерни, цилиндров и бусин из пасты, бирюзы, сердолика и халцедона; булавка с навершием в виде тигрогрифона в состоянии агонии; железная пряжка, плакированная золотой пластиной с плетенкой. Все эти предметы найдены в богатых «царских» погребениях.

В III – II вв. до н.э. звериный стиль сменяется инкрустационным. Цветные вставки (бирюза, паста, реже - красные камни), которые в зверином стиле применялись достаточно умеренно и тактично, получают широкое распространение. Золотые изделия, выполненные в инкрустационном стиле, найдены в трех погребальных комплексах Казахстана, в общем датирующихся в пределах III – I вв. до н.э.: это бляшки - украшения одежды из кургана Тенлик (III – II вв. до н.э.), два браслета из местности ТуздакКармакчинского района Кзыл-Ординской области и украшения жрицы из урочища Каргалы в Семиречье (II – I вв. до н.э.).

Самая интересная находка в Тенлике - серия трапециевидных блях, украшавших, вероятнее всего, одежду, с изображением всадника. Костюм на всаднике сакский: мягкий кулах, за спиной развевается плащ. У коня подстриженная грива с султанчиком, ноги

подогнуты. Изображено убранство коня. Истоки образа всадника не выяснены. Подобные изображения известны на Ближнем Востоке и в Малой Азии с конца II тыс. до н.э. Стилистически тенликские бляхи перекликаются с изображением на памятниках из Сибирской коллекции Петра I (жанровые композиции), Пазырыкского кургана V (ковер) и греко-бактрийского искусства. В основном же образ всадника был характерен для позднеэллинистического искусства, причем с ним связывался культ обожествленного героя.

На других бляшках из кургана Тенлик, вырезанных из фольги или отбитых с матрицы и имеющих отверстия для пришивания, преобладают растительные мотивы: трилистники, розетки, бутоны лотоса, побеги. Особенно интересен мотив «вьющейся лозы» с цветами, находящий точные аналоги среди орнаментальных мотивов эллинистического искусства: греко-бактрийского, индо-греческого, парфянского. Орнаментация большинства вещей из Тенлика имеет параллели прежде всего в памятниках из алтайских курганов Берель, Шибе, Котанды, по последним данным, синхронных Пазырыкским, и эллинистического искусства Средней Азии. Некоторые изделия сближаются с иссыкскими, особенно раскрашенные красной и черной красками.

Одновременными Тенлику могут быть туздакские браслеты. Один из них литой, сформован в виде неестественно вытянутого фантастического волка с «гирляндой» грифонных головок на спине. Этот браслет имеет близкие аналогии с памятниками из Амударьинского клада и Сибирской коллекции Петра I и хорошо датируются временем не ранее III в. до н.э. На втором браслете, разъемном, с шарнирами, есть изображения двух лошадей с перекрученными туловищами. В круглые треугольные касты вставлены цветные камни. Подобные изделия хунно-сарматского времени также есть в Сибирской коллекции Петра I, встречаются они и среди отдельных находок раннекушанского времени.

Самый примечательный комплекс вещей в инкрустационном стиле найден в ущелье Каргалы под Алма-Атой в 1939 году. Он многократно публиковался и интерпретировался у нас и за рубежом. В Каргалы было открыто погребение усуньской жрицы (шаманки). Образы так называемой каргалинской диадемы возможно объяснит на основе тюрко-монгольских мифологии и эпоса, в ее композиции налицо синкретическое сочетание самобытного местного, ханьского и

греко-бактрийского художественных направлений, что определило специфику искусства усуней.

На диадеме, наряду с образами и мотивами, характерными для китайского искусства (драконы, лента облаков), встречаются похожие на сакские (тигрогрифы, кабан, козел). Как доказывали в свое время М. Ростовцев, Карлгрен и Лауфер, на искусство китайцев в периоды Чжаньго (IV в. до н.э.) и ранней Хань (II – I вв. до н.э.) сильное влияние оказали эллины и кочевники, что нашло отражение в широком использовании мотивов и образов их искусства. В связи с этим можно предположить, что Каргалинская диадема (сохранилось два ее фрагмента) выполнена местным мастером в традициях ханьского искусства. Каргалинский комплекс относится к II – I вв. до н.э.

Инкрустационный стиль, развитие которого в како-то мере было стимулировано центрально-азиатскими связями саков, подготовил почву для распространения полихромного стиля в искусстве народов, населявших Казахстан. Этот стиль получил здесь распространение в III – V вв.

Среди памятников полихромного стиля выделяется две группы, каждая из которых характеризуется следующими признаками:

- первая - вставками цветных (красных, оранжевых) камней в напаянных гнездах-кастах, орнаментами из зерни, филигранными поясками и т.д.;

- вторая - отсутствием форм и наличием вставок камней в напаянных перегородках.

К первой группе изделий, в которой преобладают собственно гуннские традиции, относятся диадемы, котлы - височные подвески, перстни, серьги, наконечники поясов, пряжки и т.д. Ко второй группе - изделия с перегородочной инкрустацией: браслеты, пряжки, ножны, навершия рукояток мечей, зажимы удил.

Количество изделий в полихромном стиле, найденных на территории Казахстана, с каждым годом увеличивается и в настоящее время приближается к числу находок в Причерноморье. Только котлов - типичнейших изделий этого стиля в Казахстане и соседней Киргизии найдено уже более десятка.

Несомненно импортные полихромные вещи обнаружены в сарматском могильнике Лебедевка, массовые раскопки которого осуществлены недавно. Среди находок есть раннеримский импорт - стеклянные кубки и др. Несколько позолоченных круглых блях -

умбонов с пунсонным и растительным орнаментом, декоративными поясками в виде «веревочки» и изображениями головок птиц и козлов, может быть, сделаны ближневосточными мастерами в XII – XIV вв. Вероятно, причерноморского или среднеазиатского производства лебедевский массивный перстень с темно-вишневыми альмандинами в напаянных гнездах, обрамленных шариками плавленной зерни.

Очень много различных полихромных вещей было случайно открыто в 1928 году в погребении у озера Боровое. Они опубликованы А.Н. Бернштамом и И.П. Засецкой. Это бляхи, пуговицы, обкладки, наконечники, медальоны со вставками камней как в перегородчатых гнездах, так и в напаянных, богато украшенные зернью. Камни (гранат, сердолик), обработанные в форме кабашона (выпуклая полусфера) или плоской печатки, закреплялись в ячейках смолой.

Примечательная серебряная грива с наконечником в виде схематизированной головы дракона с круглыми вставками граната и орнаментом в виде треугольников и гроздьев плавленной зерни из погребения в урочище Кара-Агач б. Акмолинского уезда (раскопки А. Козырева, 1904 год).

Семиреченские находки представлены серией колтов. Великолепные колты из могильника Актасты, украшенные треугольными и круглыми вставками темно-вишневого граната, пирамидками зерни на расходящихся веерообразно трубочках. Они обнаружены в погребении знатной женщины позднеусуньского времени (III – V вв.) в урочище КурайлыКегеньского района Алма-Атинской области и являются лучшими из колтов полихромного стиля гуннской эпохи.

Коллекция золотых предметов, часть которых выполнена в полихромном стиле, была случайно обнаружена в 1915 году в пещере на восточном берегу озера Батыр в Мангышлакской области. В состав находки входили миниатюрные золотые флакончик и кружка. На тулове и крышке флакончика, которая имеет цилиндрическую форму, напаяны кольчатые ушки. Поверхность его украшена орнаментальными поясками и полосками из псевдозерни и филиграни. Кружка цилиндрической формы, на ее поверхности видны тонкие горизонтальные линии, оставшиеся после обработки под давлением на токарно-давальном станке. Выпуклыми золотыми бляшками с петелькой на обороте обшиты по всей наружной стороне

головная повязка из льняного холста, покрытого сверху красным шелком. Среди батырских находок в полихромном стиле выполнены навершие меча или кинжала из горного хрусталя полусферической формы в крестообразной оправе из золота, украшенной вставками алмаздинов и цветного стекла в напаянных гнездах, и пара серег. Каждая серьга состоит из круглого кольца с откидной дужкой, квадратной и двух каплевидных пластин со вставками гранатов и четырех подвесок из жемчужин, кораллов и золотых шариков. На основе многочисленных аналогий с памятниками Боспора и Кавказа батырская коллекция датирована III в. н.э.

Представленные в альбом памятники - часть казахстанского золота, но и они дают представление о большом вкладе племен и народов, живших на территории Казахстана, в сокровищницу мирового искусства. Широкие археологические исследования, проводимые в республике, практически ежегодно приносят новые открытия памятников древнего искусства, и потому перспективы дальнейшего умножения коллекции несомненны.

ВОСТОЧНАЯ ЕВРАЗИЯ – ВЗГЛЯД СКВОЗЬ ВЕКА

(Идеи и реальность Евразийства. – Алматы, 1999. – С. 107–113.)

За последние три десятилетия на стыке лесостепи и Великого пояса степей восточной Евразии обнаружена и исследована большая группа памятников (поселения и могильники), относящиеся к периоду от энеолита до позднесакского времени. Находка их по праву равна научному открытию. А изучение (раскопки и публикации) является вкладом в историческую науку и вносит существенные коррективы в наше представление о древностях евразийских степей.

Новые археологические открытия предоставляют дополнительные данные, подтверждающие мнение об Евразии как об одном из центров доместикации диких злаковых растений и животных. (Вавилов, 1987). По археологическим и палеозоологическим артефактам установлено, что в степной полосе юго-восточной Европы, Заволжья и Казахстана, от Днепра до Иртыша, примерно в одно время в пределах эпохи позднего неолита-энеолита (IV-III тысячелетия до н.э.) возникают поселения типа Деревка (Украина) и Репин Хутор (Россия), Ботай (Кокшетау), Ащисай I, Солёное озеро 1 (Костанай), основой хозяйства которых было коневодство (Цалкин, 1970, Макарова, 1992). На основе сравнительного изучения массовых находок костей лошади на казахстанских памятниках сделан вывод об общности происхождения и одновременности доместикации лошади в степной и лесостепной зонах названных выше регионов, возможно, раньше на территории Казахстана (Ахинжанов, Макарова, Нурумов, 1992)

Известность в мировой науке получили палеолитические стоянки Батпак, энеолитическое поселение Ботай, сотни некрополей и поселений бронзового века типа Аркаим, Кент, Сынтасты (Синташта), Бегазы, Сангру, Атасу, культовые сооружения и укрепленные поселения античного времени - Тасмола, Канаттас, Актау и многие другие (Волошин, 1992; Зайберт, 1993; Аркаим, 1995; Маргулан, 1979).

Многолетние научные раскопки поселения Ботай, датируемого третьим тысячелетием до нашего времени, привели к открытию, имеющему значение для всемирной истории. В культурном слое жилых и хозяйственных помещений вместе с предметами материальной культуры были обнаружены сотни тысяч костей лошадей, мясо которых являлось основным продуктом питания

жителей поселка. По определению казахстанских, российских и американских ученых (археологов, палеоботаников, археозоологов) было доказано, что большинство костей принадлежали домашним животным, и что еще более важно, по стертости зубов от удил установлено, что уже в то, отдаленное от современности тысячелетие, лошадь была приучена под верховую езду и, возможно, использовалось также как транспортное животное.

Факт этот имел огромное значение для дальнейшей эволюции человека, его интеллекта, материальной и духовной культуры. Верховой конь в истории развития человеческой цивилизации сыграл такую же роль, как паровая турбина для прогресса в индустриальную эпоху. Использование верхового коня, а затем коня как упряжное животное, ознаменовало начало покорения человеком времени и пространства.

А возможно ли это? Если даже это стремление к невозможному, то само стремление привело к обузданию космических скоростей, к попытке освоения галактики, к попытке вторгнуться в иные цивилизации разумных существ. Так и в древности скоростные возможности верхового коня послужили двигателем динамичного освоения человеком планеты, открытия неизведанных земель, расширения географических и астрономических знаний, широкой интеграции культурно-экономических достижений, мирного обмена идеями и товарами и военного захвата оружия, драгоценностей, предметов искусства, и интеллектуальной собственности. Стратегия и тактика в военном искусстве всецело основывались на ударной силе конных армий и военных колесниц. Свидетельства тому - блистательные победы саков Томирис, скифов Иданфирса, гуннов Аттилы, кыпчаков Бейбарса, тюрко-монголов Чингизхана, казахов Богенбая, Кабанбая и Жаныбека.

Но до этих известных событий истории должны были пройти многие века. Они были ознаменованы взлетом цивилизации в эпоху бронзы – в эпоху конных скотоводов и первых металлургов. Высокий уровень прогресса во многих сферах социальной и культурной жизни в этот период доказывают тысячи некрополей и сотни поселений, исследованные в степной и лесостепной зонах Казахстана.

Величественные памятники этого времени – некрополи Бегазы, Аксу-Аюлы, Сангру, Бельасар, сооруженные из огромных гранитных плит и валунов, до сих пор поражают воображение своей монументальностью. А поселения Аркаим, Кент, Бесколь, Коныспай-

это уже протогорода с оборонительными сооружениями, со своеобразной инфраструктурой (развитое ремесло, водоснабжение, святилища-храмы) и другими атрибутами зарождающейся городской цивилизации. Памятники изобразительного искусства- петроглифы, ювелирного искусства - предметы украшения из золота, бронзы, инкрустированной золотом, художественная резьба по кости и дереву получили широкое распространение. Все перечисленные артефакты, известные науке, характеризуют развитость материального производства и духовной жизни племен бронзового века.

Экономические инновации, произошедшие в Великой евразийской степи в III-II тысячелетиях до нашей эры, оказали катализирующее воздействие на весь ход исторического процесса в последующие эпохи. В степной эконисше постепенно накапливался избыток населения, возрастающее поголовье лошадей и других животных заставляли пастухов расширять ареал выпаса, это приводило к столкновениям с другими родами и племенами, увеличивалась потребность в оружии, что стимулировало развитие металлургии, устанавливались обменные и торговые отношения с сопредельными социумами, способствующие восприятию новых идей и изобретений, касающихся всех сторон жизнедеятельности, накапливались географические, космогонические, астрономические знания.

Накопленная потенция выплеснула на просторы Великой степи такие огромные исторические общности, как андроновская и срубная, а еще через тысячу лет – скифскую, сарматскую, сакскую. Она же стала двигателем роста мобильности племен, раннего объединения их в военно-политические союзы, зарождения в их среде проповедей Заратуштры, усиления процессов инфильтрации и миграции. В итоге развитие процесса привело к многоэтапной массовой миграции исторических ариев и их потомков на Юг и Север, Запад и Восток.

В следующем первом тысячелетии до нашей эры на континенте Евразия выделилась колоссальная по протяженности область, в которой сосуществовали цивилизации совершенно разного характера и этнического состава. Вместе с тем все исторические процессы, происходившие в ней, были непрерывно сопряжены. В Великом поясе евразийских степей сложилась историко-культурная общность скотоводческих народов, окруженная, с востока, юга и запада государствами «древневосточного типа», такими как китайские княжества эпох Чжоу и Хань, Бактрия, Хорезм, царства Передней

Азии и античного мира. Несмотря на разнородность перечисленных образований, они составили грандиозный сбалансированный организм. Его развитие на протяжении многих столетий, вплоть до средневековья, подчинялось ряду общих закономерностей. Самая главная из них заключается в том, что цивилизации земледельческо-урбанистические и цивилизации кочевников, которые казалось бы, могли быть самостоятельными, составили единую структуру.

Регион Великой степи – Казахстан заселяли кочевые савроматские и сакские племена, оставившие яркие свидетельства своей истории в виде своеобразных курганов с каменными «усами» (грядами) и захоронениями коней, специфическое искусство, по ряду признаков тяготеющее к искусству античного мира, скифов Причерноморья, Ахеменидского Ирана. Особую роль для нарастания таких различий сыграло утверждение в разных регионах особых хозяйственно-культурных типов: кочевое скотоводство, отгонное скотоводство с элементами земледелия и т.д. Происходит и консолидация племенных союзов-зародышей больших этносов.

Центр страны этих племен был на месте могил их предков, а так как в древних обществах единство народа олицетворяли вожди, то священным сердцем страны саков было место, где они хоронили своих вождей. Некоторые из сакских царских пирамид достигают высоты 18-20 м и диаметра 120 м. Выделяются курганы «царей» племенных союзов, вождей родов и знатных воинов. Градация размеров погребальных сооружений свидетельствовала об иерархии сакской аристократии (Акишев, 1994)

У саков были оседлые поселения и города, жители которых специализировались на земледелии и ремеслах. Большинство ювелирных изделий, находимых в богатых сакских погребениях, сделаны оседлыми и полукошевыми саками. Военное сословие у саков, судя по данным, было правящим. Из среды воинов выбирали вождей. Верховный вождь выполнял и главные жреческие функции, хотя возможно, существовали и светское и религиозное предводительство. У саков были жрецы, обслуживающие храмы огня и некрополи предков. Общество саков имело развитую структуру, характерную для раннеклассовых обществ древнего мира. Не исключено, что сакские конфедерации были организациями государственного типа.

Последующий период (с III века до н.э. до V век н.э.) в истории называют хунно-сарматским временем. Родившиеся в глубинах Азии

импульсы этнической энергии вовлекли в единый бурный исторический процесс огромное количество народов Великого евразийского пояса степей – от Ордоса до Дуная. Рождались, погибали и распадались множество этносов, разрушались старые и возникали новые государства. Интересным показателем этого процесса служит широкое распространение в Казахстане декоративного искусства, выдержанного в единой традиции «гуннского полихромного стиля», а также находок греко-бактрийского, римского, китайского импорта, в том числе военных трофеев.

Для Казахстана хунно-сарматское время было ознаменовано началом важнейшего перелома в этнической истории, определившего основные тенденции развития на многие века – с центральноазиатскими этносами (усуни, хунну) началась тюркизация племен. Меньше чем через тысячу лет после начала этого процесса подавляющая часть населения региона стала тюркоязычной.

Номадизм - это в широком плане не только хозяйственная деятельность, а феномен культуры, включающий и такие аспекты, как специфика мировоззрения и психологии. Образы мира кочевников во многом определили их отношения с окружающими народами, а значит функционирование структуры «степь-город» – скотоводство-земледелие. Вот почему приоритетное направление в контексте истории номадизма связано с исследованием творчества кочевников.

Древние кочевники Азии создали удивительное по своеобразию и неповторимости изобразительное искусство, которое принято называть скифо-сибирским «звериным стилем». Доказано, что при сложении этого стиля, у племен известных под именами саков (скифов), тохаров, усуней, сарматов, хунну и многих других, даже разнящихся по происхождению и языку, сказалось их знакомство с творчеством соседних земледельческих народов древнего Китая, Средней Азии, Индии, Ближнего Востока, и Греции. Однако в результате было создано самобытное, великое искусство, характеризующееся только ему присущими общими художественными достоинствами и канонами (Акишев, 1984). В свою очередь оно стало образцом для подражания на территории от Южной Кореи до Дуная. Реминисценции этого искусства проявлялись на протяжении столетий: от декора буддийских храмов до ордера христианской архитектуры, от традиционного прикладного

искусства тюркоязычных казахов, киргизов, туркмен и узбеков – до орнаментов таджиков, иранцев, индийцев, афганцев и славян.

Можно предполагать, что в конце 1 тысячелетия до н.э., ознаменованного миграциями кочевников в зоны земледельческих цивилизаций, «звериный стиль» и другие виды духовной культуры номадов стали существенными факторами, благодаря которым произошли ренессансы в культуре Бактрии эпохи Кушанов, Аршакидской Парфии, Хорезма и государств Причерноморья. Равным образом необходимо оценить вклад ранних кочевников в историю религий, мифологию, эпосы, литературу, а конкретно – в сложение ведической религии, зороастризма, буддизма, раннего христианства и ислама, в шаманизм и суфизм, в мировоззрение современных народов региона. Авеста, например, переполнена скотоводческой терминологией, хотя «скифщина», то есть, кочевничество, в ней проклинаяется; в Шахнаме негативно оцениваются степняки- туранцы, однако, туранские циклы в этом сочинении написанные под несомненным влиянием эпоса кочевников, наиболее яркие.

Крупным достижением этих племен, определившим историческую перспективу, являются изобретение письменности и зарождение первых государственных образований. Культура и искусство скифо-сакских и гунно-сарматских племен – крупный вклад евразийских номадов в мировую сокровищницу.

Средневековая городская культура в степной эконише восточной Евразии исследована недостаточно, научные раскопки памятников городской культуры начаты лишь в последние годы. Перспективность продолжения таких работ определяется открытиями руин неизвестных городов, новых очагов городской оседлой жизни в степной зоне. В 1998 году Ишимская археологическая экспедиция открыла в долинах рек Ишим и Карасу раннесредневековый город Кырык-кудук (VII – IX вв.) и развалины средневекового города Акжол (X – XII вв.), обследовала топографию и планиграфию известного по письменным источникам городища Батагай (XI – XIV вв.).

Раннесредневековое городище Кырык-кудук расположено на левом берегу небольшой речки Карасу (приток Ишима). Развалины его сохранились в виде холма овальной формы параметрами 25x5 м, высотой до 3 м. В 15 м северо-восточнее его насыпан большой сторожевой курган высотой около 3 м. Предположительно,

водоснабжение города обеспечивалось кяризной системой, берущей начало в местности Бас-кудук, что в 7-8 км на юг от городища. Если предположение подтвердится будущими исследованиями, то это будет первый научный факт распространения так далеко на север кяризного водообеспечения.

Средневековое городище Акжол находится в 8-10 км на запад от города Астана и состоит из трех разрозненных, но близ расположенных комплексов. Центральная градообразующая часть его образована тремя, квадратного очертания кварталами, каждый из которых автономно окружен рвом и валом. Кварталы примыкают друг к другу, планиграфически образуя трехчастную розетку. В юго-западном углу южного квартала возвышается караульная башня. В центральной части все три квартала окружают прямоугольную площадь, где, вероятно, находилась резиденция (ордакент), возведенная из квадратного обожженного кирпича. Обнажения его фиксируются на современной поверхности. В 70 м на северо-запад от комплекса зданий находились колодец, водохранилище и помещения для обслуживающего персонала, а в 27 м на юг – мечеть и зират (некрополь). Открытие городища Акжол в окрестностях Астаны предоставляет перспективу исследования происхождения исторического города Акмола.

Городище Батагай (историческое имя «Бата+ Кай» = Благословенный) известно с XIX века. Три центральные развалины его неоднократно обследовались и в наше время. Однако никто до наших работ не обратил внимания на довольно обширное городское предместье в виде развалов сотни прямоугольных и округлых строений – остатков жилищ городского люда, обслуживавшего резиденцию правителя и городское хозяйство. В целом территория памятника тянется полосой по коренному берегу Нуры более чем на 1 км

По планиграфическим характеристикам и параметрам городища Акжол и Батагай во многом аналогичны средневековым городам степной части Восточной Европы (городища Хазар-кала, Биляр), северо-восточной Болгарии (Плиска, Гарван), Монголии (Ден-Терек, Могой), и Тувы (Межегей, Элегест). Несомненно, близость и однотипность планировки и конструкции городищ на огромной территории степной Евразии была обусловлена схожей эконишей и хозяйственно-культурным типом в эпоху “великого оседания” евразийских кочевников (Флеров, 1996).

Несомненно, масштабные научные раскопки городищ Акжол и Батагай дадут неизвестные науке доказательства специфики происхождения и развития степного варианта городской цивилизации в Евразии.

Литература

Акишев А.К. Искусство и мифология саков. Алма-Ата, 1984.

Акишев К.А. Феномен элитарных курганов северного Тянь-Шаня // Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху: Мат-лызасед. «Круглого стола» 22-24 дек. 1994 г. Спб., 1994.

Аркаим. Исследования. Поиски. Открытия. Челябинск, 1995.

Ахинжанов С.М, Макарова Л.Н, Нурумов Т.Н. К истории скотоводства и охоты в Казахстане. Алма-Ата, 1992.

Вавилов Н.И. Пять континентов. Повесть о путешествиях за полезными растениями по основным земледельческим районам Земли. М., 1987.

Волошин В.С. Об истоках палеолита в Центральном Казахстане // Маргулановские чтения-1990. Сб. матер. конф. М., 1992.

Зайберт В.Ф. Энеолит Урало-Иртышского междуречья. Петропавловск, 1993.

Маргулан А.Х. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1979.

Флеров В.С. Раннесредневековые юртообразные жилища Восточной Европы. М., 1996.

Цалкин В.И. Древнейшие домашние животные Восточной Европы. М., 1970.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОРИЕНТИРЫ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ ДРЕВНИХ ОБЩЕСТВ СТЕПНОЙ ЕВРАЗИИ

*(Комплексные общества Центральной Евразии в III–I тыс. до н.э.
Материалы Международной конференции 25 августа – 2 сентября
1999 года. – Челябинск-Аркаим, 1999. – С. 55–59.)*

Реконструкция социально-экономических отношений древних обществ по археологическим источникам связана со многими объективными трудностями, особенно при отсутствии возможности проверки их письменными сведениями. Такое положение характерно для всей степной зоны Восточной Евразии.

Археологические источники - немые свидетели «блеска и нищеты» былых социокультурных систем. Для познания социальной развитости древнего общества, большие трудовые затраты которого вложены на сооружение памятников материальной и духовной культуры, необходима особая методика. Попытки создания ее остаются одним из постоянных направлений теоретической археологии. Однако существуют опасения, что все социальные реконструкции, основанные на археологической информации, всегда будут оцениваться на уровне научных гипотез, в лучшем случае как стадия концептуальных разработок, как итог интерпретации современных знаний.

При этом постулируется тезис о прямой связи погребально-поминальных памятников (обрядов) с ранговым положением умершего в обществе. В качестве определяющих критериев привлекаются параметры памятников, техническая сложность надмогильного и могильного сооружения, количество труда, затраченного на их возведение, богатство и бедность погребального инвентаря, масштабы тризны и жертвоприношений. Не последнюю роль играет ранговая пространственная организация семейно-родовых и родоплеменных могильников, диагностирующих сложившуюся систему общественных отношений. Последняя из указанных проблем представляет наибольший интерес для нашей темы.

На основе археологического материала попытаемся рассмотреть вопросы планиграфической организации культовых памятников, в частности, закодированные в них - космологические и иерархические смыслы, допуская при этом, что пространственная организация

элитных могильников – условный опознавательный знак (символ) существовавшей сословной структуры общества.

Археологические и иерархические символы непосредственно связаны с космологическими представлениями конкретных этносов. Поэтому дешифровка и интерпретация их возможны через бытовавшие у древних представления об окружающей природной и общественной среде и сложившиеся у них знания, полученные при космологических наблюдениях.

Знаковые системы понятные и принятые древним обществом и получившие широкое распространение были следующие: круг - символ солнца, луны, бесконечности; сферическая насыпь - небесный свод, мировая гора; крестообразная каменная выкладка - стороны света; четырехугольник - стороны света. Разновидности этих символов: курган внутри каменного кольца - небесный свод, солнце, луна; крестовидная выкладка внутри кольца - солнце, луна и стороны света; насыпь со множеством каменных колец или менгирных оград по периметру - солнце, луна, звезды; наконец, обособленный, отдельно стоящий обломок скалы, окруженный большим каменным кольцом с крестовой выкладкой внутри - мировая гора, солнце, луна и стороны света. Последний символ имел обобщающее значение и содержал смысловую нагрузку планетарного мирозерцания.

Археологические ориентиры (символы), основанные на космологических представлениях, в приложении к социальной среде содержат уже иной семантический смысл: солнце, луна и звезды по масштабам - синонимы большого и малого, большое и малое сопоставимо с высшим и низшим. Высшим сословием в обществе были вождь (царь), жрец, за ним - знать, воины, а низшим - народ, невольники, рабы. В соответствии с такой иерархической градацией располагались на пространстве могильника погребальные конструкции, соблюдалось ранговое местоположение, параметры и усложненность надмогильных сооружений и т.д.

При всем многообразии планировки погребальных памятников в пространственной организации элитных могильников, начиная с эпохи поздней бронзы, выделяются два доминирующих классификационных типа.

Первый - центрическая пространственная организация культовых памятников. «Царский» курган занимает господствующее (центральное) положение, вокруг него группируются остальные в

соответствии с общественным рангом погребальных (могильники Аксу-Аюлы, Бешатыр, Исык, Тургенъ).

Второй - линейный тип организации могильного пространства - «царский» курган во главе цепочки, остальные по рангу, южнее его (Бегазы, Чиликта). Известны факты обособленного (одионого) расположения «царского» кургана (Аржан, Салбык, Кара-тобе, Сары-тобе в Приишимье).

Приведем элитные культовые памятники Восточной Евразии, на анализе которых проделаны приведенные выше выкладки.

Космогоническая планировка и иерархическая пространственная организация памятника: Бешатырский, Исыкский, Беркаринский могильники (V-II вв. до н.э.), Аксу-Аулы (X-IX вв. до н.э.).

Солярная ориентация (входом) и иерархическая пространственная организация памятника: Бегазинский могильник (X-IX вв. до н.э.), курганы «с усами» (VI-I вв. до н.э.).

Планетарно-космогоническая организация памятника: культовое сооружение Баян-журек, состоящая из трех компонентов: мировая гора (одионая скала), солнечный круг (кольцо камней) и крестовидные выкладки (взаимопересекающиеся одинарные линии камней) – стороны света.

В связи с широкой известностью этих памятников специалистам подробные описания топографических планов не приводятся.

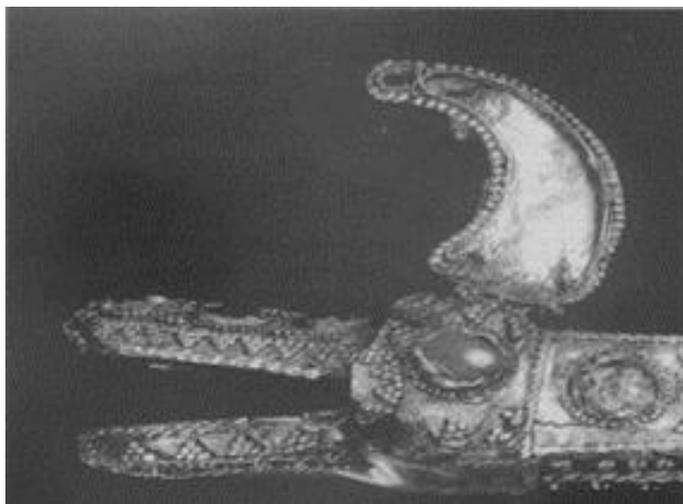
ДРЕВНЯЯ САРЫ-АРКА И СТЕПНАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

(Музеи Казахстана. – 2003. – №1. – С. 15–18.)

Глубинные районы евразийского материка, великая Степь с манящим горизонтом, высоким куполом синего неба и загадочно мерцающими звездами в ночи была родиной наших предков уже I млн. лет назад. В те давние времена на берегах широких и бурных рек, от которых сегодня остались лишь сухие и глубокие русла, жили охотники на мамонтов, шерстистых носорогов. Их огромные кости из глубин земли часто вымывают весенние паводки. Прошедшие с тех пор геологические и климатические катаклизмы изменили ландшафт, скрыли глубоко под землю следы стоянок древних предлюдей, изготавливавших свои орудия и оружие из прочных пород камня – кремня, обсидиана. Такие стоянки открыты и изучаются в Центральном Казахстане в бассейнах современных рек: Иртыш, Нура, Сарысу, Ишим. Только в прошедшем 2002 году в пойме Иртыша обнаружены скелет мамонта, в зоне застройки на левобережье Ишима – черепа саблезубого тигра.

Возраст стоянки Батпак по радиоуглероду, геоморфологии, остаткам палеофауны определяется сегодня в 800 тыс.– 1 млн. лет. По археологической периодизации это эпоха раннего палеолита. Предлюди, обитавшие в бассейне реки Нуры были современниками синантропов пещеры Чжоукоудянь под Пекином, питекантропов ущелья Олдувай Восточной Африки. Открытие раннепалеолитических памятников в Сары-Арка заставляют менять наши традиционные представления на историю заселения, освоения человеком земного шара, задумываться о законах антропогенеза (процесса появления и эволюции *Homo sapiens*).

Прошли сотни тысяч лет, менялся климат, вздыбались сопки, изменялся ландшафт, уходили и появлялись новые реки, вымирали гигантские животные, но оставались люди. Начало взлета степной цивилизации связано со становлением в Евразии производящего типа хозяйства. Археологи называют это событие «неолитической революцией» и датируют началом III тыс. до н.э.

Полихромный стиль

Человек овладел новым средством - скоростью, занявшись приручением самого быстроходного животного степи – дикой лошади. Этот процесс растянулся на века.

Международную научную известность имеет сегодня поселение эпохи энеолита (середина III тыс. до н.э.) Ботай, открытое на маленькой степной речке Иман-Бурлук (правый приток р. Ишим). Здесь казахстанские археологи исследуют большое по площади поселение, существовавшее не менее 300 лет. Прослежена планировка и перепланировка поселения, архитектура домов, прилегающая округа. Взятые на анализ почвы, пыльца, древние кости реконструируют теплый и влажный климат, обилие охотничьей фауны.

Самыми уникальными находками археологов являются кости лошадей, тысячу особей, мясо которых употреблялось в пищу. А кости, наряду с кремнем, служили материалом для изготовления орудий, украшений. Встречается масса лошадиных бабок, поверхность которых отполирована и украшена орнаментом в виде геометрических узоров, насечек. Можно предполагать, что это неразгаданные еще учеными зачатки письменности, сохранение и передача будущим поколениям важной информации. Раскопки энеолитических памятников таят в себе много неразгаданных тайн. Но одно открытие достоверно – около 5 тыс. лет назад началось одомашнивание лошади, во много раз облегчившее связь и передачу культурных достижений между человеческими коллективами, скоростные возможности лошади расширили пределы ойкумены. По праву можно сказать, что верховая и транспортная лошадь – это локомотив истории в древние и средние века.

*Костюм андроновской девушки – арийка. XII – X вв. до н.э.
Реконструкция М. Хабдулиной, К. Акишева*

Достижение ботайцев привели к демографическому взрыву в следующую археологическую эпоху – эпоху бронзы (II тыс. до н.э.). Степи Центрального Казахстана стали центром мощного объединения племен, известного в археологии под условным названием – «андроновская культура». Сотни поселений, протогородов, с широко освоенной сельскохозяйственной округой, тысячи древних погребальных конструкций остались с тех далеких времен. Самое большое количество археологических памятников относится к эпохе бронзы. По многим показателям II тыс. до н.э. было временем расцвета степной цивилизации. Высокая плотность населения. Поселки стоят по берегам степных рек и речек буквально через каждые 20-30 км. Андроновцы были земледельцами, горняками, металлургами, занимались пастушеским скотоводством. Они первые, кто в степи стал возводить города с крепостными стенами, обнесенными глубокими рвами. Удивительна соразмерность и точность планировки, стройность и рациональность архитектурного решения. Ранние протогорода открыты на Тоболе, Ишиме. Среди них есть уникальные объекты, прочно вошедшие в мировую археологическую науку – Кент (Каркаралы-тау), Аркаим (левый приток Тобола) и Синтасты (Синташта-правый приток Урала). Это градостроительные комплексы, сочетающие в своей структуре жилые дома, культовые постройки, мастерские с остатками медеплавильных, гончарных печей. Это комплексы с автономным водоснабжением в виде каналов, колодцев, несмотря на компактность проживания решены необходимые

санитарные нормы. Все его компоненты настолько взаимосвязаны и дополняют друг друга, что складывается впечатление, что город строился сразу по единому проекту, по плану, который уже существовал в идеале у зодчего. Эти ранние города, возведенные в глубине евразийского материка по возрасту древнее легендарной Трои, воспетой Гомером.

Сквозь дымку веков проступают не только древние города. Удивительно, что в градостроительной практике нашего столетия как новаторство и рациональное решение претворены новшества которые были изобретены андроновцами 4 тыс. лет назад.

При раскопках таких крупных поселений как Саргары на р. Ишим, Атасу - на одноименной речке, археологами открыт принцип застройки микрорайонами, в виде комплекса жилых и хозяйственных построек, соединенных различными переходами. И эти «микрорайоны» перекрыты единой крышей. В домах открыта система отопления, известная как «теплый пол». Это узкие канавки идущие от очага и зигзагообразно проложенные под полом.

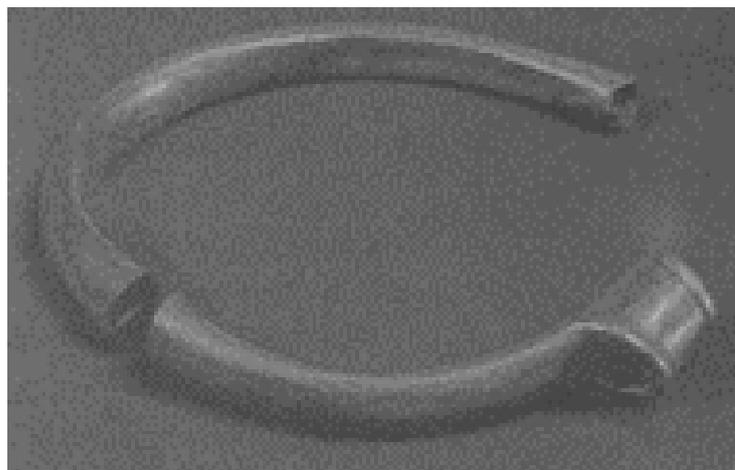
Исследования проведенные в области исторической лингвистики, археологии, этнологии не оставляют сомнений, что андроновцы – это исторические арии, известные науке по древнейшим письменным источникам «Авесте» и «Ригведе».

Авеста и Ригведа – сборники религиозных гимнов древних ариев хранят бесценную информацию по истории, культуре, мифологии населения степной Евразии II тыс. до н.э. В них в поэтизированной форме описаны быт, нравы, мечты и чаяния древних ариев. Описание «Арья Вэйджу» – великого арийского простора – их исторической Родины во многом совпадает с географическими, климатическими условиями центральноказахстанских степей.

На Ишиме, Тоболе, Нуре раскопаны курганы воинов древних ариев с остатками колесниц, скелетами лошадей, на черепках которых сохранились костяные псалии. Умерших сопровождает обильная пища, личное оружие: бронзовое копьё, кинжал, лук со стрелами. Эти находки документально подтверждают тексты священных писаний Авесты.

Открытия археологов свидетельствуют о высоком уровне цивилизации древних ариев (андроновцев), об освоении ими огромного пространства от Западносибирской лесостепи до пустынь Восточного Туркестана, о предпринимаемых ими трансконтинентальных миграциях из глубин центральноказахстанских степей до северных пределов Индостана, далеко на восток до Синьцзяня (могилы с белокурыми мумиями открыты китайскими археологами в северо-западном Китае).

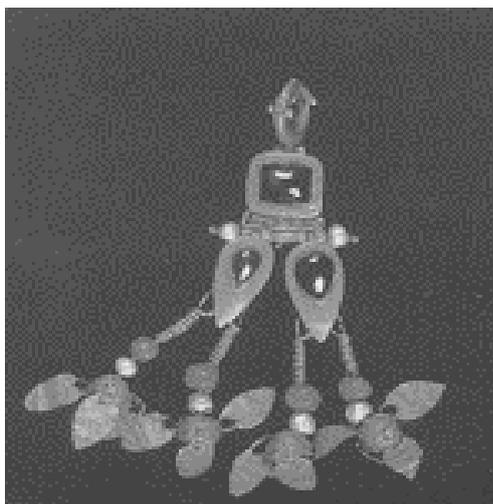
Андроновцы – создатели городов являлись современниками крито-микенской культуры, стоявшей у истоков европейской цивилизации. Андроновцы – первые горняки азиатских степей, они изобрели технологию изготовления первого прочного металла – бронзы, сконструировали печи, в которых плавил руду. Могущество их основывалось на разумном использовании природных богатств. Они были первыми добытчиками древнего олова на Атасу и Калбе и Нарыме в Восточном Казахстане. Олово с химическим составом казахстанского происхождения обнаружено далеко у западных пределов Евразии на Днепре, Северном Кавказе.

Браслет с раструбом. Могильник Айбас-Дарасы. XIII – X вв. до н.э.

Андроновцы были первыми золотодобытчиками. Их шахты открыты в золотоносных месторождениях Степняка, Бестюбе и Аксу. Этот теплый, красивый металл украшал андроновских женщин. И подтверждение этого в сотнях вскрытых археологами курганах, где остались украшения из бронзы и золота. Количество их таково, что ученые смогли реконструировать одежду и моду древних андроновок (андроновских модниц). Как в любом традиционном обществе одежда являлась социально-возрастным маркирующим символом, т.е. одежда головной убор девочек отличался от наряда взрослой девушки, зрелой женщины. Сквозь дымку веков все ближе и явственнее проступают наши далекие предки...

Тысячу поколений, передавшие нам нашу Землю, на каждом витке истории делали свои первые шаги в сторону прогресса. Все, что было достигнуто андроновцами, в следующем тысячелетии привело к появлению ранних государственных объединений в степной Евразии.

Серьги. Случайная находка у озера Батыр, III в.

Самоназвание, или этноним потомков древних ариев Центрального Казахстана пока не известно, возможно, это исседоны и аримаспы (конные арии). Археология предлагает условное название этого народа – тасмолинцы, тасмолинская археологическая культура, по месту первых наиболее значительных открытий их культуры в могильнике Тасмола на р. Шидерты. Тасмолинцы жили три тысячи лет назад, в I тыс. до н.э. Они были современниками скифов, саков, савроматов, сарматов – воинственных кочевых объединений создававших угрозу переднеазиатским цивилизациям и античным государствам. Они прочно охраняли рубежи своей Родины и даже могучие армии древнеперсидских царей Дария I, Кира II, покорившие полмира и ни греческие фаланги Александра Македонского не смогли проникнуть на евразийский материк. Среди этих бесстрашных народов были и тасмолинцы. Особенно ярко их участие проступает в создании мощи двух этноплеменных подразделений, властвовавших в Древнем мире с конца I тыс. до н.э. – до середины I тыс. н.э. – сарматов и хунну.

Не надо представлять себе кочевников в виде бесконечно перемещающихся в пространстве неуправляемых орд, периодически возглавляемых жестокими и властными царями (деспотами). Экологические условия заставили потомков андроновцев – тасмолинцев заниматься преимущественно скотоводством. Но у них были и поселения. Раскопки их ведутся на р. Чаглинке, в Каркаралинских горах.

На реке Ишим, у южной кромки западносибирской лесостепи открыты и раскопаны крепости, являвшиеся форпостом северных рубежей тасмолинцев. В многочисленных курганах в степной полосе

Центрального Казахстана остались могилы воинов, кузнецов, ювелиров, знатных женщин, жриц, шаманов.

Тасмолинцы были народом, поклонявшимся Солнцу. Об этом свидетельствуют уникальные по архитектуре и планировке конструкции, известные в археологии как «курганы с «усами». Это обычные насыпи, возведенные из камня, но от их подошвы в восточном направлении отходит пара дугообразных каменных дорожек. Длина дорожек 40-200 м. Известны редкие сооружения, каменные гряды которых достигают 300 м. Каждая дорожка – это не просто хаотичный наброс камней. В древности они имели особую архитектуру, заканчивающуюся на концах круглыми конструкциями. В этих сооружениях могилы людей очень редки. В основном под насыпями обнаружены следы долго горевших костров в виде прокаленного грунта, золы, угля, глиняная посуда и захоронения лошадей. Часто черепа лошадей в полной сбруе сопровождают и могилы тасмолинцев. Во всей степной Евразии культ коня наиболее ярко представлен именно у центральноказахстанских племен. Вспоминаются слова античного историка Геродота, писавшего о кочевниках Азии: «поклоняются Солнцу и самому быстрому на небе жертвуют самого быстрого на Земле – коня».

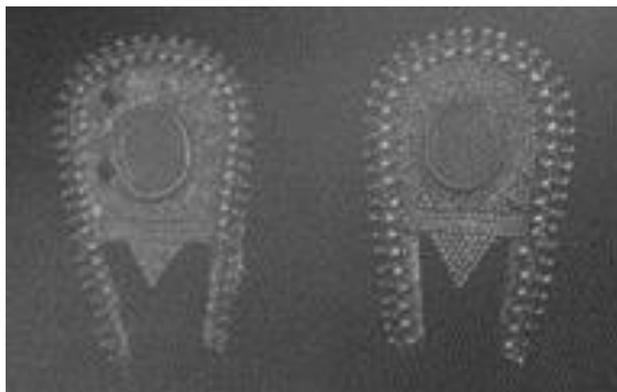
Тайна древних каменных конструкций еще не разгадана. Появились первые археоастрономические исследования, которые доказывают, что эти монументальные сооружения, как правило, возведенные на могильных полях, были не только поминально-культовыми постройками, но и древними степными обсерваториями. На них в течение сотен лет шло наблюдение за небесными светилами. Это были первые научные лаборатории, свидетельствующие о высоком уровне знаний тасмолинцев. И это не должно вызывать удивление, т.к. необходимость ориентироваться в бескрайних степных просторах и не только знание пространства известного с детства, но и умение найти дорогу в далеких путешествиях, заставляло наших далеких предков в поисках ориентиров обращать свой взор к звездному небу.

Небо с созвездиями, очерчивающими годовой путь Солнца и Луны – это был главный учебник, азбука наших предков. Наблюдения за ритмом его жизни велись с глубокой древности, как считают ученые уже с эпохи палеолита. И эти знания накапливались и передавались из поколения в поколение. Во все археологические эпохи существовали свои стационарные обсерватории, подобные знаменитому Стоунхенджу, на которых интеллектуальная элита вела наблюдения за Небом. Одним из таких объектов вполне могли быть и курганы «с

усами» Центрального Казахстана и как своеобразный календарь древних кочевников Казахстана они служат до сих пор. Надо только обратиться к ним. Удивительный мир тасмолинцев, запечатленный в конструкции их курганов, в образах и сюжетах его искусства, в высоком уровне военного дела напишет еще не одну страницу славной истории степных народов.

В истории степных номадов Казахстана теряются нити деяний одного из легендарных этносов древности – хуннов (по китайским источникам), гуннов (по европейским письменным сведениям). Миграция этих племен с глубин Центральной Азии на запад, положившее начало т.н. Великому переселению народов, таит в себе много загадок. Не известны еще пока истоки культуры хуннов, не известны их исторические судьбы. Многие элементы тасмолинской культуры имеют сходство с культурой хуннов. Это проблема, над которой еще предстоит работать.

А пока нам известны редкие, но уникальные по содержанию погребения хуннского времени в казахстанских степях. И самое знаменитое среди них – это могила, вскрытая на берегу оз. Боровое в 1949 г. Уникальные по художественному достоинству предметы украшений, вооружение, бронзовый котел – свидетельствуют о высоком социальном ранге погребенного здесь человека. Аналогичные находки, без упоминания которых не обходится ни одно научное издание, посвященное хуннской проблематике – это курганы Кара-агаш, Канатгас, где обнаружены золотые предметы украшения короны – символа власти.

Бляхи подковообразной формы. Случайные находки у озера Боровое. III-V вв.

Благодаря нелегкому труду археологов пишутся страницы древней истории Казахстана, народы которого с древнейших эпох имели свою самобытную культуру, были создателями степной цивилизации Евразии, которая считается ярким вкладом в общечеловеческую историю и культуру.

К ПРОБЛЕМЕ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ГОРОДСКОЙ КУЛЬТУРЫ САРЫ-АРКИ

(Степной край Евразии: историко-культурные взаимодействия и современность: Междунар. Евразийский форум: Тезисы докл. исообщ. III науч. конф. (Астана, 2003 г.) / Под ред. А.П. Толочко; Евразийский ун-т им. Л.Н. Гумилева; Омск. гос. ун-т; Томск. гос. ун-т. – Астана, Омск, Томск, 2003. – С.10–13.)

Изучение средневекового города – актуальная проблема казахстанской археологии. За последние четверть века, благодаря организации крупномасштабных и планомерных археологических работ, на юге Казахстана открыта и исследована целая эпоха средневековой истории Евразии. Получен комплекс знаний, который можно обозначить емким культурно—историческим понятием “Великий шелковый путь”. На ветку трансконтинентального торгового пути, объединявшего в средние века отдаленные регионы Центральной Азии со Средиземноморьем, Византией, Балканами, нанизаны крупные города Южного Казахстана. Приоткрыта завеса над историей, хозяйственным освоением, материальной культурой, и культурой жизнеобеспечения средневековых земледельческих цивилизаций. Произведены раскопки крупнейших городов и некрополей Отрарского оазиса, Чу-Таласского междуречья. Намечены новые направления и перспективы исследования проблем средневековой урбанизации.

В Северном и Центральном Казахстане значительных успехов достигла казахстанская археология в изучении истоков урбанизации – в исследовании городской культуры эпохи бронзы и античного времени. В настоящее время установлено, что зарождение городской цивилизации в степной зоне Евразии происходило синхронно с нижними пластами всемирно известной Трои (II тыс. до н.э.). Урало-Казахстанскими археологами открыты и изучены древнейшие укрепленные поселки бронзового века, которые названы ими “протогородами” (Зданович, 1997; Варфоломеев, 1992). Это такие крупные фортифицированные центры, как Синташта и Аркаим, расположенные в бассейне Тобола, Новоникольское и Петровка на реке Ишим, Кент в Каркаралинских горах. В городской округе изучены следы разнообразной хозяйственной деятельности (рудники, поля древнего земледелия), грунтовые могильники и культовые объекты.

В настоящее время материалы этих протогородов вызывают большой интерес у специалистов-археологов и историков и широко привлекаются в этнокультурных реконструкциях и археологическом моделировании исторического процесса в евразийской степи в бронзовом веке. Открытие древних протогородов является ярким свидетельством включенности евразийских степей с глубокой древности в единое цивилизационное пространство культурно-исторических достижений.

Следующий этап появления поселений с оборонительными укреплениями относится к раннему железному веку. Они расположены на высоких участках террас или на береговых мысах, откуда открывается вид на широкую речную пойму. Городища раннего железного века имеют фортификационные укрепления геометрически правильной формы, с регулярной внутренней застройкой, продуманной архитектурой жилых и культовых сооружений. К числу интересных археологических объектов раннего железного века относится городище Ак-Тау, исследованное на реке Ишим (Хабдулина, 1993). В архитектуре и планировке города повторяется древняя традиция характерная для городов степной зоны Евразии – сочетание в одной конструкции жилых и оборонительных функций. Города-крепости раннего железного века являлись центрами обширных сельскохозяйственных районов. Рядом с ними находятся крупные для своего времени некрополи. Расположение городищ в географически и топографически удобных местах, находки импортных вещей в культурных слоях свидетельствуют о вхождении их в разветвленную систему трасс Степного шелкового пути, пронизывавших с глубокой древности Евразию в меридиональном и широтном направлениях.

В средние века в период возникновения и функционирования тюркских государств степные просторы Сары-Арки являлись родиной различных кочевых племен и этносов, оставивших многочисленные города.

Средневековая городская культура Центрального Казахстана – практически неизученный раздел археологии Восточной Евразии. При создании сводного труда по археологии степного средневековья «Степи Евразии в эпоху средневековья» (1981), оседлым памятникам Центрального Казахстана посвящена одна страница. Она написана на материалах добытых разведочными работами А.Х. Маргулана в 40-50-е годы. При обследовании Сары-Арки им были открыты десятки

средневековых городищ и поселений, расположенных вдоль речных трасс и удобных оазисах. Более подробно были изучены города западной части Сары-Арки, локализованные на меридиональном ответвлении караванного пути, ведущего из Южного Казахстана в Дешт-и-Кипчак по реке Сарысу, притоку его Кенгиру, на Нуру и Ишим.

А.Х. Маргуланом дана первичная систематизация, типология и хронология памятников оседлой и городской культуры степной зоны Казахстана. Выявлено их своеобразие и архитектурно-планировочное отличие от средневековых городов юга Казахстана и Средней Азии, указано на сходство с типом городищ, распространенных в Семиречье (торткули). По мнению исследователя своеобразие степной городской культуры связано с природной средой и формой хозяйства.

Помимо общего отличия и своеобразия городов в рамках обширного географического региона А.Х. Маргуланом в пределах Центрального Казахстана были выявлены локальные микрорайоны. По итогам разведочных работ 1947 года он пишет о типологическом единстве средневековой городской культуры Нуры-Ишима, тяготении её к оседлым памятникам Иртышского низовья и отличии от городской культуры Сарысу –Улутауского района (Маргулан, 1949). Изучение топонимики, исторической географии обусловили отождествление многих археологических городищ с городами арабоязычной географической литературы.

40-50-е годы можно считать этапом первоначального накопления материала и его первичной систематизации и осмысления.

Раскопки на ряде городищ Центрального Казахстана были предприняты в 80-90-е годы XX века отрядом Центрально-Казахстанской археологической экспедиции. Итогом этих работ явилась кандидатская диссертация Ж.Е. Смаилова (1997). Изучению подверглись памятники западной части Сары-Арки (Аяккамыр, Баскамыр, Алаша-хан). Была установлена хронология городищ. На основе изучения исторической географии выделены два этапа расцвета городской и оседлой культуры Улутауско-Жезказганского района. Предложена трактовка этнокультурной принадлежности ранних из них - огузам, которые в 8-10 веках основали многочисленные города севернее Аральского моря. Второй этап расцвета городской культуры, по материалам исследователя, приходится на 13-15 века, когда выделенный им Улутауско-

Жезказганский район становится центром улуса Джучи и его потомков (Смаилов, 1997).

Таково на сегодняшний день состояние изученности средневековой городской культуры степной зоны Казахстана. Первые небольшие раскопы, картирование объектов степной городской культуры, попытки их отождествления с городами, известными по письменным источникам 11-13, 18-19 веков коснулось памятников бассейна Сарысу и его притоков.

В изучении средневековой городской культуры Сары-Арки актуальны: картографирование памятников, типология и районирование, выявление особенностей исторической топографии, определение хронологии и периодизации, этнокультурной принадлежности. Архитектура и планировка культовых и жилых объектов, строительный материал и зодчество. Соотношение города и сельской округи, способы ведения хозяйства. То есть комплекс задач, связанных с накоплением материала. Несомненно, накопление артефактов заставит по-новому осмыслить затянувшийся спор о сущности кочевого скотоводства о стадийном характере кочевых обществ, о существовании или исторической невозможности перешагнуть рубеж государственного устройства, об уровне цивилизационного развития степных этносов.

Большую роль в решении этих проблем приобретают планомерные и крупномасштабные раскопки городища Бузок, открытого Ишимской археологической экспедицией в долине реки Ишим, 5 км западнее г. Астаны. Исследование даже одного памятника – это значительный вклад в средневековую историю Казахстана. В итоге четырехлетних работ (1999-2002 гг.) расширились наши конкретные знания по архитектуре, планировке, строительному делу, уровню ремесленного производства, особенностям хозяйственной деятельности степных племен Центрального Казахстана. Духовная культура реконструируется по погребальному обряду. Уточняются наши представления о времени проникновения и роли ислама в среде кочевников глубинных степных регионов Казахстана. Анализ всего комплекса разнообразной информации станет основой этнополитических и этнокультурных реконструкций.

При исследовании городища Бузок применяется методика вскрытия широкими площадями (за четыре года раскопано более 4 тысяч кв.м), что позволяет получить горизонтальную и вертикальную

стратиграфию. Метод дешифровки аэрофотоснимков с последующим визуальным осмотром уточнил планиграфическую структуру городища. Обнаружен сельскохозяйственный “посад” в виде остатков жилых конструкций, примыкающих с юга к оборонительным укреплениям. Открыты следы агроирригационной планировки, требующие дополнительного исследования. Метод археологической реконструкции на основе обобщенного анализа археологического материала и письменных сведений о военном деле кипчаков-половцев-команов позволил создать первый вариант реконструкции облика средневекового города Степи. Применение методов анализа естественных наук обосновало приемы и технологию изготовления строительного материала – кирпича, из которого возведены мавзолеи и культовые сооружения городища Бузок. Планируется проведение палеоантропологического анализа.

В результате предварительного анализа артефактов установлено, что городище Бузок – это крупный культовый и ремесленный центр Верхнего Приишимья X – XII веков.

Несомненно, Бузок играл важную роль в духовной жизни населения как мусульманская святыня, куда приходили на поклонения, устраивали поминки и тризны, народные игры и состязания. Он служил местом стоянки и ночлега караванов и путников, являлся важным географическим ориентиром, что имело в степи жизненное значение.

Бузок стоял на перекрестке караванных путей, ведущих с севера на юг – по Ишиму – Нуре – Кургалжын – Сарысу – Сыр-Дарья; с востока на запад: Монголия – Алтай – Хазария – Булгар – Русь. Город возник в X – XI вв, в период интенсивного усиления военно-политического объединения в Дешт и-Кыпчаке племен и народов, носивших по письменным источникам собирательный этноним «Кыпчак».

Наши целенаправленные исследования по средневековой городской культуре Сары-Арки привели к открытию ряда городских центров, упоминания о которых сохранились в различных письменных источниках.

На «Каталонской карте мира», составленной в 1375 году, в районе низовьев реки Нуры (Коргалжын) и среднего течения реки Ишим (Караоткел) указан город Ахсикет. А.Х. Маргулан отождествляет его с городищем Ботагай = Батакай. На этой же «Карте» в низовьях реки Торгай помещен город Конгликет. А.Х.

Маргулан этот термин восстанавливает как Канглы-кент (Шмидт, 1897, с.112; Маргулан, 1978, с. 9-10).

Шараф ад-Дин Али Йазди – персидский автор XV века в сочинении «Зафар-наме» на реке Ишим помещает города-ставки Акзират, Бестерек, Далба (Маргулан, 1978, с.14).

По доступным сведениям источников, можно считать вероятным, что раскапываемое нами городище в X – XII вв. было известно под именем Бузук (Бузок). Озеро, на берегу которого стоял город, до сих пор носит это название. Изменение названия города представляется в такой хронологической последовательности: Бузук (Бузок) в X – XII вв., (после его разрушения в XIII веке) – Ак-зират в XIV-XV вв. и Акмола в XVI – XVII вв.

Средневековый город с названием Астана упоминается в труде П.И. Рычкова. Он локализует его в урочище Байтак на берегу реки Большая Хобда (Актюбинская обл.). В 1750 г. П. Рычков писал, что это остатки крупного города, сохранились руины кирпичных зданий и водопроводных каналов (Рычков, 1762, с. 513).

Литература

Варфоломеев В.В. Кент как поселение городского типа // Маргулановские чтения. Тезисы конференции. Петропавловск, 1992.

Зданович Г.Б. Аркаим – культурный комплекс эпохи средней бронзы Южного Зауралья // Российская археология, 1997, №2.

Маргулан А.Х. Отчет о работе Центрально-Казахстанской археологической экспедиции в 1947 году // Известия АН КазССР. Серия археологич. вып.2. 1949.

Маргулан А.Х. Остатки оседлых поселений в Центральном Казахстане // Археологические памятники Казахстана. Алма-Ата. 1978, с. 9–14.

Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. Ч. 1. Санкт-Петербург, 1762.

Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. М., 1981.

Смаилов Ж.Е. Памятники археологии западной Сары-Арки (Средневековые города и поселения). Балхаш, 1997.

Хабдулина М.К. Городище Ак-тау как архитектурный комплекс // Знания и навыки уральского населения в древности и средневековье. Екатеринбург, 1993, с.112 – 143.

Шмидт Ю.А. О каталонской карте мира, найденной в библиотеке г. Модены // Записки Сибирского отделения Русского географического общества. Юбилейный сборник. Омск. 1897, с. 112.

СЕМИОТИКА ПЛАНИГРАФИИ КУЛЬТОВЫХ ПАМЯТНИКОВ ВОСТОЧНОЙ ЕВРАЗИИ

(в соавт. М.К. Хабдулина)

(История и археология Семиречья. Вып. 3. Сборник статей и публикаций. – Алматы, 2007. – С. 74–77.)

Реконструкция социально-экономических отношений древних обществ по археологическим источникам связана со многими объективными трудностями, особенно при отсутствии возможности проверки их письменными сведениями. Такое положение характерно для всей степной зоны Восточной Евразии.

Археологические источники – немые свидетели «блеска и нищеты» былых социокультурных систем. Для познания социальной развитости древнего общества, большие трудовые затраты которого вложены на сооружение памятников материальной и духовной культуры, необходима особая методика. Попытки создания её остаются одним из постоянных направлений теоретической археологии. Однако существуют опасения, что все социальные реконструкции, основанные на археологической информации, всегда будут оцениваться на уровне научных гипотез, в лучшем случае как стадия концептуальных разработок, как итог интерпретации современных знаний.

При этом постулируется тезис о прямой связи погребально-поминальных памятников (обрядов) с ранговым положением умершего в обществе. В качестве определяющих критериев привлекаются параметры памятников, техническая сложность надмогильного и могильного сооружения, количество труда, затраченного на их возведение, богатство и бедность погребального инвентаря, масштабы тризны и жертвоприношений. Не последнюю роль играет ранговая пространственная организация семейно-родовых и родо-племенных могильников, диагностирующих сложившуюся систему общественных отношений. Последняя из указанных проблем представляет наибольший интерес для нашей темы.

На основе археологического материала попытаемся рассмотреть вопросы планиграфической организации культовых памятников, в частности, закодированные в них – космологический и иерархический смыслы, допуская при этом, что пространственная организация элитных могильников – условный опознавательный знак (символ) существовавшей сословной структуры общества.

Археологические и иерархические символы непосредственно связаны с космологическими представлениями конкретных этносов.

Поэтому дешифровка и интерпретация их возможны через бытовавшие у древних представления об окружающей природной и общественной среде и сложившиеся у них знания, полученные при космогонических наблюдениях

Знаковые системы понятные и принятые древним обществом и получившие широкое распространение были следующие: *круг* - символ солнца, луны, бесконечности; *сферическая насыпь* – небесный свод, мировая гора; *крестообразная каменная выкладка* – стороны света; *четырёхугольник* – стороны света. Разновидности этих символов: *курган внутри каменного кольца* – небесный свод, солнце, луна; *крестовидная выкладка внутри круга* – солнце, луна и стороны света; *насыпь со множеством каменных колец или менгирных оград по периметру* – солнце, луна, звезды; *наконец, обособленный, отдельно стоящий обломок скалы, окруженный большим каменным кольцом с крестовой выкладкой внутри* – мировая гора, солнце, луна и стороны света. Последний символ имел обобщающее значение и содержал смысловую нагрузку планетарного мирозерцания.

Археологические ориентиры (символы), основанные на космологических представлениях, в приложении к социальной среде содержат уже иной семантический смысл: солнце, луна и звезды по масштабам - синонимы большого и малого, а большое и малое сопоставимо с высшим и низшим. Высшим сословием в обществе были вождь (царь), жрец, за ними – знать, воины, а низшим – народ, невольники, рабы. В соответствии с такой иерархической градацией располагались на пространстве могильника погребальные конструкции, соблюдалось ранговое местоположение, параметры и усложненность надмогильных сооружений и т.д.

При всем многообразии планировки погребальных памятников в пространственной организации элитных могильников, начиная с эпохи поздней бронзы, выделяются два доминирующих классификационных типа.

Первый – центрическая пространственная организация культовых памятников. «Царский» курган занимает господствующее (центральное) положение, вокруг него группируются остальные в соответствии с общественным рангом погребенных. В эпоху развитой (федоровская культура XV-XIII вв. до н.э.) и поздней бронзы (дандыбай-бегазинская культура XII-IX вв. до н.э.) – это могильники типа Аксу-Аюлы, Бугулы и Былкылдак (табл.1, рис.1, 2) (Маргулан, Акишев и др. 1966, 74: 12, 105: 35, 165: 77). В скифо-сакское время (VIII-IV вв. до н.э.) – памятники типа курганных могильников

Бесшатыр и Иссык (табл.1, рис.3, 4) (Акишев, Кушаев, 1963, 26; Акишев, 1978, 10).

Второй – линейный тип организации могильного пространства – «царский» курган во главе цепочки, остальные по рангу, южнее или севернее его. В эпоху поздней бронзы – это могильники типа Сангру (табл.2, рис.3) (Маргулан, 1979, 113: 80). В скифо-сакское время – насыпные курганы типа Кичи-ача в Кыргызстане (Табалдиев, 1996, 177: 1), Кзылауз (Акишев, Кушаев, 1963, 92, 73). В хунно-усуньский период (II в. до н.э. – V в. н.э.) – могильники типа Актас и Болексаз, расположенные в долине реки Кегень в юго-восточном Казахстане (табл.2, рис.1, 2).

Археологические ориентиры, приведенные выше, содержат кодовую информацию о структуре организации древних социумов. В топографии кургана на могильном поле отражен прижизненный статус погребенного в нем человека. В планиграфии сакрального пространства воспроизведена модель социальной действительности прошлого. Эту информацию дополняет яркий круг археологических памятников, диагностирующих мировоззрение, мироздание и календарное летоисчисление. Само возникновение календарной системы непосредственно связано с высоким уровнем стратификации древнего общества.

Интерес для темы настоящей статьи представляет космологическая организация элитных культовых памятников Восточной Евразии. Среди них наиболее примечательными являются «царские» курганы эпохи раннего железа (УШ–У вв. до н.э.): Беркара (Бабанская 1956, 192-193: 1,2), Жапырык (Ташбаева, 1996, 53: 5), известный большой Бесшатырский курган (Акишев, Кушаев, 1963, 28: 3), курган Салбык, раскопанный С.В. Киселевым в 1955-1956 гг. (Степная полоса азиатской части СССР...1992) (табл. 3, рис. 1-5). Композиционная и архитектурная сложность погребальных сооружений, обнесенных многорядовыми кольцевыми выкладками, менгирами, свидетельствует об устойчивой и сложной организации древних обществ, об упорядочении их социальной структуры. Геометрически правильно организованное сакральное пространство (в виде круга и квадрата) отражает понимание мира как упорядоченной системы и в целом воспроизводит концепцию единого систематического космического порядка.

Существующую в древности идею мироздания передает планиграфия памятника Баян, расположенного на северо-западных склонах гор Джунгарского Алатау. Это большой обломок скалы длиной

4 м, высотой 2 м, окруженный круглой каменной оградой (диаметром 25 м), внутреннее пространство разделено по осям на четыре сектора (табл.4, рис.1). Несомненно, «скала»-камень обозначала Мировую гору, ограда – знак Неба, небесного свода, линия восток-запад делила небесный знак на северную и южную половины. Линия с севера на юг делила его на восточную половину, где начинался восход солнца и западную, где солнце заходило. Этот памятник не единичен, аналогии ему известны среди погребальных конструкции ранних кочевников Тувы (могильник Шурмак-Тей; рис.4,3) (Степная полоса..., 1992, 423:2).

Значительно сложнее проблема дешифровки при переходе от простых космических символов (солнце, луна, звезды) к сложному коду летоисчисления, заложенному в планиграфии археологических объектов. К таким памятникам относятся Аржан, Улуг-Хорум и Кенес (табл. 4, рис. 2, 3, 4).

Планировка известного кургана Аржан блестяще исследована М.П. Грязновым (Грязнов 1980, рис.3). В Аржане за основу расшифровки взяты количество радиальных отсеков, заполненных «срубам»-клетями. Отсеки сходятся вершинами к центру бревенчатого погребального сооружения, где находилось царское захоронение. Подсчет производился по верхнему основному ряду трапециевидных камер, с которых начиналась конструкция всех радиальных строений. Всего погребальный комплекс Аржана состоял из 36-ти «конусов». Вероятно, это число не случайное. В древних цивилизациях Европы, Азии, Африки существовали календари, основанные на 9-10-11-12-ти дневных неделях отсчета времени. Если допустить, что аржанцы пользовались десятидневной неделей отсчета времени, то годичный цикл состоял из 360 дней.

Храм Улуг-Хорум, находящийся также в Туве, тщательно раскопан и интерпретирован А.Д. Грачем (Грач, 1980, 209-210, 71-72). Планировка Улуг-Хорума, по нашему мнению, повторяет Аржан, с той лишь разницей, что погребальные конструкции его возведены из камня. В Улуг-Хоруме радиально расположенные, трапециевидной формы, ряды также обращены к центру, к центральному захоронению. В храме Улуг-Хорум (по А.Д. Грачу), таких рядов – 32. Можно предположить, что годовой цикл состоял из 320-350 дней.

Курган Кенес, расположенный в Северном Казахстане, исследован М.К. Хабдулиной (Хабдулина, 1994). К сожалению, при разграблении его погребальные конструкции сильно разрушены. Но

планиграфияподкурганного бревенчатого сооружения аналогична архитектуре Аржана и Улуг-Хорума.

В планиграфической конструкции Аржана, Улуг-Хорума и Кенеса заложена информация не только о космологических воззрениях древних, но и о функционировании лунно-солнечного календаря летоисчисления у племен Тувы, Алтая и Казахстана в скифо-сакское время. Резюмируя изложенное, можно констатировать, что в бронзовом веке и в античное время у племен степной Евразии существовала «летопись», записанная в дереве и камне.

В предлагаемой статье поставлена цель обратить внимание коллег на археологические объекты, могущие быть ориентирами на пути научной разработки вопросов стратификации древних общественных систем. Генезис и динамика развития социумов – это другая теоретическая проблема.

Литература

Акишев К.А., Кушаев Г.А., Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР. 1963.

Акишев К.А. Курган Иссык. Искусство саков Казахстана. Москва: Искусство. 1978.

Бабанская Г.Г. Берккаринский могильник. Труды Института истории, археологии и этнографии, т.1. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР. 1956.

Грязнов М.П. Аржан. Царский курган раннескифского времени. Ленинград: Наука. 1980.

Грач А.Д. Древние кочевники в центре Азии. Москва: Наука. 1980.

Маргулан А.Х., Акишев К.А., и др., Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука. 1966.

Маргулан А.Х. Бегазы-Дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука. 1979.

Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР, Москва: Наука. 1992.

Табалдиев К.Ш. Новые сведения из области духовной и материальной культуры сакского времени Тянь-Шаня. Древний и средневековый Кыргызстан. Бишкек: Илим. 1996.

Ташбаева К.И. Археологические комплексы ранних кочевников Тянь-Шаня. Древний и средневековый Кыргызстан. Бишкек: Илим. 1996.

Хабдулина М.К. Степное Приишимье в эпоху раннего железа. Алматы: Гылым. 1994.

ЮВЕЛИРНОЕ ИСКУССТВО ДРЕВНЕГО КАЗАХСТАНА

(в соавт. Акишев А.К.)

Золото – один из первых металлов, освоенных человечеством. Ранние изделия из него относятся к эпохе энеолита, и уже тогда они выполняли в основном эстетические и культовые функции.

В древности золото не применялось для изготовления орудий труда. Для этого оно слишком мягкое и труднодоступное для добычи. Зато его высокая пластичность, стойкость к коррозии и, главное, замечательный мягкий цвет, подобный застывшему свету утреннего солнца, сделали золото первейшим материалом для ювелирного искусства. Золото сразу же было сакрализовано, а затем, с развитием товарообмена приобрело аксиологический статус, создавший фетиш «золотого тельца». Приходится сожалеть, что нынешние оценки золота как символа богатства, сокровища заслонили те качества металла, которые значимы в эстетическом плане. Золото, безусловно, красивейший металл, который когда-либо использовало человечество, а важнейшее его свойство – нетленность. Художественные изделия из золота в первоначальном виде приходят из глубин истории в современность.

Золото – «теплый» металл. Его цвет и фактура, матовая и мягкая, создают ощущение скрытой солнечной энергии. Такая психофизиологическая реакция универсальна и нашла выражение в лексике многих языков мира. Метафорические связи золота и золотого цвета с солнцем и огнем, с сопутствующими этим стихиям явлениями известны повсеместно. Последнее, в значительной мере еще до того, как золото стали считать драгоценным металлом и мерилем стоимости и было идеологизировано, получило метафорическое выражение. С золотом ассоциировались положительные явления, впоследствии получившие этическую окраску. отождествление понятий «красный», «золотой» и «благой», «превосходный» стало устоявшимся. Для примера, вспомним смысл выражений «золотые руки», «золотое сердце», «золотой человек» или аналогичные значения прилагательных красный, красивый, прекрасный, превосходный и т.д. Такие идиомы существуют во многих языках мира.

Говоря об искусстве «золотых дел мастеров» древнего и средневекового Казахстана, нужно помнить, что творения их «золотых рук» невозможно оценить стоимостью тех граммов желтого

металла, который они использовали. Оценка их произведений, а некоторые из них являются выдающимися сокровищами мирового искусства, должна учитывать следующие обстоятельства: символический смысл изделия, символику, связанную с золотом, мастерство художника.

Что такое «золото в степи»? – вопрошает ваханская загадка¹. Ответ: заход солнца. С тех пор, как человечество узнало золото, миновали тысячелетия. Сменялись племена и народы, рождались и угасали искусства и стили, но всегда люди в блеске золотых изделий узнавали отсвет солнечных лучей – восходы и закаты светила, утверждающего жизнь. В этом отношении любое древнее искусство – солнечное.

«В своей высшей чистоте желтый всегда обладает светлой природой и отличается ясностью, веселостью и мягкой прелестью... Золото в совершенно чистом виде дает нам, особенно если еще присоединяется блеск, новое и высокое представление об этом цвете». (И.-В. Гете).

Все собранные здесь золотые изделия происходят из археологических раскопок на земле Казахстана. Сейчас они хранятся в разных музеях страны, и хотя это только часть древнего казахстанского золота, они дают возможность нарисовать в общих чертах историю развития декоративного искусства в крае на протяжении более чем трех тысячелетий (конец 2 тыс. л. до н. э. – 12-14 вв. н.э.) Выражения «декоративно-прикладное» и «ювелирное» искусство, которые будут употребляться в изложении, очень неполно отражают особенности древнего творчества. Они заимствованы из морфологии современных искусств. В некоторые периоды истории «прикладное искусство» было основным видом изобразительного искусства, выполняющим разнообразные функции и наделенным сложной семантикой. Так, например, для «звериного» стиля ранних кочевников применим термин «сакрально-прикладное искусство», причем изделия интерпретировались на основе мифологии, имели магическое значение, выполняли функции этнических, социальных, военных, религиозных и прочих символов.

Второе, что следует оговорить, связано с известной ограниченностью материала. Еще многие и многие шедевры древнего искусства скрыты в казахстанской земле, а прочие по разным причинам не могут быть здесь представлены. Так, например, значительная часть памятников, собранных в знаменитой Сибирской

коллекции Петра I², происходит из курганов Восточного Казахстана, раскопанных в 18-19 веках «бугровщиками». Однако, определение их очень затруднительно. Огромное количество находок из курганов Казахстана было, по всей вероятности, переплавлено или бесследно пропало. Добыча золота «бугровщиками» носила почти промышленный характер, а ведь многие погребения подвергались ограблению еще современниками. Широкие археологические раскопки в Казахстане в советское время значительно обогатили сокровищницу древнего искусства, рассредоточенную сейчас между Эрмитажем, музеем археологии АН Казахстана и Центральным государственным музеем Казахстана. Практически ежегодно происходят новые открытия, и они участились в связи с новостроечными работами в республике, в ходе которых разрушаются десятки археологических памятников. К сожалению, некоторые вещи попадают не к ученым.

Обилие золотых изделий, происходящих из Казахстана, указывает на существование здесь древних разработок золота. И действительно, древние выработки золота обнаружены в Восточном и Центральном Казахстане³, в Восточном Семиречье (регион Джунгарского Ала-Тау). Самые ранние из них относятся к эпохе бронзы. Впрочем, некоторые изделия могли быть импортными или изготавливались из золота, получаемого в ходе обмена: из Восточного Туркестана, Средней Азии.

Древнейшие истоки ювелирного искусства (эпоха бронзы: XIV – IX вв. до н.э.)

«Золото, которое рождено из огня, бессмертное держится над смертными.

Только тот достоин его, кто его постиг.

Смерть от старости достается тому, кто носит (его)

Золото – цвет его от солнца и прекрасен,

Которое люди издревле искали со (своим) потомством,

Оно, сверкающее, соединяет тебя с блеском

Долголетним бывает тот, кто носит (его)»

(Атхарваведа, XIX, 26, 1-2)

Этот «гимн» (сукта), по всей видимости, древнее времени кодификации Атхарваведы – собрания индийских заговоров начала I тысячелетия до н.э.⁴. Не исключено его общеиндоевропейское

происхождение. Выбран он не случайно: по существующей гипотезе Казахстан был родиной ираноязычных и, может быть, индоираноязычных и других индоевропейских (тохарских) народов во 2 тысячелетии до н.э. Через территорию Казахстана, Средней Азии и Восточного Туркестана иранские арии и индоарийцы прошли на пути в Южную и Переднюю Азию. Вероятно, какая-то часть ведических гимнов создавалась на северной прародине ариев, а прасаки и саки внесли свой вклад в сложение комплекса верований, позднее кодифицированных в зороастризме⁵. Судя по раскопкам грандиозного становища эпохи энеолита – ранней бронзы Ботай в Северном Казахстане, этот край был важнейшим центром доместикации лошади, освоения ее под верх и коневодства⁶. Не исключено, что отсюда, уже во 2 тысячелетии до н.э. племена, говорившие на тохарских языках, распространили терминологию, связанную с лошадьми, вглубь Восточного Туркестана и вплоть до Восточного Китая. Аналогичную роль позднее сыграли восточно-иранские сакские народы, расселившиеся еще шире, языковые компоненты которых найдены даже в Крорайне (северо-западный праkrit) и, вероятно, были в Сибири и Центральной Азии.

Уже в X – VII вв. до н.э. от пра-саков Южного Казахстана и Семиречья отделились хотано-сакские племена. Памятники сакских языков зафиксированы сравнительно недавно, относятся к V – X вв. н.э. и обнаружены в Восточном Туркестане, на юге Казахстана и в регионе Гиндукуша⁷.

С индоиранскими этносами отождествляют племена, оставившие андроновскую культуру эпохи бронзы. Основной ареал памятников этого типа был сосредоточен в Центральном Казахстане, хотя восточнее андроновские памятники встречаются вплоть до района Кемерово, западнее – до левого берега Аму-Дарьи, севернее – до Приуралья, южнее – до Синьцзяна и Северного Афганистана.

Сакские культуры, появившиеся в Казахстане на рубеже I тысячелетия до н.э., даже если допустить, что они не были прямыми потомками андроновцев, в любом случае, должны были прийти не на опустевшие земли. Они, несомненно, усвоили достижения досакской культуры. Несомненно, что часть технологических приемов и навыков композиционного построения саки восприняли у андроновцев. Это справедливо и для декоративно-прикладного искусства, хотя трудно усмотреть какие-то фигуративные соответствия между меандровыми и геометрическими орнаментами

эпохи бронзы, ее мелкой костяной и каменной пластикой и скифо-сибирским «звериным» стилем сакской эпохи.

Репертуар известных типов золотых изделий андроновской культуры немногочислен. Большинство их встречено в относительно богатых захоронениях, следовательно, уже тогда обладание золотыми вещами было показателем определенного положения в обществе. Так, например, уже у индоиранцев золото символизировало принадлежность к сословию (варна или пиштра) воинов, а с возникновением ранних форм государственности – к правящему, царскому роду.

Кстати говоря, индийский термин «варна», так же как и иранский «пиштра», означает «цвет». Символом варны (пиштры) воинов считался красный цвет и золото, что определило соответствующие наборы сословных аксессуаров. По интересной мысли К.Ф. Смирнова и Е. Е. Кузнецовой⁸, такой символизм существовал уже в эпоху бронзы. Андроновские золотые украшения - это принадлежность элиты. Среди них наиболее часто встречаются серьги в виде колец с сомкнутыми концами. Они изготавливались из медной проволоки, которая затем покрывалась (обертывалась, плакировалась) тонким золотым листом, полировалась кожей и замшей. Носили такие серьги и мужчины и женщины, другой тип серег, часто встречающийся в центрально-казахстанских комплексах, так называемые серьги с раструбом. Один их конец заужен как втулка, а другой сформулирован в виде конического приемника – раструба. Такие серьги были распространены широко и встречаются не только в андроновских погребениях, но и в других памятниках культур эпохи бронзы Средней Азии и Сибири.

Серьги в полтора оборота, свернутые из прогнутых узких золотых пластин – также широко представлены в андроновской культуре и могут считаться ее археологическим символом. Среди них золотые очень редки, как, впрочем, и другие типы серег, преобладают медные.

Эти украшения очень просты и не несут никакого декора. Интересны они в связи с применением приема плакировки золотом, то есть, по сути дела, маскировки меди «под золото», что свидетельствует о ценности этого металла.

Плакировка позднее, равно как и дутые и литые позолоченные изделия, получила расцвет в искусстве ранних кочевников и не последнюю роль в этом сыграл дефицит золота.

В орнаментации керамики и резных изделий из кости господствуют геометрические мотивы: меандровидные орнаменты, фестоны «треугольников», сделанных гребенчатым штампом. Композиции на сосудах имеют регистровое построение, раппорты комбинируются в переносной симметрии, орнаментальные элементы - в поворотной симметрии 2-го порядка. На сосудах из комплексов поздней бронзы (дандыбай-бегазинская культура) декор организуется иногда по принципу орнаментальной сетки.

Эти же фрагменты встречены на некоторых золотых изделиях – обоймах, булавах, пластинах. Их наносили гравировкой. Интересен золотой трубчатый браслет из богатого алакульского погребения в Центральном Казахстане. Сохранились две его части (третья утеряна?) – толстые, слегка уплощенные трубки, свернутые из золотого листа. На конце одной из них – напаянный литой цилиндрический раструб с гравированным узором в виде заштрихованных треугольников. Противоположный конец этого звена браслета несет такой же орнамент. Здесь имеется золотой гвоздик, которым крепилось недостающее звено. Может быть, оно надевалось на деревянную втулку. Второе звено, вероятно, вставлялось в раструб. Браслет был разъемным. Его можно считать одним из прототипов разъемных трубчатых гривн, распространившихся в скифо-сакском мире.

Фигуративные орнаменты в декоративном искусстве культур степной бронзы не были распространены. Изображения животных в монументальном искусстве петроглифов, датирующихся эпохой бронзы, скорее всего, нельзя принять за непосредственные истоки скифо-сибирского «звериного» стиля в прикладном искусстве, характеризующегося исключительно своеобразной экспрессивной орнаментальной деформацией. Ближайшими к Казахстану районами, где существовали зооморфные орнаменты, является Средняя Азия (там они распространены, по крайней мере, с неолита) и Западная Сибирь, где «звериный» декор существовал в синхронной андроновской культуре карасукской культуре, центрально-азиатской по происхождению. Тем интереснее находки 1980 г. в Восточном Семиречье. Здесь в Капальском районе Талды-Курганской области был раскопан могильник Мын-Шункыр, относящийся к эпохе бронзы⁹.

Семиреченские памятники этого времени отличаются от андроновских. Поэтому их выделяют в особую семиреченскую

культуру эпохи бронзы. В погребении Мын-Шункур в погребальной конструкции в виде многокамерной ограды и цисты были обнаружены останки трупосожжения и инвентарь – сосуд, две золотые серьги. Одна из них – плакированная золотом, ничем не отличается от кольцевидных андроновских, Другая, литая в специальной форме, имеет крепление типа «втулка-раструб». Внутри кольца – две фигурки стоящих коней. Изображения схематичны и стилизованы: гипертрофированная шея с гривой, разделенной на пряди, длинная морда, несколько загнутая вниз, круглые глаза. Изображения, очевидно, вырезались и высверливались в мягкой каменной форме для отливки изделия и впоследствии его подвергали ковке. Фигурки коней представляют собой двусторонние рельефы. Стилистически они совершенно аналогичны изображениям коней на навершии бронзового ножа (сейминско-турбинская культура), найденного на Дону и близки многим изображениям карасукской культуры Забайкалья. Но, пожалуй, самые интересные параллели происходят, с одной стороны, из Центральной Азии, где подобные серьги или височные кольца с изображениями животных выгравированы на «оленных камнях»¹⁰, с другой, - из Ближнего Востока, где подобная манера изображения известна с 3 тысячелетия до н.э. (печати типа «Керкук») и продолжала свою жизнь во 2-1 тысячелетиях (луристанские бронзы, Загрос и др.)¹¹.

Серьга из Семиречья должна, по всей вероятности, датироваться как большинство «оленных камней» - досакским временем, может быть, XII-XI вв. до н.э. следует заметить, что «оленные» изображения в настоящее время найдены в Южном Казахстане (Каратау, Аксу-Джабаглы, Джунгарский Алатау). Судя по разным данным, стиль «Оленных камней» из эпохи бронзы перешел в искусство саков, наложив отпечатки на особенности ранних произведений. Ближневосточные параллели нашей серьги указывают направление западных связей карасукской и подобных культур, к числу которых следует отнести и семиреченскую.

Мотив двух коней впоследствии проходит через всю историю скифо-сакских и многих иных культур индоиранских этносов. Он существовал и в средневековье и в традиционном искусстве, причем, повсеместно имел солярную символику и связывался с культами божественных близнецов¹².

«Золотой век» саков

«Область, где обитают грифы и находятся золотые рудники –
пустыннойшая.

Поэтому, желающие добыть металл, о котором идет речь,
отправляются туда, снаряженные (всем необходимым),
по тысяче и две, приносят заступы и мешки и копают, дождавшись
безлунной ночи.

И если уходят от грифов, то достигают двойной выгоды:
и сами остаются живыми и уносят домой ношу(золота).
Те, кто научился очищать золото, выплавляя его каким-то своим
способом,
приобретают себе путем этих опасностей огромные богатства»
(Элиан. IV, 27)

Этот пересказ Эллианом «Индики» Ктесия (конец V - начало IV вв до н.э.) воспроизводит полулегендарные - полумифические сообщения бактрийцев и имеет прямое отношение к Казахстану, Южной Сибири и Средней Азии¹³.

Как полагают многие ученые «стерегущие золото грифы» и похищающие у них золото аримаспы, о которых, ссылаясь на сведения недошедшего до нас сочинения Аристея «Аримаспия», сообщает и Геродот, обитали где-то в Восточном Казахстане и на Алтае в сакскую эпоху. Геродот полагал, что «Аримаспы» означает «одноглазые». По мнению, хотя и не общему, некоторых иранистов¹⁴, в этом имени следует видеть эллинизированный иранский термин, означающий «обладающие лошадьми пустынь». В эпоху саков мир индоевропейских и ираноязычных народов простирался на востоке до Западной Сибири и Центральной Азии, что зафиксировано лингвистическими данными, то есть совпадал с ареалами тех культур эпохи бронзы, о которых мы говорили в первой главе.

Вклад скифо-сакских народов в историю континента был очень велик. По последним данным, скифы сыграли роль в этногенезе славян, саки – в этногенезе казахов, киргизов, может быть огузов, туркмен, якутов, таджиков и афганцев. Значение сакских компонентов во всех этно-культурных процессах, сопутствующих становлению таких государств, как Мидия, греко-бактрийское царство - было достаточно заметным.

Скифо-сибирский «звериный» стиль, в сложении которого при всей его сложности и запутанности основную роль сыграли племена саков, стал ярчайшим явлением в истории искусств человечества.

В собраниях «скифского золота», среди произведений, демонстрирующих ювелирную технику и художественные приемы греческих мастеров, есть вещи настолько своеобразные, что от античных имитаций «под скифов» их отделит и неискушенный зритель. Это образцы искусства саков.

Собранные сначала в частных коллекциях, затем попавшие в Сибирскую коллекцию Петровской кунсткамеры¹⁵ и в Эрмитаж, они были добыты «бугровщиками», опустошавшими «чуждые могилы» в Западной Сибири в ХУП-ХІХ вв. вещи разрознены, их археологическое определение (датировка, атрибуция) затруднительно. В то же время многие из них самобытны, едины по художественно-стилистическим признакам. Они сближаются с единичными вещами из археологических раскопок и определяются как искусство ранних кочевников (саков, юечжей, савроматов, хунну). Своеобразие этого искусства – в оригинальной переработке в сторону экспрессивной орнаментальной деформации мотивов и приемов художественной трактовки, в разное время перенятых из передней Азии (Вавилон, Ассирия, ахменидский Иран). Впрочем, «стиль цитат» у саков, по сути дела, совершенно новое искусство. Репертуар зооморфных мотивов, пополненный местными сакскими, был связан с тенденцией к неизобразительной стилизации, которая представляет важнейший эволюционный фактор в истории звериного стиля. Абстрактные, аиконические орнаменты характерны, например, для гуннского полихромного стиля, а еще позднее – для декоративно-прикладного искусства средневековых и современных народов Азии. Но сходство (или родство?) этих поздних орнаментальных комплексов и звериного стиля – только в общих принципах декоративного освоения заданной формы утилитарного предмета, в использовании приемов аппликации и инкрустации. Элементы орнаментов у поздних кочевников – не упрощения натуралистических зооморфных изображений, как принято считать. Аиконические орнаменты, эстетически выявляющие тектонику предметов, известны с палеолита. Тогда они существовали с тотемическими звериными изображениями, наглядность которых определялась в «читаемом» коде, иконические знаки (основанные на сходстве с объектом) которого связаны с блоками обычных

мифологических эпитетов звериных образцов – символов социальных отношений. Звериные образцы в искусстве саков обычно считаются тотемическими, что неверно. «Скифский олень» и «скифская пантера» - это видоизменение в раннеклассовом обществе архаичной универсальной зооморфической классификации и эмблематики, нисходящей к тотемизму только в истоках. Говорить о тотемизме как о явлении, характеризующем стадию сознания саков, которые, видимо, уже в VI-III вв. до н.э. имели раннюю форму государственности и письменности, столь же неправильно, как неправомерны основанные на смутных легендах гипотезы о значительных пережитках патриархата у савроматов и массагетов. Как феномен сознания «звериный стиль», безусловно, был связан с мифологией и с магией, подчиненных у саков идеологии раннеклассового кочевого общества времени консолидации племенных союзов – «империй». Пока ранние предметы с декором, несущим признаки скифо-сибирского «звериного стиля», обнаружены в сакских комплексах VIII-VI вв. до н.э. (Аржан, Биже, Тагискен, Уйгарак)¹⁶. В эпоху поздней бронзы звериный стиль (но не скифо-сибирский!) в Евразии представлен памятниками карасукско-лиристанского круга. Они генетически связаны с искусством Ближнего Востока. Сложившийся позднее скифо-сибирский «звериный» стиль проявляется на вещах, которые у кочевников несли специальную символику: богатая сбруя, оружие, украшения – регалии и культовая утварь. Его относительно быстрое распространение на грандиозных просторах от Минусинской котловины до Малой Азии объясняется новыми социальными факторами: внутривосточными (резкая имущественная дифференциация, выделение военной знати, жречество, развитие культа священного вождя) и внешнеполитическими (усложнение структуры сакских конфедераций, состоящих из близких по хозяйственно-культурному типу, но, вероятно, этнически разнородных племен; появление этнических суперструктур). Все это породило потребность в эмблематике, отражающей социальную «концепцию», более широкую, чем родоплеменные традиции, для которых были пригодны символические системы неизобразительных знаков. Видимо, к VIII-VII вв до н.э. в Великом поясе степей такая ситуация установилась. По археологическим данным здесь в это время возникают большие этнокультурные общности, приблизительно соответствующие хозяйственным территориям

крупных союзных объединений. Имущественное и сословное разделение демонстрирует градация размеров и типов погребальных сооружений и богатство инвентаря. Судя по всему, происходит и производственная специализация, возможно, имевшая и этническую окраску. Появляется прокламативное искусство – потребность в регалиях, вполне сравнимое со средневековой геральдикой.

Одной из причин разнобоя в локализации сакских племен по сведениям источников является подвижность кочевья. Регион яйлажного скотоводства, включающий пояс северных предгорий Тянь-Шаня, Тарбагатая и Алтая, населяли племена одной конфедерации, известные персам как саки-тиграхауда (ортокарибантии Геродота). Орнаментация саков-тиграхауда стилистически единообразна и выделяется в особое «алтайско-семиреченское направление в скифо-сибирском искусстве. Стилистические признаки, тем самым, имеют значение и этнодифференцирующих. Необходимость адекватного прочтения зооморфных знаков у объединенных племен, в значительной мере, определила общие пути генезиса их «Звериного» стиля.

В скифологии были попытки объяснить загадку «скифского искусства» или с позиции «конвергентности» или с позиции «культурных заимствований». Они оказались бесплодными. Генезис стиля определяла совокупность факторов. Применение только формально-типологического анализа при выяснении развития стиля к настоящему времени привело к двум гипотезам, которые, однако, вовсе не альтернативны. Речь идет о «евразийской» и «переднеазиатской» гипотезах происхождения скифо-сакского искусства, названных по местоположению двух «генерирующих» зон. Аргументы в пользу той или иной основываются на относительной хронологии памятников, причем, соответствующие гипотетические «перемещения» племен либо «диффузия» мотивов стиля в историческом пространстве бывает похожа на шахматную партию, обреченную на ничью. Ни одна из версий не в состоянии объяснить причины «внезапного» появления «моды» на распространенные изображения «звериного» стиля (хищная пантера, конь, рогатый зверь, кошачий хищник), так как объясняется происхождение тех или иных мотивов, приемов трактовки, но не общественно-идеологические причины появления стиля.

У предсакских племен поздней бронзы были условия для появления зооморфической этносоциальной эмблематики, у них была

развитая технология, свои орнаментальные комплексы и навыки комбинаторики – приемов создания декоративной композиции. Но зооморфная изобразительность не была у них определяющей.

«Социальная конвенция» саков и их исторические связи с народами Передней Азии вызвали заимствование у последних готовых мотивов и иконографических приемов звериного стиля. В Передней Азии изображения животных процветали в культовой иконографии с IV тыс. до н.э., особенно в мобильном и монументальном искусстве оседло-земледельческих народов. Заимствованные компоненты (в ряде случаев иконографические «цитаты» воспроизводились неосознанно) сложились в новую знаковую систему кочевых «империй». Они, с одной стороны, побудили создание новых мотивов, с другой стороны, подверглись энергичной стилистической деформации, соответствующей эстетическим запросам степи: экспрессивная трактовка, иконические стилизации. Регалиями становились утилитарные предметы. Наглядные зооморфные орнаменты, которые вместе с вещами включались в переживаемые обществом ситуации, отражали ряд фундаментальных представлений мифологического мировоззрения о тождестве элементов Космоса и общества. Триада звериных образов (птица-копытное животное – хищник), которой оперировали уже раннесакские художники, предназначалась для выражения идеи тождества устройства мира и общества. Это сакрализовало вещь, способствуя, по магической логике, ее функциональности. Военная знать, вожди и жрецы – лица, олицетворяющие единство общества, а значит и сходства его устройства с Космосом, - и стали носителями звериных символов-космограмм. В народном искусстве преобладали традиционные «абстрактные» орнаменты.

Политическая стабильность сакских, савроматских скифских конфедераций в VII-III вв до н.э. обусловила расцвет звериного стиля, который тогда спокойно модифицировал, жадно усваивая волны зооморфной изобразительности из Передней Азии (индийская, ахеменидская, греко-бактрийская). Распад союзов позднее – в период великого переселения народов повлек за собой изменение «социальной конвенции», быстрое размывание былого искусства и воцарение в первые века н.э. полихромного стиля. Характерно, что в это время в Центральной и Средней Азии устанавливаются большие монархические государства с правителями из среды кочевников: Кушанская империя, Хорезм, Парфия, сарматские династии в

Боспоре, Скифия. Они имели пестрый этнический состав, государственную письменность и объединили в единую политическую структуру кочевников и земледельцев. Одежда и атрибуты всадников теперь осмысливались как церемониальное облачение, что сыграло роль при сложении школ антропоморфной скульптуры. Отголоски «звериного» стиля (круг заказчиков с централизацией власти еще более сузился) долго переживали в культовой иконографии и инвеститурной атрибутике. Они, в свою очередь, обогатили художественными средствами прокламативное и религиозное искусство, что привело к подлинным ренессансам в эпоху эллинизма и раннего средневековья.

Усилия былых кочевников-династов были переключены в сферу управления. В их государствах, возможно, существовала производственная специализация этносов. Поэтому прокламативное искусство теперь создавали подвластные горожане, может быть, и из числа осевших скотоводов. Традиционное декоративно-прикладное искусство кочевников теперь «возвратилось» к иконическим орнаментам.

Впрочем, эта линия или это искусство у них не прерывалось, кочевое общество при благоприятных условиях развития дает поразительные примеры неустойчивой взаимосвязи потенциально высоко прогрессивной политической структуры с очень статичным хозяйственным укладом. При нарушении этих условий происходит возрождение родо-племенных архаизмов, что приводит к появлению ошибочных концепций об извечной дикости и «варварстве» кочевников. Степь взрывоподобна. Городским цивилизациям она не раз передавала могучие импульсы культурных инноваций, хотя бы стимулируя освежающее разрушение отживших социально-экономических отношений. Сама же, словно, обессилев, «возвращалась к прошлому». Мгновения расцвета кочевой культуры – и кажущиеся извечными и неизменными патриархальные архаизмы...Европейской историографии, воспитанной на стереотипах классической античности, этот парадокс казался непостижимым¹⁷.

Раннее сакское искусство

В последнее время за период, когда существовал уже сложившийся «звериный» стиль саков, принимают VII-VIII вв. до н.э.

тогда уже существовал характерный набор мотивов, приемов трактовки и композиции, которые остались характерными для сакского искусства вплоть до его упадка на рубеже нашей эры¹⁸. Мотивы эти следующие: хищный зверь или так называемая «пантера» в клубке или в «скребущей позе», копытное животное (козел, кабан, олень, реже – лошадь), стоящие «на пуантах» или лежащие с подогнутыми ногами; хищная птица (гриф или ушастый грифон). Для трактовки изображений характерны приемы, выходящие к резьбе по дереву и кости (ксиллография) и к уплощенным рельефам древнего искусства Передней Азии. Экспрессивная деформация, уплотнение массы для заполнения заданных форм (излюбленным было S-образное построение фигуры). Композиции – фризы из повторяющихся раппортов, вертикальные регистры, геральдические пары и т.д. ювелирная техника в это время стала настолько разнообразной и изощренной, что можно с уверенностью сказать: в раннесакском искусстве сконцентрированы возможности для того расцвета «звериного» стиля, который произошел в IV – II вв. до н. э. и... для его упадка в первые века н.э.

Раннее сакское искусство представлено, в основном, бронзовыми изделиями (курганы Тагискен и Уйгарак, Тасмола, Биже, Аржан и др.), демонстрирующими тесные связи с мидийской (или касситской) торевтикой Луристана (бронзовые псалии и жезлы в «роскошном стиле»), украшениями из Зивийе в иранском Курдистане, Карасукской и ранней Тагарской культурами Западной, Южной Сибири и долины Енисея¹⁹, предметами искусства Китая эпохи Чжоу и в некоторых отношениях, с «досакским» пластом петроглифов Семиречья, Алтая и Монголии. Это по преимуществу литые вещи, сильно отличающиеся от плоскостных или низкорельефных изображений из драгоценных металлов.

Раннесакские золотые изделия известны из приаральских курганов (Тагискен и Уйгарак) - накладка на меч с фигурами «скребущих» пантер (VI – V вв до н.э.)²⁰. Изображения, по всей видимости, выдавлены на плоском золотом листе, который затем наклеивался на железе, и из Жалаулинского клада золотых предметов, в котором были так же ранние (7 в. до н. э.) стремечковидные удила: золотая пектораль, наборный пояс, бляшки в виде оленей, пантеры, архары²¹. Интересны обоймы у Центрального Казахстана с отлитыми с матрицы изображением четырех стоящих пантер. Стилистически они сближаются с рядом других изображений

«пантеры», найденных на территории от Китая и Монголии до Причерноморья²². Сжатое в клубок тело, гипертрофированная голова с круглым ухом и глазом, лапы и хвост, заканчивающиеся колечками, общая округлость контуров, эти обоймы можно датировать VI – V вв. до н.э.

Большой комплекс золотых украшений обнаружен С.С. Черниковым при раскопках богатых курганов VI–V вв. до н.э. в Чиликтинской долине (Восточный Казахстан). Они представляют собой элементы декора одежды и оружия.

Чиликтинские находки поражают разнообразием ювелирной техники. Большинство изображений – это золотые аппликации, мастерски вырезанные из фольги (кабаны на пуантах, ромбовидные бляшки). Они наклеивались на ткань и на дерево. Изображения кабанов имеют разные размеры, но все трактованы совершенно одинаково. Абрис предельно лаконичен и артистичен и напоминает некоторые изображения на скалах, выполненные в технике графитто, и даже палеолитические росписи. Из деталей переданы только треугольный клык и каплевидный глаз, условно прорезанные значками. Такая трактовка позднее станет «модой» в инкрустационном стиле позднесакского времени. В Чиликте унификация построения мотивов при разной величине изображений показывает существование в то время устоявшихся орнаментальных элементов, максимально выразительных и законченных, то есть кристаллизующих канона. И опять-таки позднее тиражирование приведет к размыванию художественного начала в противоречивом движении прикладного искусства: повторение без творческих усилий изобразительных схем привело их к деградации.

Замечательны рельефные бляхи в виде лежащего оленя из Чиликты, перекликающиеся с «оленными» камнями (трактовка рогов). Некоторые особенности этих оленей были восприняты саками из передней Азии уже в эпоху неолита. Поэтому ближневосточные заимствования удачно обрели благодатную почву для местного развития Золотого оленя – символа солнца и рождающейся и умирающей природы знал весь скифо-сакский мир. И повсеместно трактовка его рогов имитировала побеги древа жизни. Так и у чиликтинских оленей. Оленные бляшки так же наклеивались на основу. На них нет отверстий для пришивания. Интересно, что уши у оленей изготавливались отдельно и это было вызвано замыслом мастера. Внутри уха он вставлял камень или пасту, то есть

использовал его в качестве каста для инкрустации. Вообще, в Чиликте уже заметно стремление к многоцветью, к утверждению тех эстетических принципов, которые иногда называют экспрессионистскими. Здесь найдены бляхи, украшенные зернью, псевдозернью, инкрустациями, пуансонным орнаментом. Обнаружен мельчайший золотой бисер и крошечные сферические бляшки с микроскопическими петельками для пришивания. Мастерство древних ювелиров вызывает восхищение и недоумение. Создание чиликтинского бисера требовало много времени и утомительной кропотливой работы, огромных трудозатрат. Конечно, все эти усилия прилагались с целью возвеличить вождя, наряд и атрибуты которого должны были символизировать власть над всем обществом и каждым его членом. Впрочем, несомненно: такая ювелирная работа, преодоление сопротивления материала и иллюстрация миров доставляли мастерам такое же наслаждение, какое испытывал левша, когда он подковал блоху.

Мотивы пантеры в кольце и грифа, имеющиеся в чиликтинской коллекции, находят многочисленные аналогии в развитом скифском искусстве. Уникальным является изображение рыбы с плавниками, трактованными в виде каплевидных вставок – символа воды и плодородия. Может быть, этот мотив навеяли представления о мифических рыбах Кара и Васи, вошедших в Авесту (Видевдат XIII)²³. В целом, набор зооморфных символов из Чиликты хорошо согласуется с известным в разных мифологиях членением мира: птица – верх, небо; хищные и нехищные звери – середина, земля; рыба – низ, вода. С развитием государственности и идеологии у саков такая символика стала обслуживать власть, выражая лозунги «золотой ветви» всех монархий: мир – это царь.

«Звериный» стиль саков на вершине развития.

В свое время откровением были находки украшений конской сбруи, выложенные из кожи, войлока и дерева в курганах ранних кочевников Горного Алтая (Пазырык, Башадар, Туэқты)²⁴. Но погребения пазырыкских вождей были ограблены. Только раскопки в 1969-1970 гг. в Семиречье (50 км от Алма-Аты) кургана «Иссык», содержащего единственное нетронутое «царское» захоронение, показали, какие одежды носили вожди саков, позволили определить черты культа священного царя у кочевников древности. Иссыкский

вождь был похоронен в прямоугольной бревенчатой камере под курганом диаметром 60 м и высотой 6 м. По размерам курган относится к «царским»: градация насыпи соответствовала рангу погребенного. Объем кургана 8600 м³. для его возведения вручную понадобилось 3-4 тысячи человеко-дней. Сторонами камера ориентировалась по углам света. Воин лежал у северной стены, на спине, головой в сторону заката солнца на разостланном плаще, расшитом золотыми бляшками. Ему было около 15-18 лет.

Погребенный лежал в парадной или ритуальной одежде, обшитой сотнями золотых бляшек. На нем была тонкая, видимо, шелковая рубашка, а поверх нее – короткий камзол – имитация защитной катафракты²⁵. Камзол был сплошь обшит золотыми бляшками, штампованными в виде трилистника и тигриной головы. Подпоясан он тяжелым наборным поясом, состоящим из литых плакеток, изображающих фантастического коне-олене-грифона и лосиные головы. «Катафракта» была, скорее всего, символической, хотя золотые бляхи-трилистники имели бронзовую основу, реальной защитной функции одежда не имела. Зооморфные орнаменты и солнечное золото служили цели магической защиты со всех сторон. Одежда указывает на принадлежность к сословию воинов-всадников, из которых древние индо-иранцы и в том числе саки выбирали вождей. На голове был высокий конический кулах с языком, прикрывающим шею, и нащечными лопастями. Именно в таких стреловидных колпаках были знатные саки-тиграхауда («саки в островерхих шапках»), изображенные на рельефе лестницы в ападану Персеполя²⁶. Иссыкский кулах поражает сложной символической композицией на зооморфных и прочих изображениях. Вождь был одет в узкие замшевые брюки, которые заправлялись в высокие бескаблучные сапоги, обшитые золотыми бляшками в виде трилистника. Справа по портупее в красных деревянных ножнах висел меч рубящего действия – оружие конного боя; слева в ножнах с накладками в виде агонизирующего лося и лошади – железный кинжал. Навершие его, обтянутое золотой фольгой, выполнено в виде двух голов грифона, а кровосток – нервюра лезвия инкрустирован золотыми пластинками с изображением различных зверей: змей – у острия клинка, и далее – фигурки тигров, козлов, зайцев, кабанов, волков, ланей, лисиц и верблюдов, украшенные вставками сердолика, фаянса и шпинели. Конец ножен кинжала с помощью охватывающих

ремешков дополнительно крепился к бедру, чтобы оружие не било по ногам на скаку и чтобы его было удобно извлекать из ножен.

Типы оружия и позволяют датировать курган «Иссык» сакским временем IV-II вв. до н.э.²⁷. Оформление ножен напоминает чем-то греческую махайру – как на плакетках, украшавших ножны из батроса греко-бактрийского храма в Тахт-и Сангин (Таджикистан)²⁸. Инкрустация кровостока напоминает вырезанное из слоновой кости украшение ножен кинжала из юечжийских погребений Тилля-тепе (Афганистан). У левого плеча погребенного лежал жезл в виде древка с золотым наконечником и обернутая золотой лентой плеть. У головы была кожаная сумочка с позолоченным бронзовым зеркалом и красной охрой для ритуальной косметики. На шее у него была трехвитковая трубчатая гривна с наконечниками в виде тигриных голов; на пальцах правой руки – два перстня; один с зеркальным щитком, другой – с изображением человеческого профиля в радиальном венце. Скорее всего, это было воплощение мотива солярного божества, типа авестийского Митры. Культ Митры происходит из Средней Азии и сложился у восточных племен (в том числе и саков)²⁹. Митра как бог союза, гарант договора, вероятно, почитался вождями племенных объединений. Нужно заметить, что красный цвет (цвет одежды иссыкского вождя) и золото, почти универсального в древности, несли солярную символику, а у индо-иранцев соотносились с сословием воинов-кшатриев – элиты кочевого общества эпохи военной демократии.

Итак, под курганом «Иссык» был похоронен воин-всадник, вождь в церемониальной одежде. При всей роскоши обряда заметна уловка умышленного или вынужденного («золотой голод»?) камуфляжа. Полая трубчатая гривна, тонкие листы золота и фольга, покрывающие бронзовые и деревянные основы – так создавалась иллюзия большей массы затраченного драгоценного металла. Золото у саков, вероятно, имело аксиологическое значение.

При изготовлении золотых вещей использовалась разнообразная технология: штамповка, литье,ковка, гравировка, пайка, инкрустация пастой и самоцветами, раскраска, зернь, холодное золочение, полировка и т.д. фигурные бляхи вырезали из золотой фольги и пришивали либо наклеивали на красный фон (кожу, войлок), как аппликации. В массивных бляхах имеются аккуратные прорезы. Цвет материи играл, таким образом, инкрустирующую роль, подчеркивая оттенки благородного металла. Среди иссыкских изображений

преобладают выполненные в низком рельефе. К ним применим термин «форсированная графика»: иконографические детали (ребра, напряженные мускулы, глаза и т.п.), передавали гравировкой и пунсом – условными знаками («запятые», «скобками», «свалами», «точками», S-образными линиями), как на уплощенных рельефах и линейных изображениях Ассирии и Ахменидского Ирана³⁰. В Иссыке обнаружены золотые украшения, раскрашенные красной и черной красками. Это довольно необычно и вместе с инкрустациями намечает связи иссыкской орнаментации с художественным вкусом творцов инкрустационного и более позднего – полихромного стиля последних веков до н.э. – первых веков н.э. и творчеством Китая эпохи Хань. Интересно, что раскраска имеется и на литых предметах, например, на распределителях ремней привязи ножен кинжала. Распределители выполнены в виде свернувшейся в клубок пантеры. Красной краской заполненырезы, трактующие клыки, глаза, когти зверя.

При изображении зверей иссыкские мастера предпочитали выразительные линии профиля, которые подвергали экспрессивной орнаментальной деформации, для того, чтобы заполнить форму предметов звери либо изображены закрученными в кольцо, либо скомпонованы таким образом, что тело получило S-образный изгиб (компоновка в поворотной симметрии). Именно так переданы «огрызающиеся» тигры и тигрогрифоны на головном уборе: туловище словно перекручено и обе половины тела уравновешены. У лося и лошади на накладке ножен кинжала перекрученные, вывернутые крупы. Эти своеобразные изображения, связанные с подражаниями характерными для цилиндропечатей, древней месопотамской трактовке кошачьего хищника (льва), сражающегося с героем или божеством, передают агонизирующее животное. Однако, трактовка орнаментальна. Мастер не учел закона перспективного сокращения. Такая же ошибка допущена при трактовке изображений голов тигров. У зверей оказались неестественно скошенные глаза, сплюснутые носы, раздвоенные подбородки и растянутые в добродушной улыбке пасти. Мастер стремился передать образ чудовищно свирепого зверя, но строил изображение, не учитывая сокращения прямой перспективы, «развертывая» профиль тигриной головы в осевой симметрии 2 порядка. Композиционный прием осевой симметрии или геральдической развертки был излюбленным в искусстве саков Семиречья и Горного Алтая. Он развивался в технике

аппликации, прекрасно представленной в пазырыкском искусстве. Используемый при решении изобразительных задач, этот прием вызывал нарушения натуралистичности орнаментального характера. Он приводил к тому, что называют «стилизацией» в сакском искусстве. Круглая скульптура саков выглядит более реалистичной. Таковы изображения на сакскихсемиреченскихтриподах, жертвенных столах и курильницах. Как показал спектральный анализ, эти предметы отливались из меди, выплавленной из местной полиметаллической руды, для которой характерна примесь молибдена³¹. Изготовлением культовых атрибутов, некоторые из которых очень велики (Большой Семиреченский алтарь – 184 кг), занимались сакские племена, знакомые с земледелием. (отпечатки половы и зерен от примесей к литейным формам на стенках триподов). В «Иссыке» круглая скульптура представлена миниатюрной статуэткой архара, она венчает кулах, а также совмещенными протомами коне-птице-козлов и летящими птичками, гловками ушастых грифонов на вершиях кинжала и изображением цапли на серебряной ложке. Кроме «цапли» а архара, вся скульптура плакирована – бронзовая, деревянная или железная основа обтянута золотым листом. Мастерски выполнена инкрустация кинжала. В его кровосток по принципу конгруэнтной композиции вмонтированы золотые пластинки с изображением змей, зайцев, лис, волков, тигров, кабанов, козлов и сайгаков. Звери следуют друг за другом, переданы в так называемых «скребущихся» позах, что сближает декор кинжала с искусством савроматов Приуралья, в свою очередь испытавших влияние искусства кочевников Южной Сибири и Казахстана³². Видимо, перед нами заново переосмысленная саками композиция «гона зверей», характерная для переднеазиатского и античного искусства. Изображения так миниатюрны, что художник акцентировал видовые признаки зверей, гиперболизировал рога, глаза, копыта, когти. Для того, чтобы усилить орнаментальный ритм (регулярность) композиции и одновременно колористически подчеркнуть выпуклые части зверей, использована инкрустация сердоликом и пастой. Каплевидные вставки при помощи смолы наклеены в прорези на лопатках и крупах животных. Из самоцветов, помимо сердолика, (был и бисер, нашитый на головной убор) применяли также бирюзу. Цилиндрики и бусины этого голубого камня привешены к сережке, украшенной гроздьями зерни.

Композиционное построение в иссыкском декоре также орнаментально. При заполнении больших поверхностей (камзол, голенища сапог) использовался принцип орнаментальной сетки. Ритмическое чередование раппорта-бляшки и красного фона замши складывалось в ажурный узор.

Орнаменты, украшающие рукава, края пол и ворот камзола собраны в кольцевые фризы – изображение тигриной головы, размноженные в переносной симметрии.

Особенно сложен декор головного убора. Высокий конический кулах орнаментирован по трем вертикальным регистрам – кольцевым фризам. Нижний фриз составляет диадемовая пластина с растительным орнаментом (лепестки и почки). Выше нашиты изображения львиных голов и тигров (4 экз.), еще выше – фриз «золотые горы». На горах – деревья с птицами на вершинах. По сторонам каждого дерева – фигурки горных козлов. На диаметральных точках этого фриза помещены парные фигуры крылатых тигров (правая и левая). На уровне затылка – изображение тигра с вывернутым телом.

Все фигурки стягиваются к центральной эмблеме – ядру всей композиции головного убора. Это скульптурное изображение протом коне-птице-козлов и двух коней, из спин которых «вырастают» 4 золотые стрелы и 4 орлиных крыла, закрепленные на подставках в виде человеческой руки. Конструкция эмблемы, с одной стороны, очень напоминает некоторые луристанские бронзы и двудырчатые псаллии с зооморфными украшениями из пазырыкских курганов, с другой, – оформление блок-импостов капителий ахеменидских Суз и Персеполя³³. Протомы вырезаны из дерева и плакированы золотом. Некоторые детали, например, маховые перья крыльев изображены графически.

Композиция геральдичная. Комбинация или точнее конструкция отдельных раппортов (регулярность) напоминает развертки перднеазиатских цилиндропечатей, где были широко представлены мотивы древа жизни и рогатых зверей³⁴. Хотя регулярное построение в истоках может быть связано с орнаментами на керамике казахстанских племен эпохи бронзы (андроновская, алакульская, дандыбай-бегазинская культуры), вероятно, что при построении иссыкской композиции с ландшафтом подражали переднеазиатским (ассирийским, ахеменидским) формам. Массовое появление в искусстве ранних кочевников Южной Сибири, а от них – у народов

Китая периода Чжаньго, царств Чу, Цинь и Ранней Хань «пейзажных» изображений – прообразы популярного в китайской (даосской) живописи мотива Шань-шуй («горы-воды») - приходится на II – I вв. до н.э.

Ближайшие соответствия иссыкская комбинация на головном уборе находит среди корон сарматов, сако-юэчжийских династий государств Средней Азии (Бактрия, Хорезм, Парфия), в эмблематике сасанидского Ирана. Впечатляют параллели с коронами князей государства Силла и Кайя (Корея V – VI вв. н.э.)³⁵ – выходцев из Манчжурии и Алтая и, особенно, в мельчайших деталях с убранством ранних кушан из погребений, открытых на городище Тилля-тепе в Афганистане (В.И. Сарияниди³⁶) Правящий род кушанов, скорее всего, был сакским по своему происхождению. Анализируя искусство Тилля-тепе, которое он считал отражающим вкусы юэчжей, В.И. Сарияниди заявил: «...эстетические запросы первых юэчжийских правителей еще далеки от общего уровня тогдашнего цивилизованного мира». Это мнение представляется, если не неверным, то, во всяком случае, не лишенным того снисходительного отношения, которым полны большинство оценок кочевнического искусства, начиная с античной и кончая европейской историографии. Не синкретический, а чисто сакский комплекс «Иссыка» демонстрирует зрелое своеобразное искусство, достойное величайшей оценки, причем, «Иссык» - это явление для Семиречья не уникальное. Во многих других курганах могильников Иссыкский, Талгарский и др. в большинстве своем разграбленных, найдены отдельные золотые вещи, иногда повторяющие иссыкские³⁷, иногда дополняющие наше представление об искусстве семиреченских саков новыми данными. Таковы, прежде всего, многочисленные серьги, крученые из золотой проволоки с подвесками из гроздьев зерни, цилиндров, бусин из пасты, бирюзы, сердолика и халцедонов; булавка с навершием в виде тигрогрифона в позе агонии; железная пряжка, плакированная золотой пластиной с бактрийской плетенкой, составляющей свастику... - все эти предметы найдены в богатых «царских» погребениях.

В кургане «Иссык» комбинации на короне-кулахе царя означали его власть над космосом, причем сам «Золотой человек», видимо, отождествлялся с солнечным богом-воином и исполнял жреческие функции³⁸. Обладание священным золотом было, как сообщает Геродот (IV, 5-7), привилегией скифских царей. Подобные сведения

можно извлечь и из многих других источников, касающихся как индоевропейских, так и неиндоевропейских народов. Поэтому, не слишком оригинальный эпитет «золотой» применяемый для характеристики человека, похороненного под курганом «Иссык», оказывается вполне уместным. «Золотым человеком» в Рамаяне именуют солнечного героя Каму, в осетинских «нартах» - солнечного Созырыко³⁹, а в киргизском Манасе – Семетея.

Золотые одежды сакских вождей и жрецов символизировали приобретение власти от солнца.

Инкрустационный стиль позднесакского или «хунно-сарматского» времени

В III – II вв. до н.э. в «зверином» стиле произошли настолько существенные изменения, что для характеристики искусства кочевников эпохи эллинизма (хунно-сарматское время - по устоявшейся периодизации истории) имеет смысл применять особый термин. Инкрустационный стиль хунно-сарматского времени был явлением, знаменующим расцвет полихромии и, одновременно, упадок фигуративного начала. Отшлифованные в виде кобашона цветные инкрустации (паста, бирюза, реже – красные камни), которые в «зверином» стиле играли изобразительную роль и применялись достаточно умеренно и тактично, постепенно стали самоцелью. В пестроте вставок растворялись фигуры зверей, трактованные настолько орнаментально, настолько стилизованные или схематизированные, что образ распознавался с трудом. Это открывало простор для дальнейшей неизобразительной стилизации. В это время расцветают геометрические и растительные орнаменты. Жесткая символическая структура сакского декора, отражавшая генетически непрерывное развитие идеологии, распалась. Время зари Великого переселения народов разрушило системные связи между народами. История и передвижения народов ускорились и усложнились. Центральная Азия выплескивала новые этносы (хунну, юэчжи, динлины, усунь). «Золотой век» саков кончался, началось смутное время. Ситуацию отразило изобразительное искусство. Видимо, содержание его было сведено к общим идеям, к символу схоластического характера. В то же время распространились так называемые «жанровые композиции с ландшафтом»,

иллюстрирующие эпосы, а не мифы. Многие подобные произведения собраны в скифской коллекции Петра I.

Среди казахстанского золота в инкрустационном стиле выполнены вещи из трех комплексов, в общем датируемых в пределах III -I вв. до н.э.: убранство погребенного под курганом «Тенлик» (III – II вв. до н.э.), два браслета из местности Дуздак Кармакчинского района Кзыл-Ординской области и украшения жрицы из урочища Каргалы в Семиречье (II – I вв. до н.э.)

В комплексе «Тенлик» преобладают растительные орнаменты (трилистники, розетки, бутоны лотоса, вьющаяся лоза), вырезанные из тонкой фольги либо отлитые с матрицы. На бляшках имеются отверстия для пришивания на материю. Растительные орнаменты, вероятно, составляли фризы. Особенно интересен мотив «вьющейся лозы» с цветами, находящий точные аналогии среди орнаментов эллинизированного искусства – греко-бактрийского, индо-греческого, парфянского. Большинство других мотивов из «Тенлика» имеют параллели также в эллинистическом искусстве Средней Азии, а еще – в орнаменте памятников из алтайских курганов Берель, Шибе, Катанды, по последним данным, синхронным Пазырыкским⁴⁰. Некоторые изделия сближаются с иссыкскими, особенно раскрашенные черной и красной краской.

Самая интересная находка в «Тенлике» - это серия трапезиевидных блях, украшавших, скорее всего, одежду, с изображенным внутри рамки всадником. Всадник одет в сакский костюм и мягкий кулах, за спиной развивается плащ. У коня подогнуты ноги, постриженная грива с султанчиком. Изображена узда, ремни оголовья, псалии и фолар⁴¹. Истоки мотива всадника не выяснены. Изображения известны на ближнем Востоке и в Малой Азии – с конца II тыс. до н.э. стилистически тенликские бляхи перекликаются с изображениями в греко-бактрийском искусстве, из Сибирской коллекции и Пазырыка - жанровые композиции с ландшафтом. Последние будет правильным назвать повествовательно-сюжетными композициями, т.к. такие памятники искусства малых форм древних кочевников Западной Сибири, Монголии, Ордоса и Казахстана, несомненно, оказали влияние, с одной стороны, на сложение блестящего монументального искусства Согда в период раннего средневековья (живопись), а с другой – монументальное искусство, живопись и ксилографию. Китая эпохи Тан и Кореи (Когурё, 4-6 вв.)⁴². Все они, возможно, восходят к

фракийскому и греко-фракийскому искусству, где мотив известен с V в. до н.э.⁴³. Основное же распространение мотива всадника в Центральной Азии приходится на позднеэллинистическое время (монетный чекан Бактрии, Согда, Хорезма, Крорайны, коропластика и живопись Хотана, сасанидское прокламативное искусство), причем везде с ним связывался культ обожествленного героя или божества вроде Митры. В Иране от сасанидов⁴⁴ мотив перешел в искусство мусульманского ренессанса и дожил до наших дней.

Тенлик демонстрирует мощное влияние в II - I вв. до н.э. на саков эллинистического искусства.

Дуздакские браслеты могут быть одновременны Тенлику. Один из них, литой, сформирован в виде волчьего грифона, неестественно вытянутого, с гирляндой грифовых головок на спине. Этот браслет имеет очень близкие аналогии с предметами в Аму-Дарьинском кладе, в комплексе Тилля-тепе из северного Афганистана⁴⁵ и в Сибирской коллекции и хорошо датируется временем не ранее III в. до н.э. второй браслет – разъемный, с шарниром, имеет изображения двух лошадей с перекрученными телами и с инкрустацией в круглых и треугольных вставках. Такая манера трактовки также известна по памятникам Сибирской коллекции (вещи хунно-сарматского времени), среди отдельных находок раннекушанского времени из Афганистана.

Самый примечательный комплекс вещей в инкрустационном стиле найден в ущелье Каргалы под Алма-Атой в 1939 году (урочище Мынг-Ошакты, высота 2300 м над уровнем моря). Памятник многократно публиковался и интерпретировался у нас и за рубежом, поэтому нет смысла давать его подробное описание. Пожалуй, единственным серьезным исследованием Каргалинского комплекса является статья А.Н. Бернштама, датировавшего находку I – III вв. н.э., по аналогии с ханьским искусством из коллекции Лу⁴⁶. А. Н. Бернштам считал, что в Каргалы было открыто погребение усуньской шаманки и объяснил значение изображений на основе тюркско-монгольской мифологии и эпоса⁴⁷. По его мнению, в оформлении так называемой «каргалинской диадемы» налицо санкретическое сочетание местного ханьского и греко-бактрийского художественных направлений, что определяло специфику искусства усуней, тесно связанных с Китаем и со Средней Азией. Прочтение символов Каргалы на основании тюрко-монгольской мифологии само по себе интересно, но в статье А.Н. Бернштама оно преследовало цель

подкрепить гипотезу о тюркоязычии усуней, которая пока не имеет убедительных доказательств. Усуни, в смысле того народа, который знали китайские хроники, - выходцы из района Ганьсу. В Семиречье, никогда не составляли основного населения. Во всяком случае, до рубежа н.э. Как увидим, каргалинское погребение можно значительно удревнить. Ту же композицию на диадеме можно объяснить, как отражающую даосские верования, или античные мифы распространенные в Бактрии (Е.Е. Кузьмина), либо иранскую мифологию. В то же время нельзя исключать влияния на кочевников и даосского символизма – для юечжей, усуней, хуннов и древних тюрков оно представляется совершенно очевидным⁴⁸.

Каргалинские изделия четко разделяются на две группы, соответствующие двум разным изобразительным традициям. Первая – наиболее представительная – «сакская» или, может быть, юечжийская или усуньская: перстни с фигурками лежащих верблюдов и серьга с изображением человека, на которого напал кабан (а не мышь, как считал А.Н. Бернштам), трактованные в инкрустационном стиле и украшенные вставками бирюзы; бляшки в виде крылатых козлов, фигурные плакетки и т.д., находящие параллели в развитом сакском искусстве, но особенно среди композиций с ландшафтом (повествовательно-сюжетных композиций) из Сибирской коллекции, коллекции Лу и Ордоса; среди отдельных вещей из Приаралья. Каргалинская диадема (сохранились две ее части, а центральная была утеряна) выполнена в сложившихся традициях искусства царства Чу и раннего ханьского искусства, то есть, в не всякого сомнения, китайским мастером, м. б. Действительно происходившим из царства Чу. Для искусства Китая периодов Чжаньго (477-222 гг. до н. э.) и Западной Хань (206 г. до н. э. – 8 г. н. э.) было характерно использование мотивов и приемов и кочевнического и эллинистического греко-бактрийского и парфянского искусств, которые, как это показывали Ростовцев, Карлгрен и Лауфер, оказали сильное влияние на творчество китайцев⁴⁹. Поэтому на диадеме встречаются изображения похожие на сакские (тигрогрифоны, козел), бактрийские (Пегас, утка-огарь или аист), но они соседствуют с китайскими (дракон, облачная лента, алтарь в виде мировой горы Кунлунь или мифических островов Пэнлай, единорог Цилин) и хунно-сарматским приемом инкрустации (вставки альмандина, пасты и бирюзы). Крылатые демоны, изображенные на диадеме, это не тенгрии тюрков, не

дионисийские менады греко-бактрийцев, как считает Е.Е. Кузьмина, а точное воспроизведение уже сложившегося в период «Борющихся царств» (Чжаньго), во времена царства Чу, происхождение которого связывают с Сибирью⁵⁰, династий Цинь и Западная Хань канона даосских святых «сян»⁵¹, вкушающих бессмертие в виде гриба линчжи у дворца богини Сиванму на мировой горе Куньлунь⁵². Другое дело, как объясняли смысл импортной композиции ее владельцы, может быть, ираноязычные еочжи, саки или усуни. Изображения крылатых демонов они могли принимать за пери или дэвовских колдунов.

Композиция имеет аналогии в более раннее время, чем I – III вв. н.э. – во II – I вв. до н.э. (Сибирская коллекция, находки в Таксиле⁵³, греко-бактрийский (?) импорт в сарматских погребениях на Дону) и, самое главное, в сюжетах т.н. погребальных знамен с даосской символикой (Красная Шелковица, богини Сиванму и Нюйва, аисты, Красный Ворон, крылатый тигр Байху, небесный дракон Тяньлун, феникс Фынхуан, гриб бессмертия Линчжи, единорог Цилян)⁵⁴, происходящих из древнекитайского царства Чу, завоеванного впоследствии империей Цинь⁵⁵. В совокупности весь комплекс вполне может быть датирован более ранним временем.

Инкрустационный стиль, развитие которого в значительной мере было стимулировано центральноазиатскими связями саков, подготовил не столько формальную, сколько духовную почву для принятия населением Казахстана полихромного стиля гуннской эпохи.

Полихромный стиль гуннской эпохи

«Владетельный Дом Кан есть отрасль кангюйского дома... владетель знает волосы, носит золотой венец с семью дорогими камнями»
(*Бейши, цзюань 97*)⁵⁶

В III–VII вв/ н.э. в искусстве народов Казахстана получил распространение полихромный стиль. Памятники этого искусства открыты на огромной территории Евразии – от Алтая до южнорусских степей и на территории таких стран мира, как Венгрия, Болгария, Румыния, Польша, Югославия, Чехословакия, Германия, Италия, Литва.

Распространение этого искусства на запад, до Центральной Европы, объясняют передвижением гуннов Великой степи⁵⁷ (под этим именем понимался складывающийся в суперэтнос пестрый этнический массив, начавший свое движение из Центральной и Восточной Азии), сарматов, роксаланов, аланов, ассов, готов. Полихромный стиль претерпел изменение в Центральной Европе, дав рождение европейскому ювелирному стилю. В связи с тем, что это искусство было «в моде» у ранних народов, целесообразнее его называть не гуннским полихромным стилем, а полихромным стилем гуннской эпохи. Видимо, не случайно утверждение полихромного стиля в Казахстане, Киргизии и Средней Азии совпало с первыми массовыми притоками прототюркских племен. Знаковая система «звериного стиля» к этому времени в значительной степени изжила себя, а технологические основания и тенденции развития орнамента у народов Казахстана позволили легко усвоить новые декоративные принципы.

В настоящее время существуют две гипотезы о местонахождении центра сложения полихромного стиля, причем, в любом случае признается сложность этого процесса и значительная роль в создании и распространении стиля племен гунно-сарматского круга. Согласно первой гипотезе, стиль сложился с пришествием в Северное Причерноморье (на Боспор) сарматов и гуннов, причем традиции их «звериного» стиля слились с позднеэллинистическим полихромным стилем и качествами раннеримского ювелирного искусства (М.И. Ростовцев, Л.А. Мацулевич, И.П. Засецкая, Я. Хармата, Й. Вернер и др.)⁵⁸. С другой стороны, А.Н. Бернштам обоснованно предполагал существование особого казахстанского очага полихромного стиля.

Примечательно, что в вопросе истории рождения полихромного стиля сложилась примерно та же ситуация, что и в изучении истоков скифо-сибирского звериного стиля: декоративные приемы отделки художественных изделий, подобные тем, что расцвели в полихромном стиле, существовали, по крайней мере, с II тысячелетия до н.э. и в Эгейском мире, и в Передней Азии, Казахстане и Сибири, но полихромный стиль «появляется словно бы внезапно» и в уже сложившемся виде. В раннем средневековье гуннский полихромный стиль «стал важным фактором формирования европейского декоративного стиля в торевтике. Следует ожидать, что аргументами в споре сторонников двух гипотез будут датировки вещей с юга

России и северо-восточных регионов Евразии. Пока же большинство их в совокупности датируется II–VI вв. н.э.

Полихромный стиль гуннской эпохи, по наблюдениям И. П. Засецкой⁵⁹, характеризуется следующими признаками (выделяются две группы изделий):

наличие предметов с цветными (красными, оранжевыми) вставками в напаянных гнездах – коробчатых кастах с орнаментами из зерни, филигранных поясков и т.д.;

вторая группа характеризуется отсутствием золотого фона и наличием вставок в напаянных перегородках.

К первой группе, в которой преобладают собственно «гуннские» традиции, относятся диадемы, колты, перстни, серьги, наконечники поясов, пряжки и другие предметы. Вторая группа – изделия с перегородчатой инкрустацией – это браслеты, пряжки, ножны и навершия мечей, зажимы удил отражает вкусы жителей Боспора. Однако техника перегородчатой инкрустации, скорее всего, наиболее распространена была именно на Востоке.

Думается, что Казахстан, Киргизия и Средняя Азия были мощным центром производства ювелирных изделий первой группы. Большинство находок южнорусских изделий расположены на пути кочевников с востока на запад. Как мы видим, в скифо-сакское время многие приемы инкрустационного стиля находят параллели в полихромном стиле. Конечно, в инкрустационном стиле предпочитались голубые вставки сердолика (клинок кинжала), красные вставки встречаются на Каргалинской диадеме, в раннекушанских погребениях из Тилля-тепе⁶⁰. Да и раскраска по золоту, крепление прорезных изделий на красном фоне, может считаться предтечей полихромного гуннского времени. Некоторые типы вещей полихромного стиля, в частности круглые бляшки с филигранным пояском, встречены в сакских памятниках (пронизи из кургана «Иссык»). Перегородчатые инкрустации так же известны в сакских памятниках: круглая бляшка в виде человеческой головы, инкрустированная разноцветными вставками из кургана Талгарского могильника (точные аналогии есть в Тилля-тепе II–I вв. до н.э.); материалы из большого усуньского кургана, раскопанного у г. Астана в СУАР (явно импортный перстень с альмандином⁶¹); серьга в виде двух соколов из могильника Сары-Джон в Киргизии⁶².

Количество изделий в полихромном стиле, происходящих с территории Казахстана, с каждым годом все увеличивается и в

настоящее время приближается к числу находок у Причерноморья. Помимо импортных изделий в полихромном стиле, найденных в могильнике сарматов у Лебедевки (Уральская область), большие комплексы происходят из погребения у с. Щучьего (р-н оз. Боровое), случайно открытого в 1928 году и описанного А.Н. Бернштамом; из погребенья в ур. Кара-Агач Акмолинского уезда (1904 г.); у озера Батырь; из раскопок в Центральном Казахстане (Канаттас); в Южном Казахстане (городище Кзыл-Кайнар-Тобе, раскопки Мерщикова; некрополи городищ Алтын-Асар и Кок_Мардан, раскопанные Л.М. Левиной и Б. Нурмуханбетовым, находки А. Н. Подушкина в кангюйских (асских) катакомбах на Арыси); из Семиречья (усуньский мог. Актасы, раскопанный К.А. Акишевым в долине р. Кегень), Киргизии (мог. Торкен на Тянь-Шане; мог. Акчий-Карасу, Алмалуу, ур. Кетмень-Тобе⁶³) и многие другие. Только колтов – типичнейших изделий полихромного стиля – в Казахстане и Киргизии найдено уже более двух десятков.

Рождение полихромного стиля было сложным явлением, и, что интересно, отражавшим те же закономерности, что и рождение искусства саков.

«Звериный» стиль возник в результате переработки переднеазиатских и досакских традиций в период интенсивных контактов саков с народами Ближнего Востока и Средней Азии (владычество саков в Мидии и т.д.) Завершением его жизни был инкрустационный стиль, воцарившийся в начале Великого переселения племен сакского круга – в Среднюю Азию, северный Афганистан, сарматов – в Причерноморье. Однако, исчез стиль, но не искусство. В результате сако-юэчжийского «штурма Бактрии» возникло сако-греко-персо-индийское художественное «койне». Так раннее кушанское искусство поражает своей стилистической пестротой, особенно заметной на фоне устоявшихся, «строгих» канонов докушанского времени.

Затем «катализаторы» этнической истории континента появляются в Центральной Азии, причем, изменяется психологическая атмосфера, т.к. мигрируют прототюрки, иранцы и т.д. – «дванадесать языков», объединенных общим движением и взаимной симпатией. Корни их культур были разными, интеграция в новой «гуннской» общности – зародыше суперэтнуса – тяжелой, но закономерной. В то время, когда они стали участвовать в этнополитической истории Средней Азии и Причерноморья, у них

утвердилось сознание общности – и возникло новое искусство, новая «осредненная» эмблематика. Сложение ее безусловно стимулировалось контактами со среднеазиатскими и эгейскими цивилизациями и, вероятно, с искусством Бактрии эпохи Кушанов⁶⁴.

Художественные изделия в полихромном стиле из Казахстана иллюстрируют эту модель.

Несомненно, импортные полихромные вещи обнаружены в сарматском могильнике Лебедевка, впервые открытым Багриковым, массовые раскопки которого были осуществлены М.Г. Мошковой и Б. Железчиковым⁶⁵. Здесь среди находок есть раннеримский импорт – стеклянные левантинские кубки (такое стекло через степи Центральной Азии и Сибири попадало в сокровищницы ванов династии Силла в Корею, погребения времени династии Тан во внутренней Монголии (КНР) и даже в Японию эры Тёнпё⁶⁶); бронзовые гидрии и потиры⁶⁷; несколько золотых круглых умбонов (?) с пунсонным орнаментом, имитирующим обрамление перлами или декоративных поясков в виде «веревочки», с растительным орнаментом и головками птиц и козлов, чеканенных и гравированных, может быть, ближневосточными мастерами. Найден золотой перстень, инкрустированный темно-вишневыми алмадинами, ограненными в форме кабашона, и вставленные в напаянные гнезда-касты, обрамленные шариками плавленной зерни. Перстень, вероятно, причерноморского (боспорского?) производства. Особый интерес представляют навершия рукояти меча из молочного халцедона, к которому при помощи гвоздиков крепится золотая бляха в виде полого умбона с кастами для инкрустации; и аналогичное по конструкции навершие, но с бляхой в виде «головы Селена», обрамленной перлами (причем, для инкрустации местный мастер вторично переделал эту импортную вещь (из Согда? Медальоны, обрамленные перлами едва ли не сакраментальная черта согдийского искусства) вещь, прорезав изображение). Такие навершия рукояток мечей пдалеки на север. Они в бывшей Пермской губернии. Мотив Селена и его производные, распространенные в Эгейском мире и в Северном Причерноморье⁶⁸ были хорошо знакомы позднему эллинистическому искусству Передней Азии и Средней Азии (Бактрия, Парфия, сасанидский Иран, Согд)⁶⁹, где мотив Силена (или Вакха) сближался с буддийскими мотивами «алчноного зверя» (тао-те_ и Киртимукха⁷⁰. Характерно, что для политики великих государств Востока (Парфия, Сасаниды) в это время обычным

явлением были захват и переселение римских пленных. Так 10 тыс. римлян были поселены парфянами в Мерве.

Особенно многочисленны полихромные вещи из погребения у оз. Боровое: бляхи, пуговицы, обкладки, наконечники, медальоны как с перегородчатыми инкрустациями, так и с инкрустациями в напаянных кастах, богато украшенных зернью. Камни (гранат, сердолик) обработаны в форме кабашона или плоской печатки и закреплялись в ячейке смолой.

Кара-Агачинская находка примечательна серебряной гривной в виде схематизированной головы рогатого дракона с круглыми вставками граната и орнаментом в виде треугольников и гроздьев плавленной зерни.

Семиреченские находки представлены серией серег и колтов – височных подвесок, лунниц, из которых особенно хороши актастинские колты с треугольными и круглыми вставками густых вишневых гранатов, с пирамидками зерни на веерообразно расходящихся трубочках. Они обнаружены в погребении знатной женщины «усуньского времени» в урочище Курайлы Кегеньского р-на Алма-Атинской области и являются лучшими образцами полихромных колтов гуннской эпохи⁷¹. Более скромные колты этого типа со вставками из цветной пасты найдены в одном из погребений мог. Кок-Мардан у одноименного городища кангюйского времени в Отрарском оазисе и в некрополях городищ группы Асар в Восточном Приаралье (Л. М. Левина)⁷². Здесь же обнаружены полихромные изделия из меди, со вставками из стекла и пасты, показывающие, что стиль оказал воздействие на развитие ювелирного творчества присырдарьинских раннесредневековых городов. Есть все основания считать, что были центры производства полихромных украшений. Такие найдены на городище Кзыл-Кайнар-Тобе: гривна, золотой шнур, серьги, навершие в виде птицы. В это же время в присырдарьинском регионе распространяется искусство изготовления гемм (инталия) из полудрагоценных камней. Изображения на них имеют зороастрийскую символику.

Несмотря на изменение социальной конвенции, полихромный стиль, особенно золотые изделия, сохранил солярную символику и отношение к кочевой элите. Характерно, что на одном колте из погребения близ станицы Верхне-Курмоярской Волгоградской области изображено древо жизни с сидящей на вершине птицей и парами козлов по сторонам⁷³. Этот мотив во все времена и

повсеместно устойчиво связывался с солнечным культом и идеей царской харизмы.

1. Ваханский язык. М., 1976.
2. Руденко С.И. Сибирская коллекция Петра I. - САИ, ДЗ-9, М.-Л., 1962.
3. Сатпаев К.И. Минеральные ресурсы Центрального Казахстана, - Производительные силы Центрального Казахстана, Алма-Ата, 1941 №1; Кузнецова Э.Ф., Тепловодская Т.М., Древняя металлургия и гончарство Центрального Казахстана, Алматы, Гылым, 1994.
4. Атхарваведа. Избранное, М.,1977, с. 3–56.
5. См. работы А.М. Тальгрена, С.П.Толстова, А.Н. Бернштама, Б.А. Литвинского, К.Ф.Смирнова, М. Бойс, К.А. Акишева, А.К.Акишева и мн. других. Сводка приведена в: Н.Л.Членова. Археологические материалы к вопросу об индоиранцах. - III Всесоюзная конференция «Искусство и археология Ирана и его связь с искусством народов СССР с древнейших времен». Тезисы докладов, М., 1979, с. 92–94.
6. Зайберт В.Ф. Энеолит Урало-Иртышского междуречья. Петропавловск, 1993, гл. IV.
7. Bailey H.W. Saka of Khotan and Wakhan. - «Pratidanam. Indian, Iranian and Indo-European Studies, presented to F.V.J. Kuiper». Den-Haag-Paris, 1968.
8. Смирнов К.Ф., Кузьмина Е.Е. Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. М.,1978
9. Акишев К.А. Происхождение «звериного стиля» в изобразительном искусстве саков // Маргулановские чтения. Сборник материалов конференции. М., 1992, с.4–9.
10. Novgorodova E. Alte Kunstder Mongolei, Leipzig, 1980, taf. s.131, 149, 152, 178; Монгол нутагдахьтуухсоёлындургал (Сэдэчилсэнлавлах). Улаанбаатар, 1999, III. Буганхөшөө.
11. Godar A. Umetnost Irana, Beograd, 1964, crt.73; Samolin W. Western Elements in the Art of Ch'u.- Early Chinese Art, Vol.1, NY,1 972, fig.3,6,7.
12. Акишев А.К. Идеология саков Семиречья. Краткие сообщения Института археологии АН СССР,154, М.,1978; его же. Искусство и мифология саков, Алма-Ата, 1984.
13. Пьянков И.В. Бактрийский гриф в античной литературе. История и культура народов Средней Азии, М.,1976, с.19
14. Herzfeld E. Zoroaster and His World, vol. I, II, Princeton, 1947, pp. 516-542; Pekkanen T., The First References to the Silk Road in Classical Literature. – Traces of the Central Asian Culture in the North, Helsinki, 1986, p.173-193.
15. Руденко С.И. Сибирская коллекция Петра I. - САИ, ДЗ-9, М.-Л., 1962.
16. Акишев К.А., Акишев А.К. Проблем хронологии раннего этапа сакской культуры. – Археологические памятники Казахстана, Алма-Ата, 1978, с. 38-63.
17. Подробнее см. К.А. Акишев. Курган Иссык. М.,1978; А. К. Акишев. Искусство и идеология саков Семиречья (по материалам кургана Иссык). Дисс.

канд. ист. наук. Алма-Ата, 1980; его же Новые художественные бронзовые изделия сакского времени. - Прошлое Казахстана по археологическим источникам. Алма-Ата, 1976, с. 183–196; А.К. Акишев. Сокровища Золотого ябгу. Очерки истории древних народов Центральной Азии (подготовлена к печати.).

^{18.} Акишев К.А., Акишев А.К. Проблема хронологии раннего этапа сакской культуры. Археологические памятники Казахстана. Алма-Ата, 1978, с.38–63.

^{19.} Членова Н.Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1967; ее же. Хронология памятников карасукской эпохи, М., 1972; Мартынов А.И. Тисульские курганы тагарской культуры, - Известия лаборатории археологических исследований. II. Кемерово, 1971; Мартынов А.И., Бобров В.В. Образ космического оленя в искусстве тагарской культуры. - «Бронзовый и железный век». МИС, вып.4. Новосибирск, 1974; Мартынов А.И., Мартынов Г.С., Кулемзин А.М. Шестаковские курганы. Кемерово. 1971; Завитухина М. П. Древнее искусство на Енисее. Скифское время. Публикация одной коллекции, Л., 1983.

^{20.} Артамонов М.И. Сокровища саков. М., 1973, илл.18.

^{21.} Комплекс Жалаулы был впервые описан нами на месте находки. См. Акишев А. К. Золото бугровщиков. – Памятники истории и культуры Казахстана. Алма-Ата, 1989. Тогда же была определена его синхронность материалам из Чиликты, которые можно, видимо, несколько удревить.

^{22.} Акишев А.К. Новые художественные бронзовые изделия. - Прошлое Казахстана по археологическим источникам. Алма-Ата, 1976.

^{23.} Pahlavi texts. Tr. by E. W. West, Pt. I. - SBE, vol. V, Delhi, 1965; The Vendidad, - The Zend-Avesta Tr. By Darmesteter J. SBE, vol. IV, Delhi – Varanasi – Patha, 1965

^{24.} Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. - М.-Л., 1960; Руденко С.И. Второй Пазырыкский курган. Л., 1948; Руденко С.И. Искусство Алтая и Передней Азии. М., 1961; Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. - М.-Л., 1953; Gryasnow M. Südsibirien. Archaeologia Mundi. Geuf, 1970; Самашев З. и др. Берел, Алматы, 2000, 56 с.

^{25.} Акишев А.К. Костюм «Золотого человека» и проблема катафрактария. - «Вооружение и военная история племен Сибири и Центральной Азии», Новосибирск, 1980.

^{26.} Root M.C. Sculptures and Sculptors at Persepolis. – The British Ist of Persian studies, L., 1983.

^{27.} Черников С.С. Загадка Золотого кургана. М., 1965.

^{28.} Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. Тахти Сангин – каменное городище. – Археологические работы в Таджикистане. XIX. 1979, Душанбе, 1985, с. 104-135, рис. 4.

^{29.} Акишев А.К. Сакский митраизм – религия народов Центральной Азии. Постановка проблемы. - «Тамыр». 2, Алматы, 2000.

^{30.} Barnett R.D. Assirische Palastreliefs, Prague, 1960.

^{31.} Копылов И.И. Из истории техники литейного дела в сакское время. - Уч. записки АГПИ им. Абая, XIV, Алма-Ата, 1957.

^{32.} Мошкова М.Г. Памятники прохоровской культуры. – САИ, Д 1-10, М., 1963.

^{33.} 7000 Ans D'art en Iran. Paris, 1961.

^{34.} Porada E. *Mesopotamian Art in Cylinder Seals of the Pierpont Morgan Library*, NY, 1947.

^{35.} Kim Chewon, Kim Woung, *The Art of Korea*, London, 1961; Kim Won-Yong *Art and Archeology of Ancient Korea*. The Taekwang Publishing Co., Seoul, 1986, pt. II.

^{36.} Датировка К.А. Акишева – VI-V вв. до н.э.; А.К. Акишева – конец IV-начало III вв. до н.э. См. К.А. Акишев. Курган «Иссык», А.К. Акишев. Искусство и идеология саков Семиречья (по материалам кургана Иссык). Автореф. Дисс. Канд. наук, Алма-Ата, 1980; его же Искусство и мифология саков, Алма-Ата, 1984; Akishev K.A., Akishev A. K., *Kazakistanosiamnykinsie*, Budapest, 1984.

^{37.} Сарияниди В.И. Золото безымянных царей. Курьер ЮНЕСКО. Январь 1980, с. 29-32; его же. Афганистан: сокровища безымянных царей. М., 1983; Sarianidi V. *DieKunstdesAltenAfganistan*, Leipzig 1986.

^{38.} Максимова А.Г. Еще один курган Иссыкского могильника. – *Археологические памятники Казахстана*. Алма-Ата, 1978, с. 192; ее же. Курганы близ Талгара. – *Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана*, Алма-Ата, 1980, с. 114-129.

^{39.} Дюмезиль Ж. *Осетинский эпос и мифология*. М., 1976.

^{40.} Акишев А.К. *Искусство и мифология саков*. Алма-Ата, 1984; его же. *АрдаВиразНамаг*. – *Степная цивилизация Восточной Евразии*, Астана, 2003.

^{41.} Баркова Л.Л. Курган Шибе и вопросы его датировки. *Археологический сборник Государственного Эрмитажа*. Л., 1978, вып. 19; Акишев А.К. *Сокровища Золотого Ябгу*. – «Caspian», L., 1999.

^{42.} Henckel C. *Koreanischewandmalerei in den gräbern der Kokurjō-periode (4.-6. jhr)*. – *MittelalterlichemalereiimOrient*, Halle, 1982, s. 99–118.

^{43.} Акишев К.А. Курган «Иссык», с. 77, табл. 40.

^{44.} См. *Renewal in the Middle East*. – In: *Empires besieged. TimeFrame AD 200-600*, Richmond, 1988, pp. 75-84 fig.

^{45.} Sarianidi V. *Die Kunst des AltenAfganistan*, Leipzig 1986.

^{46.} Артамонов М.И. *Сокровища саков*, илл. 182, с. 132; С.И. Руденко. *Культура населения Горного Алтая в скифское время*. М - Л., 1953, табл. ХСV.

^{47.} См. так же: Грязнов М.П. *Древнейшие памятники героического эпоса народов Южной Сибири*. - АСГЭ, 3, Л., 1961.

^{48.} См. например, Ching-lung Chen. *Chinese Symbolism Among the Huns (Separatum)*. pp. 62-70.

^{49.} Laufer B. *Chinese Pottery of the Han Dynasty*. Leiden, 1909; Rostovtzeff M. *The Animal Style in South Russia and China*. Princeton Monographs in Art and Archaeology, XIV, Leipzig - London, 1929; Bunker E. C. *The Steppe Connection*, San Francisco, pp. 70-76; idem. *Ancient Art of Central Asia, Mongolia and Siberia*. – P.R. S. Moorey et. al., *Ancient Bronzes, Ceramics and Seals*. Cat. Los Angeles. 1981, pp. 140-176.

^{50.} См. разбор теорий о происхождении Чу, роли культуры Чу в сложении даосизма (особенно цикл Куньлуня, Сиванму, Нюй-ва и Пань-гу), связи даосских представлений с индоарийскими циклами и шаманизмом Сибири и Центральной Азии: Торчинов Е.А. *Даологические исследования за рубежом*. – *Народы Азии и Африки*. 3. 1985, с. 153-164.

51. Лубо-Лесниченко Е. Древнекитайские шелковые ткани и вышивки V в. до н.э. - III в. н.э. в собрании Государственного Эрмитажа. Каталог. Л. 1961.
52. Рифтин Б.Л. От мифа к роману. Эволюция изображения персонажа в китайской литературе, М., 1979.
53. Marshall J. Taxila. An illustrated account of archaeological excavations carried out at Taxila under the orders of the government of India between the years of 913 and 1934 in three volumes. Cambridge University Press, 1951.
54. Сычев Л.П. Китайский декор как часть единой системы космологических символов. – ИС ГМИИВ, вып. IX, М., 1977.
55. Izutsu Toshihico. A Comparative Study of the Key Philosophical Concepts in Sufism and Taoism. – Studies in the Humanities and Social Relations. Vol. 10, Tokyo, 1976, pp. 5-24; Buck D.D. Three Han Dynasty tombs at Ma-wang-tui. – World Archaeology, vol. 7, #. 1, pp. 30-43.
56. Златковская Т.Д. Возникновение государства у фракийцев. М., 1971, с.227-228.
57. Haseloff G. Salin's Style I. – Medieval Archaeology. Journal of the Society for Medieval Archeology. Vol. 18, 1974, L., pp. 1-15; Shetelig H. The Origin of the Scandinavian Style of Ornament During the Migration Period. – Archaeologia, LXXVI (1927), 107 ff.
58. Бернштам А.Н. Золотая диадема из шаманского погребения на р. Каргалинке. Краткие сообщения Института истории материальной культуры, вып. 5, М., 1940.
59. Засецкая И.П. Золотые украшения гуннской эпохи, Л., 1975.
60. Sarianidi V. Die Kunst des Alten Afganistan, Leipzig 1986.
61. Debaine-Francfort C. Archeologie du Xinjiang des origines aux Han, - Paleorient, vol.15/1 1989; idem. Les Saka du Xinjiang avant les Han (206-220 ap. J.-C.): Critères d'identification. – Nomades et Sédentaires en Asie Centrale. Paris, 1990, pp. 81-95.
62. Кожамбердиев И. Искусство саков Тянь-Шаня. - Страницы истории и материальной культуры Киргизстана. Фрунзе. 1975. С. 175-180.
63. Кожамбердиев И. Основные этапы истории культуры Кетмень-Тюбе. - Сб. «Кетмень-Тюбе». Археология и история, Фрунзе, 1977; Памятники культуры и искусства Киргизии. Древность и средневековье. Л., 1983, илл. 108, 111, 133, 133а, 188-209 и др.
64. Ср. например, колт из Куркратских склепов (III-V вв. н. э.) в Таджикистане. – Древности Таджикистана, Душанбе, 1985, илл. 414 и кушанские серьги на илл.284, 270, 271, 273, 274, 314, 296, 297, 286, 285, 272, 322, 267, 268 (I-II вв. н. э.).
65. Экспедиционные отчеты за 1978 год. Архив отдела археологии ИИАЭ АН Каз. ССР. Отчеты археологической комиссии за 1902 год, СПб, 1903, с.126-127, рис.212-213.
66. The Shōsō-in Repository and Its Treasures. Токуо. 1981, fig. 60 (собрание музея в Нара) (на япон. языке); Kim Wong-Yong. Op. cit., fig. 9-38, p. 186-187 (стеклянный сосуд в виде ойнохой из погребения вана Нульчи. Умерв 458 г.); The Treasure of Inner Mongolia., Asatsu Inc., 1996, fig. 72-74 (на кит. яз.).
67. Эллинистическое или боспорское влияние могло так же отразиться в декоре и конструкции особых типов сакских бронзовых курильниц Семиречья в виде

круглого блюда с отогнутым бортиком на коническом или пирамидальном ажурном поддоне, напоминающих китайский тип курильниц Бошаньлу. См. например, Максимова М.И. Артюховский курган. Л., 1979. (Боспор, Ольвия и т.д.).

^{68.} См. Шелов Д.Б. Античный мир в Северном Причерноморье. М., 1956, рис. 63 (голова Силена), 69, 70 (Новочеркасская диадема и навершие в полихромном стиле); Кобылина М. М. Изображения восточных божеств в Северном Причерноморье в первые века н. э., М., 1978 (см. изображения Силена, Зевса-Аммона и Сераписа).

^{69.} Луконин В.Г. Культура сасанидского Ирана. М., 1969; Тревер К. В., Луконин В. Г. Сасанидское серебро. Художественная культура Ирана III-VIII веков. М., 1987; Пугаченкова Г.А. Образы юечжийцев и кангюйцев в искусстве Бактрии и Согда. – Античные и раннесредневековые древности Южного Узбекистана, Ташкент, 1989, с. 96-110; ее же. Халчаян. К проблеме художественной культуры Северной Бактрии. Ташкент, 1966; Мешкерис В.А. Терракоты Самаркандского музея. Каталог древних статуэток и других мелких скульптурных изделий из обожженной глины, хранящиеся в Республиканском музее истории культуры и искусства Уз. ССР, в г. Самарканде. Л., 1962; ее же. К постановке вопроса о согдийском стиле в искусстве раннего средневековья. – Памяти А. А. Семенова. Сб. статей. Душанбе, 1980, с. 208-227; Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И. История искусств Узбекистана. М., 1965; Belenizki A. M. *Mittelasiens Kunst der Sogden*, Leipzig, 1980.

^{70.} Тревер К.В. Памятники греко-бактрийского искусства. М.-Л., 1940.

^{71.} Акишев К.А., Акишев А.К. Древнее золото, Изд-во «Дидар», Алматы, 1998.

^{72.} Подушкин А.Н. Арысская культура Южного Казахстана (IV в. до н.э. – VI в. н.э.), Туркестан, 2000, илл. С. 97,125; Левина Л. М., Никитин А. Б. Иранские резные камни из Восточного Приаралья. – Культура Востока: проблемы и памятники. С. –П., 1992; ее же. Этнокультурная история Восточного Приаралья (I тыс. л. до н. э. – I тыс. л. н. э.), М., 1994.

^{73.} Козырев А. Раскопки кургана в урочище Кара-Агач Акмолинского уезда. Известия археологической комиссии. Спб, 1905, вып.16; Бернштам А.Н. Находки у озера Борового в Казахстане. Сб. Музея антропологии и этнографии. Л., 1949, т.13; Кетмень-Тобе. Археология и история. Фрунзе, 1977; История Киргизии, Фрунзе, 1968, с.84; М.К. Кадырбаев. Памятники ранних кочевников Центрального Казахстана. Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР, т.7, Алма-Ата, 1959, с.193-196, рис.27; И.П. Засецкая. Золотые украшения гуннской эпохи. Л., 1975; J. Werner. *Beitrage zur Archeologie des Atilla – Reiches*, Bd.A, B, München, 1956; G. Annibaldi, *Ascoli Piceno (Marche), "Germania"*, 41, 1963, 2, s. 356-373.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АГПИ – Алма-Атинский государственный педагогический институт

АН – Академия наук

ГАИМК – Государственная академия истории материальной культуры

ГИМ – Государственный исторический музей

ИГАИМК – Известия Государственной академии истории материальной культуры

ИИАЭ – Институт истории, археологии и этнографии

КСИИМК – Краткие сообщения института истории материальной культуры

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР

РАН – Российская академия наук

РГО – Русское географическое общество

СА – Советская археология

САГУ – Среднеазиатский государственный университет

ХАЭЭ – Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция

ЮТАКЭ – Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция

СОДЕРЖАНИЕ

Сыдыков Е.Б. «Золотой воин» археологии	4
Садыков Т.С. Абыз аға! (Қазақтың біртуар азаматы, ел тарихын әлемге танытқан атақты археолог К.Ақышевтың 95 жылдық тойына орай ой-толғам).....	10
Археологические работы 1956 года (в соавт. Е.И. Агеева) (Известия АН КазССР. Сер.ист.арх. и этногр. – 1958. – Вып.1(6). – С. 83–94.)	12
Археология в Казахстане за Советский период (СА. – 1967. – №4. – С. 62–78.)	28
Новое в Средневековой археологии Южного Казахстана (в соавт. К.М. Байпаков, Л.Б. Ерзакович) (Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1969. – С. 5–42.)	55
К проблеме происхождения номадизма в аридной зоне древнего Казахстана (Поиски и раскопки в Казахстане. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1972. – С. 31–46.)	87
Саки азиатские и скифы европейские (Археологические исследования в Казахстане. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1973. – С. 43–58.)	104
Курган «Иссык» (предварительные итоги раскопок) (В глубь веков. Археологический сборник. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1974. – С. 61–77.)	122
Успехи археологии Казахстана (Известия АН КазССР. Сер. общ. наук.– 1974. – №2 – С. 23–35.) ...	138
Перспективы изучения позднесредневековых городов Казахстана (Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии: Мат-лы Всесоюзного совещания / Под ред. Б.А. Тулепбаева. – Алма-Ата: Наука, 1983. – С. 5–11.)	154
Экономика и общественный строй Южного Казахстана и Северной Киргизии в эпоху саков и усуней (v в. до н.э. – v в. н.э.). Научный доклад, представленный в качестве диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. Москва: Институт археологии АН СССР, 1986. – 49 с.	162
Средневековые каменные крепости Казахстана (Международная ассоциация по изучению культур Центральной Азии. Информационный бюллетень ЮНЕСКО. Спец. выпуск. – М., 1987. – С. 85-88.).....	199

Древние кочевники и мировая цивилизация: гене́зис, проблемы, перспективы	203
(Вестник АН КазССР. – 1991. – № 10. – С. 3-10.).....	
Феномен элитарных курганов северного Тянь-Шаня	
(Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху. Материалы заседаний «круглого стола» 22-24 декабря 1994 г. Санкт-Петербург). – СПб: Фонд фундаментальных исследований РАН (проект «Скифо-Сибирика»), 1994. – С.8-11.).....	214
Саки Жетысу: социум и культура	
(в соавт. А.К. Акишев)	
(Новости археологии. – Туркестан, 1997. – №1. – С. 30-37.).....	218
Золотое искусство	
(Каспий. – 1998. – №2.).....	230
Восточная Евразия – взгляд сквозь века	
(Идеи и реальность Евразийства. – Алматы, 1999. – С. 107-113.)....	241
Археологические ориентиры прогнозирования древних обществ степной Евразии	
(Комплексные общества Центральной Евразии в III-I тыс. до н.э. Материалы Международной конференции 25 августа – 2 сентября 1999 года. – Челябинск-Аркаим, 1999. – С. 55–59.).....	249
Древняя Сары-Арка и степная цивилизация	
(Музеи Казахстана. – 2003. – №1. – С. 15–18.).....	252
К проблеме Средневековой городской культуры Сары-Арки	
(Степной край Евразии: историко-культурные взаимодействия и современность: Междунар. Евразийский форум: Тезисы докл. и сообщ. III науч. конф. (Астана, 2003 г.) / Под ред. А.П. Толочко; Евразийский ун-т им. Л.Н. Гумилева; Омск. гос. ун-т; Томск. гос. ун-т. – Астана, Омск, Томск, 2003. – С.10-13.).....	260
Семиотика планиграфии культовых памятников Восточной Евразии	
(в соавт. М.К. Хабдулина) (История и археология Семиречья. Вып. 3. Сборник статей и публикаций. – Алматы, 2007. – С. 74-77.).....	266
Ювелирное искусство Древнего Казахстана	
(в соавт. Акишев А.К.).....	271

К.А. Акишев
Научное наследие
Выпуск I

Бумага офсетная.
Тираж 100 экз. Заказ № 15275

Типография ЕНУ им. Л.Н.Гумилева
г. Астана, ул. Кажымукана, 13/1